
Россия, Русь! Храни себя, храни!

10
2014

Союз писателей России

**Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал**

Основан в 1922 году

В НОМЕРЕ:

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Константин СИВКОВ. Выводить в расход	3
Виталий БОНДАРЕНКО. «Украинство» как психологическое явление	11
Алексей ЧИЧКИН. Крым: стратегические ресурсы для всей страны	130
Юрий МАРКОВ. Современная Россия перед выбором	136
Эмма МЕНЬШИКОВА. Провинция Отечества. Очерки русской жизни. Продолжение	193

ПРОЗА

Александр ПОЛЯКОВ. Как далеко до завтрашнего дня. Повесть. Окончание	35
Виктор ПРОНИН. Багульник. Рассказ	158
Нина БОЙКО. Митино счастье. Рассказ	180
Татьяна ГРИБАНОВА. Короткие рассказы	211
Геннадий ПЕТЕЛИН. Чернобыль. Рассказ	230

ПОЭЗИЯ

Стихи лауреатов Всероссийского поэтического конкурса им. Сергея Есенина:

Виктор КИРЮШИН. Созвездия плывут над головой	118
Геннадий МОРОЗОВ. На окских откосах. Стихи	122
Александр ТИХОНОВ. Всё та же Русь	126

РУССКИЙ ВОПРОС

Евгений АЛТУХОВ. Раковая опухоль русского мира	238
Георгий СИДОРОВ. Об этнической войне в России	244

СУММА ТЕХНОЛОГИЙ

Иван ЛЕОНОВ. Под прикрытием операции «Майдан» ...	252
---	-----

ДОСЬЕ МГ

Андрей АНТОНОВ. Сионофашисты и их пособники	262
---	-----

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Владимир ПЕТРОВ. «Завет предвечного храня...» К 200-летию М.Ю. Лермонтова	273
Валерий ХАТЮШИН. Отрицательная литература	281

Константин СИВКОВ,
президент Академии геополитических проблем,
доктор военных наук

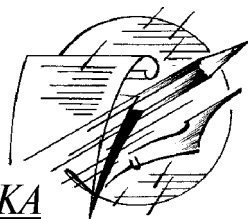
ВЫВОДИТЬ В РАСХОД

Без восстановления полноценной личной ответственности руководителей будет весьма проблематично преодолеть кризисные явления в российском обществе и обеспечить подлинный суверенитет страны.

Тот факт, что Россия находится в состоянии кризиса, ни у кого не вызывает сомнения. В кризисном или предкризисном состоянии пребывают практически все важнейшие отрасли экономики, а также духовная сфера и система безопасности страны.

В условиях резкого обострения международной обстановки, усиления напряженности на границах России, особенно в западных регионах, в связи с ситуацией на Украине руководство нашей страны начало предпринимать действенные меры по преодолению кризисных явлений.

Президент России Владимир Путин в своей речи по случаю возвращения в состав России Крыма отметил, что Запад нам угрожает революцией, основным инструментом которой может быть пресловутая «пятая колонна» в российском обществе. При

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

этом выразил уверенность в том, что подрывная деятельность этой силы будет нейтрализована.

Весьма показательным в этом отношении было выступление одного из самых видных деятелей нашего киноискусства и вместе с тем весьма приближенного к власти человека кинорежиссера Никиты Михалкова. Выступая в программе Владимира Соловьева, он указал, что движение России вперед по пути реиндустриализации невозможно без освобождения от груза прошлого, прежде всего наследия разрушительных 90-х годов. Для этого необходимо назвать вещи своими именами, в частности, разрушение СССР признать преступлением против всех народов, его населявших. Отвечая на вопрос ведущего о том, не являются ли все эти действия ошибкой, он процитировал слова одного из известных советских лидеров: «У каждой ошибки есть свое имя, фамилия и отчество».

Все это свидетельствует о том, что руководство нашей страны по-настоящему решило заняться возрождением могущества России. В этом благородном деле нашим руководителям можно пожелать только успехов.

Однако для того, чтобы воспользоваться этим шансом, нам необходимо вскрыть причины того бедственного положения, в котором оказалась наша страна. И при этом не обойтись без анализа причин распада СССР. Именно там следует искать корни нынешней деградации России.

Мощнейший экономический потенциал второй сверхдержавы мира и богатейшие ресурсы исключают из рассмотрения военно-стратегические и экономические факторы как первопричину разрушения СССР и последующих бед России. Разрушительное действие этих факторов стало следствием других, которые инициировали процессы в этих сферах. Анализ причинно-следственных связей взаимовлияния факторов развития СССР/России показывает, что первопричину этих разрушительных процессов следует искать в идеологической сфере, связанной с ней областью экономических теорий и кадровой политике.

Но никакие идеологические проблемы и иностранные спецслужбы не смогли бы разрушить нашу страну и развалить экономику России, если бы внутри не сформировались могущественные силы, желавшие разрушения страны и последующего захвата ее богатств. Это так называемая «пятая колонна». Ее структура уже не раз анализировалась в печати. Однако мало знать структуру. Для полного искоренения «пятой колонны» необходимо понимать механизмы ее возникновения, чтобы, исключив их, можно было устранить условия для рецидива этого явления.

Современная политическая элита России теснейшим образом связана с советской. Она выросла из нее и ею сформирована. Поэтому основу механизмов возникновения «пятой колонны» в нашей элите и обществе следует искать в советском прошлом.

Исторический экскурс можно начинать с известного XX съезда КПСС, на котором был «развенчан» культ личности Сталина. Именно с этого момента, как показывает анализ, началась активная фаза процесса вызревания «пятой колонны», которая в конечном итоге привела к падению СССР и разгрому российской экономики.

Торжествующая некомпетентность

В качестве ключевого события, положившего начало вызреванию «пятой колонны», следует выделить так называемое признание права руководителя на ошибку. На практике это означало, что недобросовестный руководитель уже не нес полноценной ответственности за провалы, произошедшие по его вине. То есть фактически представители партхозноменклатуры, прежде всего ее высших слоев, освобождались от ответственности за результаты своей деятельности. Правда, это не касалось внутрипартийной межклановой борьбы за власть. Тут с ответственностью все было в порядке. Речь шла об ответственности за государственное дело. Последствия этого шага были многогранны.

Прежде всего сложились благоприятные условия для расцвета пресловутого «позвоночного права», когда высокопоставленные руководители назначали на ответственные посты своих, порой малопригодных для занятия высоких должностей родственников или ближайших друзей. Ранее при строгой, нередко уголовной ответственности за служебные ошибки крупные должности решались занимать в большинстве случаев (за редким исключением, когда это касалось ближайшего окружения лидеров страны) хорошо подготовленные люди. Все понимали, что некомпетентность на высоком посту может привести к тюремному сроку, а то и расстрелу. С устранением этого фактора на высокие должности стали назначаться люди по иным критериям. Часто это были персоны, призванные «контролировать командные высоты» во властной иерархии в интересах отдельных кланов. Причем порой далеко не самого высокого уровня. Других устраивали на «теплые местечки» заботливые родственники. Совершаемые ими «ошибки» прощались — руководителей, проваливших ответственное дело, назначали

на другую должность, нередко не ниже той, с которой он только что был снят.

В результате началось постепенное «вымывание» настоящих специалистов из высших эшелонов власти. Им на смену стали приходиться люди, которые служили не стране или идее, а конкретному начальнику, готовые исполнять его любые распоряжения и указания, даже если они носили антигосударственный характер. Пока еще это не была полноценная «пятая колонна».

Устранение личной ответственности руководителя за результаты вверенного ему дела создало благоприятные условия для смыкания части партийной и хозяйственной элит с иностранными спецслужбами. Среди кланов, которые выдвигали на руководящие должности своих ставленников, были такие, которые имели связи с криминалом, а порой и с иностранными спецслужбами. Преднамеренные действия, направленные на подрыв экономики СССР, а затем и России, дискредитацию социального строя подавались как технические ошибки, которые нужно «понять и простить». Именно эта сила и стала основой «пятой колонны», которая, разрушив СССР, сегодня продолжает разрушение России. По мере укрепления клановых структур появилась возможность не только корректировать политику страны, но и формировать базу для смены идеологии. Так, создаваемые преднамеренно организационные проблемы дезорганизовывали народнохозяйственный комплекс. А искусственно вызванные экономические трудности провоцировали у населения протестные настроения. Преднамеренной дезорганизацией производства оправдывалась необходимость привлечения иностранного капитала и советников в позднесоветский и постсоветский период. Особенно сильно эти тенденции проявлялись в 90-е годы, когда организовывалось в массовом порядке распространение иностранного контроля над российской экономикой. Сегодня «пятая колонна» в России чрезвычайно сильна. Ее методы не изменились, как и ее иностранные кураторы. Поэтому вопреки опыту, свидетельствующему о губительности приватизации стратегических ресурсов и производств, ведется подготовка к новому этапу приватизации госсобственности.

Лишение «руководящих кадров» груза ответственности способствовало смыканию части партхозноменклатуры с криминалитетом. Желание «красиво жить» у части представителей советской элиты, особенно острое после поездок в развитые страны мира, где их принимали «по первому разряду» (они же не знакомились с жизнью трущоб), породило

стремление к накоплению материальных благ сверх того, что им обеспечивало государство. Рассматривая государственную собственность и средства как свои собственные, они, не стесняясь, их использовали в личных интересах. То же самое мы сегодня имеем в современной России. Превышение расходов относительно исходной сметы (порой многократное) на различные проекты стало нормой.

Стремясь получить дополнительные сверхплановые ресурсы, чтобы покрыть недостачу или провалы своего руководства, многие представители советского истеблишмента шли незаконным путем. Сформировался типаж «умеющего жить» и «умеющего достать» как наиболее успешного человека. Подобная деятельность была отчасти оправдана тем, что некомпетентные руководители в системе планирования и распределения не справлялись со своими обязанностями — необходимо было устранять таким образом свои просчеты. Все это создало благоприятные условия для развития подпольного предпринимательства — «цеховиков», которые на госпредприятиях, используя госресурсы и технику, производили предметы дефицита, обогащаясь по принципу: доходы — частнику, а расходы — государству (обществу).

В итоге к концу правления Брежнева в СССР сформировался достаточно мощный слой криминального теневого бизнеса, тесно сомкнутого с частью партхозноменклатуры. Именно эта сила и стала главным разрушителем Советского Союза. После его распада она никуда не делась, а только окрепла. Легализовавшись, ее представители не изменили принципов работы. В этом состоит еще одна причина неэффективности современной российской экономики.

Наконец, нельзя не отметить тот факт, что комплексное действие всех перечисленных факторов влечет интеллектуальную деградацию управленческого аппарата в целом. Для понимания механизма этого процесса необходимо выделить два типа ума. Первый из них — это ум созидательный. Он ориентирован на создание чего-либо. Это интеллект конструктора, ученого, полководца, искусство первоклассного рабочего — специалиста в своей сфере и т.д. Примером этого могут служить Королев, Ильюшин, Жуков, Курчатов и многие другие менее известные люди, создававшие мощь нашей страны. Другой тип ума часто называют социальным. Это так называемые строители отношений. Как правило, они сами мало что могут создать. Однако при этом схитрить и присвоить себе блага, произведенные другими, могут легко. Люди с созидательным умом могут организовать производство. Люди с социальным умом формируют клановые струк-

туры для захвата контроля над сделанным другими. Люди с созидательным умом самовыражаются в своих творениях, а «строители отношений» самоутверждаются демонстративной роскошью и расточительством. Люди с созидательным умом — специалисты в своей сфере. Они в большинстве случаев весьма неудобны начальству, отстаивая свое квалифицированное мнение, и поэтому шансы выдвинуться на более масштабную работу у них ниже, чем у «строителей отношений», которые куда более приятны для руководства. В итоге в условиях отсутствия эффективной ответственности руководителей за итоги работы быстрее движутся по служебной лестнице преимущественно «строители отношений».

Заняв руководящие посты, такие «эффективные менеджеры» подбирают соответствующих подчиненных. В результате наблюдается деградация интеллектуального потенциала, ориентированного на созидание. В современной России такое явление стало весьма масштабным. Особенно опасно это тем, что даже при самом остром желании что-либо реальное и прорывное создать, подобные руководители в силу отсутствия соответствующей подготовки не способны ни выявить реально перспективный проект, ни подобрать действительно квалифицированных специалистов для его реализации. Они вынуждены опираться на чужое мнение, которое так же может быть не вполне квалифицированным или даже злостным.

Интеллектуальная деградация управленческого аппарата чрезвычайно осложняет эффективную борьбу с «пятой колонной», поскольку вбрасываемые ею разрушительные идеи не могут быть своевременно правильно классифицированы с последующим принятием мер по их нейтрализации. Этим «пятая колонна» активно пользуется, реализуя свою разрушительную деятельность.

Вехи разрушения

Так была вброшена идея об интеграции России в мировую экономическую систему, прежде всего западную. При этом речь шла о том, что российская экономика неэффективна и должна быть адаптирована под западные стандарты, чего нельзя было сделать в принципе без разрушения ее основ. Открытие российских рынков для западной продукции не только без обеспечения должной защиты своего производителя, но и с прямым его подавлением со стороны государства привело к разрушению ряда отраслей российской экономики. При этом западные производители опирались на мощ-

ную поддержку своих государств. Особенно катастрофичны были последствия этого курса для отечественного сельского хозяйства и промышленности, выпускающей продукцию гражданского назначения. В частности, огромные потери понесли отечественное гражданское авиастроение и производство автомобилей. Вступление в ВТО усугубило положение отечественной перерабатывающей промышленности. Вынудив принять ряд серьезных ограничений на поддержку отечественного производителя, ВТО, по сути дела, ничего не дала ему в части расширения рынков сбыта.

Другим проектом «пятой колонны», крайне негативно сказавшимся на российской экономике, стала масштабная приватизация, главным образом стратегических ресурсов. Именно она и последующее уничтожение «неэффективных» с точки зрения получения сверхприбыли вновь приобретенными собственниками (но крайне необходимых для страны) производств привела к тому, что страна в течение последующих 20 лет лишилась большей части своей промышленности, прежде всего ее высокотехнологичной части. Сегодня все это предстоит восстанавливать. При этом опять планируется масштабная приватизация стратегически важных объектов и систем инфраструктуры. Что особенно опасно — транспортной. Последствия могут быть катастрофичными для экономики, хотя бы за счет неизбежного роста тарифов на перевозки.

Исключительно губительной для безопасности страны была активно и последовательно проводимая в жизнь «пятой колонной» вопреки здравому смыслу и реалиям международной обстановки идея об отсутствии у России врагов. Именно под этим знаменем наносились наиболее страшные удары по нашим оборонно-промышленному комплексу, Вооруженным Силам и спецслужбам.

В дальнейшем после значительного ослабления нашего оборонно-промышленного комплекса, ссылаясь на его слабость, была выдвинута другая концепция, ведущая к перманентному разрушению ОПК и ликвидации военно-технического суверенитета нашей страны. Это идея принятия на вооружение нашей армии и флота иностранного оружия.

Активно реализовывались программы, ведущие к усилению зависимости нашей страны от западных стран, прежде всего США, в информационной сфере.

Отказ от развития собственной расчетной системы привел к зависимости нашей банковской системы от Запада, предоставив ему еще один рычаг влияния на Россию.

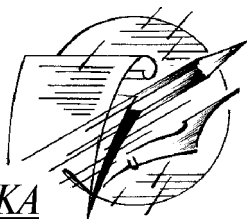
Концепция электронного правительства, внедрение электронных идентифицирующих личность документов, постро-

енное на использовании Интернета, американской технической базы и программного обеспечения, фактически создают условия для получения американскими спецслужбами полной информации о нашем народе и состоянии страны в целом. А это основа для успешного применения против нас мягкой силы, подобно тому, как это произошло на Украине или в ходе «арабской весны». Это база для дальнейшего контроля нашей экономики с целью ее подавления.

Таким образом, ослабление личной ответственности руководства за итоги работы стало одним из важнейших факторов, определивших распад СССР и бедственное положение России, а также ключевым условием возникновения в нашей стране «пятой колонны» враждебных мировых сил. Поэтому восстановление полноценной личной ответственности руководителей является ключевым фактором нейтрализации «пятой колонны» и преодоления кризисных явлений в российском обществе.

«УКРАИНСТВО» КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ

На фоне происходивших событий Русской весны в Крыму и на юго-восточной Украине трудно не обратить внимание на злобное и ожесточенное сопротивление ей не только со стороны украинских СМИ, лживость которых стала предметом анекдотов, но и очень значительной части населения Украины, в том числе и населения русскоязычного. Конечно, в Крыму и на юго-восточной Украине большинство населения поддерживает действия России и не верит лживым и продажным украинским СМИ. Однако и большинство украиноязычных, и часть русскоязычных граждан этой страны были настроены по отношению к России крайне враждебно и верили в миф о некой «агрессии» со стороны России. Для того чтобы вести диалог с такими людьми, нужно понимать истоки этой бешеной русофобии. Эти истоки — в той идеологии, которая с 1991 года навязывается жителям этой страны. Это идеология лжи и ненависти по отношению к России. И в этой идеологии содержится не только подмена подлинной истории русофобскими мифами — это было бы еще полбеды, — но в ней содержится еще и нечто более зло-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

вредное и трудноизлечимое. Это формирование у человека особого душевного настроя, при котором он уже сам, без особого принуждения начинает верить в эту ложь и разжигать в себе эту ненависть.

Следует вспомнить, что идеология, навязываемая жителям Украины, была специально разработана с целью разрушения России. И когда в период Великой Отечественной войны украинские нацисты-бандеровцы воевали вместе с гитлеровцами против СССР, то это не был лишь «временный союз» — нет, это было именно *кровное идеологическое единство двух разновидностей нацизма*. В украинском, бандеровском нацизме есть все те же самые элементы, которые содержатся и в «Майн кампф». Во-первых, это *расизм*. Один из базовых мифов украинской идеологии состоит в том, что россияне — это якобы вообще не славяне, а помесь «финно-угров с татарами». (В реальности, как раз наоборот, именно у нынешних украинцев больше всего неславянских предков — в них ассимилирована большая масса степных кочевников еще со времен Древней Руси, что сейчас весьма заметно по антропологическому типу.) Цель этого мифа — представить россиян некими неполноценными дикарями, фактически какими-то «унтерменшами». Всякий, кто общается с идейными («свидомыми») украинцами, подтвердит, что рассуждения о якобы дикости и отсталости «москалей» у них всегда является любимой темой для разговора. Особо этому посвящена книга П. Штепы «Московство», в которой собраны все когда-либо и кем-либо придуманные злобные русофобские фантазии. Этот расизм и составляет главную психологическую основу украинской идеологии.

Во-вторых, это *психология завоевателей и угнетателей*. Подобно тому, как Гитлер намеревался заселить европейскую часть СССР «полноценными арийцами», так и идейные украинцы мечтают о так называемой «украинской Украине» — то есть о том, чтобы все население без исключения заговорило на официальном, искусственно сконструированном украинском языке и свято уверовало в ту нацистскую идеологию, о которой идет речь. Все остальные изначально официально объявляются «врагами украинского народа» и «пятой колонной Москвы». При этом создается лицемерный миф о якобы «вековом угнетении» со стороны России — но именно для того, чтобы замаскировать собственное стремление к угнетению и насильственной «украинизации». А если учесть, что русскоязычные составляют как минимум половину населения Украины, то ситуация становится совершенно скандальной и абсурдной — ведь «неправильной» и подлежащей «пе-

ревоспитанию» оказывается половина (!) граждан страны. И эти *колонизаторские* планы активно воплощаются в жизнь начиная уже с 1991 года — в виде навязывания этой идеологии через систему образования и СМИ, а также абсолютно скандального факта: Украина — единственная страна в мире, где язык половины населения не является государственным или хотя бы официальным! Таких стран, кроме Украины, сейчас вообще не существует нигде. И это тотальное подавление русского языка самым лицемерным образом прикрывается постоянными заявлениями о якобы «ущемлении украинского языка»!

Но это, и многое другое лживое лицемерие, лежащее в основе украинской идеологии, отнюдь не случайно, но абсолютно закономерно и естественно, поскольку оно прямо следует из третьего откровенно нацистского элемента этой идеологии. Это принцип «Интересы нации превыше всего», который один из известных идеологов, создатель «интегрального украинского национализма» Д. Донцов прямо сформулировал как «аморализм». То есть ради господства этой «нации» над теми, кого она объявила своими «врагами», — все средства хороши. И этот третий элемент всегда усердно пытались воплотить в жизнь.

Именно на основе принципа «аморализма», очевидно, и пытаются не только оправдывать, но даже возводить в «герои» украинских нацистов — союзников Гитлера, таких, как Р. Шухевич с его батальоном СС, сжигавшим в Белоруссии целые села вместе со всеми жителями; или буковинский «курень», истреблявший под руководством СС сотни тысяч людей в Бабьем Яру. Очевидно, «во благо нации». Однако какую «нацию» можно воспитать на таких «героях»? Вопрос риторический. Фундаментальная ложь украинских нацистов состоит в том, что они были союзниками Гитлера, якобы стремясь с его помощью создать независимое украинское государство. Эта самая бессовестная ложь рассчитана лишь на совершенно безграмотных в истории людей, каковых в современной Украине, к сожалению, абсолютное большинство. Гитлер никогда не собирался создавать независимую Украину, более того, основную часть ее территории предполагалось заселить немцами. Главари украинских нацистов это прекрасно знали. За что же они тогда воевали? Ответ может быть только один: чтобы стать *привилегированными холуями* у немецких хозяев и вместе с ними гнобить свой собственный народ. А о «независимой Украине» они вралли своим неграмотным рядовым «воjakам». Принцип «аморализма» это не только позволяет, но и всячески приветствует. И те-

перь история полностью повторилась. Очевидно, что за псевдопатриотизмом нацистского «разлива» и в наше время стоит лишь то же самое откровенное холуйство перед Западом, желание стать привилегированными холоуями нового хозяина.

Характерный пример наших дней: когда украинские политики в СМИ с воинственным видом защищают «территориальную целостность Украины», не признавая возвращения Крыма в состав России, они обычно тут же начинают истерически заявлять о «неизбежности распада России». То есть понятие «территориальной целостности» распространяется только на Украину, но не на Россию. Столь откровенное и наглое лицемерие отнюдь не удивительно — это яркий плод «воспитания» на принципах идейного «аморализма».

Людей, попавших под внушение этой лживой и лицемерной идеологии, стоит лишь пожалеть и даже в чем-то понять. Понять вот в чем. После 1991 года население Украины живет в состоянии постоянной разрухи и разочарования. Ведь на Украине так и не началось возрождение государства и народа — наоборот, разруха только усиливалась. И поэтому люди тянулись к такой идеологии, которая в качестве «компенсации» создавала им иллюзию собственного «величия», а с другой стороны — лепила и «образ врага», на которого можно свалить все беды. Кроме того, русофобская идеология позволяет замаскировать зависть населения Украины к успехам возрождающейся России. (Характерный пример этой зависти: ни один украинский ТВ-канал не сообщил о том, что сборная России завоевала больше всех медалей на сочинской Олимпиаде. Более того, единственное, что можно было узнать о ней из украинских ТВ-каналов — это то, что при строительстве олимпийских объектов якобы «разворовано более половины средств». Это и неудивительно — ведь в украинских СМИ какой-либо позитивной информации о России вообще не бывает, здесь всегда полностью господствует русофобия.)

Мы долгие годы наблюдали именно внутренние психологические мотивы обращения людей к украинской идеологии, к «украинству» как особому состоянию души, более всего похожему на состояние души человека, вовлеченного в тоталитарную секту. И это не просто аналогия. По сути дела, «сознательные украинцы» всегда отличались и ныне отличаются сектантской психологией, жестко делящей людей на своих («избранных») и прочих, по отношению к которым придумано множество оскорбительных наименований. (Вообще, откровенное хамство по отношению к инакомыслящим всегда было «фирменным знаком» украинства). Все это нужно

знать и людям, живущим в России, чтобы лучше понимать эту боль и болезнь нашей общей Родины.

В исследованиях прошлого, настоящего и будущего Русского мира, в частности, украинства как одной из попыток его разрушения, существует очень серьезный и недопустимый пробел. Если конкретно-исторические аспекты создания украинства как радикального антирусского проекта к настоящему времени исследованы достаточно хорошо, то на другой — не менее, а может быть, и еще более важный аспект этой темы внимание обращалось явно недостаточно. Дело в том, что «свидомо-украинское» сознание всегда опиралось не только на известную псевдоисторическую мифологию, но и на определенные психологические комплексы и деструктивные духовно-душевные процессы у определенного типа людей, которые становятся его адептами. Украинство как идея вырвать южнорусский этнос из тысячелетнего единства русской нации (опираясь на помощь ее внешних врагов) не только изначально возникла в качестве маргинальной политической «секты», но и ныне, даже несмотря на свое массовое распространение, в полной мере продолжает сохранять все признаки сектантского сознания. Это и естественно, т.к. любая идея раскола всегда останется сектантской по духу. А как известно, сектантское сознание всегда одинаково и не зависит от того «вероучения», которое проповедуется в том или ином сборище. Поэтому псевдоисторическая мифология «украинства», на которую более всего обращают внимание в силу ее очевидной дикости и возмутительности для всякого нормального человека, тем не менее является уже вторичным продуктом. Ради своего самосохранения она может со временем существенно трансформироваться, избавиться от явных дикостей и подтасовок, приобрести более-менее respectable вид, но это все равно ничего не изменит принципиально в ее окончательной цели — выполнения заказа Запада на разрушение Русского мира.

Первичным, базовым фактором принятия людьми украинства является фактор *экзистенциальный*, то есть соответствие украинизма определенным деструктивным наклонностям в человеческой душе — наклонностям, успешно культивируемым современной антихристианской цивилизацией. Делая экзистенциальный выбор в пользу особого *духа* украинства, человек затем уже безропотно принимает и свято верит в любые дикости его идеологии, полностью утрачивая способность критического мышления и восприятия «неудобных» для нее фактов. Поэтому в противостоянии украинству одной исторической критики его истоков, при всей ее важ-

ности, явно недостаточно. Украинство нужно поражать в «сердце», в самую глубокую его основу, обнажая и разоблачая его низменные и деструктивные истоки в человеческой душе, а не только общеизвестную неприглядную историческую ложь.

Ключом к пониманию сути украинства как психологического явления стала уже давно вошедшая в оборот поговорка: «Идейный украинец — это не тот, кто любит Украину, а тот, кто ненавидит Россию». Действительно, как показывает опыт, «идейное украинство» — это именно *идеология ненависти*, причем ненависти иррациональной, крайне агрессивной, хамской, доходящей до откровенного бешенства. Русофобия всегда маскируется под различные лживые идеологии, с помощью которых пытается придать себе «приличный вид» и вербует своих сторонников. Если в России это так называемые «либералы» (на самом деле это не имеющие к либерализму никакого отношения антирусские фашисты, жаждущие порабощения России Западом), то на Украине — это «идейные украинцы». Но под какими бы идеологическими «масками» не скрывалась русофобия, изначальная, глубинная причина русофобии всегда одна и та же — это ненависть к России как стране, еще способной противостоять агрессии западной антихристианской цивилизации. Русофобам ненавистен уже сам психологический тип русского человека, поскольку он уже самим своим существованием обличает их собственную низость и ничтожество. Русофоб — это человек, обожающий свое Его, поклоняющийся своим эгоистическим прихотям и ненавидящий все и всех, кто этому мешает. В том числе и Россию, потому что Россия требует бескорыстного служения, которое несовместимо с русофобским эгоизмом. В том числе и русского человека, для которого такое служение и жизнь по совести, а не ради корыстных «интересов», является чем-то совершенно естественным. Рядом с ним русофоб инстинктивно чувствует свою нравственную низость и поэтому страстно ненавидит и Россию, и все русское, постоянно упражняясь в сочинении все новой и новой лжи и мечтая о том, «когда Россия распадется». Под «свободой», которую якобы «ущемляет» Россия, русофоб всегда понимает только свой низменный эгоизм. Ни о какой другой свободе он не имеет и не хочет иметь понятия. Тем самым русофобия — это, по сути, квазирелигиозное явление, а именно — *скрытый сатанизм*. Всё остальное — идеологии, национальные ориентации и т.п. — уже вторично и производно от этой сатанинской направленности души.

Русофобия — это очень тяжелая *нравственная патология* человеческого сознания, свидетельствующая о глубокой порочности души. Главной причиной русофобии является явная недоразвитость и примитивность личности, остановившейся в своем развитии на уровне агрессивного инфантилизма. Эта патологическая природа русофобии как нравственной болезни выражается даже на уровне физиономики: как показывают наблюдения, у всех ярко выраженных русофобов — особое «крысиное» выражение лица, по которому их сразу узнаешь, если уже есть соответствующий опыт. Это как раз тот случай, о котором поговорка: «Бог шельму метит». Причем у особо агрессивных и наглых русофобов лица становятся уже откровенно уродливыми и крайне отвратительными. Если в России известным примером такой физиономии является «журналист» Н. Сванидзе, то на Украине его аналог — тоже наемный «журналист» В. Портников (гражданин Израиля, резидент одной из западных спецслужб на Украине).

В рамках этой общей патологии есть разные типы людей. В свое время яркий публицист В.В. Шульгин, наблюдавший первый выход украинства на историческую арену в начале XX века, в статье «Украинствующие и мы» (1938) дал следующую классификацию тогдашних носителей «украинского» сознания:

«Как и другие сектанты, украинствующие могут быть разделены на три категории: 1) честные, но не знающие: это те, которых обманывают; 2) знающие, но бесчестные, призвание сих обманывать «младшего брата»; 3) знающие и честные. Это маньяки раскола, они обманывают самих себя.

*Первые две категории порой сливаются до неразличимости. Иногда никак не разберешь, почему человек юродствует: потому ли, что он ничего не знает, что он *rusticus* («деревенщина»). — В.Б.), как говорили римляне, и его обманывают другие, или же потому, что, очень хорошо все зная, он сам обманывает действительно не знающих.*

*Гораздо интереснее маньяки чистой воды. Они часто весьма образованны. Иногда по-своему честны. Если и вскакивают изредка на Пегаса лжи, то из этого седла их легко выбить, апеллируя к их же собственным знаниям. Но маниакальная идея сидит в них глубоко и, так сказать, *quand tete* («сама по себе»). — В.Б.). Если взорвать их идеологию бомбами несомненных фактов, они восклицают «тем хуже для фактов!» и сейчас же выдумывают в подкрепление своей мании новую аргументацию. Впрочем, всякие доказательства для них только линия второстепенных окопов. Цитадель же их в утвержде-*

нии: *хотим быть украинцами. Хотим быть и больше ничего. Пусть для этого нет никаких оснований вовне; основание — внутри нас*.

Что изменилось с тех пор? Совершенно ничего. Впрочем, классификация В.В. Шульгина требует некоторой модификации. В частности, первый, наиболее распространенный и абсолютно доминирующий в массе тип «честных, но незнающих» людей, именующих себя «украинцами», в наше время можно определить как *рутинный*. Это люди, которые вообще не подозревают, что еще сто лет назад самого понятия «украинец» не существовало, а их предки твердо называли себя русскими и отдавали за это жизни. К этому типу относится основная масса населения Западной Украины, а также сельское население других регионов. Эти люди просто не знают никакой альтернативной идентичности, тем более что на них ежедневно через СМИ и систему «образования» обрушивается целое море лжи, полностью лишаящей их исторического сознания. Если, например, людям внушается, что Киевская Русь — это «древнеукраинская держава», то их лишают не столько конкретных знаний об этом периоде, сколько именно *исторического сознания как такового*, т.е. способности воспринимать прошлое адекватно, а не как удобную для себя фантазию. Эта «рутинная» украинская идентичность не является продуктом свободного выбора и рациональной рефлексии и поэтому всегда, несмотря на всю свою привычность, остается весьма неустойчивой и малосодержательной.

Второй из названных В.В. Шульгиным типов, в наше время именуемый «профессиональными украинцами», можно определить как *циничный*. К нему, например, относится весь политикум «оранжевой» ориентации, в подавляющем большинстве в прошлом бывших активных комсомольцев, совсем недавно выживших официальную «мову» в качестве «родной»; преподаватели «истории Украины», срочно переквалифицировавшиеся из преподавателей «истории КПСС»; домохозяйки, с утра до вечера зомбируемые кухонным радио и от скуки зомбирующие своих близких и т.д. Эта категория людей, играющая важнейшую роль в распространении украинизма в массах и изображающая из себя «идейных», в действительности делает это из сугубо прагматических соображений конкретной корысти и сменит «убеждения» тотчас, как только появится более выгодная альтернатива. Но к счастью, поскольку украинство распространяется в первую очередь именно этим весьма отвратительным типом, то оно часто и вызывает отторжение у массы здравомыслящих людей.

С 1990 года, когда явно повеяло предательством, в «идейные украинцы» мгновенно «переквалифицировались» практически все «верные ленинцы», делавшие карьеру на обслуживании господствующей идеологии: сексоты, преподаватели истории КПСС и «научного коммунизма», номенклатурные писатели и т.п. Первый президент Л.Кравчук был подобран именно из этой массы, потому что именно здесь можно было найти самого лучшего профессионального демагога и лжеца. Но таковых ведь был целый бесовский «легион». Студентов на площадь по партийному заданию привели главный комсомолец Киевского университета Н.Томенко и главный сексот того же заведения Олесь Шевченко (а милиция особо охраняла это «патриотическое» сборище молокососов, чтобы его не избили и не разогнали собравшиеся вокруг люди). Главными «патриотами» были назначены бывшие номенклатурные поэты-графоманы Д.Павлычко и И.Драч. Главным «украиноведом» вдруг стал главный специалист по советской литературе и главный идеологический «проработчик» того же университета П.Кононенко. Главный сексот и стукач Союза писателей В.Яворивский становится главой этой организации, главный сексот и стукач Института литературы Н.Жулинский — гуманитарным вице-премьером, а главный сексот и стукач Киевской митрополии Филарет Денисенко («товарищ Антонов») — организует раскол Церкви и крадет ее казну. И подобным примерам несть числа, ведь это лишь «верхушка айсберга» — то же самое происходило на всех уровнях вплоть до райцентров и сел.

Наивный обыватель тогда очень удивлялся: как это они все так быстро «изменили своим убеждениям»? Но в том-то ведь и дело, что никаким «убеждениям» они не изменяли: наоборот, меняя всего лишь «идеологию», своему главному убеждению эти приспособленцы как раз несколько не изменили. Ведь главное и единственное их «убеждение» всегда состояло в том, что нужно по-холуйски служить господствующей идеологии и беспощадно давить ее противников. И пускай эта идеология поменяется не один, а хоть десять и сто раз — этому своему «убеждению» они никогда не изменят. Однако по своей природной тупости в этот раз они фундаментально просчитались. Они по наивности думали, что новая власть так же, как и прежняя, советская, их щедро вознаградит за идеологическое холуйство — и на нем снова можно будет сделать карьеру. Но вдруг оказалось, что новой власти, по большому счету, плевать на идеологию, и она ценит только деньги. Когда холуи поняли, что их услуги никому не нужны, им остался только один выход: встать в позу «патриотов» — противни-

ков «неукраинской» власти. Правда, в этой «гордой» позе они по-прежнему стоят с протянутой рукой и безмерно рады любой подачке. Не способные ни к какой деятельности, кроме болтовни и хамского шельмования своих противников, эти бездари и никчемны сейчас наконец-то получают по заслугам. Для них теперь пришел «момент истины».

Третий тип, блестящая характеристика которого дана В.В. Шульгиным, следует определить как *одержимые*. В целом их очень немного, но, как показывает опыт, примерно половина из этого типа людей явно психически больны; но даже и те, которые более-менее здоровы, относятся к тому типу людей, который ведет себя не вполне адекватно. Украинство для них — это настоящая находка, т.к. дает повод перманентно хамить окружающим под видом «высокой идейности» и непомерного «патриотизма». Именно этот тип в наиболее чистом виде являет экзистенциальные истоки украинства и, как правило, вызывает отвращение даже у представителей первого «рутинного» типа «украинцев», сохраняющих естественное здравомыслие.

К первому, «рутинному» типу в полной мере относится простое определение: «это русские, которые забыли, что они русские» (А.С. Филатов), а те экзистенциальные особенности украинства, о которых будет сказано далее, у него проявляются очень слабо. Поэтому в дальнейшем мы будем говорить только о двух последних типах — «идейных» украинцах и тех, кто имитируют «идейность» с корыстными целями (последних намного больше).

Главная психологическая привлекательность «идейного» украинства, привлекающая к нему новых адептов, — такая же, как и у любого другого сектантского сознания: желание, ничего не совершив, вдруг почувствовать себя избранным, особенным, принадлежащим к некоему «высшему» кругу людей, стоящих над всеми остальными — несознательными, поработенными, темными и неразвитыми. Но если в религиозном сектантстве это требует хоть каких-то регулярных усилий (молитв, исполнения заповедей, самообразования и т. д.), то в украинстве ничего этого не требуется. Здесь нужно лишь объявить себя «идейным украинцем» (а для этого нужно знать лишь несколько примитивных мифов и лозунгов), иногда посещать соответствующие собрания — и чувство собственной значимости, избранности и возвышенности над несознательной толпой «совков» и «манкуртов» вам обеспечено. Совершенно очевидно, что глубинный мотив такого решения нужно искать исключительно в сфере патологий человеческой души. А именно: в нём однозначно узнается

стремление преодолеть личный комплекс неполноценности, не прилагая для этого никаких серьезных усилий. Такой вывод подтверждается многолетним опытом общения с «идейными украинцами» множества людей, приходивших к одному и тем же выводам. Естественно, здесь тоже бывают исключения, когда в эту сферу временно попадают вполне нормальные личности, но все они там по понятной причине долго не задерживаются. И таких всегда очень мало.

Еще более патологична в моральном и психологическом отношении ситуация у второго, циничного типа. Здесь ярче проявляется то общее экзистенциальное основание, которое есть и у первого типа, но которое остается «замаскированным». Это — страсть к *неподлинности*. «Идейный украинец» — это человек, который говорит на придуманном языке, верит в придуманную псевдоисторию и ходит в придуманную псевдоцерковь. Спрашивается: зачем это ему нужно? Страсть к неподлинности бытия — это очень глубокая, экзистенциальная страсть души, свойственная всем людям без исключения вследствие греховности человеческой природы. Но есть идеологические доктрины, которые ее специально используют и культивируют для своего распространения среди наивных масс. Украинство — как раз из их числа.

Характерным для таких идеологий является то, что в них внутреннее состояние неподлинности внешне, наоборот, представляется как стремление к подлинности и в это внешнее впечатление верят сами адепты. И дело здесь не в глупости и лицемерии (хотя и этого предостаточно), а в том же самом мнимом преодолении внутреннего «комплекса». Но вместо того, чтобы принять *себя* таким, какой ты есть, *свою* историю такой, какая она есть и т.д., и взять на себя тяжесть ответственности за все это, чтобы сверхусилием преодолеть *свои* подлинные грехи и недостатки (в том числе, и национальные, и исторические), они выбирают другой, очень легкий, «халлявный» путь: придумывают себе иллюзорного «себя», иллюзорную «историю» и т.д., — лишь бы ощутить себя во всем правым и ничего не делать. Отказываясь от **тысячелетия** (!) **своей** подлинной, а не выдуманной **русской** идентичности и **русской** истории, адепт украинизма окончательно отказывается от своей национальной, исторической, а значит, и *личностной* подлинности, какой бы внешней фольклорно-шароварной романтикой все это ни маскировалось.

Именно поэтому суть «украинской идеи» состоит в *уходе из истории* — в построении маленького государства по принципу «моя хата с краю», озабоченного исключительно жлобским «добробутом» и готового для этого холуйствовать перед

кем угодно. В метафизическом смысле — это низменное желание перепрыгнуть из *доисторического* состояния жизни сразу в *постисторическое* — бессмысленное и безнравственное, но комфортное существование «экономического животного». Это полный отказ от тысячелетия христианской истории — ибо **мотивы принятия «украинской» идентичности, чисто эгоистические и животные по сути, радикально противоположны христианской совести.** А в историческом смысле — это хамский плевок на могилы десятков поколений предков, свято хранивших свое русское имя и отдававших жизни за великую единую Русь.

На этой глубинной, экзистенциальной почве и формируется тот психологический тип «идейного украинца», для которого неизбежно, по классической характеристике Н.С. Трубецкого, всегда свойственны «печать мелкого провинциального тщеславия, торжествующей посредственности, трафаретности... дух постоянной подозрительности, вечного страха перед конкуренцией». Общаясь с «идейными украинцами», каждый раз ужасаешься, в какую экзистенциальную яму, в какую культурную и психологическую резервацию они сами себя загоняют. Поза вечной обиженности, ощущение постоянной окруженности врагами и предателями, сочетающаяся, однако, с чрезвычайной надменностью и наглостью по отношению к инакомыслящим, которые фактически воспринимаются как недочеловеки («манкурты», «янычары», «бандиты», «пятая колонна» и т.д.), неизбежно приводят к разрушению всех нормальных нравственных понятий: возникает патологическая неспособность к диалогу и самокритике, комплекс «я всегда прав». Единственным способом общения с оппонентами становятся злоба, хамство и истерика. (Именно эти качества столь ярко проявились у деятелей так называемой «оранжевой революции», на которые, очевидно, и делалась ставка их кукловодами.)

Именно под этот психологический и интеллектуальный «стандарт» и выстраивается вся псевдокультурная традиция «идейного украинства». Известно, что основная часть того, что ныне относят к «украинской культуре», является попросту ворованным из общерусского наследия и наследия других наций. О «методе» создания «истории украинской культуры» хорошо писал Н.Ульянов: «начались поиски сколько-нибудь выдающихся живописцев, граверов, музыкантов среди поляков, немцев или русских малороссийского происхождения. Всех их... заносили в реестр деятелей украинской культуры». Однако есть некоторые «знаковые» явления особого «украинского духа», которые и определяют выбор человеком

этой традиции в качестве «родной». Особенно ярко это проявляется в художественной литературе. Очень точную и принципиальную мысль об этом высказал С.Н. Сидоренко:

«Пушкин, давший, по сути, начало великой русской литературе, задал ей на будущие времена высокий, свободный, благородный — одним словом, аристократический тон, сделав возможной для русской словесности ту «всемирную отзывчивость», о которой впоследствии писал Достоевский. И хотя, к сожалению, гораздо чаще приходится сталкиваться с понижением этого тона, чем с попытками ему соответствовать, сами возможности для роста и совершенствования по заданному Пушкиным направлению — безграничны.

Украинская же литература, вышедшая из Шевченко, позаимствовала у него жалующийся, ропщущий, протестующий тон — тон подневольного и угнетаемого человека, крепостного раба, который борется за свободу и не видит ничего (и, по положению своему, не способен увидеть) дальше воделенной свободы, будущего установления справедливости и предвкушаемой жестокой расправы с угнетателями. Тон этот и остался с украинской словесностью по нынешний день».

Т.Шевченко, хотя и талантливый, но, в общем-то, посредственный и малокультурный поэт (как минимум половина «Кобзаря» — явная графомания), потому и был «распиарен» в качестве «гения», что мощно и ярко передавал этот дух свирепого плебейства и рабской самовлюбленности (то, что в нашей традиции получило имя «смердяковщины»). Сформировавшись «внутри» русской литературной традиции (с другими традициями, не зная языков, он был практически не знаком), Т.Шевченко в максимальной степени выразил какой-то явно «геростратовский» протест именно против ее аристократического (и христианского в своей основе) духа свободы, ее нравственного покаянного пафоса и культурной всеотзывчивости.

Естественно, человек современной «цивилизации потребления», воспитанный во всепоглощающей гордыне и самолюбии, считающий всех вокруг чем-то ему обязанными и виноватыми во всех его бедах, очень далек от высокого и благородного духа русской классической литературы, но зато очень близок духу «Кобзаря». Однако, как показывает опыт, даже и он чаще всего бывает поражен тем морем злобы, депрессивности, плебейской мстительности и просто нетрезвой бессмыслицы, которое изливается со страниц «Кобзаря». Наивные люди любят Т.Шевченко, зная лишь несколько его

хрестоматийных стихотворений, отобранных для среднего школьного возраста, но, прочитав остальное, они бы пришли в ужас.

Именно этот особый дух «смердяковщины» лежит в основе украинской мифологии, делая ее столь привлекательной и «убедительной» для многих.

«Базовым» украинским историческим мифом, на котором, по сути, и держатся все остальные, является миф о русском «великодержавном шовинизме». Он такой же лживый, как и остальные, ибо русское национальное сознание никогда не основывалось на шовинизме. Но об этом после. Важно другое. Важно понимать, что миф о «великодержавном шовинизме», якобы присущем русским, нужен именно для утверждения *украинского мелкодержавного шовинизма*. Именно такова, например, цель школьного «промывания мозгов» под видом преподавания «истории Украины».

Понятие «шовинизм», как известно, употребляется в двух смыслах. В первом, более грубом и радикальном смысле, шовинизмом называют убежденность в своем превосходстве над другими нациями. В более мягкой, но не менее зловредной форме, шовинизм — это эгоистическое обособление какой-либо народности, основанное не на служении высоким историческим целям и ценностям, а исключительно на корысти и принципе «моя хата с краю». Всякий, кому приходилось сталкиваться со «свідомими українцями», может засвидетельствовать, что обе формы шовинизма свойственны им в высшей степени. Каждый из них может бесконечно рассказывать о том, какие плохие москали и какие прекрасные украинцы (первая форма шовинизма), а также признается, что целью последних является отнюдь не служение каким-либо духовным ценностям и великим историческим целям, а исключительно своему брюху и жлобской гордыне, что и называется «добробутом» и составляет единственный смысл стремления к «незалежності». Этот вид шовинизма свойствен народам, добровольно отправляющимся на свалку истории.

Характернейшей особенностью украинского шовинизма является его «мелкодержавность», т.е. мучительный комплекс неполноценности перед более развитыми нациями, в первую очередь, естественно, перед «северо-восточным соседом». Все сказки о «москалях», которые, мол, и не славяне, и не европейцы и т.п. как раз для того и сочиняются, чтобы скрыть от себя этот комплекс. Однако этот самообман и лицемерие «свідомих українців» здесь идет еще дальше. Они лживо и нагло приписывают *собственный* комплекс неполноценности тем из своих соотечественников, для кого не хуторянская

«шароварная» этнография, а великая общерусская культура являются родными и любимыми. Оскорбительные клички «мамлюк», «янычар» и т.п. придуманы ими именно для тех коренных жителей Украины, которые сохранили *подлинную* историческую память, благодаря которой жители и Великой, и Малой, и Белой, и Червонной Руси (Галиции) в течение *тысячи лет* твердо знали, что все они суть единая Русь, единая Русская нация. Именно у так называемых «малороссов» нет и не может быть никакого комплекса неполноценности, ибо они ощущают себя полноправными членами и творцами великой русской нации и культуры. Комплекс имеют как раз те, кто боится великого наследия великой нации и прячется в этническую «скорлупу», в свое хуторянское жлобство и ничтожество.

Таким образом, если даже и согласиться хотя бы на минуту, будто бы русским свойствен так называемый «великодержавный шовинизм», то даже и в этом случае их позиция была бы намного более предпочтительной в нравственном отношении. Ибо в ней, в отличие от мелкодержавного шовинизма «свідомих українців», абсолютно отсутствовали бы комплекс неполноценности и произрастающие на его основе злоба и мстительность — самые плебейские и низменные качества человеческой души.

На самом же деле, русское национальное самосознание никогда не основывалось и не могло основываться на шовинизме — в противном случае Русь никогда не стала бы великой Россией. Великую державу невозможно создать насилем — даже при самой великолепной армии завоеванная территория не удерживается долго, если её население не почувствует общую державу *своей* и не станет служить ей не на страх, а на совесть. История России свидетельствует, что абсолютно подавляющее большинство входивших в её состав народов и территорий не только делали это добровольно, но и более того, долгое время просили и умоляли русского Царя взять их под свою защиту. И более того, склоняясь на эти просьбы, Царь очень часто шел против интересов своей державы, вовлекая её в длительные войны с сильными соседями — исключительно из нравственных побуждений защиты единоверных братьев (как это было с Малой Русью или Грузией) или защиты малых народов от хищников-паразитов (так чаще всего было с народами Азии, освобожденных Россией от ига ханств — наследников Золотой Орды).

Россия представляет собой уникальный в истории пример великой державы, созданной не на основе принципа выгоды, как создавались империи Запада, а на основе принципа

братства, требовавшего постоянной жертвенности в первую очередь государствообразующего русского народа. Мелкой и жлобской душонке мелкодержавных шовинистов этого никогда не понять, и поэтому они продолжают тупо фантазировать на тему «российской экспансии». Факты же свидетельствуют о том, что Россия была и остается уникальным феноменом империи-донора, в которой «колониям» всегда жилось вольготнее, чем самому русскому народу, несшему основные тяготы государства. Даже в советский период РСФСР занимала второе место среди республик по производству ВВП на душу населения (да и то после Эстонии, что весьма искусственно), но **предпоследнее** по потреблению на душу населения разных благ. Так что не «москали» ели чье-то сало, а как раз наоборот — и ныне Украина после 23 лет экономической «евродеградации» доказывает это самым наглядным образом. И до чего должно быть стыдно народам, которые подобно птенцам кукушки веками развивались и жирели за счет русских, а потом по-хамски оплевывали своих благодетелей, обвиняя их «угнетении»! Если ныне их национальная совесть окончательно умерла, то есть еще и Божий суд, на котором все спросится сполна.

В период до 1917 года Россия как государство: 1) спасла южнорусский этнос от геноцида и, вероятнее всего, от полного исчезновения; 2) предоставила ему уникальную возможность расселиться на огромных территориях и увеличиться в численности более чем в десять раз — ничто подобное было бы принципиально невозможно за пределами Русского мира, там оставалась лишь роль самого отсталого захолустья, каковым была, например, Галиция до середины XX века; 3) обеспечила более благоприятные условия социального и культурного развития, чем у любого другого центрально-европейского этноса. В свою очередь, и советская власть на Украине никоим образом не может считаться привнесенной извне, но является столь же «автохтонной», как и в Великороссии. Поэтому все, что эта власть здесь потом делала, не может рассматриваться как внешнее насилие, но только как расплата народа за собственный выбор.

Один из самых страшных геноцидов в мировой истории, Голодомор 1932—1934 годов, имел своей главной причиной хлуйство и желание выслужиться местной компартийной номенклатуры всех уровней — в подавляющем большинстве «идейно-украинской» по национальному составу. Нет никаких фактов, которые бы свидетельствовали о том, что это была «политика Москвы». **Голодомор устроили те же самые люди, которые проводили украинизацию** — это самый принципиаль-

ный факт, который всё объясняет. И украинизация, и голодомор имели для них одну и ту же цель — выслужиться перед партией за счет своего народа. А стремление нынешних «свидомых» переложить всю ответственность за грехи своего прошлого на кого-то, лишь бы избежать нравственной рефлексии и покаяния, — очень характерная черта «украинского» исторического сознания, свидетельствующая о его полном отрыве от народной, христианской почвы. Эта нравственная тупость и низость, это непонимание важнейшего *духовного* смысла и уроков собственной истории свидетельствуют лишь о крайне низкой культуре людей, претендующих на роль идеологов и «интеллектуальной элиты» Украины.

Откуда же у мелкодержавных шовинистов берется такая бессовестная лживость? Не только от злобы и невежества — иногда бывают среди них люди и слегка эрудированные, и в общем-то добродушные. Здесь срабатывает особый психологический «механизм», который академик А.А. Ухтомский назвал «двойничеством». Суть его в том, что человек обвиняет другого в первую очередь в том, в чем виноват сам, тем самым занимаясь самооправданием и лицемерно отводя упреки от себя. Чаще всего это происходит бессознательно. Такой человек видит перед собой не реального собеседника или оппонента, а своего «двойника», собственную проекцию, и поэтому, как говорит А.А. Ухтомский, «бредит сам с собой». А.Ухтомский пишет об этом так: *«Мы воспринимаем лишь то и тех, к чему и к кому подготовлены наши доминанты, т.е. наше поведение. Бесценные вещи и бесценные области реального бытия проходят мимо наших ушей и наших глаз, если не подготовлены уши, чтобы слышать, и не подготовлены глаза, чтобы видеть... Пока человек не освободился еще от своего Двойника, он, собственно, не имеет еще Собеседника, а говорит и бредит сам с собою... завистнику и тайному стяжателью чудятся и в других стяжатели; эгоист именно потому, что он эгоист, объявляет всех принципиально эгоистами. Везде, где человек осуждает других, он исходит из своего Двойника, и осуждение есть вместе с тем и тайное... самооправдание»*. В свою очередь, этим первичным экзистенциальным установкам-отношениям к Другому как к двойнику или как к собеседнику соответствуют, по А.Ухтомскому, два противоположных способа истолкования других людей и явлений: «в первом случае человек домогается равенства тем, что стаскивает другого с его высоты до своего уровня, принижает его до себя. В другом случае он домогается того же равенства, но тем, что усиливается подняться со своего низа до того высшего, в котором видит другого».

В народной мудрости это парадоксальное явление схвачено в известной поговорке о том, кто громче всех кричит «Держи вора!». Кричит сам вор для того, чтобы отвлечь от себя внимание. Характерными примерами этого служат уже упомянутые обвинения русских в «шовинизме» (с целью «оправдания» и маскировки *собственного* шовинизма) или приписывание *собственного* комплекса неполноценности тем, кто как раз от него избавлен. Другой характерный пример — разглагольствования украинских шовинистов на тему Переяславской Рады. Благодаря этому событию, то есть благодаря великой совести русского Царя и всего его народа, ввязавшегося ради спасения единоверных братьев от геноцида в абсолютно не выгодную для себя войну с двумя более сильными в то время противниками (Польшей и Турцией), и существует современная Украина и населяющий ее народ — в противном случае шансов сохраниться у него практически не оставалось. В ответ на это благороднейшее жертвенное деяние, как известно, была не только братская поддержка и верность малороссийского народа, но и систематическое подлое предательство тогдашних местных шовинистов — от Выгодского до Мазепы, многократно и по дешевке продававшихся всем подряд в расчете на эгоистическую выгоду. И вот нынешние их последователи добрехались до того, что стали обвинять в предательстве именно тех, кто спас их предков от гибели! Мир с Польшей, остановивший почти десятилетнюю бойню, объявляется «зрадою москалей»! А чего стоит миф о «военном союзе»! Эти невежды, всюду кричащие о своей «европейскости», очевидно, даже не знают, что по тогдашним нормам европейского международного права союзы могли заключаться только между коронованными монархами, и поэтому даже самостоятельные княжества и графства принимались только в подданство, не говоря уже о не имеющем никакого юридического статуса сборище людей, составлявшем Войско Запорожское. Кажется, что в этом вопросе украинские идеологи вообще утрачивают всякую способность к разумному мышлению, превращаясь в каких-то зомби своей мифологии. Представьте себе, например: заключил король Англии с королем Франции в середине XVII века такой вот «военный союз», и сразу же из Англии по всей Франции разъехались чиновники, принимая у всего населения присягу подданства английскому королю, а в Париже и других городах становятся английские гарнизоны. Вот именно такой «союз» и был заключен в 1654 году в Переяславе.

Еще одним примером, отличающимся особой лживостью и лицемерием, являются частые заявления о том, что русские яко-

бы «ненавидят все украинское» и т.п. Впрочем, ни одного реального факта такой «ненависти» никто так и не смог назвать по той простой причине, что их не существует в природе. Русские любят все «украинское» просто потому, что считают его своим родным. Однако такие заявления и не нуждаются ни в каких фактах — они нужны именно для того, чтобы «оправдать» *собственную* ненависть ко всему русскому, в основе которой лежит примитивная плебейская зависть перед величием русской истории и культуры и чувство неполноценности.

Самый яркий пример лицемернейшего «двойничества» — это миф о «русификации», который используется украинскими идеологами как раз для лицемерного прикрытия реальной политики насильственной украинизации — для развязывания откровенной войны против русского языка и культуры как минимум половины граждан Украины. Сама ситуация, когда половина населения страны не имеет своего языка в качестве государственного, в современном мире является совершенно уникальной и беспрецедентной — кроме Украины, таких стран вообще нет. Однако вместо признания столь очевиднейшего факта, на фоне которого все разговоры о «демократии» на Украине просто смешны, — продолжают рассказывать сказки о «русификации», которой на самом деле вообще никогда не было. Как известно, основы светской русской культуры были созданы в XVII веке именно южнорусами, в том числе и светский литературный язык: «Грамматика» М. Смотрицкого и «Лексикон словено-росский» П. Беринды, написанные в Киеве ещё в период его пребывания в составе Речи Посполитой, были школьными учебниками по всей Российской империи до конца XVIII (и учившиеся по ним «зело дивишася» бы, если бы им кто-то сказал, что они учат не русский, а некий «украинный» язык). В XIX веке в Российской Империи не существовало никаких проблем с распространением письменности на «малороссийском наречии», причем центром издания этой литературы был Санкт-Петербург (в 1818 году там даже была издана «Грамматика малороссийского наречия» А. Павловского, а в 1840 — «Кобзарь» Т. Шевченко). Честные и научно грамотные украинские авторы признают, что подобное было в то время совершенно немислимо ни в одной из западноевропейских стран, где местные языки всегда системно искоренялись и поэтому к настоящему времени практически исчезли.

Однако и Россия была вынуждена перейти на «общеевропейские стандарты» отношения к этническим движениям после того, как поляки во время восстания 1863 года стали издавать и распространять антирусские листовки, написан-

ные на этом наречии. Причем даже и в этом случае имела место конфронтация между ведомствами, во время которой министр народного просвещения Головнин выступал за развитие книгопечатания и образования на наречии, и всё в конечном счете решила позиция самого малороссийского дворянства, засыпавшего Петербург петициями, требовавшими его запрещения. Основным содержанием этих петиций было возмущение тем, что какие-то самозванцы выдают себя за представителей всего малороссийского народа и навязывают ему свой искусственный язык, в то время как сам народ «охотно, и даже с любовью учится по книгам русским и церковнославянским и в помысле не имеет искать для себя какого-либо еще особого языка... Есть даже признаки, — отмечалось далее, — что народ смотрит враждебно на непрошенные заботы о нем местных патриотов и обижается на замену образованного русского языка малорусским наречием».

То же самое происходило и поныне происходит в период интенсивных украинизаций, начатых большевиками и ныне продолжаемых их националистическими последователями. Полный провал всех этих кампаний заставил украинских идеологов сфабриковать концепцию так называемой «русификации», которая якобы и привела к переходу на общерусский язык более половины южнорусов и к их упорному нежеланию изучать «ридную мову».

Своего рода «шедевром» такой фабрикации стало письмо-трактат литературного критика Ивана Дзюбы в ЦК КПУ «Интернационализм или русификация?» (1965). Главное требование Дзюбы — возобновить политику насильственной украинизации 1920—1930-х. Дзюба обвиняет большевиков тех лет в том, что они оказались недостаточно последовательны и отступили, встретив стихийное сопротивление не только населения, но и низового звена самих коммунистов. А нужно было, говорит Дзюба, дожать! Такой вот демократ и борец за права народа, как ныне принято величать академика Дзюбу. Однако самое интересное в названном опусе даже не это, а сам «метод» доказательства существования политики «русификации». Если кто-то захочет найти там цитаты из партийно-государственных постановлений, предписывающих что-то или кого-то «русифицировать», то будет весьма разочарован, ибо обнаружит нечто прямо противоположное: массу украинизаторских постановлений разных лет (отнюдь не только 1920—1930-х), массу таких же цитат из «классиков» и из выступлений партийных деятелей, неустанно клеймящих пережитки «великодержавного шовинизма». Но как же всё-таки Дзюба «доказывает»? А очень просто: ссылаясь на сам факт массового распро-

странения русского языка и не востребованности украиноязычной печатной продукции. «Позвольте! — воскликнул бы любой непредубежденный исследователь, — но ведь на это могли быть и совсем иные причины, а вовсе не государственная «русификация»! Например, стихийная реинтеграция южнорусов в единое русское культурно-языковое пространство, облегченная стремительным развитием массовых коммуникаций в XX веке и вообще тяга к русской культуре, одной из самых мощных в мире». И будет совершенно прав. Все прекрасно помнят книжные магазины, заваленные изданиями на украинском языке, регулярно списываемыми в макулатуру, и украинские классы по 7—8 человек, в которые никто не хотел идти и соблазнялся лишь обещаниями всяческих льгот, и многие другие прелести украинизации, просуществовавшие до самой перестройки. Весьма показательны и то, что общий тираж изданий на украинском языке в конце 1980-х годов в 10 (!) раз превышал нынешний. К сожалению, все эти процессы еще не дождался своего систематического исследования, которое всё поставило бы на свои места. В частности, легко показать, что уменьшение доли украиноязычного образования всегда имело *догоняющий* характер по отношению к процессам естественного перехода на русский язык вследствие урбанизации и информатизации общества — т.е. по причине его реальной **не востребованности** самим населением, а вовсе не по причине некой «насильственной русификации».

Насильственной всегда была именно украинизация, которая на самом деле осуществлялась на протяжении всего советского периода, имея в 1920—1930-х агрессивно-наступательный характер, а в остальное время лишь более мягкий и «ненавязчивый». Поэтому «именно победа большевиков и их национальной политики обеспечила формирование отдельной украинской национальной идентичности и закрепила раскол русской нации». И совершенно закономерно, что этот опыт большевиков-украинизаторов затем продолжила нацистская администрация в период оккупации. И то, наконец, что миф о «русификации» используется нынешними украинскими идеологами именно для борьбы против русского языка и культуры **большинства** граждан Украины. Причем ими открыто признается, что утверждение русского языка в качестве второго государственного или хотя бы просто официального станет «началом конца украинской мовы». И ни у кого даже не возникает совершенно естественного для всякого нормального человека вопроса: а кому вообще нужна такая «мова», которая якобы не может самостоятельно существовать без навязывания её государством? На самом же

деле подобная риторика лицемерна, поскольку украинский язык там, где он является естественным для населения, существовал в «тепличных» условиях и в советское время, и тем более сейчас. Вся эта ложь придумана только для борьбы с русским языком половины граждан страны. А бессовестное мошенничество Дзюбы и ему подобных с их псевдодоказательствами является вообще «классическим» примером построения всей украинской антиисторической мифологии. Подобным же образом создана и вся остальная ложь украинства.

На уже упомянутом «воровском» принципе построено и все то, чем промывают мозги школьникам под видом «истории Украины». Вся эта история есть не что иное, как ворованная русская история — многовековая история земель юго-западной Руси. Известно, что население этих территорий вплоть до «украинизации» 1920—1930-х годов называло себя «руськими» (или «русинами» — в Галиции) и считало себя единым народом с великороссами. Этот факт с ужасом для себя обнаружили деятели «национально-освободительной борьбы» в период Гражданской войны. По воровской же «логике», подлинно русская история объявляется исключительно «украинской», но «вкраденной москалями».

Главный вопрос: почему подобные представления продолжают находить достаточно широкий отклик и становятся фактом массового сознания? Понятно, что это было бы невозможно без применения манипулятивных технологий и простого обмана. Однако важнее увидеть и объективные предпосылки временной популярности украинизма. В частности, как показывает опыт, «украинская идея» выполняет функцию, пользуясь термином А.И. Солженицына, «отрицательного отбора», втягивая в число своих приверженцев, в первую очередь, людей эгоистически озлобленных, обремененных комплексом неполноценности и поэтому стремящихся к самоутверждению за счет принижения инакомыслящих, а также откровенных приспособленцев. Однако важно заметить, что в наше время уже многие адепты украинства — это «русскоязычные», многие из которых даже не умеют разговаривать на официально принятом украинском языке (искусственно сконструированном в XX веке). Объяснение этому факту дает С.Н. Сидоренко:

«Для русского и русскоязычного населения Украины, составляющего не менее половины всех ее жителей, всегда были характерны духовная незаполненность, пустота. Всю жизнь разговаривая на русском языке, эти люди в массе своей совершенно не подозревали о духовных богатствах тысячелетней культуры, стоящей за этим языком. Когда их стали вынуждать поменять язык и культуру на нечто другое, они без-

ропотно согласились, оттого что были не затронуты этой культурой, так что, по сути, им и не пришлось ничем жертвовать (если не считать некоторых неудобств «бытового плана», неизбежно сопровождающих всякую «смену вывесок»).

Заметим, что эта ситуация является далеко не новой и вообще «классической» для всех, становящихся адептами украинизма. Наблюдавший за событиями 1918—1920 годов будущий академик Н.К. Гудзий сделал важный вывод: «Самостийники и количественно и качественно... незначительны и вербовались они или среди галичан, или среди тех, кто на всякой политической идеологии способен был делать себе карьеру... Для кого большая духовная культура России была пустым звуком, о тех можно сказать, что за душой ничего у них не было и, отказываясь от России, им терять было нечего». В.И.Вернадский назвал тогдашнюю украинизацию «дикой» (она и стала примером для нынешней). Тем самым, совершенно очевидно, главной психологической и экзистенциальной предпосылкой «идейного» украинизма всегда была и остается **неспособность к восприятию великой культурной традиции, стремление к резкому снижению культурного стандарта.**

Подобных свидетельств существует множество. Например, в мемуарах Павла Скоропадского читаем: «Узкое украинство — исключительно продукт, привезенный нам из Галиции, культуру какой-либо целиком пересаживать нам не имеет никакого смысла: никаких данных на успех нет, и это является просто преступлением, так как там, собственно, и культуры нет. Ведь галичане живут обедками от немецкого и польского стола. Уже один язык их ясно это отражает, где на пять слов четыре польского или немецкого происхождения... Великороссы и наши украинцы создали общими усилиями русскую науку, русскую литературу, музыку и художество, и отказываться от этого своего высокого и хорошего для того, чтобы взять то убожество, которое нам, украинцам, так любезно предлагают галичане, просто смешно и невыносимо».

В этом контексте кажется уже совершенно не удивительным, вполне естественным еще один исторический феномен, о котором свидетельствовал В.И. Вернадский: «на Украине украинскими шовинистами-самостийниками являются евреи, имеющие там огромное значение — но только в городах». Это естественно — ведь поскольку для того, чтобы стать «самостийником», нужно не иметь никакого понятия о русской культуре, то тогдашние местечковые евреи годились на эту роль даже намного лучше, чем «коренные» малороссы. (Подобное явление наблюдается и в наше время, хотя и в меньшем объеме.)

Проект глобального однополярного мира предполагал недопустимость воссоздания самостоятельного цивилизационного пространства Евразии, которое чем-либо выделялось бы из общего болота «третьего мира». В соответствии с этим проектом, как писал А.С. Панарин, *«народы Евразии теряют единое большое пространство и погружаются в малые и затхлые пространства, где царят вражда, ревность и провинциальная зашоренность. Они теряют навыки эффективной экономической кооперации, социального и политического сотрудничества, превращаясь в разрозненных маргиналов нового глобального мира. Они теряют язык большой культуры и великую письменную (надэтническую) традицию, возвращаясь к этническим диалектам или даже придумывая их в случае реальной ненаходимости в прошлом»*. Современная Украина является характернейшим примером реализации всего перечисленного. Однако когда деградация «разрозненных маргиналов» и иллюзорность «евромечтаний» станут очевидными большинству населения, украинизму придет быстрый конец — и этот процесс уже начался.

Тот печальный, но одновременно и обнадеживающий факт, о котором пишет С.Н. Сидоренко, еще раз доказывает, что совершенно неправильно, как это, к сожалению, часто бывает, рассматривать украинство как нечто внешнее, навязанное извне и именно *противо*-стоящее Русскому миру. Действительно, украинство всегда активно использовалось и поощрялось извне, но в своих подлинных истоках это именно *внутренняя русская болезнь*. Украинство — это внутренняя экзистенциальная и нравственная болезнь самого Русского мира, неизбежное следствие отхода от христианских ценностей жизни, на смену которым пришли призывы животной природы в человеке, в том числе и этнический эгоизм. Это разновидность русского «западничества» и особой русской «смердяковщины», патологически обострившаяся на этнической почве, а также на почве утраты исторической памяти и элементарного бескультурья. Соответственно, и преодоление украинизма может быть только свободным *нравственным актом* народа возвращения к своим исконным ценностям.

Именно этот процесс будет главным и определяющим фактом нашей истории в ближайшие десятилетия, а его результат не предопределен и зависит исключительно от личных усилий людей, борющихся с этой тяжелой болезнью.

Русская народная линия

КАК ДАЛЕКО ДО ЗАВТРАШНЕГО ДНЯ

ПОВЕСТЬ

21

Это была, конечно, большая удача: поезд главнокомандующего и санитарный эшелон Белого Креста в то утро стояли рядом. Отец Владимир, выпив чаю, вышел на перрон и двинулся вдоль штабного состава, ища глазами вагон Врангеля.

Аэропланы красных появились над Джанкоем неожиданно. Клюнув воздух тупыми носами с вертящимися пропеллерами, они ринулись в атаку прямо на поезд главкома — ударили из пулеметов, а затем сбросили бомбы. Бомбы легли мимо, но одна — случайная, шальная — накрыла взвод пехотинцев на отдыхе. Востоков, невольно втянув голову в плечи, молился, осматриваясь в поисках укрытия.

А фугасы падали: У-гу-гу-ба-ах! — то слева, то справа вздымались колючие кусты разрывов.

— Что, батюшка, так и будем приседать перед большевистскими бомбами? — услышал знакомый насмешливый голос. Посмотрел: Врангель. И свита с ним. И никто не кланяется. Прямо по перрону идут.

Окончание. Начало в №7-8 за 2014 г.

ПРОЗА

— Так, ваше высокопревосходительство, жизнь наша — дар Божий. Чего ж попусту-то... Ведь не на поле брани, — возразил с улыбкой, заметив, что генерал Шатилов сделал большие глаза.

Потянулись за главкомом в его вагон. Пригласили и отца Владимира. Он оглянулся, увидел: санитары уносили раненых и убитых бомбой пехотинцев; из дымящейся еще воронки не спеша вылезли два голодных пса, мокрые от крови, и принялись встряхиваться, как после купания в реке.

В аппаратной молодцеватый ординарец вручил барону срочную депешу. Тот пробежал ее цепкими, чуть выпуклыми светлыми глазами, которые еще светлее вспыхнули на гневно побагровевшем лице.

— Вот они, англичане! Предлагают нам мирную конференцию в Лондоне. Чтоб мы большевичкам руки пожали. Но при этом, господа... Такой пустячок: они с товарищем Красиным будут обращаться как с равным, а мне, русскому генералу, местечко выделят... Ах, спасибо! Да, выделяют — с краешку стола и, понятно, без права голоса!

Долго переговаривались, возмущенно обсуждали послание союзников.

— У вас, кажется, письмо, отец Владимир, — еще не остывший Врангель стремительно повернулся к протоиерею ломким в талии телом. — Мне Шатилов докладывал. Оставьте, посмотрю.

Оставил. Прощаясь, с сожалением подумал о том, что лучше было бы поговорить. И еще подумал: хорошо, что нет здесь владыки Вениамина; конечно, смириться бы надо, ибо епископ — начальствующий над ним, но все же печаль от последнего разговора никак не покидала.

А вскоре поезд мчал его дальше. На станциях с тоской смотрел, как спекулянты-мешочники штурмуют идущие на север эшелоны: ведь цены в освобожденных местах в тридцать, а то и в пятьдесят раз ниже, чем в Крыму. Что тут скажешь: кому беда военная, кому прибыль здоровенная. Лезут, толкаются, головушками забубенными рискуют: красных-то только-только отогнали, а как опять вернуться? Барышом, даже небывалым, разве от пули спасешься?

Ночами часто не спалось. Верно сказано: бессонница учит нас мужеству — перед самим собой, перед своей совестью. Под колесный пересчет стрелок, разъездов и стыков он все думал о том, переданном главкому, письме. Может, зря он, обычный русский священник, напомнил образованному барону о простом — о том, что наша святая Русь не напрасно так называлась: с десятого уже века — и церковно, и госу-

дарственно — жила она, силу набирала на крепких православных основах. Да, случались грехи, ошибки, общественные и личные, — но так это по природным немощам человеческим. В конце концов преобладали они силою Креста Христова, благодатью Святого Духа.

А далее — увлечение французской революцией, декабристы, 1905 год. Тут-то, наверное, Врангель поморщится: не учите ученого; кто ж этого не знает? Но вот несчастье: все знали, а остановить не смогли. Не отважились пресечь клевету на отца Иоанна Кронштадтского, на митрополита Московского Владимира, епископа Саратовского Гермогена. И бомбу не отняли, револьвер не выхватили: погиб Столыпин. Погиб за попытку общепольного устройства земельного хозяйства. Потому что выдергивал из рук развращенной, пьяной массы крестьянства и отбросов пролетариата удочки с приманкой черного передела земли, выгодного для голытьбы и разорительного для честных, благонастроенных работников.

Заиграло по России «освободительное» движение. Да нет же — разорительное оно.

Ответ от главкома отцу Владимиру передала Елизавета Митрофанова, председательница общества «Белый Крест», созданного ею для помощи раненым офицерам-добровольцам.

— Вас ждет генерал Кутепов. Съездите к нему, поговорите.

— А почему не Врангель? Я ему писал.

Митрофанова лишь пожала плечами.

Штаб командующего Первым армейским корпусом генерал-лейтенанта Кутепова находился не так уж и далеко, в немецком поселке только что отбитой у красных Таврии. Востокову указали нужный дом. Он шагнул к калитке и вдруг услышал церковное пение. Сомнений не было: в саду шла служба. На прогретой солнцем поляне стоял стол под белой скатертью, а на нем, как и положено, — образ, Евангелие, крест. Сладковато-благоуханный кафельный дым, клубясь, поднимался к небу. Молились вместе — рядовые, офицеры.

Пожилого священника он узнал сразу: отец Ефрем, сельский батюшка, кажется, из-под Курска. И прошение его владыка Вениамин показывал. Врезалось оно в память: «Я отдал Родине все дорогое мое достояние. Два старших сына погибли в битвах с германцами. Двух младших я на днях отпустил в 1-й Корниловский ударный полк... Взят жену и дочь, бежал, оставив свой дом во власть комиссаров. Твердо решил, по мере сил своих, бороться с большевизмом, и покорнейше просил бы Ваше Высочайшее предоставить мне место в Русской армии».

А вот и сам Александр Павлович Кутепов, гроза паникеров, дезертиров и тыловых шкур, — темнобородый, кряжистый, стоит неподвижно, прямо, будто свеча зажженная: кажется, именно так молился в храме Достоевский — в сосредоточенном предстоянии, в смирении сокрушенного сердца, в покаянном горении глубокой веры. Генерал точно врос в землю, ни разу не переступил с ноги на ногу, не изменил позы.

Мелькнула мысль: наверное, как солдат молится, так он и в сражении. Если о Кутепове — тут все верно. Трижды раненный еще на Великой войне, георгиевский кавалер, в гражданскую дошел он до Орла, затем отходил к Новороссийску, сохранив, несмотря на потери, боеспособность своих дивизий — Корниловской, Дроздовской, Марковской, Алексеевской. Сейчас части его корпуса дрались, тесня большевиков, в Северной Таврии, очищая от них район Большого Токмака и Щербаковки, развивая наступление на ореховском и александровском направлениях. Конечно, времени у генерала было в обрез. Их беседу после молебна то и дело прерывали ординарцы с фронтовыми донесениями.

— В целом, отец Владимир, мысли вашего письма я разделяю. Не по силам людям в одиночку одолеть сатану. И большевиков, нынешних сатанистов, гонителей веры, тоже. Вы предлагаете...

— Мое предложение простое, — подхватил Востоков. — Воздвигните на ваших знаменах Животворящий Крест, и вы победите палачей России, разрушителей Церкви. Так когда-то царь Константин победил злого языческого царя Максенция — силою Честнаго и Животворящаго Креста.

— Уверены?

— Абсолютно.

Снова в комнату ворвался дежурный по штабу:

— Ваше превосходительство, мы взяли тет-де-пон!

— Капитан, — нахмурил выпуклый лысеющий лоб Кутепов, — вы ведь русский. Так и говорите по-русски: плацдарм.

— Виноват, плацдарм! — исчез за дверью офицер.

— И это тоже русские, — генерал мрачно покосился на советскую газету, лежащую перед ним. — Воззвание напечатали. Призывают нас объединиться вокруг... — приблизил текст к глазам, — вокруг «старых боевых товарищей» и спасти «матушку Русь». Большевики спасают матушку Русь! Чудеса. А подписи-то какие: бывшие генералы Брусилев, Поливанов, Зайончковский, Парский, Балуев, Акимов.

— Беда. Тягчайший грех — предательство.

— Да, батюшка. Но коммунисты тоже говорят: мы боремся за единую, великую, неделимую Россию. В чем же разница? — сиянием черных глаз плеснул в упор Кутепов.

— Вы же, любезный Александр Павлович, сами знаете. Без Бога они. А Россия всегда с Богом была, побеждала и крепла.

— Это так. Мне владыка Вениамин про одного писателя рассказал. Не верит сей господин в белое дело. И вот что говорит: чтобы большевиков победить, нужно либо задавить их числом, либо святостью. А у Врангеля, дескать, ни того, ни другого, — усмехнулся генерал.

— Ну и ну: святостью задавить... Разве можно? Святостью не давят, ею возвышают.

— Простите, отец Владимир, но у нас тут Жлоба наступает. Семь с половиной тысяч сабель. Вдвое больше нашего. Времени у меня нет. Но про план свой расскажите. Что делать намерены?

План протоиерея Востокова был таким. Перво-наперво — литургия в походных церквках, в храмах Крыма, на освобожденных территориях. Проповеди и беседы перед боями. Конечно, при общем пении молитв. Еще надо бы подумать о формировании особых «крестовых рот», дружин Святого Креста, где православные офицеры-добровольцы называли бы друг друга: «брат-капитан», «брат-поручик». Написание и распространение антибольшевистских брошюр — «Пришествие антихриста», «О волках в овечьей шкуре», «О поругании святых мощей».

— А что, правильно, — кивнул крупной головой генерал. — Мы ж за веру сражаемся, за Отечество.

Но самое главное — в другом. Пусть идет на север Русская армия — со своими ударными дивизиями, кавалерией, с оружием заряженным и отточеным, с развернутыми знаменами. Хорошо это, но мало, считал Востоков. Вместе с белыми воинами, под их охраной, непременно должен шествовать всенародный Крестный ход — из Крыма к измученному сердцу православной России, к Москве. С хоругвями, иконами, с возженными свечами в фонарях, чтобы этими крестносными впечатлениями возбуждать доверие людей к целям Русской армии. И чтоб привлечь в ее ряды новых добровольцев, христианских патриотов. Тогда многие из красноармейцев бросят винтовки, вольются в этот поток: наши же, православные. Так и дойдем до Кремля, очистим родину от безбожников...

Отец Владимир замолчал. Молчал и Кутепов, положив тяжелые руки на эфес шашки с серебристым вензелем.

— Крестный ход... А знаете, батюшка, — лицо его враз посветлело, и он пророкотал решительно, — осуществляйте-ка свой план! Я вас поддерживаю. А теперь — благословите. Пора.

Востоков проводил его до самого аэроплана. Перед тем, как двухместный «Сопвич» взревел мотором, успел сказать:

— А Жлобу вы разобьете. Непременно.

Биплан унес Кутепова к месту скорого сражения.

В эти же минуты советский командир Дмитрий Жлоба неспешно ехал вдоль фронта своего конного корпуса. Сперва он двигался на мотоциклете, затем перебрался на бронированный автомобиль, но все равно за нам по степи бежала гнедая кобыла, на которую комкор садился только перед боем. И «Харлей», и авто были покрашены в яркий красный цвет, заметный издали. Но на маскировку товарищ Жлоба наплевал: верил в свою звезду, и его конники верили. Еще он точно знал: революция совершилась именно для него и ради него, сына сельского батрака. Хотя в других бумагах писал, что отец его — потомственный киевский пролетарий. А если для него, то это справедливо, когда бойцы подносят ему захваченные вещи генерала Шкуро: экипаж на дутых шинах, кинжал и шашку — золотые, именные, а к ним — коричневый бешмет и каракулеву папаху, в тон ему. Да и кое-что другое подносят — так, по мелочи.

Белогвардейцы называли революцию презрительно — переворотом. И героический Жлоба тайно признавался себе, что это слово ему ближе и понятнее. Переворот, — стало быть, все с ног на голову. Вот вышел из батраков, а теперь генеральской шашечкой поигрывает, в домах лучших на постой устраивается, в руке резиновую плетку носит, и тоже красную. Именно этой красной плеточкой, случалось, воспитывал командир корпуса своих подчиненных — то поперек спины, а то и вдоль, с оттяжкой. И никто не обижался, а даже умилялись: свой бьет, социально близкий. Не то что какой-нибудь «их благородие».

На таких комкорах-краскомах и держалась большевистская армия, и победила благодаря им. Из них после сотворили наспех советскую аристократию. И Жлоба попал туда. Жил в просторных особняках и квартирах с прислугой, держал дорогих охотничьих собак, постреливал по бутылкам из коллекционных пистолетов «Монте-Кристо», дети его ходили в лучшие школы, а иностранным языкам их учил солист Большого театра известный тенор Бернарди. Конечно, легендарного героя войны все-таки расстреляли. Свои же, из родного пролетарского НКВД. Сперва,

как водится, выбили зубы. Это уж после, в 1938-м. И дело-то у них обычное, не очень интересно...

Но вот автомобиль остановился. Командир корпуса дал знак, и тотчас грянула песня: «Бесстрашный, отважный, товарищ наш Жлоба, нам слава твоя дорога. Ты белым опасен, в глазах твоих злоба, ты вихрем летишь на врага...»

Тысячи сорванных в атаках глоток понесли, передавая от шеренги к шеренге, нехитрый мотивчик, которого, в общем-то, и не было, зато были слова, а в них — все: любовь, преданность тому, кому вверена жизнь, готовность идти за ним — надежным, заботливым, удачливым. Ведь боевая удача командира — она не только его, а — всеобщая, обнимающая и оберегающая всякого, кто с ним, нисходящая и на последнего, замыкающего строй солдата.

— По причине вспыхнувшего во мне огня революции! — вскричал Жлоба, когда песня смолкла.

Верно: огня. И бойцы у этого огня грелись. А поскольку многие хлебнули сполна — вначале дезертирской бунтовской мути, потом обмана хмельных ораторских словес, то в тепле их, как водится, развезло. Да так, что офицерье запросто насаживали на штыки, молоденьких барынек тянули на сеновалы, в тылу из просторных домов и поместий добро растаскивали, зло наливались осипшим «яблочком», на городских площадях, выплевывая подсолнуховую шелуху, радовались, что комиссары стоят горой за них, оправдывают нетрезвый разбой, по плечу треплют. Комиссары скрипели кожей, были вдохновенно бледны и огнеоки. И так полыхнул черный огонь из зорких недобрых глаз, что и в церковь вошли, решились, вначале робко, а потом смелее, но не молиться, а глумиться, харкать под ноги, попов пускать в расход, если вздумают перечить, святыни собой заслонять.

Но разве пойдет на это русский человек, когда трезвый, когда в светлом и здоровом своем уме? Влили в него насильно злого хмеля, и добавляют незаметно. И зовется это — революцией.

Гнедая кобыла вдруг заржала. Кто-то крикнул: «Жлоба — шахтер, Жлоба — хитер!», намекая на горняцкую юность комкора. Тот улыбнулся: а что — хитер. Чтобы в темноте различать своих, приказывал вязать через плечо белые полотенца — сподники, как у сватов. На Верхнем Дону, оставшись без связи со штабом, захватил линию белогвардейцев и по их телефону поговорил с генералом Покровским и так голос изменил, что приняли его за своего, и все рассказали — про расстановку сил, о сроках и направлении атаки.

А сейчас Жлоба плакал. Это было всегда перед боем. В его узких темных глазах блестели слезы. Он не приказывал идти за ним на полки Кутепова, он просил, умолял наступать вместе и разбить врага. Красные эскадроны стояли не шелохнувшись, и щеки кавалеристов были мокры.

Все это напоминало какой-то странный молебен, но без молитв. Здесь не было икон, не курился дымок из кадила, полковой священник не пел акафисты и псалмы. Только бил себя в грудь командир корпуса, член ВКП(б) с 1917 года, и плакал перед строем. Бойцы тоже глотали горячую влагу. Несколько человек держали в руках портреты товарищей Троцкого, Ленина, Уборевича, а еще улыбчивого главкома вооруженных сил республики товарища Розенфельда, почему-то скрывающегося под тяжеловато-мрачной кличкой Каменев.

— Помните, родные мои, как я упрашивал вас идти под Царицын? — завершал Жлоба свою речь.

— Помним! Чего уж там... — прилетело из густых рядов.

— И опять умоляю. Перед светлыми образами вождей трудового народа, — указал красной плеткой на портреты. — Кто хочет счастливо жить, айда за мной. И мы победим!

Эскадроны отозвались ликующим, громовым «ура». Засверкали над фуражками и буденовками выхваченные из ножен клинки.

Жлоба спрятал мокрые хитроватые глаза в мякоть сдернутой трофейной папахи, доставшейся ему от генерала Шкуро. И вдруг упал перед строем на колени. Крик превратился в оглушительный, восторженный рев.

— За тобой, командир! За тобой!

И пошли, восемнадцать отборных конных полков, поскакали широкой долиной реки с теплым и вкусным именем — Молочная, вдоль дороги Черниговка—Мелитополь, чтобы отбить у белых город, а до этого разгромить части Донского корпуса, выйти в тыл генералу Кутепову, отрезать его от Крыма и уничтожить при поддержке стремительно наступающей группы товарища Федько.

Но в те июньские дни не помогли комкору Жлобе ни красная плетка, ни трофейная генеральская шашка, ни светлые слезы из темных глаз, пролитые перед привыкшими к боевым удачам красными конниками, ни невероятный «молебен» с портретами вождей. Врангелевская разведка сработала оперативно, маневр большевиков был разгадан, и войска вовремя переброшены от Каховки на нужный участок.

Второй Корниловский ударный полк, где капитан Григорий Ермаков теперь служил помощником командира, выд-

винулся в район колонии Орлово-Тиге. Полк растянулся почти на три версты, а со сторожевым охранением и того больше, поэтому поездка капитана по батальонам, во время которой он проверял связь, затянулась до ночи. Вернувшись, он доложил о положении дел и пошел к себе — спать.

Его разбудили выстрелы, разрывы ручных гранат. Вместе с ординарцем Ермаков верхом помчался на звуки боя. Навстречу им по единственной улице колонии неслись, вздымая пыль, убегающие походные кухни, а позади их, чуть поодаль, сновали от одного двора к другому какие-то всадники. На седлах и в руках у них были узлы с добром. «Красные? С награбленным!» — мелькнуло в не отдохнувшей тяжелой голове. И тут же капитан увидел, как вражеские конники плотной быстрой группой рванулись к ним, даже воровскую добычу не побросали. Наперерез красным смело выскочила тройка корниловцев на лошадях. От встречных ударов лягнувших шашек разлетелись колючие яркие искры. Но силы были не равны, и несколько жлобинцев вплотную приблизились к Ермакову.

Отбивались огнем из наганов, стреляли почти в упор. Слава Богу, пехота подросла, залпами посшибала из седел кубанцев-предателей, упали они в пыль, так и лежали в обнимку с узлами. Остальные ускакали. Сказано же: не укради! Ибо всякой вещи, всякому имению есть свой владелец. Впрочем, не до того теперь было капитану.

Среди высоких хлебов на полковые позиции поэскадронно шла кавалерийская масса, и сколько там сабель, никто не знал: тыл наступающих тонул в утреннем тумане, и оттуда выныривали все новые и новые верховые.

— Пулеметы ко мне! Ротам резерва изменить направление — на главный удар! — скомандовал Григорий.

Плотным огнем удалось рассеять летящие на них передовые эскадроны корпуса Жлобы. Стремительно катившаяся на Мелитополь большевистская лавина замерла, увязла в неудачных атаках, потеряв почти сутки, и это позволило белым выбрать точное направление для контрудара. Советские хотели выйти в тыл частям Кутепова, но получилось, что, застряв у Орлово-Тиге, они не заметили, как в темноте их самих обошли корниловские полки.

А наутро первыми пошли в атаку сотни красных екатеринодарских казачков. Двигались хитро: сперва змейками, а когда до белых оставалось не более версты, когда вынеслись на открытую местность, враз лихо развернулись в две шеренги и, выхватив шашки, полетели в атаку. Ермаков ощутил холодок под самым сердцем, но успел отрешенно отме-

тить: почему-то казачки, как один, надвинули на глаза кубанки.

— Ты глянь-ка: зенки свои закрывают. Поди ж, совестно! А?!

— Да уж. Ведь вместе Кубань от комиссаров очищали. Иуды. Прицел проверь.

— Проверил. Получат пшенки свинцовой! А совесть... Это ж глас Божий.

Это переговаривались пулеметчики. Глухие слова доносились до Ермакова, как сквозь толщу увязшего в балках утреннего тумана. Разливался по степи, близился, вползал в затосковавшие сердца гул от копыт мчавшейся на них конной лавы. Красиво, лихо летели кубанцы, умело сохраняя равнение в сотнях. По всему было видно, что они уверены в успехе. Но и залегшая белогвардейская пехота знает свою огневую мощь.

Расстояние стремительно сокращается. С полверсты осталось, а теперь и того меньше. Пылающий, останавливающий дыхание ком подкатил к горлу Ермакова. Оцепенение овладело им. Пора было открывать огонь; первые номера пулеметных расчетов с тревожным недоумением поглядывали на капитана. Сквозь рев атаки он словно услышал спокойный голос отца Владимира: «Гнушайтесь убо врагами Божиими, поражайте врагов Отечества... Не забыл Святителя Филарета?»

— Огонь! Пли!

Десятки «максимов» враз ударили, понесли потоки пуль навстречу привставшим в стремях всадникам, их сверкающим шашкам, надвинутым на глаза кубанкам. И всадники падали в пыль, и папахи с алыми ленточками-полосочками катились под копыта и крупы убитых лошадей, и отточенные клинки выскальзывали из простреленных рук, и уже не сверкали так смертельно и грозно, а затаптывались, беспомощно гасли в прахе прогретой южной земли. Кое-где алые ленточки слетали с кубанок, открывая след от кокард русской императорской армии.

Нетерпелив, ох и нетерпелив товарищ Жлоба! Это и погубило. В лобовой штурм послал он своих бойцов минут на двадцать раньше, чем следовало бы. Ведь сам говорил: сперва, дескать, ударим по флангам, и когда расчихвостим их, тогда и пойдем на центр Второго Корниловского полка. Но поспешили. Не согласовали атаки. И вот — откатились под огнем остатки кубанских сотен.

А комкор снова и снова бросает их в наступление. И уже не одних: четыре бригады рвутся на правый фланг и в тыл к белым, а еще шесть — на левый, и этой самой большой группой командует лично товарищ Жлоба. Но опять отбиты ата-

ки красной конницы — и в центре отбиты, и по флангам, где крепко стоял и метко бил Третий ударный полк вместе с батальоном Первого полка. В те же минуты Третья Донская дивизия напористо гнала перед собой оставленный большевистский заслон, рассекая его на две группы. Впрочем, вся жлобинская конная масса была расколота напополам, заметалась на глазах редееющими эскадронами, в панике бросилась в приготовленные для нее мешки. Тут на них посыпались бомбы с аэропланов генерала Ткачева.

Обескровленный корпус бывшего шахтера очень походил на растрепанный футбольный мяч, попадающий то под один удар, то под другой.

Напрасно Жлоба валился на колени перед своими бегущими бойцами, стегал наугад красной плеткой, вертел над головой трофейной шашкой, рвал на груди гимнастерку с советским орденом, ничего не помогало. Тогда он бросился в сторону Большого Токмака. Ехал, глотая слезы, на своем автомобиле посреди остатков кавалерии. Подбирал в зеленых хлебах раненых и безлошадных — спасал. Но когда напоролся на залповый огонь словно выросших из-под земли дроздовцев, то оставил битком набитую людьми машину, пересел на гнедую кобылу и чудом ушел, вырвался из мешка — с ординарцами, штабом корпуса, всей беспорядочной массой ринулся на север, потом на восток, к Черниговке. В пылающей голове тупо пульсировала, повторяясь, песня о самом себе: «Тебя уважают и старый, и малый, — кубанец, грузин, осетин. Бесстрашный, отважный комкор наш удалый, с тобою мы все победим!»

...А по белым частям уже пошла телефонограмма:

«Объявляю приказ 1-му армейскому корпусу от 20 июня 1920 г., № 3735. Сегодня корниловцы, дроздовцы и 2-я конная дивизия вновь явили свою беспримерную доблесть, выдержку и высокий воинский дух. Многочисленная отборная конница красных разгромлена. Взято 29 орудий, 130 пулеметов, пленные, обоз и большая добыча. В этом исключительном по обстановке бою части соперничали в доблести, а начальники — в искусстве управления. От всего сердца благодарю генералов Витковского, Скоблина, всех командиров полков и артиллерийских бригад и всех начальников за блестящее руководство частями. Генералов, офицеров и солдат сердечно благодарю за исключительно лихую работу. Генерал-лейтенант Кутепов».

Дежурный телефонист не уходил, ждал новых распоряжений. Кутепов повернулся к нему мощным корпусом, устало улыбнулся темными счастливыми глазами:

— Ступайте, голубчик. Все, дело сделано!

Расстегнул верхнюю пуговицу мундира, как-то по-домашнему потянулся и шагнул под густое южное небо. Оно сияло низкими яркими звездами. Сразу нашел хрустально светящийся летний треугольник — Вега, Денеб, Альгаир. Подумал: а ведь именно треугольником выстроился Второй ударный полк, расколотивший острием все атаки красных. Хотя при чем тут звезды. И еще подумал: прав был отец Владимир, одолели Жлобу..

Где-то в степной дали торопились доспорить трескучие пулеметы, тяжелые шестидюймовые пушки надсадно ухали, посылая последние редкие снаряды. Но это продолжалось уже недолго.

Ночь как ночь, бой как бой. Сколько их на памяти генерал-лейтенанта Кутепова?

А засветло еще, часов в шесть вечера, над Мелитополем появился аэроплан. Отец Владимир хорошо разглядел его в открытое окно санитарного эшелона. Сердце внезапно застучало в радостном предчувствии, и он заторопился, выскочил на перрон. Осенил неспешным ровным крестом биплан, кружащий над поездом главкома. От машины отделился розоватый шлейф: сигнальная ракета.

— Донесение! Оттуда, от Кутепова!

Отец Владимир не заметил, как очутился в окружении взволнованных генералов и штабных офицеров. Все смотрели на аэроплан. И вот уже полетел пакет, едва различимая точка с развевающейся яркой лентой — для обозначения места падения. Пакет упал далеко, на запасных путях. И тут... Нет, такого Востокову видеть не приходилось.

Бежали железнодорожные рабочие, бежали ординарцы, конвойцы, дежурные офицеры, генералы. Бежал всегда сдержанный начальник штаба Павел Шатилов. Однако, всех обогнав, попирая этикет и субординацию, впереди неслась длинноногая фигура самого Врангеля в неизменной развевающейся черкеске. Что-то случилось и с отцом Владимиром. Какая-то внезапная властная волна сорвала его с места и тоже повлекла за военными. И только укоризненный баритон владыки Вениамина остановил его: «Подождите! Священническое ли дело? И в ваши-то годы...»

Барон запнулся за рельс, но устоял, лишь замешкался, и это дало возможность молодому адъютанту обойти его на последних саженьях. Он и передал пакет главнокомандующему. Тот вскрыл донесение длинными нетерпеливыми пальцами.

— Разгром Жлобы. Полный, господа!

Откуда-то появилось шампанское. Пили, обнимались, пожимали друг другу руки. «Неслыханный успех. Это войдет в историю тактики и стратегии...»

— И благодарственный молебен. Непременно. Сейчас же... — быстро повернулся Врангель к подоспевшим епископу Вениамину и отцу Владимиру.

Вечером Востоков заглянул к Шатилову. И неожиданно попал на допрос: Павел Николаевич вместе с генерал-квартирмейстером Коноваловым допрашивали пленного помощника начштаба корпуса Жлобы. Это был кадровый офицер, однополчанин квартирмейстера. Вальяжно расположившись у письменного стола, он откровенничал:

— Я — профессионал. И мне совершенно все равно, где служить.

— Вот как? Что Богу, что сатане?

— Полноте, господа! Окажись вы на моем месте, то поступили бы так же.

— Извольте объяснить.

— Да служили бы у них, — спокойно улыбнулся пленный.

Генерал Шатилов молча опустил потемневшее лицо.

22

«У воинов всех народов есть обычай носить на поле брани боевое знамя, и сражающиеся собираются вокруг него в тесный кружок, им воодушевляются в минуты решительные, на него устремляют свои взоры, как на нечто ободрительное среди опасности. За охрану знамени даже некоторые доблестные жертвуют жизнью...»

Отец Владимир перевел дыхание, окинул счастливым взором собравшихся на его проповедь. Сердце пело: еще бы, ведь генерал Кутепов с владыкой Вениамином одобрили идею всенародного крестного хода на красную Москву. А это же сподвижники Врангеля. Стало быть, и сам главком поддерживает движение. И очень кстати: ударные полки Русской армии взяли не только Мелитополь и Бердянск, но и Каховку, вышли к Очакову, отбив два большевистских контрнаступления. Вот теперь бы и пойти, не упустить момент.

Но ясно теперь: будет, будет крестный ход! Потому что во все времена, когда беда приходила в Россию, когда терзали ее голод, засуха, мор, нашествие супостата, духовное нестроение, — вставало над тревожными степными распутьями, стогнами и весями: «Поднять образа!», будто бы воинская команда звучала: «Примкнуть штыки!» Поднимали иконы, хоругви, фонари с зажженными свечами; шли безусталые крестоходцы — с Евангелием, горячей молитвой, и снова спасалось Отечество, и радуги сияли над его просторами. А сейчас разве не тот случай?

Пуля ударила в дерево, под которым стоял Востоков, впи-лась в кору в двух вершках над его бордовой камилавкой.

Странно, что выстрела он не услышал, но теперь явственно различал нарастающий шум голосов, возмущенные крики, видел буруны и воронки загустевшей в одном месте толпы, там в основном офицерской, откуда выдернули белообрывную мятую личность в длинной гимнастерке и быстро потащили к открытому «Форду». Опомнившись, священник попросил, чтобы злоумышленника подвели к нему. Но его и слушать не стали.

«Контрразведка, батюшка, их дело...» — «Ничего, возьмут аспида в оборот...» — «Поди ж, большевичок, агент Троцкого...» — «Обошлось, слава Богу...» — гудело вокруг, доносилось из томительно звенящего полуобморочного далека.

Через два дня он вернулся в Джанкой. А к вечеру его уже вызвали в особый отдел штаба Русской армии, который возглавлял теперь генерал Климович. В небольшом кабинете протоиерея принял вначале старый знакомец полковник Мергин. Они дружески обнялись.

— Хорошо, что все обошлось, отец Владимир, — искренне радовался контрразведчик, пряча беспокойство в глубоко посаженных глазах. — Мы немного сплеховали. Но... Впрочем, Евгений Константинович лично хотел бы вам все объяснить. Он ждет у себя.

Климович, порывисто обойдя огромный стол, вышел на встречу, склонил белокурую голову для благословения, кольнув при этом батюшкину ладонь иголками нафабранных усов. При Государе — шеф Особого отдела, директор Департамента полиции МВД, сенатор, едва не погибший на Пресне в 1905-м от бомбы бунтовщиков (знал Востоков от Гриши Ермакова: не обошлось тут без Гамуша). Однако Деникин не взял бывшего жандарма к себе: дескать, сильно мешает прежняя служба по политическому сыску. А Врангель пригласил сразу же. Он понимал: без профессионалов ничего не сделать, не выковырять затаившихся по щелям совнаркомовских шпионов.

— Тот, кто в вас стрелял, он из дезертиров, — сказал Климович, собственноручно разливая чай. — При дознании выяснилось: завербован ВЧК — деньгами, страхом. Вербовала спецгент самого Менжинского по кличке Игла. Честно говоря, нам еще раньше сообщили о ней...

— Женщина? — удивился отец Владимир. — Но почему на меня, на священника? Я ж не генерал, не командующий.

— Вот-вот. И мы так подумали. А после наши люди в Москве сообщили: узнали красные правители и чекисты про ваш крестный ход, всполошились. Особенно Троцкий с Менжинским. К Ленину пошли, Дзержинского стали пугать.

— Пугать? Очень интересно, очень, — чуть улыбнулся отец Владимир. — Верится мне, дорогой Евгений Константинович, что таким крестным шествием, с помощью милосердного Господа, конечно, с молитвой и самоотвержением, может быть погашен пожар братоубийственной сечи. Может. А если еще и с царским именем идти, то...

— Что-то мне подсказывает: вы правы. Да только... — начальник контрразведки подошел к окну, распахнутому в южное благоухание. Выглянул наружу, точно боясь, что кто-то их подслушивает. Вернулся, так и не договорив, к столу.

Удивительное дело, подумал Востоков: монархической идеи бояться и красные, и белые. Красные боятся, потому что она объединит рассеянный в революционной свистопляске русский народ, и он, опомнившись, двинется несокрушимой волной на своих палачей, погонит их. А белые? Им-то почему страшно? Союзники отвернутся? Так они давно отвернулись от России, помогавшей им выйти победителями из Великой войны. Может, опасается Врангель: а что скажут члены крымского правительства, вообще, люди его окружения? Не все, конечно. Вот Кривошеин, фактически председатель, тот — из старой гвардии, монархист. А другие, что с либеральным душком? Они уж постараются, чтобы барон «не ошибся».

Откуда-то из сокровенных душевных глубин поднялись, зазвучали слова пророка: «Во что вас бить еще, продолжающие свое упорство? Вся голова в язвах, и все сердце исчахло...» (Исаия 1:5-6). И то верно: как же достучаться, вразумить? Во что бить, наконец?

— Наши люди будут вас охранять на всех общественных собраниях, — прощаясь, пообещал Климович. — Но... Но в ваших частных выходах из дома... Будьте, прошу, внимательны и осторожны. Вашу безопасность мы поручили полковнику Мергину. Как, Родион Дмитриевич, справимся? — шевельнулись в улыбке чуткие стрелки генеральских усов.

— Все старания приложим, ваше превосходительство! — энергично кивнул головой полковник. — Хотел бы прибавить. Остерегайтесь жгучих брюнеток, отец Владимир. Гм... Так сказать, с палестинскими чертами лица. К тому же эта Аза Иглинская прибыла не одна. Нам стало известно, что ею вовлечен некий изобретатель...

— Изобретатель? — снова удивился Востоков. — Со мною-то чего хочет изобрести?

Но вот пролетел и знойный июль, следом золотой август наступил. На праздник Нерукотворного Спаса отец Влади-

мир приехал в Симферополь, погостить немного у архиепископа Дмитрия, председателя Временного Высшего церковного управления на Юге России: тот сам пригласил. Еще надеялся, что в доме владыки найдется местечко для Манефы: не по прифронтовой же полосе ей с родителем мотаться; ему понятное дело — он армейский духовник, а юной девице — каково?

С этим решили скоро. Преосвященный распорядился выделить дочке протоиерея целую комнату. И это означало, что все обиды и недомолвки канули в прошлое, и то давнее выступление архиепископа на Поместном Соборе, где он резко одернул Востокова за речь (назвал ее митинговой), это всего лишь минутная вспышка, случайность.

— А мы ведь, на Соборе, в 1918-м, большевиков-то еще не раскусили, — теперь признался владыка. — Ну, думали: злодеи, башибузуки кровожадные, даже и Церкви гонители. Но не разглядели противохристианскую силу, планомерно готовившую истребление веры, гибель человечества. А вы, отец Владимир, первый... Решились, назвали. Простите уж великодушно, — закончил со смирением.

— Полноте, преосвященный владыка! — смутился протоиерей. — Инфернальная сущность социализма-коммунизма... Она же...

— Как верно: инфернальная, дьявольская! Помнится, предлагали вы вынести от лица Собора суждение о тлетворности этого плотского учения. Да не услышали мы вас. Жаль. Завтра в Балаклаву поеду, в Свято-Георгиевскую обитель, где я настоятелем был. При мне убиенный наш Государь молился, еще в 1915-м, в Великую... — Голос архиепископа Дмитрия дрогнул.

Такой же ясный день плыл тогда над Крымом. Все глуше звучал голос владыки, а отец Владимир точно наяву уже слышал тихое шлепанье волн, легкий шелест листвы, вдыхал пряные ароматы, ощущая помолодевшим лицом навеки отлетевший нежный ветер: кажется, это был верховник, тянущий с гор. В ожидании чего-то необыкновенного тревожно стучало сердце.

Нет, Государь не собирался ехать в монастырь. Обычно после завтрака он совершал автомобильные прогулки в окрестностях Севастополя. А тут... Он вдруг приказал развернуться и поспешить в обитель. Странно.

Конечно, настоятель и братия удивились и обрадовались неожиданному Высочайшему посещению. Начался молебен — по-особому проникновенный и торжественный. Но вскоре за дверями храма раздался шум. Насельники тоже

пришли в волнение. Государь нахмурился. Отец Димитрий шагнул к выходу — узнать, что случилось. Оказалось, произошло невероятное.

В утесах с давних пор обитали два схимника-затворника. Никто из братии их никогда не видел, и то, что они все еще живы, определяли просто: на узкой тропке в скале клали хлеб, и к рассвету он исчезал, взятый таинственной рукой. И тут отшельники впервые появились.

Молебен кончился. Царь вышел из храма. Два старца в одеждах схимников медленно поднимались по крутой лестнице со стороны моря. Ветер трепал их широкие мантии и длинные серебристые бороды. Знать о приезде Николая II они, понятно, не могли. Но старцы, вдруг покинув многолетний затвор, шли к нему. Что же это? Почему?

Они стояли на крохотной площадке, там, где обрывалась деревянная лестница. Государь сам приблизился к отшельникам. И тогда они поклонились ему молча до земли. Никто не проронил ни слова. Просто сошлись, всматривались друг в друга православные старцы, молитвенники и безмолвники, чьими духовными трудами не прекращается Христово благовестие на русской земле, и русский Царь, Помазанник Божий, свободно ограничивающий свое неограниченное самодержавие волею Царя Небесного; отец народа, а не слуга его, не раб партий и сословий.

Должно быть, видели, прорицали схимники своими духовными очами судьбу России и царскую судьбу, а потому так глубоко и безмолвно склонились перед будущим великим страдальцем. Перед тем, кому скоро предстояло совершить искупительный подвиг. Он, смущенный, тоже молчал. А затем медленно поклонился отшельникам...

Наутро архиепископ Димитрий отбыл в Свято-Георгиевский монастырь. А через день пришли немцы.

Их привел с собой давний знакомый отца Владимира еще по мирной Москве, университетский профессор Бессонов, теперь публикующийся во врангелевских газетах. Одного немца звали Герберт, второго Лоренц. Они и фамилии назвали, но протоиерей их не запомнил. Станным гостям хорошо подходило поэтическое определение — про сумрачного германского гения. За столом сидели молчаливо-хмурые, прислушивались да присматривались, косились на зашторенное окно: а не заберется ли кто, не выведает ли секрета? Видно, не хотели афишировать визит, блюли конспирацию. И, конечно, знали, что самого владыки нет дома. Стало быть, шли к нему, к отцу Владимиру. Это и удивило.

— Чем дальше в лес, тем своя рубашка ближе к телу. Так говорят в России? — неожиданно произнес Герберт и сделался еще серьезнее.

— Не совсем, — сдержал улыбку Востоков, — но что-то в этом теперь есть. Манефа, поставь-ка, голубушка, самовар! — крикнул дочери.

— Еще как есть, еще как! — подался вперед Бессонов. — Окровавленная Русская армия изнемогает в гибельной и страшной чащобе войны, а Антанта...

«И чего вола водят? Чего хотят?» — настороженно подумал протоиерей.

Лоренц сунул длинную руку в стоящий на полу портфель и извлек оттуда потертый номер журнала. На журнальной картинке был карикатурно изображен бывший кайзер Вильгельм, уныло едущий простым пассажиром на поезде в Англию, чтобы найти приют в лондонском рабочем доме. Он потерял престол, в руках была расколота корона. Изгнанный император был жалок и смешон. А над его головой в сиянии света парил фригийский колпак — символ свободы.

— Это старый журнал. Британские масоны давно действовали по намеченному плану. И вот итог: война, в которой столкнули наши страны, и следом — революции. В России и у нас, в Германии. Давний замысел по уничтожению трех главных европейских монархий сработал. Венценосцы России, Германии и Австро-Венгрии лишились трона. Враг торжествует, а мы... — Лоренц не закончил, лишь печально щелкнул замком портфеля.

— Наши немецкие гости знают, что вы служили в Марфо-Мариинской обители, — подхватил профессор. — Вас пригласила сама великая княгиня Елизавета Федоровна, сестра царицы. Она же по крови немка, но и русская, живущая в православной вере, мученически пострадавшая за нее от большевиков. Она переживала, что наши страны втянули в бойню темные силы.

«А ведь он, пожалуй, прав, — подумал отец Владимир. — И теперь недавний противник ближе нам, чем союзники. Но при чем тут я, священник?»

Все было просто. Лоренц и Герберт представляли крупную монархическую организацию, во главе которой стоял баварский принц Рупрехт, генерал-фельдмаршал. Они хотели вернуть кайзера Вильгельма II на законный престол, их тошнило от слов «социал-демократия» и «республика». Принц лично знал о взглядах отца Владимира, и они ему были близки. И даже предстоящий крестный ход баварцы поддерживали — как славянское проявление религиозно-монархического духа.

— Мы просим вас, отец Владимир, быть посредником в переговорах немецких монархистов с командованием Русской армии, — отчетливо, заметно волнуясь, произнес Герберт. — Взгляните, что мы предлагаем.

С этими словами он протянул Востокову лист бумаги. Текст состоял из трех пунктов, написанных разборчиво, с немецкой аккуратностью. Во-первых, у монархической организации есть возможности прислать войсковой корпус для военной помощи Русской армии в ее борьбе с красными. (Потом будет больше). Во-вторых, регулярно снабжать корпус и части Русской армии военным снаряжением и съестными припасами. Наконец, немцы возьмут на себя антибольшевистскую пропаганду — как в России, так и за ее пределами. За это Русская армия должна немедленно заключить союз с Германией. И в этом договоре будет запись: никогда больше не воевать друг с другом.

— Наш кайзер вынужден был эмигрировать. Ваш царь зверски убит совнаркомовскими палачами, — настаивал Герберт. — Мы должны объединиться. И тогда восстановим императорские троны. Ведь вы об этом мечтаете? В этом видите спасение России от... От еврейского комиссарского плена?

— Пора забыть о раздорах, о том, что мы — враги, — горячо поддержал его Лоренц. — Истинные монархисты Германии всегда были против финансирования Ленина через мошенника Парвуса. Это грязь и позор. Но поверьте в нашу симпатию к белым. Пора действовать. Еще не поздно.

Трудно было не согласиться с посланцами баварского принца. Вот только с кем их свести? Знал отец Владимир, что многие генералы и члены правительства против союза с немцами: что ж, война сделала свое дело. Кто поддержал бы — генералы Юденич, Авалов, граф Келлер? Но последний убит петлюровцами. А Юденич с Аваловым — на севере. Петр Краснов? С ним Востоков встречался в Екатеринодаре. Избранный атаманом Всевеликого Войска Донского, генерал тотчас поднял казаков на национальную, народную войну с комиссарами.

В тот вечер он заметил фигуру Краснова еще в церковной ограде — невысокую, стремительную, ладную. После службы благословил атамана, а следом, слово за слово, разговорились — и о литературе тоже. Когда-то протоиерей прочитал «Поединок» Куприна, и повесть оставила неприятный осадок; уж очень-то жизнь офицеров в захолустном гарнизоне была бессмысленна и тупа. Но вскоре ему попалась книжка рассказов Краснова, и тоже про русских офицеров. Тут все было наоборот: поручики, штабс-капитаны, полковни-

ки — особая благородная каста, посвятившая себя высокому служению — Отечеству и Государю.

Не коснувшись стремени, генерал легко взлетел в седло. Склонился к отцу Владимиру:

— Вот вы говорите о монархическом чувстве в народе. А я вспомнил... Царь знакомил наследника с Атаманским полком. Взял его на руки и пошел вдоль строя. Я стоял во главе 3-й сотни и увидел, что шашки в руках казаков 1-й и 2-й сотен качались... Государь шел с наследником вдоль фронта, и казаки плакали, и качались шашки в грубых, мозолистых руках. И остановить это качание я не мог и не хотел. Прощайте...

Да, Краснова можно было бы привлечь. Однако Врангель, невзлюбивший горячего генерала-казака, отстранил его от дел, отправил в дождливую Эстонию — остыть. Если же он, армейский духовник, напрямую обратится к главкому, представит ему немцев, то это вызовет лишь раздражение: дескать, опять вы лезете, батюшка, — то с крестоносным шествием, то с германцами... И генерал Лукомский тоже в отъезде: выполняет задание Врангеля в Константинополе. Хорошо бы баварцам дожидаться возвращения из Балаклавы архиепископа Димитрия, но они спешат, волнуются.

По воскресеньям отец Владимир и Манефа нередко обедали в доме у престарелого генерала, в прошлом — адъютанта Александра III. Это был татарин-магометанин, но верно-подданно преданный царскому имени, искренний доброжелатель России. Его дочь, принявшая крещение, теперь была усердной христианкой, поборницей их духовного Братства и народного шествия к Москве. Она и сказала, что отец еще в Петербурге, при Дворе, оказал какую-то услугу молодому конногвардейцу Врангелю. В Крыму они тоже встречались.

Отец Владимир решил воспользоваться случаем. Старый царский адъютант написал записку, ее передали в штаб барона, и вскоре ординарец доставил ответ: главнокомандующий готов принять немецкую депутацию; тут же было указано время.

Спустя несколько дней они снова собрались за тем же гостеприимным столом. Пришли Герберт с Лоренцом. С ними и профессор.

— Как прошла встреча с Врангелем? — спросил Востоков.

— Никак, — ответил Лоренц. — Не было встречи.

— Барон не принял нас. Выслал какого-то штабного офицера, — хмуро пояснил Герберт. — Офицер сказал, что наше предложение не может быть принято. Без объяснений.... Завтра мы уезжаем в Мюнхен.

Тоска стиснула сердце. Так хотелось помочь. И все рухнуло...

— Прискорбно, очень прискорбно.

— Мы понимаем. Русская армия — храбрая армия... — Лоренц тяжело подбирая слова. — И малочисленная в сравнении с красной ордой. Мы готовы были поддержать. Но...

Над столом нависла тягостная тишина. Немцы засобирались уходить. Отец Владимир вдруг вспомнил про дождевик. Плащ в прошлый раз оставил ему Герберт: разыгралась гроза с ливнем, и баварец забеспокоился, чтобы батюшка не промок. Вещь была удобная и красивая — настоящее немецкое качество.

— Спаси Господи, вы меня выручили. Плащ я сейчас принесу.

Он поднялся из-за стола, чтобы сходить в прихожую, но Герберт остановил его.

— Не беспокойтесь, отец Владимир. Дождевик теперь ваш. Я дарю его.

— Благодарю, но... — смутился священник. — Дорогая вещь. Да и вам она еще не раз пригодится. А посему...

— Нет-нет, берите! Пожалуйста...

Двери захлопнулись. Отец Владимир долго стоял в прихожей со сверкающим дождевиком в руках.

23

Бушевали грозы над Крымом. Но и без них в ясном небе внезапно возникали темные тени, похожие то на удивительные шары, то на парящих высоко диковинных птиц. Затем все это быстро превращалось в туманные сгустки — коричневатые, крутящиеся, взмывающие вверх и тут же падающие к земле, с которой за ними следили тревожно-непонимающие глаза тех, кого война загнала на полуостров. То же самое происходило и в небе Северной Таврии, где на широких, вытопанных кавалерией полях гремели и лязгали яростные братоубийственные атаки. И чем яростнее были атаки, чем больше было зарубленных и затоптанных, тем заметнее становился трепетный кровавый ореол вокруг блуждающих теней и летящих шаров.

Это были черные молнии. Их давно изучал курский изобретатель Усольцев. Конечно, его интересовала огромная электрическая энергия, что могла бы ускорить социально-технический прогресс в новой коммунистической России. Но как ее ухватить, извлечь? Правда, сейчас ему нужен был пустячок, малая частица этой силы, — для того лишь, чтобы взорвать неугодного попа Востокова. И тогда его, Усольцева,

даже с таким вытянутым носом, еще сильнее полюбила бы огневая Аза. В женщинах самородок толк понимал и знал, что с этой необыкновенной красавицей он будет счастлив: Иглинская решительно оградит его от пустых житейских мелочей, и тогда уж он изобретет что-нибудь гениальное.

Однажды в окрестностях Севастополя он заметил на стволе дерева какие-то наросты, а на ветках висели комья серой грязи, но грязь была странной. Усольцев присмотрелся, задумался: а не причуды ли это черной молнии? Он схватил длинную палку и, не мешкая, ткнул концом в противно подрагивающую мякоть. Мякоть тотчас затвердела, перестала дрожать. Бесформенная масса быстро превратилась в шар, который на глазах стал менять цвет — на желтый, потом ослепительно белый с жарким металлическим отливом. Послышалось потрескивание, пошел дымок. Антон отпрыгнул от дерева, и правильно: раздался взрыв; ствол дерева подломился, ветки разлетелись по сторонам. В ушах зазвенело.

О происшествии восторженный Усольцев рассказал Иглинской вечером, когда они пили чай на конспиративной квартире. Но та лишь раздраженно звякнула ложечкой и потребовала, чтобы изобретатель бросил дурацкие опыты и поскорее сделал нормальную мину. Мина должна быть маленькой и мощной. Не больше папиросной коробки. Это поможет незаметно подложить заряд в купе вагона или в походной церкви, где беяки соберутся на проповедь зловредного протоиерея. Ведь врангелевская контрразведка теперь, после неудачного покушения на него, задерживала и обыскивала всякого подозрительного. А время идет, летит даже. И как двинется к Москве крестный ход? Что тогда? И с них спросят в ВЧК: задание не выполнили.

— А как двинется к Москве этот крестный ход? Что тогда, товарищи? — за полторы тысячи верст от Крыма, в Кремле, точно такие же слова произнес дрогнувшим тенорком товарищ Ленин.

Лица Дзержинского, Менжинского и Лациса помрачнели. Только Троцкий боевито блеснул стеклами пенсне: ничего, мол, повоюем еще!

— Где Каменев? — нетерпеливо спросил Ленин. — Немедленно сюда!

Лев Давидович, выглянув в приемную, жестом позвал главнокомандующих Р.С.Ф.С.Р. Тот вошел, вытянулся перед вождями.

Ильич стремительно заходил по ковру. Левый ботинок скрипел вовсю, и утонченный Менжинский нервно передернул плечами. Зато правый молчал: третьего дня поменяли

подметку, и вот получалось, что обувь поскрипывала через шаг. Раз — тишина, два — тишина. Падкий на любую новизну, Ильич тотчас заинтересовался, сбился с хода и, выделявая быстрыми ногами замысловатые кренделя, теперь силится извлечь из правого ботинка хоть какой-то звук. Но все было напрасно. Товарищ Ленин так увлекся, что забыл про истомившихся соратников.

— Положение на Южном фронте таково... — не дождав-шись вопросов, заговорил Каменев.

— Ах, да! Докладывайте!

Положение было аховое. Донской корпус белых, стремительно наступая, гнал 40-ю и 42-ю красные стрелковые дивизии и уже занял Верхний Токмак, Бельманку, Гусарку. Но самое страшное то, что врангелевцы разбили сильную 13-ю армию и вышли на линию Пологи—Кичкасская переправа. А вскоре части генерала Кутепова с боем овладели Мелитополем. Большевистские дивизии откатывались к Донбассу, к Юзовке. Что ж, при таких делах белогвардейцы снова могут оказаться под Тулой, а там глядишь, — и под Москвой.

Правый ботинок по-прежнему не издавал ни звука. Ильич затосковал.

— Когда будет устранен священник... Востоков? — впился он нетерпеливым колючим взглядом в Дзержинского. А тот посмотрел на поникшую фигуру Менжинского. — Даже я запомнил имя этого черносотенца! — нахмурился вождь.

— В ближайшую неделю. — Из фиолетовых подглазий тускло блеснули серо-зеленые болотца Вячеслава Рудольфовича. — Группа Иглинской усилена мастером-взрывником.

— Сегодня это архиважно, товарищи! — упал в кресло Ильич; произнес загадочное: — Помните, поповская голова для нас — это пень, на котором партия большевиков затесывает свои коммунистические колья!

Сказал и самому понравилось. Посмотрел в окно. И вздрогнул. В чистом небе откуда-то появились невероятные темно-коричневые шары. Они летели неровно, зигзагами, как только что ходил по кабинету сам председатель Совнаркома. Наиболее крупный шар внезапно замер над Спасской башней, завис над царским двуглавым орлом («Эх, не успели скинуть!»), сверкая и наливаясь ослепительно-золотыми лучами. Ильич хотел было что-то произнести, но не смог. Попробовал отвернуться, тоже не вышло. Над сияющим символом проклятого царизма вдруг рвануло так, что задребезжали оконные стекла. Взрыв огненно ударил в глаза, на несколько мгновений лишил зрения собравшихся в кремлевском кабинете. Все невольно пригнулись, втянули головы в

плечи, как под обстрелом. Даже смельчак Троцкий втянул, но чуть поменьше других.

Но одним разом дело не кончилось. Вместо взорвавшегося шара наплыли еще и еще — целая стая. Они захороводили вокруг башни, взмывали к играющему солнечными бликами орлу и, замерев на миг, разлетались горячими искрами над его грозными головами. Никакого ущерба позолоченной птице они не причиняли. Напротив, в полыхании огня лишь ширились и крепи размашистые державные крылья, да и сам орел становился больше, мощнее.

Смотрели в окно, как замороженные. Ильич вдруг почувствовал, что память и воображение перестают подчиняться его воле, и он опять шагает по осенним улицам Петрограда. С ним Николай Подвойский, председатель Высшей военной инспекции, к слову сказать, поповский сын, придумавший символ Красной армии — пятиконечную звезду. Конечно, рядом еще товарищи. Их ждут дезертиры — матросы, солдаты. Солдат, сбжавших с фронта, Подвойский называет «габуицами революции». Хорошо, пусть так. Важно заложить в них коммунистический заряд и тогда...

Из толпы вырывается ладный матросик. Он мелко пританцовывает, будто приспичило по малой нужде.

— Хватит уже, царя вернуть желаем! — кричит с тоской.

Ильич столбенеет. Товарищи тоже смущены. А братишка наседает:

— Пора! Надоело все это!

И ведь он не один — вон сколько за спиной.

— Пойдите, пойдите, батенька! — теряет хваленое самообладание Ильич. — Да вы за какой список голосовали?

— Так за большевиков, за четвертый...

«За четвертый, понятно!» «За большевистский...» — загудело в разных местах толпы.

— И что же? Мы же с вами... — вмешался Подвойский.

— С вами, с вами! Но только царя нужно вернуть. Чтоб хозяин был!

У председателя Совнаркома в голове застучал злой остроклювый птенец, а по спине побежали мурашки. Но с другой стороны — ведь были же монархические манифестации в Питере, и при керенщине еще и потом, после октября. А в провинции и подавно. Даже, сообщили ему, в Екатеринбурге, с его хваленной революционностью, обыватели плакали, узнав о казни свергнутого царя. Не знали еще, что всех расстреляли; чтобы уж тут было бы... А мятежи? Все на том же Урале, в Пермской губернии, потом в Уфе, Вятке. Уездов, сел — не перечеть. Среди бунтовщиков — крестьяне, рабо-

чие. И все — за царя. Но в Кремле-то думали иначе: считали, что расстрел сплотит уральский пролетариат и не только уральский — отступать, дескать, некуда. А получилось наоборот.

Что поделаешь: промахнулись. С этим русским народом-богоносцем каши не сваришь. Обязательно пригорит.

Ильич опять глянул в окно. И остальные глянули. Двуглавый орел принял привычные размеры и сверкал уже не так ослепительно и грозно. «Душное лето. Грозы. Шаровые молнии, наверное...»

— Лев Давидович, — внезапно развеселился Ильич, — а вы помните пароход, на котором в теплой компании вы приплыли из Америки делать русскую революцию?

— Ну, да... Конечно. 17 марта 1917-го мы вышли из Нью-Йорка на «Христиании-фьорд». А что? — пожал плечами Троцкий.

— А чтоб не забыть. Вдруг возвращаться придется. Надеюсь, товарищ Менжинский поможет донести чемоданы?

Дзержинский с Лацисом прыскают. Даже в глазах-болотцах Менжинского начинает вяловато вертеться игривая искорка. Троцкий недобро покусывает губы.

— Если все рухнет, и белогвардейцы нас расколошмятят... — впадает в тягучую задумчивость товарищ Ленин, — то тогда... Тогда следует...

— Как же так, Владимир Ильич? — вскидывается Дзержинский. — Наш призыв: «Все на Врангеля!» Идет мобилизация. Лучшие силы партии... И с поляками, думаю, договоримся!

Но председателя Совнаркома не собьешь. Свое гнет:

— Нужно будет повернуть так, чтобы восстановить самодержавие. Да-да, не удивляйтесь. Иначе России конец! К тому же русский народ так устроен...

Точно бомба разорвалась в кремлевском кабинете. Возможно, та самая, что должна бы убить священника Востокова. Все замерли, как оглушенные, с открытыми ртами. Первым очнулся Троцкий.

— Володя, ты в своем уме? — вдруг панибратски вскрикивает он. — И ты в этом станешь участвовать?! Если уж тебя не казнят, то, поди, должность дадут. Таки, а?

— А что? — запальчиво взблескивает глазами Ильич. — Вот я откажусь от клички и останусь Ульяновым. Премьер-министр Ульянов. Вполне. А ты, Лев... Представьте на минуту: гофмейстер императорского двора Лейба Бронштейн! Или обер-камергер Розенфельд. Каково? — Он стреляет глазами в очумевшего Каменева и закидывает голову в приступе не-

удержимого веселья. И всех начинает мелко поколачивать жутковатый смех. От этой дрожи у Троцкого слетают с носа пенсне, звенит ложечка в пустом чайном стакане, даже почечные мешки под глазами начальника Особого отдела ВЧК и те трясутся.

Впрочем, хохочут соратники недолго. За окнами ленинского кабинета снова безмятежно голубеет небо. И уже самое смелое воображение не в силах представить белогвардейских генералов, въезжающих под колокольный звон в Кремль, всяких там дроздовцев-марковцев-корниловцев в блеске штыков и шашек наголо, бородатых казачков, а за ними — с хоругвями и образами — батюшки идут в золотистых ризах, певчие, и течет нескончаемая народная река, широко разливающаяся по площади: крестоходцы. Вернулись в православную Москву, в град первопрестольный.

— Все, довольно! — обрывает веселье Ильич. — Феликс Эдмундович, как там товарищ Пинхус? Успел обжиться в белогвардейской среде?

— Товарищ Менжинский доложит о подробностях операции «Царь», — Дзержинский перевел стрелки на начальника Особого отдела ВЧК.

Вячеслав Рудольфович поднялся со стула. Конечно, чтобы сосредоточиться, ему бы сложить хоть пару бумажных голубей, да разве скажешь об этом. На смех поднимут. Начал докладывать — многословно и нудно.

Все началось с перебежчика, с врангелевского поручика Якунникова. То, что он сообщил, было весьма интересно, и его срочно доставили в Москву на Лубянку. Оказалось, что в белой армии создана тайная офицерская организация, члены которой ставят своей целью возвращение русского самодержавия. В ближайшее время они хотят арестовать Врангеля, заменить его на великого князя Николая Николаевича: к нему в Геную уже ездили, и князь вроде дал согласие. Но в организации есть и другое, более радикальное крыло. Эти офицеры набирают силу. Они не желают ни барона, ни великого князя. Они уверены, что Врангель и в особенности его правительство из штатских, разумеется, и его глава Кривошеин — это все слюнтяи и кисляи и, конечно, проиграют русское дело. Сегодня нужен диктатор, какой-нибудь Кромвель или Бонапарт, само собой, из военных. Ведь только военные — реальная сила, способная действовать, а не болтать.

— Кромвель — превосходно! И тоже пахнет революцией, — возбужденно потер ладони Троцкий, шевельнув вскрыльями чувственного носа.

— Эти молодые офицеры ненавидят тыл, в особенности капиталистов, помещиков, интеллигенцию, — монотонно продолжил Менжинский. — Считают, что жадность буржуазии погубила Деникина. А коли так, то нужно отнять все имущество, начиная с фабрик и заводов.

— И что же? — привстал в кресле удивленный Ильич.

— И это все национализировать...

— Так они... Эти... Они же не они, а мы... Большевики! — враз выкрикнули Дзержинский с Лацисом. — Ну и дела, товарищи!

— Да, то есть, не совсем, — бросил на них снисходительный взгляд начальник Особого отдела ВЧК. — Они хотят передать фабрики тем, кто на них работал. Короче, создать общество собственников, которые будут трудиться для себя.

— Это товарищ Пинхус сообщил? — Ильич подается вперед. — Его нужно наградить. И пусть поближе сойдется с... С белыми большевиками. Ха-ха! Подключите лучших агентов, наше подполье. Такой монархический заговор нам на руку. Он взорвет врангелевскую армию изнутри. Да, товарищ Пинхус должен действовать вместе с Иглинской и этим... Умельцем-изобретателем... Где они?

В это же самое время Усольцев и Аза в переполненном вагоне выехали из Джанкоя. С закладкой мины в купе белогвардейского духовника попа Востокова ничего не вышло: проникнуть в санитарный поезд не удалось — охрана помешала, чуть не попались. Контрразведчики генерала Климовича и полковника Мергина шныряли повсюду. Хотя Иглинскую трудно было узнать: она выбелила гримом лицо и коротко постриглась, спрятав остатки кудрей под парик со светлыми локонами. При Усольцеве была небольшая папиросная коробка и тоже белого цвета. И это уже личное, только его причуда — в память о далеком взрыве в Знаменском соборе, о том футляре, в который он заложил динамит под чудотворной иконой Божией Матери Курской Коренной. Та коробочка тоже была белой. Однако теперь самородок усовершенствовал адскую машину.

По врангелевским тылам они передвигались с надежными поддельными документами. В бумагах Усольцева указывалось, что он специалист по двигателям английских танков «Mark V» отдельного ремонтного дивизиона и после лечения в севастопольском лазарете возвращается в часть. С ним супруга, учительница гимназии, которой разрешено сопровождать мужа до Мелитополя.

Из полученных от агентов сведений Иглинская знала, в каких местах будет раскрываться шатер походной церкви.

Более того, ей было известно, что в одном из поселков, где располагались резервные батальоны белых, отец Владимир после молебна намерен прочитать большую проповедь. Само собой, в походном храме. Сюда-то и держали путь Аза и Усольцев.

Но в поселок кружной дорогой пробирался еще один агент, и тоже с белой коробкой, начиненной динамитом и проводами с часовым механизмом. Иглинская понимала, что неудачу им в Кремле и на Лубянке не простят: слишком уж опасен этот священник, его братство, готовое повести за собой сотни и сотни тысяч, одурманенных контрреволюционной поповщиной. А поэтому она и снарядила второго бомбиста: если Усольцев оплошает, то другой уж сделает дело.

Однако подчас все меняет какой-нибудь пустяк, мелочь. Ведь и мушиное крыло чего-нибудь да весит. Бросишь на чашечку, а мир и перевернется.

До места Аза с Усольцевым добрались без происшествий. Видели, как солдаты под началом дьякона устанавливают походную церковь. Сами устроились поодаль: у забора на плоском камне расстелили платок, разложили нехитрую снедь — закусывали по-семейному. К ним подошли, проверили документы, вернули, ничего не заподозрив. Все же Иглинская хорошо поработала над своей внешностью. Но было ясно: Востокова охраняют.

И тут мимо них провели, нет, почти протащили агента-дублера. Аза сразу узнала его — по шегольскому кителю, который он себе долго подбирал. Поравнявшись с камнем, пойманный бомбист начал вырываться, стремясь привлечь внимание сообщников.

— Вперед! Пошел! — ткнул его револьвером юный офицер-контрразведчик. — Нацепил, дурак, Георгия при аннинской ленте! Чему там в ЧК вашей только учат?

Агент на мгновение повернулся так, что Игла увидела все надетые для форсу награды. И похолодела. Как только она просмотрела? Ведь ей, опытному чекисту, было хорошо известно, что знак ордена Святого Георгия носится на черно-оранжевой ленте, а ордена Святой Анны — на красной с желтыми краями. Непростительный промах для разведчика. Должно быть, горемыка нацепил все эти знаки в последний момент. Идиот! Ишь, героем хотел покрасоваться...

— Эй, Луньков, дай-ка сюда коробочку! — приказал на ходу контрразведчик. — Минерам покажем, пусть разбираются. Осторожно, это ж бомба!

Теперь надежда была только на самородка Усольцева. Иглинская прикрыла его платком, а он незаметно вскрыл ко-

робку и установил на циферблате время взрыва. Между тем народ уже потянулся к церковному шатру — солдаты, офицеры, местные крестьяне. На стареньком «Форде» привезли священника — отца Владимира. Началась служба.

Когда пропели трисвятое: «Святой Боже, Святой Крепкий, Святой Бессмертный, помилуй нас...», Усольцеву удалось незаметно сунуть взрывное устройство прямо за образ Спасителя; лишь золотистые огоньки свечей тревожно дрогнули, слабо затрещали.

Пора было уходить. Но тут зазвучала проповедь белогвардейского духовника. Отец Владимир заговорил об ангелах-хранителях.

— Представьте, идете вы ночью! — Проникновенно и одновременно мощно возвысился его голос. — Гудит буря, вздымаются снежные столбы...

Усольцев внезапно почувствовал, как отяжелели ноги, и сердце упало, а после забилося — беспокойно и неровно. Напрасно Игла тянула его к выходу, выразительно показывая на свои часики (скоро же рванет!), шептала на ухо ругательства — все без толку. Усольцеву хотелось слушать священника — еще и еще. Слушать этот уже знакомый голос, мягкий, словно бы обнимающий и одновременно взыскующе-требовательный. А почему хотелось, он и сам не понимал.

Здесь, на благодатном юге, враз окунулся ученый террорист Усольцев в свистящую снежную метель где-то, конечно, под родным Курском, почувствовал на пылающем лице колкие вихревые удары. Ему показалось, что именно он, гимназист Антоша, вязнет в сугробах, едва различает поставленные на пути вехи, каждую секунду страшась заблудиться и погибнуть. И вдруг — добрый проводник с ярким светильником в руке. Кто такой? Откуда взялся? Да важно ли это? Ведь он знает путь, светит впереди, уверенно идет по лучу сам и заблудшего приводит под теплый и радушный кров.

— Вот и на жизненном пути, среди скорбей, опасностей и бурь Господь посылает нам добрых встречников — наших ангелов-хранителей, — продолжал свою проповедь отец Владимир. — Они нас встречают в колыбели еще, провожают до могилы и за могилу.

— Ты идиот? Рехнулся? Восемь минут осталось... — зашипела Иглинская. — Быстро!

— Да-да. Сейчас!

Что за наивная картинка вспыхнула, проступила сквозь рваный мрак клубящейся памяти? Конечно, конечно, она висела на стене бабушкиного дома. Что там было? Ах, да:

речной обрыв, свежая зелень, и малютка — такой румяный и прехорошенький — заигрался на травке, засмотрелся на чистую воду, тянется к ней. Мгновение — и упадет, разобьется, утонет... Но сзади подоспел светлый ангел, обнял малыша белоснежными крылами. И все в порядке. Ничего не случилось.

Но вырос малютка. Совсем большим стал. Даже седина на висках серебрится. А все одно — играет. Над обрывом, над пропастью. Страшными игрушками забавляется. И не он один. Впрочем, что уж об этом...

— Дорога и любезна Господу всякая душа человеческая. Бережет Он, Милосердный, всех нас, слабых, немощных. Как добрый отец в семье, приставляет к детям добрых воспитателей, как мудрый царь, посылает по царству испытанных, верных слуг исполнять свои предначертания. Так и Всеблагий, Премудрый Отец Небесный приставляет к душам святых ангелов-хранителей, покровителей и друзей...

Аза в отчаянии дернула Усольцева за рукав. Тот качнулся, наступил на ногу офицеру-танкисту, извинился. Как-то старая прихожанка ткнула ему в бок острым кулачком.

У самого выхода из храма-шатра Усольцев оглянулся. Захотелось в последний раз увидеть лицо проповедника. Того, кто взял над ним неведомую прежде силу — пусть и на чуть-чуть, на несколько минут. Совсем скоро священника Востокова не будет. Не будет и тех, кто, поблескивая погонами, внимают его словам. И старушки с кулачком тоже. Черный динамит сделает свое дело. Товарищ Менжинский останется доволен. Аккуратно сложит бумажного голубя из серого листка и запустит к самому потолку.

Они зашагали прочь от походной церкви — быстро, почти бегом. В небе разлаписто и недвижно висели коршуны. До взрыва оставались считанные минуты.

24

Но откуда здесь седой иеромонах Василий, его духовник? И светлые стены Воскресенского Новоиерусалимского монастыря, в тени которых они беседуют со старцем? Отец Владимир все силится что-то объяснить, и это что-то — оно такое ясное и простое, что монах отвечает ему, не дослушав взволнованного многословия. Как внятно звучит голос: «Вы верно сказали. Но для осуществления ваших надежд подвиг нужен. Уж слишком глубок общероссийский грех — в клятвoprеступлениях, в непротивлении злу. Да-да... Тут и 2 марта 1917-го, и октябрь того же года. И потому нужно немедленно

начать подвиг — высокий и глубокий. И всенародный — обязательно. По-другому не выйдет. Так-то...»

И уже сменилась картина. Весенняя роща шелестит лиственной, а рядом — древняя японская столица Киото, конечно, она, потому что под сень деревьев входит невысокий ладный юноша. Юношу зовут Николай Александрович, он — цесаревич, наследник русского престола. Отец Владимир это понимает. И сердце бьется в неизъяснимом чувстве.

В роще подвизается известный монах Теракуто, его взору открыты тайны мира и судьбы людей. Отшельник никогда не прерывает созерцательного уединения и ни к кому не выходит. Однако... «Когда Царственный путник пожелает его видеть, он выйдет, если на то будет благословение Неба». Это произнес старый японец, хранитель могил русских моряков с фрегата «Аскольд». И вот...

Отшельник Теракуто лежал, распростершись на траве, не смея поднять головы. Цесаревич наклонился, бережно поставил затворника на ноги. И тот заговорил. Маркиз Ито переводил севшим от напряжения голосом: «О ты, Небесный Избранник, о великий искупитель, мне ли проречь тайну земного бытия Твоего? Ты выше всех... Великие скорби и потрясения ждут Тебя и страну Твою. Ты будешь бороться за *всех*, а *все* будут против Тебя... Блажен, кто кладет душу свою за други своя. Трижды блаженней, кто положит ее за врагов своих. Но нет блаженней жертвы Твоей за весь народ Твой. Настанет, что Ты жив, а народ мертв, но сбудется: народ спасен, а Ты свят и бессмертен...»

Спасен. Бессмертен...

И мучается растревоженная душа, томится вопросом: ведь старый Теракуто — не православленный. Что нам до его пророчеств? Но нет, не все так просто. Тут есть какая-то тайна. Ведь тогда почему на новорожденного Богомладенца указали волхвы-язычники, а не библейские пастухи, и у входа в Иерусалим Его приветствовали несмышленные младенцы, а не почтенные книжники-мудрецы? Не потому ли, что Он пришел на землю, чтобы спасти не только Богоизбранный народ, а всех людей мира, кто уверует. Да-да, всех людей...

Так и убиенный Государь — он был призван удерживать зло не только в православной России, но и повсюду. Оттого и падал ниц перед русским цесаревичем японский созерцатель Теракуто, склонялись до земли буддийские священнослужители и с благоговеиным трепетом вводили наследника в сокровенные уголки своих пагод, куда не пускали никого и никогда.

«Два венца суждены тебе: земной и небесный...» Опять этот странный японский отшельник.

И тут раздался высокий мальчишеский голос. Он зазвучал неожиданно, но отец Владимир тотчас узнал: цесаревич Алексей. И даже услышал: «Боже Всемилостивый, прими и мою чистую кровь во спасение народа, невинных детей, на земле нашей развращаемых и гибнущих, и слезы мои за них прими...» Отрок горько заплакал, расплескивая на землю свою кровь из чаши.

Протоиерей тоже заплакал.

— Отец Владимир! Отец Владимир! — издалека позвали его; кто-то тронул за плечо. Он открыл глаза.

Слезы текли по лицу, а он лежал на узкой солдатской кровати и с удивлением озирался по сторонам. Рядом стоял, склонившись, контрразведчик Мергин, за его спиной — сам владыка Вениамин. Какой-то незнакомый военврач держал его руку, считая пульс.

— Где я? — спросил Востоков.

— В лазарете, — пояснил доктор. — Ничего серьезного. Легкая контузия. Да пара ссадин. Заживет.

— Промыслительно! — воскликнул владыка. — Проповедовали вы, отец Владимир, про ангелов-хранителей наших, друзей невидимых на земных путях. И вот сохранил ангел вас, сберег.

— Но я спал. И видел такой сон...

— Укол вам, батюшка, сделали. Снотворное ввели, — ответил врач. Постоял немного и вышел из палаты.

Вечером в лазарет снова заглянул полковник Мергин. Рассказал, что произошло в тот день.

Когда взяли первого красного лазутчика, перепутавшего георгиевскую ленту с аннинской, и нашли у него взрывчатку, то немного успокоились. К тому же еще раньше появились сведения, что Иглинская с техником-самородком переместились в Севастополь, где через два дня в ограде храма должны были собраться самые деятельные члены «Братства Животворящего Креста», чтобы помолиться, послушать проповеди епископа Вениамина и отца Владимира и обсудить уточненный маршрут скорого духоподъемного движения к захваченной богоборцами Москве. Самое подходящее место для покушения...

Словом, такое сообщение никого из ведомства генерала Климовича и полковника Мергина не насторожило. И, конечно, лучшие силы были направлены в Севастополь, в район Александро-Невского собора. Но тут сработала другая бомба.

Нет, не напрасно владыка Вениамин сказал об ангелах-хранителях. Видно, второпях перепутал свои проводки террорист Усольцев, время не то выставил, вот и рвануло, разнесло шатер, когда там уже никого не было. Даже отца Владимира, стоявшего к походной церкви ближе всех, и то лишь поцарапало и слегка оглушило.

Большевицких агентов удалось взять тотчас же, по горячим следам.

— Слава Богу, отец Владимир, теперь вы можете не опасаться за свою жизнь. Преступники под замком, — прощаясь, заверил контрразведчик Мергин.

Спустя три дня ему позволили вставать с постели, и теперь они подолгу гуляли с приехавшей Манефой по госпитальному саду. А вскоре выходили и на оживленные севастопольские улицы, по широким инкерманским ступеням Графской пристани спускались к морю, и взгляд отдыхал на солнечных бликах Южной бухты, на зависающих в небе чайках, на судах у причала, на всем том, воздушно, сияющим и бесконечном, что, не скупясь, благоуханно дарит крымский простор.

А совсем рядом, по балкам, виноградникам и рощам пробиралась, сбивая ноги, любимица товарища Менжинского, агент Особого отдела ВЧК Аза Иглинская. Она сбежала по дороге, когда ее вместе с Усольцевым везли в Севастополь, в контрразведку. Ночью попросилась в уборную, а затем, выходя, глянула на часовых с очаровательной улыбкой и быстрым коротким движением убила их, одного за другим, вонзив в шею bobby-pins — такую маленькую английскую заколку для волос, со специально отточенными концами.

Из углового зарешеченного отсека что-то крикнул очнувшийся Усольцев, но Азе было не до него. Она спешила. Поезд заскрежетал, замедляя ход на повороте. Иглинская крутанула барабан револьвера, взятого у убитого: патронов хватало. Распахнула дверь, встала на подножку, вглядываясь в наплывающую теплую мглу. Колеса простучали по мосту, и сразу же, увидев, вернее, почувствовав полянку, она ловко спрыгнула на мягкую сырую траву. Состав покатило дальше. Аза торопливо зашагала прочь от железнодорожного полотна.

«Ничего, ничего... Как там: в стремя ногой или в пень головой? Нет уж, мы в стремя. Это они пускай в пень головой...» Она потрогала револьвер, ощущая его бодрящую тяжесть. Представила, как стреляет в изумленное лицо священника Востокова: вот уж не ждет! Улыбнулась в темноте. И тотчас посветлело: луна выкатилась из-за туч. С пересохших

от волнения губ сорвалось: «Господи, помоги!» Ничего себе! Докатилась... Еще бы перекреститься, да? Аза рассмеялась — сипловато лающим хохотком.

Ночь кончалась. Солнце уже плавилось в горах, посылая первые лучи к небольшой можжевельной роше, в которую входила Иглинская. Она устала. Ей хотелось есть. Аза нашла куст со спелыми ягодами — голубоватыми, с восковым оттенком, набрала пригоршню, жадно забросила в рот, чувствуя терпкий, горьковато-сладкий привкус.

Вдали на склоне холма стояло несколько домиков. Во дворе одного из них курился дымок: должно быть, хозяева готовили завтрак. Иглинская решила пойти туда в надежде разжиться хотя бы краюхой хлеба.

Сразу же за рошей в небольшой ложбинке лежал серый замшелый камень. Он врос наполовину в землю и походил на притаившегося большого паука. Когда Аза приблизилась к камню, то ощутила какой-то едкий запах, перехватывающий дыхание. Она не поняла, откуда исходит запах, и потому, пригнувшись, стала озираясь по сторонам. Над местом пугливо кроили воздух острыми крыльями какие-то быстрые черные птицы.

Показалось, что из камня идут едва уловимые потрескивания-шорохи. Аза наклонилась пониже, револьвер вывалился, стукнув «паука» по спине. Звуки тотчас же усилились. Нервы были на пределе: «Что за чертовщина? Галлюцинации?..» Упрямая Игла, злясь на саму себя, что есть силы ударила по камню стоптанным каблуком. Внутри задрожавшего «паука», словно и вправду ожившего, раздались частые громкие щелчки, которые все убыстрялись. Резко защипало в глазах. Секунда, другая...

И тут случилось невероятное. Под ногами вдруг вздыбилась раскаленная земля. Будто снаряд разорвался. Отбежать — не успеть, спрятаться — негде. Острые горячие осколки губительно и страшно бросились в лицо, вмиг превратив его в кровавое месиво. Дыхание остановилось, захлебнувшись бездонной горькой тьмой. Испуганные птицы с криками метнулись прочь. Но птиц Иглинская уже не видела.

Упруго вылетевшая из расколотого камня взрывная волна далеко отбросила изуродованное тело красавицы Азы, лучшего спецагента ВЧК. Дымящаяся одежда повисла на ней ключьями, открывая жуткие раны.

«Душа праведного похожа на свет и сияет словно солнце» (2 Кор. 4-16).

Душа злоумышляющего, как мрак, очернена грехами.

Накопленное в старом камне вещество черной молнии, вырвавшись, убило Иглинскую. Это бывает редко, но бывает. Самородок Усольцев мог бы все объяснить с научной точки зрения и, конечно, сумел бы даже предотвратить беду. Но поэт технической мысли находился слишком далеко от рокового камня, погубившего его неверную возлюбленную.

От домиков бежали люди. На бреющем полете над воронкой прошло звено белогвардейских аэропланов — пара «Сопвичей» и «Ньюпор». Пилоты лишь с удивлением посмотрели вниз. Они очень спешили. Спешили на помощь своим, к окутанной пороховым дымом кубанской станице Приморско-Ахтарской, где высадился десант генерала Улагая, напористо теснивший большевиков к линии Тимошевская — Брюховецкая, дорубавший в степях остатки их 1-й Кавказской дивизии. К десанту торопливо и яростно пробивались повстанцы полковника Скакуна, тут же вступали в бой казаки освобожденных станиц — две тысячи шашек. Враг откатывался. Не помогали и объявленные в лихорадке крикливые совнаркомовские недели — неделя «борьбы с Врангелем», «красного добровольца».

Наступательная операция Русской армии на Кубани развивалась стремительно и успешно.

25

Знакомая фигура Май-Маевского тучно маячила у входа в гостиницу «Кист». Генерал явно был подшофе: нос сиял сливой, мутноватые черные глазки колочке цеплялись за каждого, кто шествовал мимо — своим ли ходом, в авто или в пролетке. Отец Владимир отметил с грустью, что уволенный из войск бывший командующий Добровольческой армией заливают тоску уже не первый день.

— Мое почтение, батюшка! — расплылся выпивоха в широкой улыбке. — Благословите раба Божьего... Не побрезгуйте! — согнулся в скороморшьем поклоне.

И тут же, резко двинув выпирающим животом, разразился отвратительной бранью: не понравилось, как прошагал мимо пехотный взвод — и честь отдали вяловато, и носочек не слишком-то тянули. По усталым, точно вытаявшим лицам было видно, что солдаты недавно из боя. Не до шагистики им... Но хмельному генералу на то было наплевать.

Отец Владимир, болезненно поморщившись, приказал кучеру отъезжать, но что-то остановило его. Тем более времени хватало: до назначенной встречи с Врангелем и Шатиловым в Большом дворец оставался целый час.

Он знал, что в войсках многие уважали и любили своего «Мая» — за лихость и отвагу, за то, что умел сказать ободряющее слово, за то, что на пули, как на летнюю липучую мошару, не обращал никакого внимания. Но был грех: перед атакой, опрокинув стакан-другой, таким трехэтажным мог завернуть — уши вяли. И при этом простодушно полагал: дескать, для успеха дела, ибо солдат так уж приучен, и если ему просто отдавать приказы, не слабывая матерщиной, то ничего хорошего не выйдет, а главное — не исполнит он в полной мере своего воинского долга. Так думал не один Май-Маевский. И генералы-рубачи Слащев, Шкуро, Покровский вели себя так же. И офицеры из танкового отряда, которые в стороне курили, когда шел молебен. Особенно тот бравоый жилистый капитан, предсказывающий свою смерть, ни во что не верящий, так и погибший во зло. Теперь и иные юнкера, добровольцы-мальчишки, играя в бывалых фронтовиков, подражали сквернословам.

Вроде, что уж там: бранное слово. Резануло пороховой воздух, шибануло по слуху, выбросило под чужие пули потрясенных, одурманенных им солдат; может, и добегут они до вражеской цепи, опрокинут ее, может, и победят. Кажется, уже и слово рассеялось, исчезло. Да нет. Точно угарная туча легла на душу, замутила ее угнетающим смрадом — пусть и незаметно пока. Но только пока.

Май-Маевский между тем уже всю беседовал с неизвестным отцу Владимиру полковником, явно зазывая его пображничать в номере. Полковник сопротивлялся и в конце концов ускользнул.

— А знаете, батюшка, чего боюсь я более всего? — снова повернулся к нему обиженный генерал. — Парадов боюсь, а еще хуже — молебнов! Потому как потею сверх меры. Прямо-таки истекаю... Ха-ха!

— Зачем вы так, Владимир Зенонович?

— А затем... Крестный ход... Глупость какая! — Черные генеральские глаза вдруг трезво и недобро блеснули. — Вы вот священник, и настоящей войны не знаете. Думаете, солдатик наш, когда штыком врага бьет, он псалмы распевает? Да нет же. Вопит он что есть мочи, ругается... Что, неправда?

— Правда, но не истина, — тихо ответил Востоков. — Ясно, что в бою приходится убивать. Но сражается христоролюбивый воин за что? За Веру, Царя и Отечество. По крайней мере, раньше сражался. А если — Вера, значить, Господь, за Него солдат идет. А Царь — он помазанник Божий. И Отечество наше — православная Россия, которая есть

подножие Божьего Престола. Все просто. Разве позволительно тут богохульствовать, сквернословить? Это же оскорбление. По апостолу: гнилое слово...

Но Май-Маевский раздраженно перебил протоиерея:

— Нет, не то! Ишь, гнилое слово... Война — это очень тяжело. А по-вашему выходит: мы аскетами должны быть, так? Водки не выпить, добычи не взять? Ругаться нельзя... Ха! А я командир и, чтоб разбить противника, должен использовать любые побуждения своих солдат и офицеров. Не только положительные, но и отрицательные.

— Позвольте, Владимир Зенонович! — почти вскричал отец Владимир. — Тогда какая же разница между белыми и красными?

— А-а-а! Вот-вот... И потому-то, батюшка, большевики и побеждают, — многозначительно произнес генерал.

— Но сейчас-то мы побеждаем! Как же...

— Это ненадолго, — грустно бросил на пороге гостиницы ссутулившийся Май-Маевский. — Помяните мое слово.

Массивная дверь тяжело закрылась за ним.

Пролетка понесла отца Владимира в сторону резиденции Врангеля, к Большому дворцу. Невеселые думы томили священника. Однако он теперь хорошо знал, какой будет его ближайшая проповедь. «И ты, сквернословец, прежде всего, обижаешь Ту, чей образ видишь в храме и в доме», — так он начнет. Мелькали зеленые бульвары, переулки, и складывались слова.

Поддерживало еще вот что: не ругались же ни Врангель, ни Деникин, ни генералы Шатилов с Лукомским, ни Кутепов, другие многие военачальники, не говоря уже о тех, кто был рангом ниже, кого Востоков встречал на прифронтовых дорогах — танкист Долгово-Сабуров, погибший летчик Енгальчев, подьесаул Туроверов, старый знакомец Гриша Ермаков. Всех просто не перечесть. И вели за собой, и побеждали...

Нет, не зря апостол Павел назвал бранное слово гнилым, размышлял отец Владимир. Как гнилой предмет издает смрад, зловоние, заражает ядом своего тления все вокруг, так и ругань, оскверняя уста, заражает зловонием разврата и внимающих ему. Оно грязнит и топчет священное для каждого имя: мать. Но наша первая лучшая мать — есть Царица Небесная, и усыновлены мы Ей волею Самого Спасителя, который милосердно назвал нас меньшими братьями. Стало быть, всякий сквернословец своею смрадною бранью прежде всего оскорбляет и хулит Матерь Божию. Да разве допустимо это?

А наша вторая мать, наша мама? Каково ей, бедной, слушать безумную матерщину взлелеянных в любви детей? Кому уподобить тех, кто ни во что ее не ставят, позорят ее имя?

Но есть еще и третья мать, наша общая — сырая земля. При жизни нашей она кормит и поит нас, а по смерти — примет в свои темные недра. И каково же будет лежать в ней тому, кто не стыдился смрадом своего сквернословия оглашать лицо ее? Ведь всякий совестливый человек бежит от бранящегося. Ангел-хранитель удаляется от него: может ли он, чистый, внимать таким речам? Зато дьявол радуется. И опутывает несчастного сетями злобы и лукавства. И все глубже увлекает его в порок.

Колеса пролетки постукивали по камням мостовой, сияющей после недавнего дождя. И мысли протоиерея Востокова светлели, ободрялась душа.

А пролетка уже подкатила к Большому дворцу.

Врангель принимал гостей на просторной, увитой зеленью террасе. Кроме барона, за столом сидели генерал Шатилов и глава крымского правительства Кривошеин. Конечно, отец Владимир понимал, что его пригласили лишь потому, что занемог епископ Вениамин, заведующий духовной частью Русской армии. Правда, тот же владыка нередко говорил, что главнокомандующий Востокова самого по себе, знает его еще по дореволюционному пастырскому служению. Собеседники улыбались, шутили. Но стоило только появиться отцу Владимиру, как веселье оборвалось, а сам Врангель хмуро свел брови, холодно полыхнув стальным взглядом.

— Жалуются на вас, батюшка! — нарочито низким голосом начал он.

Выждал с полминуты, наверное, думая, что священник забеспокоится станет переспрашивать, удивляться. Однако Востоков приветливо и смиренно смотрел на раздраженного главкома.

— И знаете за что? — Не дожидаясь ответа, барон резко произнес: — За проповеди, носящие погромный характер. Вы же говорили, что нужно спасти распятую Россию от ига еврейско-масонских организаций?

— Разумеется, ни к каким погромам я не призывал. А все остальное, думаю, бесспорно. Россия — лакомый кусок. Вот целыми пароходами и плыли...

— И все же. Я прошу вас прекратить подобные проповеди. Ко мне уже приходили представители Америки и Франции. Они жаловались... Мне пришлось закрыть газету «Русская правда», где публиковались похожие статьи. Нам не нужны

такие проблемы. И я не потерплю тех, кто вносит межнациональный раздор в то время, когда...

В этот момент адъютант позвал Врангеля в дом, к телефонному аппарату. Был срочный звонок.

На террасу главнокомандующий вернулся в приподнятом настроении.

— Господа, генерал Климович сообщил хорошие новости! Так называемый монархический заговор раскрыт. Его зачинщик, большевистский агент Пинхус арестован. Кроме того, обнаружены явки областного подпольного ревкома, а в Ялте — коммунистическая ячейка. Полковник Мергин лично командовал операцией. Удалось взять курьеров Рафаила Кургана, Симона Кесселя и Наума Глатмана. В тот же день в Севастополе задержаны шпионы из ВЧК Герш Гоцман и Осман Жилер. Что? А-а-а... И еще. Чинами розыска арестован пробиравшийся из леса... — Петр Николаевич споткнулся, помолчал пару секунд и продолжил. — Из леса, значит... Мордух Акодис. Как? Гм... Так и написано...

Он опять заглянул в листок со списком советских агентов, в некотором недоумении перечитывая фамилии и имена. Кривошеин прыснул. Врангель поднял на гостей вдруг заискрившиеся смехом глаза, из последних сил сгоняя улыбку с озорно пляшущих губ. И тут его длинное, затянутае в черекеску тело сломалось пополам в приступе безудержного хохота. Затрясся на скрипучем стуле, прикрывая ладонью покрасневшее лицо, и начальник штаба Шатилов. Что уж и говорить про отца Владимира.

Давно они так не веселились. Терраса гудела от смеха, на который выбегали из комнат изумленные штабные офицеры и адъютанты.

— Ох, господа... Нет ты представляешь, Павлуша! — повернулся, вытирая слезы, ослабевший главком к начальнику штаба. — Вот уж потешил Климович! Впрочем, все, довольно... Сейчас перепелов подадут!

Пару дней назад Шатилов уговорил Врангеля поехать на охоту — недалеко, за восемь верст от Севастополя. Накануне Петру Николаевичу прислали его любимый «Зауэр», изрядное количество патронов, пороху, дроби и пыжей. А тут еще начштаба раздобыл прекрасную собаку, подружейного пойнтера — белого, с рыжими пятнами. Как же не пострелять, как не отдохнуть от нескончаемых забот?

За короткое время на три двустволки выскочила сотня перепелов, а то и поболее того. Врангелю повезло: один взял штук сорок.

Скоро по террасе поплыл аппетитный аромат жареной с луком дичи. И вот уже адъютанты почти торжественно внесли блюдо, на котором румянились золотистой корочкой перепелиные тушки, перед огнем добросовестно натертые солью, перцем и чесноком.

— Угощайтесь, господа! — радушно звучал раскатистый голос барона, понимающего толк в кушаньях и винах еще с конногвардейских лет. — Кстати, рекомендую вермут смешать пополам с джином. Порознь — так себе. А если вместе — превосходный напиток!

Где-то в глубине Большого дворца денно и ночью стрекотали аппараты связи. Шли сообщения с фронта. Там вскипали тяжелые бои. Большевистские части пополнялись свежими полками и дивизиями. Сопrotивление противника нарастало: красные то и дело переходили в контратаки, порой вынуждая врангелевцев оставлять недавно взятые населенные пункты. Но тем не менее...

Донской корпус начал стремительное наступление по всему фронту — от Азовского моря в район Ногайска и до железнодорожной линии Большой Токмак — Верхний Токмак. Не выдержав натиска, большевистские стрелковые дивизии откатывались на восток и северо-восток.

Затем корпус приступил к уничтожению группы противника в районе Полога. Вскоре 2-я Донская дивизия взяла Гуляй Поле. А спустя два дня марковцы выбили советских из Александровска. С ходу хотели овладеть переправой, да не вышло: слишком уж плотным был пулеметный огонь с днепроvского берега. Зато Дроздовская дивизия вместе с бригадой кубанцев ворвалась на станцию Синельниково, захватив более тысячи пленных.

Врангель с начштаба то и дело покидали застолье. На север, в войска, шли директивы.

«Приказываю: генералу Кутепову с Донским и 1-м армейским корпусами и Кубанской казачьей дивизией, развивая начавшуюся операцию, разбить ореховскую и александровскую группы красных...

Генералу Драценко — со 2-м и 3-м корпусами и Терско-Астраханской бригадой удерживать левый берег Днепра от Б. Знаменки до устья реки...

Адмиралу Саблину — обеспечивая левый фланг армии, сосредоточить силы для уничтожения красного флота в Азовском море...

Генералу Барбовичу — с 1-й Конной дивизией оставаться в резерве...»

За вечерним самоваром Врангель пересел поближе к про-тоиерею, остановил на нем свой стальной командный взгляд, впрочем, теплеющий на глазах, теряющий привычную гвардейскую властьность. Словно бы и хотел о чем-то спросить, что-то сказать такое, о чем после не скажешь, да сомневался: а стоит ли?

— Видите ли, дорогой отец Владимир... — заговорил, решился. — Не всегда я в церкви бываю. Грешен... Но, поймите, я тоже верующий. Вот только у нас, у аристократов... Да-да, у аристократов — куда уж денешься! По-другому нас воспитывали — и в семье, и в гимназии, и в училищах.

Востоков внимательно слушал барона, чувствуя искренность его слов и переживаний. К тому же он знал: Врангель не раз повторял, что прежняя болезнь его, сыпняк — Божие наказание за непомерное честолюбие. И еще генерал был уверен, что от смерти спасла его древняя икона «Знамение», Курская Коренная. А коленапреклоненная молитва в доме владыки Вениамина? Когда нужно было решать, брать ли на себя тяжкий крест командования погибающей армией. Там не было публики. Все шло от сердца...

— Мы не показывали свою религиозность, даже как-то стеснялись показывать. Хотелось бы, чтобы меня... Чтобы нас услышали. Впрочем, и дел невпроворот. Завтра отбываю в войска.

Что ж, Врангель не уклонился, взвалил на себя крест. И сказал: «Мы сражаемся за правое дело, правым владеет Бог!» А следом, собрав на борту крейсера «Генерал Корнилов» епископов и полковых батюшек, прибавил: «Вы знаете наше положение... При этих условиях с моей стороны было бы бесчестно обещать вам победу. Я могу обещать лишь с честью вывести вас из тяжелого положения...»

Но ведь чудо, подумал отец Владимир, чудо и есть. Он посмотрел с уютной террасы на спокойное море, скользя усталым взором по радужно искрящимся бликам предзакатного солнца на безмятежной вечерней воде.

Ничего же не было. Был кабак, неразбериха. И вдруг армия воскресла. Народ снова поверил в нее, и все теперь знают: войска идут освобождать Россию от богоборческого ига, а не карать. За ними — порядок и законность. Лицо белого солдата — открыто. И борьба горстки русских патриотов становится фактором международной политики. Конечно, ничтожно мал клочок земли, свободной от комиссарского рабства. Если брать только Крым: двести верст в длину, двести в ширину. Троцкий куражится в Кремле: дескать, полуостров мелочь; брелок от часов на моем животе... Зато Крым — един-

ственная страна Европы, вывозящая за границу хлеб на продажу. Да, страна, потому что есть правительство.

Казалось отцу Владимиру, что в главнокомандующем словно бы ежесекундно соперничают два человека. Один не торопится, думает: не военным походом на Москву можно освободить Россию. Это уж Деникин попробовал. По-другому нужно. Для начала создать хотя бы на этом кусочке земли такой порядок, такие условия жизни, которые потянули бы к себе все помыслы и силы стонущего под красным игом народа. Да, там, под комиссарами, — чрезвычайка и коммунизм, вскрытые святые мощи, расстрелы невинных и сбитые с храмов кресты, голод, заложники, нагоняющие ужас декреты. А тут, в противовес, — нормальная жизнь и никто никого не терзает, никакой классовой борьбы и злобной партийности. Земля приказом главкома закрепляется за крестьянами, создаются совхозы (ничего советского — совместные хозяйства, по желанию), организуются волостное земство, Крестьянский союз России, а при нем — бюро юридической помощи, кооперативы, бесплатные читальни. Большевики вырабатывают удушливые газы (молодцы Слащева обнаружил баллоны в Чаплинке), чтобы подло травить людей, а здесь вырабатывают законы, порядок, молятся Богу и дышат свободой. Само собой, той свободой, которая возможна в грешном мире.

А другой человек? Он юношески порывист и нетерпелив. Он считает, что отбитые у красных губернии скоро станут источником силы, а не слабости, как было прежде. «Втягивать их надо в борьбу, чтобы они тоже боролись, чтобы им было, за что бороться». И в день, когда вышел Приказ о земле, генерал Врангель отдает другой приказ — боевой, внезапный: наступать!

Маленький Крым — всего лишь брелок на животе товарища Троцкого, и он потяжелел, сполз и вдруг качнулся, больно стукнув председателя Реввоенсовета Р.С.Ф.С.Р., возможно, по самому чувствительному месту.

Пройдет много лет, и митрофорный протоиерей Востоков в изгнании напишет книгу, в которой будет глава «Незабвенные крымские вечера». Этот вечер и вправду был незабвенным. Таким Врангеля он больше не видел.

— Когда думаете начать крестоносное шествие? — мягко спросил генерал, прощаясь с гостем. Показалось священнику: в голосе бывалого военачальника прозвучала надежда.

— Через неделю. В крайнем случае — через десять дней, — ответил отец Владимир.

— Хорошо. Но непременно — с покровительницей нашей и заступницей, с иконой Божией Матери Курской Коренной.

— Так и думали, — радостно подтвердил армейский духовник. — Вот и пойдём. С чудотворным образом, молитвенно и покаянно. И с белым воинством христолюбивым.

26

Сын пермского губернатора, внук мечтательного звездочета, издатель «Капитала» на русском языке, сподвижник Ленина в молодые годы Петр Бернгардович Струве уже не один месяц курсировал между Севастополем и Парижем. Он сблизился с Врангелем еще в начале 1920-го, прекрасно знал языки и теперь возглавлял в правительстве белых управление внешних сношений. И возглавлял неплохо. Когда англичане стали заигрывать с Советами, то бывший легальный марксист, поднаторевший в митинговой полемике, сделал все, чтобы вбить клин между Ллойд Джорджем, с его подлой нотой, и Францией. Дошло до того, что французский министр иностранных дел мсье Мильеран публично поддержал правительство Врангеля и вскоре добился его признания де-факто.

Это была победа. Победа крымской дипломатии. Главком говорил о Струве все с большей симпатией.

С Мильераном они почти подружились. Возможно, и потому, что в юности министр тоже баловался радикал-социализмом. И в тенистых версальских аллеях Петр Бернгардович вдруг услышал:

— Разумеется, мы могли бы ускорить помощь русским борцам с большевизмом. И даже подписать договор. Но...

— За чем же дело стало, мсье Мильеран? Мы истекаем кровью. Редуют воинские ряды, иссякают боеприпасы, провиант, изнашивается оружие. Объясните.

— Видите ли... — министр задумчиво откинул со лба седые пряди. — Франция — республиканская страна. В феврале семнадцатого Россия тоже стала свободной. Но пришли Ленин с Троцким... Нужно бороться. Однако мы с тревогой наблюдаем, что у вас опять поднимают голову монархисты. Они мечтают вернуть старое. И нам не хотелось бы вкладываться в отжившее. Особенно активны ваши священники.

— И самый рьяный Востоков? — догадался Струве; он уже сталкивался с этим духовником и вынес крайне неприятное впечатление.

— Кажется, да. Мне сообщили, что он задумал собрать множество людей и идти на Москву... Как это? С частушками?

— Не с частушками, — хохотнул в раздушенный платок интеллигентный Петр Бернгардович, — а с песнопениями и молитвами.

— Не все ли равно! — раздраженно бросил Мильеран. — Там, где ваши батюшки, непременно возникает и царь-батюшка. Мы — приверженцы демократии. И хотели бы развивать отношения с новой демократической Россией. Прошу, доложите об этом Врангелю. Иначе сделка может не состояться.

«И откуда они все знают? Может, от англичан?»

В последний свой приезд в Севастополь Струве, как обычно, был принят в Большом дворце, где после совещания у главкома узнал от начальника контрразведки Климовича интересную новость. Оказалось, что Британия снарядила в Крым экспедицию Красного Креста, состоящую целиком из кадровых разведчиков. Эти господа прошерстили весь полуостров — вдоль и поперек. Наверное, надеялись разузнать: белые и вправду на ладан дышат или же еще побарахтаются? При этом, видимо, делились информацией с союзниками...

В тот же вечер Струве отправил шифровку в ставку Врангеля — с содержанием беседы с министром в уютных версальских аллеях.

Спустя несколько дней в Большом дворце появился глава английской миссии в Крыму генерал Перси.

— Запад уже пережил шок, когда вы назначили в контрразведку генерала Климовича, — сухо сказал он барону. — Это же цепной пес, всегда защищавший самодержавие. И теперь мечтающий о его восстановлении. Неужели не нашлось другого — либеральнее? Под его защитой и другие зашевелились.

Врангель помрачнел, готов был сорваться, но подоспевшие начштаба Шатилов и премьер Кривошеин перевели разговор на что-то другое.

До отца Владимира доходили эти слухи, конечно, неприятные, но времени на печали и сомнения не было: готовились к крестному ходу. Давний друг Павел Николаевич Шатилов рассказал, как осадил масона Маклакова, пытающегося убедить главкома: дескать, деятельность духовенства в Крыму приобретает своеобразно опасный характер; и, само собой, на первом плане опять Востоков. Присутствовавшие при рассказе члены «Братства Животворящего Креста» возмутились было, зароптали, но отец Владимир успокоил их. Ведь на чужой рот пуговицы не нашешь. Да и Маклакова он хорошо знал — член Русского политического совещания в Па-

риже, адвокат по профессии, и такой уж адвокат, которому все равно, кого защищать: хоть сектантов-изуверов, хоть большевика Баумана, а хоть и самого Бейлиса. Что с такого взять? А еще пером грешил. Востоков помнил один его памфлет, помещенный, кажется, в «Русских ведомостях». О безумном шофере, который не может править, но цепко ухватился за руль и не пускает тех, кто умеет вести машину. Все узнали в этом сумасшедшем Государя. Хорошо, прошло время, пустили к баранке умелых и знающих. И что же? Так нарулили, что завязли по самые оси, назад не выбраться...

Крестоносное движение задумали начать от стен Александро-Невского собора. И владыка Вениамин накануне сказал подходящее: «Для Церкви и белые, и красные, если только они верующие, одинаково приемлемые, а следовательно, я, работая с белыми, не уйду от народа...» Это на будущее произнесено, и не для одних своих. Ведь могут же в толпе таиться и большевики, и их агенты — пусть разнесут весть, пусть думают. А как надумают, тоже, быть может, встанут в ряды верящих в спасение России силою животворящего Креста Господня.

Но рано утром к отцу Владимиру заехал взволнованный епископ Вениамин. Вдохнул невесело:

— Главнокомандующий срочно желает вас видеть.

На широком дворцовом крыльце встретился куда-то спешащий генерал Шатилов: почему-то отвел глаза.

— Отец Владимир, — отчужденно, как на плацу, зарокотал Врангель, — весьма сожалею, но... Вынужден причислить вас к лицам, мешающим мне спасти Отечество. Хотя я и сам монархист...

Это хорошо, подумал протоиерей. Но совсем недавно главным говорил: для меня, мол, нет ни монархистов, ни республиканцев, а есть лишь люди знания и труда. С кем хочешь, но за Россию — вот мой лозунг. Колеблется командующий, ох, колеблется! Видно, верх взяли «люди знания и труда», а не веры — все эти Струве, Оболенский, военный прокурор Калинин...

— Видите ли, союзники в ответ на вашу религиозно-патриотическую пропаганду заявили: если Востоков не прекратит свои проповеди, то мы прекратим военную и продовольственную помощь Русской армии.

— Ваше превосходительство... — попытался возразить отец Владимир, но Врангель его оборвал.

— Словом, если вы, батюшка, не послушаетесь моего предупреждения, то я вынужден буду просить вас немедленно оставить Крым! — Он отвернулся, что-то сказал дежурному штаб-офицеру, показывая, что разговор закончен.

Владыка Вениамин потихоньку стал подталкивать Востокова к выходу. Но тот неожиданно для себя натопорщился, почти выкрикнул:

— Петр Николаевич, не слушайте вы этих союзников! После того, как они обманули Россию, помогавшую им выйти победителями из Великой войны... Не верьте!

Врангель замер. На побледневшем лице сердито завращались, точно колеса буксующей мотоциклетки, большие серые глаза.

— Вот союзники, — говорил он, — запрещают монархизм в остатках нашей армии. Как же похожи они на сказочного Иванушку-дурачка! Несли покойника в могилу. Иванушка давай плясать да в дудочку играть. Его и побили. Пошел к матери жаловаться, а та: ты бы дитяtko, «канун да ладан» сказал. На другой день Иванушка встретил свадебный поезд и крикнул веселым гостям: «Канун да ладан вам!» И опять побили.

А разве не так? Палачи-инородцы хоронят миллионы лучших сынов России, а народы, за которых Россия лила свою кровь, наигрывают на дудочке равнодушия, приговаривая: «Это ваши внутренние дела, мы не можем вмешиваться». Еще и подплясывают радостно, в предвкушении раздела риз великой страдальицы... Само собой, при соучастии палачей.

— Остановитесь, отец Владимир! Довольно... — откуда-то издалека прилетел голос Врангеля, почему-то не такой уже рокоchущий.

Но он должен был договорить.

— Да-да... Конечно, когда мы, из любви к правде, снаряжаем поезд спасения России, свой православный крестный ход, думая о самодержавном царстве, Европа, союзники наши «канун да ладан» кричат: не смейте монархию восстанавливать! Постойте, а разве народная жажда царя — не наше внутреннее дело? И в это дело не смеют вмешиваться иностранцы. Или они вмешиваются, лишь когда выгодно. Так?

Он уходил из Большого дворца стремительным широким шагом. Владыка Вениамин едва поспевал за ним. «А как же крестный ход? Неужто и его запретят? Нет, не может быть! Тогда все. Все пропало...» От этих беспокойных мыслей ныло сердце.

Владыка предложил подвезти, но отец Владимир отказался. Захотелось побыть одному, неспешно пройтись, успокаиваясь и молясь, по теплому осеннему бульвару. На пути пестрела афишно-газетная тумба. В глаза бросился заголовок «Зари России»: «Красный командарм Буденный изменил Советской власти!» В это мало верилось, но журналист, скрывающийся под инициалами А.Б., без тени сомнения распи-

сывал подробности этого события и горько сетовал, что слишком медленно пробивается к Врангелю конное войско легендарного большевистского полководца, на своей шкуре испытывавшего подлость комиссарских вождей. Автор завершал: «Факт измены представляет собой важный этап в процессе распада богоборческой власти!»

«Богоборческой... Это так, правильно, — мысленно согласился протоиерей. — Да только с Буденным — едва ли...» Но тут он увидел свою фамилию.

Это была другая газета — «Южные ведомости», орган Таврической земской управы. (Ага, значит, недалеко и князь Оболенский, ее глава; старый знакомый!) Вокруг редакции собрались сбежавшие от красных либеральные народники, эсеро-меньшевики и конституционные демократы. Статья была о нем, о Востокове. Уже составивший себе имя литератор Константин Тренев снова отчитывал его за погромные проповеди. Впрочем, вся погромность бесед протоиерея заключалась в одном: он упрямо называл Троцкого не Троцким, а Бронштейном, а Каменева, как и положено, Розенфельдом. Наверное, это было страшное преступление.

Автора отец Владимир знал: тот, вроде, был из своих — окончил семинарию в Новочеркасске, а после — духовную академию в Питере. И это задело, царапнуло. Да что там: Бог ему судья. Но трудно, невозможно было вообразить, что Тренев выделается в большого советского драматурга, так сказать, в первономерного — станет лауреатом Сталинской премии I степени и в 1945-м будет с почестями похоронен на участке №1 Новодевичьего кладбища.

А Востоков медленно двинулся дальше.

И тут случилось непредвиденное. Из-за поворота вылетела пролетка, запряженная парой соловых жеребцов. Она появилась так неожиданно, что отец Владимир успел сделать лишь шаг назад. Но этого оказалось мало. В плечо по касательной стукнуло оглоблей, развернуло и отбросило в пыль мостовой. На какое-то мгновение он потерял сознание. Но тут же пришел в себя. Шумело в голове, болело ушибленное место. В лицо же с участливым беспокойством заглядывал темноробордый князь Владимир Андреевич Оболенский — собственной персоной! Бывает ведь такое: стоило подумать о человеке, как он тотчас и объявился. И не простой человек, а председатель земской управы, второй страж в ложе «Возрождение», нет, в ложе «Великий Восток Франции». Или еще в какой. Разве упомнишь. Князь любил, даже больше устриц, окружать себя тайнами, в которые, впрочем, охотно посвящал близких и не очень близких знакомых.

Оболенский, виновато суетясь, усадил священника на скамейку. Повторял при этом:

— Простите великодушно, отец Владимир! Кучер мой сплеховал. А я... Уж так спешили, спешили! К самому Врангелю. Дело, знаете ли, чрезвычайной важности...

И тут же осекся. Сбросил с себя длиннополое светлое «блико», еще более суетясь, накинул Востокову на плечи.

— Простите! Как вы? Как чувствуете себя?

— Ничего, вполне. Не волнуйтесь.

Отец Владимир встал, подвигал руками-ногами: вроде, неплохо, да и боль ушла. Можно было спокойно идти в гостиницу, но князь, рассыпаясь в любезностях, буквально затасил его в трактир — чаю попить. А к Врангелю, дескать, все равно опоздал. Согласился. Тем более, что в горле от потрясения пересохло. А еще понял, почувствовал: Оболенский даже рад, что не попал к главному, что ему непременно нужно до встречи «чрезвычайной важности» поговорить с ним, армейским духовником.

Князь терпеливо подождал, пока священник помолился перед трапезой; лишь едва заметной усмешкой дрогнули уголки надменных губ. И вдруг сам быстро перекрестился.

— Давно искал с вами встречи, отец Владимир! — изящно отпил он из высокого стакана.

— А что искать, любезный Владимир Андреевич? — удивился Востоков. — Я ведь в храмах проповедую. Зашли бы. И в наше «Братство Животворящего Креста»... Там офицеров, юнкеров немало. Интеллигенции... Налицо духовный подъем. Все двинемся и одолеем бесовские скопища.

— Вы опять о своем! А не боитесь ответственности? Не боитесь, что вашу колонну большевики просто расстреляют из пулеметов?

— Колонна — одно, а крестный ход — другое. Неужели вы не чувствуете разницы?

— Я-то — да, а вот пуля — нет, — чуть снисходительно улыбнулся Оболенский. — Это, дорогой вы мой, экзальтация. Идти на верную гибель... От вашей затеи веет, простите, затхлостью Средних веков. Я знаю офицеров, которые просто потешаются над всем этим.

— Но я знаю многих других, — спокойно возразил отец Владимир. — А ваши... Ваши потешники, они в Бога не веруют. Как же им победить?

Перед Востоковым за стаканом чая сидел русский аристократ, конечно, интеллигент, по праву представляющий ту самую — разумную, образованную и умственно развитую часть общества. А что же душа — она отстала?

Когда это началось? При Петре I? Нет, раньше еще, думал отец Владимир, рассеянно слушая доводы князя против крестоносного хода к Москве. С ересей, расколов? Да, было. Но находили силы, одолевали, понятно, не без потерь. Другое дело — протестантизм; под его влияние подпало русское образованное общество. Немецкие слободы, лютеранские кирпичи, школы. Чужестранные проповедники спорили с православными, склоняя в свою веру. А что — хорошо: никаких запретов, постов, покаяния — свобода! Ключули, ухватили наживку. Не все, конечно. Не хлебопашцы с ремесленниками, а лишь самые «мыслящие и разумные». Кто же идеал интеллигента — апостол Павел или Иуда? Споры не утихают. Но вот уже русский князь Хворостинин хулит православную церковь, склоняя своих людей к лютеранству.

— И я хочу напомнить вам, что и царь Петр, когда требовалось, запрещал крестные ходы, — пробился к отцу Владимиру голос Оболенского. — Так и писал в указе: «А кто будет ходить, тех брать». Да вы не слушаете меня?

— Слушаю, конечно, слушаю...

Менять веру — менять и совесть, опять погрузился в раздумья протоиерей. Что ж, Петр I окружил себя протестантами. Он перекроил основы русской жизни. Будто бы нельзя было внедрять технические новинки без ломки православной веры. Но такова была его настроенность. Сказал Господь: «Ибо из сердца исходят злые помыслы». Постепенно образованное общество стало стесняться своей простодушной религиозности. Что уж говорить, если сам царь-реформатор замыслил развернуть русское бытие на протестантский лад. А протестантизм лукав: льстит человеку, превозносит его личность до небес, убеждает, что разум и воля поважнее веры в Христа. И еще — смущает независимостью и прогрессивностью своих основ. Отсюда и заблуждения, соблазны свободомыслия — вольтерьянство, масонство, нигилизм, коммунизм, марксизм. А там и до революции — рукой подать.

Вот и барон Врангель признался: мы, аристократы, стеснялись своей религиозности, наружу не показывали, но в Бога веруем. А Оболенский и его сотоварищ Струве ничего не стесняются. (И сколько сбежалось таких в Крым!). В марксизм немного поиграли-пошалили, ленинскую «Искру» учредили и печатали, развращая народные души, в масоны записались и в Думе вдоволь наговорились, приближая большевизм. Когда жареный петух клюнул, побежали на Юг — Россию спасать. А Россию от них спасать бы надо.

Вспомнился архиепископ Иларион Троицкий, с кем беседовали на Поместном Соборе в январе 1918-го. Жив ли? Как

с ним не согласиться: «Вижу я, что еще в прошлом веке между народом и высшим обществом появился класс, в тесном смысле интеллигентный. В отрицании Церкви и в преклонении перед Западом он пошел дальше всех... Белинский научил русских интеллигентов атеистическому социализму. Интеллигенция русская стала и нерелигиозна и ненациональна...»

— Поймите же, отец Владимир, поймите нас! — повысил голос теряющий терпение Оболенский. — Ваша деятельность сейчас опасна. Все эти проповеди, шествия создают особое народное настроение, будят темную стихию масс. И теперь, когда большевизм трещит по швам, народная волна просто сметет его. Да!

— И слава Богу.

— Ах, как же вам объяснить! Ведь просто: разбуженная вашей религиозной работой стихия поднимется и затопит даже то, что до сих пор пощадил большевизм. Что-то очень важное в России. Вдумайтесь только!

Странные люди: они не боялись чужеродным марксизмом сеять злые искры бунта и революции, но страшатся всенародного духовного подъема, который один и может пересилить врага, восстановить в России царский трон. Как и должно по закону — и Божескому, и человеческому.

А все равно — церкви в Крыму и в Северной Таврии переполнены. Что вы сделаете с этим, господа? Неужто мы вас послушаем и упустим возможность изменить положение? Похоже, последнюю возможность...

Отец Владимир допил свой чай. Какая-то невидимая веселая птица, спрятавшись в ветках акации, пела за распахнутым окном залиvistую песню. Он поднялся, чтобы уйти, но князь удержал его. Сказал, затвердев медальным профилем, что будет просить главкома наложить запрет на подобные проповеди и, само собой, отменить шествие с молитвами и образами.

Прощаясь, протоиерей перекрестил Оболенского. Тот хмыкнул и как-то доверительно произнес, настороженно оглядевшись по сторонам:

— Знаете, если честно... По основным чертам психологии... Именно! Наш Врангель остается заурядным ротмистром Кавалергардского его величества полка, а Кривошеин... Гм. Он все тот же тайный советник и министр самодержавной России. Вы не находите?

Все ж таки плюнул в колодец. Ах, князь! Впрочем, если говорить о Кривошеине, тут не поспоришь: крепкий царский министр — разве плохо? А Врангель... Нет, здесь быв-

ший марксист соврал. Барон воистину правитель русского Юга. Даже после того неприятного разговора в Большом дворце отец Владимир надеялся, что главнокомандующий успокоится, поразмыслит и поддержит «Братство Животворящего Креста». К тому же за Востокова стояли не последние люди — генералы Шатилов, Кутепов, Лукомский, Нечволодов, епископ Вениамин, председатель Временного Высшего церковного управления (ВВЦУ) архиепископ Димитрий, контрразведчики Климович и Мергин, князья Гедройц и Голицын, полковые священники, монархически настроенные журналисты. А если оглядеться по сторонам, то — тысячи и тысячи православных людей. Молодых и старых, военных и сугубо штатских. Сила.

Оболенский поднялся, поклонился с ледяной салонной улыбкой и, поблескивая штiblетами, зашагал к выходу. Полы светлого пальто трепетали в потоке осеннего крымского воздуха. Отец Владимир заметил, как отчетливо и тревожно постукивали его высокие каблуки.

27

А в войска летели стремительные директивы главкома: «Генералу Кутепову. Обеспечивая себя со стороны Таганрога, каменноугольного района, Чаплина и Синельниково, форсировать Днепр в районе Александровска и, выставив заслон на екатеринославском направлении и закрепившись на правом берегу Днепра, большей частью конницы наступать на фронт Долгинцево — Апостолово.

Генералу Драценко. С 3-м армейским и конным корпусом и 42-м Донским стрелковым полком, форсировать Днепр на участке Никополь — Софиевка-Нассауская и, направив конницу для захвата станции Апостолово, ударить в тыл каховской группе красных.

Генералу Витковскому. Обеспечивая сальковское и перекопское направления, овладеть каховским плацдармом, после чего форсировать течение Днепра ниже Берислава, содействуя генералу Драценко в разбитии каховской группы».

Витковского барон назначил командиром 2-го корпуса вместо генерала Слащева: тот сам подал путаный рапорт — с просьбой об отставке. Бесшабашно-отчаянный «генерал Яша» телеграфировал из-под Каховки, что биться лбом о высокий берег Днепра, теряя людей, не хотел бы и просит разрешения отвести полки на линию Каменный Колодезь — Черненька. Врангель позволил, но высказал... Скажем так: недоумение. Командир корпуса вспылит.

Удовлетворив его ходатайство, главнокомандующий все же решил задобрить популярного в войсках рубаку. Отдал приказ: «Дорогому сердцу русских воинов — генералу Слащеву именоваться впредь Слащев-Крымский». Давняя мечта сбылась. Яков Александрович был счастлив. Плакал в приемной Большого дворца, не стыдясь слез.

О нем и подумал в эти беспокойные дни отец Владимир: а вдруг поможет генерал, замолвит словцо перед Врангелем? Ведь это он, считай, подарил барону Крым, отбив первый натиск красных. К тому же в беседе дружеской поведал Востокову владыка Димитрий, архиепископ Таврический, что сам передал Слащеву Библию, а после видел подчеркнутое его рукой: «Всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет, и дом, развалившийся сам в себе, падет». (Лк. 11, 17-18). И так подчеркнул генерал — чуть бумагу не порвал.

Но не ведал, конечно, армейский духовник, что уже стих гвалт бурного заседания Симферопольской думы, и прямо оттуда поспешили депутаты к главнокомандующему — все с тем же: пожаловаться на отца Владимира. Так вышло, что приезд их совпал с визитом князя Оболенского и Струве.

Наутро разгневанный Врангель издал приказ №145: «Пока враг у ворот, я не допущу политической борьбы. Запрещаю всякие публичные выступления, проповеди, лекции и диспуты, сеющие политическую или национальную рознь. Вменяю в обязанность начальникам гарнизонов, комендантам и гражданским властям следить за выполнением моего приказа. Нарушивших его, не взирая на сан, чин или звание, буду высылать из наших пределов...»

Когда председатель ВВЦУ архиепископ Димитрий поспешил к барону с протестом — и против опрометчивого приказа, и против постановления Симферопольской думы, то в ответ услышал:

— Если отец Владимир не прекратит своих проповедей в том же духе... Он знает, о чем я. В общем, еще одна подобная беседа, и следующую... Да, следующую он будет произносить уже в Константинополе! Прощайте, владыка! — и оборвал разговор, повернувшись к штабному офицеру с телеграфной лентой в руке: фронт слал свежие сводки.

А к Слащеву протоиерей Востоков все-таки попал. Но после. И вот почему.

Буквально через несколько дней командование Русской армии запретило и крестный ход. В предчувствии беды отец Владимир тотчас же ринулся в Большой дворец. Но к Врангелю его не пропустили. Он написал записку о том, что, конечно, царь Петр порой запрещал

шествия с иконами, а государыня Екатерина раздавала монастырские имения фаворитам, но даже большевики-богоненавистники и те разрешили провести в Москве два крестеносных шествия. Долго ждал ответа. Однако ответа от главкома не последовало.

А под вечер в дверь постучали. Не спросил: кто? Но когда открывал, почему-то ставшие непослушными руки долго искали засов.

Из полумрака наплыла знакомая фигура, приблизилось лицо. Чудо да и только: перед ним стоял летчик Федор Енгальчев, погибший при обороне Новочеркаска. Левая щека его была изъедена шрамами, зато правая словно смеялась знакомой детской ямочкой, еще не успевшей превратиться в строгую военную складку.

Это была ночь молитв и воспоминаний. Это была ночь, когда самое невероятное преображалось в будничное и само собой разумеющееся. И тяжелая граната, упавшая рядом с Енгальчевым в тот давний рождественский вечер, враз делалась легкой и опять отлетала от удара ноги в сторону, и там взрывалась, ранив пилота, но не убив. Нет, не убив. Добрый ангел-хранитель снова сберег его в бою. И под погибающим Новочеркасском сберег.

Стоны Федора случайно услышали крестьяне. Они и спасли. Когда ему стало легче, он пробрался в город, в разоренный лазарет и в чулане среди мусора и окровавленных бинтов отыскал икону Святителю Николаю, ту самую, что подарил ему отец Владимир. И это тоже было чудом.

А Востоков смотрел на военлета и не верил своим глазам. Оберегающе и лучезарно взирал на говорящих святой Угодник, архиепископ Мир Ликийских, избавитель от злой смерти, примиряющий враждующих и бунтующих; образ Федор принес с собой, а священник поставил его на тумбочку: пусть побудет рядом.

— Давно это случилось, Федя. Сын благочестивых родителей пропал на войне. Дома считали юношу погибшим и совершали заупокойную литургию. Но он был жив. И потом, когда вернулся, рассказывал: оказывается, в дни литургии в темнице чудесно появлялся некий славный муж со светильником. Оковы спадали с ног узника, и он на какое-то время освобождался. Об этом писал святой Иоанн Милостивый. А я ведь тоже служил... По тебе... За упокой.

— Да? — дрогнул голос Енгальчева. — Удивительно, но если подумать... Комиссары-то меня в сене так и не нашли, хотя все штыками искололи. А после в воздушном бою над Мелитополем... Пронзило: ну, все! Два красных «Ньюпора»

навалились. А они вдруг взяли да и столкнулись, ни с того, ни с сего. Только щепки в разные стороны! Может, как раз в те дни?

— Возможно, — вздохнул отец Владимир. — Душа болит: не позволил Врангель крестный ход. Молюсь, терзаюсь: не случилось бы непоправимого...

Спустя неделю, покачивая широкими крыльями, новенький «Анасаль» капитана Русской армии Енгальчева снова шел над каховским укрепрайоном большевиков. Сегодняшняя задача — глубокая разведка. Полеты над вражескими тылами он предпочитал совершать в одиночку. Да и свободой еще не мог наддышаться. Шутка ли, никто здесь не подсаживал к нему комиссара с маузером, который орал, тыкал стволом в спину, указывая, куда бросать фугасы и по каким целям стрелять. Понятно, что комиссар ему ни капли не верил, и правильно делал. И если бы он написал на него бумагу, то отвели бы Федю в исподнем к березнячку, поставили бы у наспех выкопанной ямки. И — пли! А еще раньше — семью, оставленную в заложниках.

Но этого не будет. Бьется туго в полотняных крыльях, точно в парусах, неоглядное вольное небо. И сердце стучит ровно и спокойно. Потому что слева от приборной доски — иконка. А в кармане — фотография: детки с кудряшками, жена. Теперь они вне опасности. Мать Врангеля, Мария Дмитриевна, соседка по коммуналке, не захотела спастись одна. Настояла, чтобы и его семью вывезли из Питера, спрятали. Не забыла баронесса ужинов, жареной баранины, добра. Через контрразведчиков уже и адрес передали. Прогонят совнаркомовцев, и найдет капитан своих.

И вот он, пилот Енгальчев, летит и ему не за кого бояться. А остальное — так, семечки-подсолнухи. Снизу по биплану ударили пулеметы, заухали воздухобойные пушки. А он снимает на фотокамеру позиции красных и потом привычным движением штурвала уводит «Анасаль» от огня. Хорошо бы как следует углубиться во вражеские тылы. Странное предчувствие томит опытного авиатора. Оно не обманывало его, когда летал у Слащева, и теперь не должно обмануть, когда летает у другого генерала.

Расчетная дальность полета позволяет, мощность мотора — тоже. Горючего хватает. Конечно, если в бой затяжной не ввязываться.

Что за предчувствие, капитан пока понять не может. Он просто направляет послушный «Анасаль» на север, постепенно выгибая траекторию курса в сторону клубящегося облаками северо-запада. Он читает псалом, а после поет:

«В лицо нам дунет ветер бурный, вся даль оденется в туман. Обнимет нас струей лазурной, как брат, воздушный океан!» За сельской околицей Енгальчев замечает скопление живой силы врага и техники: два танка, четыре броневика, несколько трехдюймовок, у которых возится артиллерийская прислуга. Капитан, походя, на бредущем полете прошупывает все это очередями синхронного «Виккерса», заходит на новый круг, чтобы щелкнуть фотокамерой, и опять взмывает вверх. С земли стреляют, но пули просвистывают где-то в стороне.

Еще сотня верст. И еще одна. Подрагивает стрелка на датчике горючего: пора назад! Но что там, впереди? Пыль поднимается, стелется по степи. А из этой вязкой пелены то выползает, то снова тонет в ней какая-то длинная толстая змея. Двигается она, закручиваясь узлами, осторожно хоронясь в широких балках, нехотя выбирается из них, неотвратимо стекая вниз, к югу. Что же это? Енгальчев подлетел поближе, снизился, к югу. И похолодел. Под крыльями биплана были люди, много людей. Они растянулись в колонну — на версту, нет, гораздо больше. Колонна была не слишком строгой, с размытыми краями. И потому пилота вдруг пронзила нереально-восторженная мысль: да уж не крестный ли это ход? Тот самый, спасительный для России, о котором так мечтал отец Владимир, мечтали его сподвижники, все «Братство Животворящего Креста». Неужто позволили? Значит, скоро увидят это священное шествие все и, конечно, красноармейцы увидят — благочестивые русские крестьяне: в это протоиерей свято верит. Покаянно снимут они шапки, вонзят штыки в землю и падут ниц перед иконами и хоругвями. А следом вместе с воинами Русской армии — на Москву.

Показалось Енгальчеву: хоругви внизу подняли. Но только почему идут на юг, а не на север? И тут... Словно пелена спала: нет, не хоругви то. Это же знамена красные! Вот как бесы с ним поиграли. Ох, уж эти бесы-бесенята! «Господи... Ты мя помилуй, и от всякаго мирского, дьявольского и телесного зла избави...» Еще пригляделся. Верховые в основном, кавалеристы. Тачанки с «максимами», лошади тянут пушки, походные кухни. А впереди — музыканты, их трубы сияют, словно готовы уже грянуть победным маршем.

Совсем низко летит «Анасаль», того и гляди папахи и картузы колесами посшибает. Федор силится рассмотреть, что написано на самом большом знамени. А оно то раскроется от ветра, то свернется, то пропадет в пыли. Но, кажется, повезло — успел ухватить глазом: 1-я Кон... И сразу пробили крыло две пули. Аэроплан взмыл вверх, но Енгальчев уже все

понял: буденовцы, они! Вот оно, предчувствие. На душе стало совсем скверно.

В тот же миг пилот заметил, как от колонны, молодецки погарцевав, отделилась пара кавалеристов и понеслась на северо-восток — сперва полевым галопом, а после перешла на бешеный карьер. У Федора оставалось еще две фотокассеты, и он заснял головную часть колонны со знаменем, трубами. Быстрых посыльных тоже заснял. Куда понеслись?

Енгальчев убрал фотокамеру и почувствовал, как под сердцем скользко перекачивается сладковато-льдистый комок страха. А если не долетит? И в штабе не сразу узнают о том, что на помощь комиссарам идет огромная сила — 1-я Конная армия вчерашнего унтера Семена Буденного. Выжимая из «Анасаля» все, что можно, он поспешно лег на обратный курс.

Верст через пятьдесят его атаковали сразу три биплана красных. Ага, вот куда поскакали вражеские курьеры — за самолетами! Ясно же: нельзя допустить, чтобы врангелевский разведчик сообщил своим о скрытом переходе лучших конных частей большевиков. Один из «Ньюпоров» сразу ударил очередью со стороны солнца — очень даже грамотно. Пули прошли мимо. Второй прижался слева, и Федор увидел, как летчик крутит револьвером: садись, мол, беляк. Но Енгальчев резко, до звона в ушах, взял вверх — так, чтобы еще не вступивший в бой «Ваузен» оказался прямо под его машиной, и тогда саданул колесами прямо по кабине пилота, по задохнувшемуся мотору, по взвизгнувшему винту. Сбитый с неба биплан завалился в рощу, полыхнувшую взрывом.

Теперь нужно было подойти к «Ньюпору» метров на пятьдесят, а лучше и того меньше — к тому, где красный военлет поигрывал револьвером. Важно ворваться в мертвый сектор, где враг не мог бы видеть тебя и прицельно стрелять. Удалось, вошел. Главное — удержаться хотя бы на несколько секунд. Ближе, еще... Федор вынул из кобуры «маузер», взял рычаг левой рукой и стал посыпать пулю за пулей в черный силуэт врага. Силуэт дернулся, военлет замотал головой, и его аэроплан, нелепо качая крыльями, начал терять высоту. Но оставался еще третий большевистский самолет, и по машине Енгальчева опять ударила очередь. Пуля вонзилась в ногу, от боли багрово полыхнуло в глазах. И все же он помнил про виражи штабс-капитана императорского военно-воздушного флота Нестерова, когда стремительными разворотами вызывают вихревые потоки, способные опрокинуть в небе вражеский самолет, сбросить его на землю. Правая штанина

набухала кровью, наваливалась тоскливая слабость, но Федор, закусив губу, направил «Анараль» на сближение. Красный «Ньюпор» не ожидал, что белогвардеец развернется рядом с ним настолько рискованно и круто — почти на 180 градусов. Большевика шибануло таким порывом ветра, что затрещала оснастка, биплан, как щепку, бросило в сторону. Левое крыло беспомощно вскинулось вверх, аэроплан клюнул носом, готовый войти в гибельный штопор. Пилоту с трудом удалось выровнять «Ньюпор», но уже было не до атак: неприятель просто дал чесу.

Если не считать двух степных орлов, парящих поодаль, Енгальчев снова был в небе один. Он попытался перетянуть раненную ногу жгутом. В полете сделать это было трудно, но все же как-то удалось. В глазах то загоралось, то рассыпалось сияние колючих бусинок. Когда он прикрывал веки, на него пикировали эскадрильи советских. Самолеты несли перед собой кроваво-ослепительные круги пропеллеров, вращающихся с тоскливым воем. Но и горячее было на исходе. У пыльной дорожной развилки Федор разглядел неприятельский «Ньюпор», сидевший с задраным хвостом. В пилота он стрелял из «маузера». Значит, сумел приземлиться...

Енгальчев собрал силы, сделал, снижаясь, неровный круг, и вскоре его «Анараль» подкатил к поверженному большевику. Тот, видимо, сел жестко. На последних метрах скапотировал: ткнулся носом в серый бурьян. Но вначале Федор распорол ножом правую брючину, осмотрел свою рану. По счастью, пуля лишь вырвала кусок мяса из икры и ушла, продырявив переборку. Он перевязал ногу, снял жгут и только тогда сполз из машины и, хромя, двинулся к «Ньюпору».

Красный авиатор был мертв. Енгальчев повернул ручку и слил горячее к себе в канистру. Не мешкая, с тревогой оглядывая горизонт, заправил им «Анараль». Пора улетать, его донесение может многое изменить.

Но неясное тревожное чувство останавливало его. Он поднялся к убитому пилоту. Тот сидел, уткнувшись окровавленным лицом в приборную доску. Что-то знакомое было в этой златокудрой, давно не стриженной голове. Федор, морщась от боли, приподнял ее, всмотрелся и едва не вскрикнул. Конечно, это он, прапорщик, однополчанин еще по германской. Как же его... Звали еще смешно: Молик. Да-да, Ермолай Сибильский. Он был младше Енгальчева. И когда знакомился, непременно говорил: из дворян. Объяснял: дескать, сибиль — мелкая рыбешка, вроде уклеи. Так стремительно и плыл по жизни: только был здесь, а вот уж и там. Потом февральская неразбериха, керенщина, агитаторы с красны-

ми бантами. Стайки одуревших от митингов уклеек заматались. Поди, догадайся, что мутят воду, шумят над ними винты парохода «Христиания-фьорд», на котором из Нью-Йорка приплыл господин Бронштейн, вскоре укравшийся под вывеской «товарищ Троцкий».

Пытливо Молика тянуло ко всякой новизне — к самолетам, к революции. В небе — свобода. Пусть и на земле будет тоже — свобода. Он поспешно надел красный бант. Вскоре Енгальчев потерял прапорщика из виду. Но знал, что Сибильский мечтал летать. Выходит, научился.

Совсем низко кружили, чуя добычу, ширококрылые стервятники.

Нужно было похоронить Молика. Странно, что он не узнал его в небе, а мертвым узнал. К тому же Енгальчев взял у него горючее и теперь сможет доставить результаты воздушной разведки. Как-то неловко. Вроде, не спросясь, взял...

Ему все-таки удалось вытащить тело Молика из «Нью-пора», уложить на траву. Креста на нем не было. Федор, подумав, снял с себя серебряный образок с ликом Богородицы, тоже подаренный отцом Владимиром, но совсем недавно. Признаться, ему жаль было расставаться с подарком. Да и рядом лежал, как ни крути, враг, сам отказавшийся от веры. Сняв распятие, он добровольно отверг Христа. Верно? Однако этот враг был Молик, когда-то — веселый неразумный отрок, падкий на все непривычное, шумное, похожее на фокусы в шапито. Отчего-то фокусники чаще были в кожанках.

Мысли теснились в затуманенной голове. Что делать, батюшка? Ответь, помоги... Енгальчев даже посмотрел в южную сторону, словно ожидая оттуда объясняющего слова. Но уж если вспомнил об отце Владимире, то не забывай: будь ты белый, будь ты пока красный — думай о России. И в крестный ход Востоков звал всех. Потому что не одним оружием сокрушится богоборческая власть совнаркома, оскверняющего священные храмы Кремля. Вот и ответ.

Капитан начал копать могилку. И тут же потерял сознание: рану неловко задел. Очнулся от близкого конского топота. К нему трехкрестовым аллюром скакал буденовский разезд. Он рванулся — сквозь боль и немощь — к аэроплану. «Жаль, не успел похоронить...» И вдруг заметил, что пальцами сжимает образок: так и не надел на убитого. В другое время махнул бы рукой: до того ли, быть бы живу! Но к нему приближались враги, и это все решило. Конечно, они похоронят Молика, как своего, без креста и отпевания. И никакой надежды его заблудшей душе, потерявшейся в сумятице

революции. Пусть самой маленькой надежды. Не более пылинки — той, что, сшибаясь с другими, тоскливо мечется в серой туче, которую вместе с флагами несет над собой буденновская орда. В Енгальчеве все взбунтовалось. И это прибило сил.

Он быстро, словно и не было раны, вернулся к мертвому, надел на окровавленную шею серебряный образок, упрятал его подальше, под липкую гимнастерку. Перекрестился: «Упокой, Господи...», и уже под пулями влез в самолет. 280-сильный мотор, чихнув, взревел, когда конники всю брали «Анараль» в кольцо, тянулись рубящими шашками к крыльям, стреляли, бросали казачьи пики. Одна пика вонзилась в фюзеляж, и аэроплан, набирая скорость, катил с ней, как с занозой, по кочковатой степи.

Енгальчев нашарил под сидением ребристую «черепашу», сорвал с гранаты кольцо и, не оглядываясь, швырнул назад. Раздался взрыв, и тогда он поднял биплан в воздух.

Тяжело было капитану. Муторно. Сознание то уплывало, то возвращалось. Откуда-то взялась лодка, и она скользила по тихому озеру. А может, просто это его самолет летел в чистом небе. Опять возвращался страх: не дотяну... Но следом прямо из радужного круга пропеллера явилось, наплыло какое-то сияющее видение — удивительное, наверное, незаслуженное. Будто из проповедей отца Владимира. Как знать, как знать... Снова лодка, но уже дохнула буря, дрогнуло, вздыбилось озеро, ударили молнии из черных туч. Ужас и тоска заполнили сердца. Но Кто же идет по гребням бурливых волн, как по суше? Неужели вестник скорой смерти? Вот сейчас разверзнется пучина и... Кажется, все, конец. Но, перекрывая вой стихии, раздастся спокойное, властное и такое знакомое слово: «Ободритесь, это Я, не бойтесь!» А рядом, кто же? Это ведь апостол Петр, вспыхнув верой, просит: «Господи! Повели мне идти к Тебе по воде!» И тут же благословение: «Иди». Теперь бы не оробеть, не усомниться...

А пилоту слышится: «Лети!» И он летит. Рассеялась слабость, глаза смотрят ясно и зорко. Сквозь первую синеву сумерек он хорошо видит поле своего аэродрома, казармы и ангары воздухоплавательного отряда, строй боевых бипланов.

«Это Я, не бойтесь!» И лодка опять спокойно скользит по затихшему озеру.

«Не бойся! Не бойся-я-я!!!» Над легкими облаками, в степях и можжевеловых рощах, повсюду прозвучало, эхом отозвалось — летним, веселым, как в детстве. «Анараль», плавно снижаясь, пошел на посадку. Неукротимая радость вдру-

охватила Енгальчева. Такая, что захотелось рассмеяться. Он понимал, что смеяться сейчас неловко, возможно, и грешно. А потому сдержался, лишь спекшиеся губы озорно прошептали враз сложившееся: «А я не боюсь, вот возьму и приземлюсь...»

И верно: спустя минуту колеса потрепанного в бою аэроплана коснулись земли.

28

Совсем недавно в Совнаркоме перешептывались: у товарища Ленина опять черная меланхолия. Конечно, знал об этом и водитель Гиль, увозивший осунувшегося, истерзанного бессонницей вождя на природу, в благословенные Горки. Там он часами мог сидеть на лесном пеньке, пить любимое пиво. Ему приносили котенка, Ильич, успокаиваясь, гладил его подрагивающими пальцами, но стоило мурлыке чуть выпустить коготки, как он тут же отлетал в сторону и с истошным криком улепетывал в чашу. Бывало и так: вдруг хватался за бумагу. Писал Троцкому, Дзержинскому: «Необходимо как можно быстрее покончить с попами и религией. Попов надлежит арестовывать как контрреволюционеров и саботажников, расстреливать беспощадно и повсеместно. И как можно больше. Церкви подлежат закрытию. Помещения храмов опечатывать и превращать в склады...»

Но вскоре сам пугался написанного. Ох, уж эти русские батюшки — царская шваль и сволочь черносотенная! В крайнем случае — пускай католичество, но только... Ведь и с одним попом сладить не можем. Где Менжинский?

К нему привозили начальника Особого отдела ВЧК. Взмокший Вячеслав Рудольфович, страшно чернея почечными подглазьями, пытался объяснить, почему до сих не устранен священник Востоков, а вместо него загадочно погибла лучший агент Аза Иглинская? И куда делся этот хваленый подрывник-изобретатель Усольцев?

Троцкий подливал маслица в огонь:

— Все пропало! Белогвардейский духовник Востоков жив, а значит скоро двинется крестный ход. И если на его знаменах напишут лозунг «За Царя!», то через пару месяцев нам крышка. А такой лозунг будет. К тому же и Врангель наступает.

Ильич убегал в дальние комнаты, выкидывал оттуда чемоданы. За ним, раскинув руки, семенила Надежда Константиновна, но догнать никак не могла. Ударами короткой ноги председатель Совнаркома подталкивал чемоданы к Менжинскому.

— Вот и таскайте их, Вячеслав Рудольфович, таскайте! Чтоб не разучиться. У вас славно выходит. А коль ничего не можете, готовьтесь к бегству. Ха-ха-хи-и... — смеялся — не хорошо, с судорожным захлебывающимся надсадом. С трудом умолкал, хрустел пальцами: — Ах, не зря мама твердила: «Эта русская обломовщина! Учись, Володя, у немцев. Русские все — дураки и идиоты...»

— Русские? А я-то при чем? И Дзержинский... — пожимал плечами Троцкий.

— Ну да, ну да.

Однако скоро все изменилось. Начальник Особого отдела ВЧК сам, без вызова примчался в Горки. Следом приехали Троцкий с Дзержинским. Смеялись, ожидая Ильича, шутили. Что ж, было от чего.

По донесениям агентов-чекистов, работающих в тылу и при штабе белых, Врангель издал такой хороший приказ, что его самого было в пору наградить именным революционным оружием. Так сострил осмелевший Менжинский. И все покатались — очень понравилось! Агенты сообщили даже номер приказа, но не в том дело. А в том, что барон признал проповеди отца Востокова и ему подобных попов опасными и запретил их. Никакого монархизма, никакого миллионного крестоносного движения с войсками к Москве — с молитвами о возвращении царского трона. Вот силища-то — страшно вообразить.

— Боже мой, да мы спасены! — невольно вырвалось у Троцкого.

И это «Боже мой» было таким неожиданным для Льва Давидовича, что все опять рассмеялись

— Очень хорошо! — оживился Ильич. — Все в Кремль, в Кремль. За работу, товарищи, за работу!

Хандра закончилась. Крупская вздохнула: «Володя впадает в раж...» И в самом деле: почти месяц он ничего не делал, а теперь, казалось, мог горы свернуть. А ведь сворачивал: во все стороны полетели указания-распоряжения-приказы-записки. Везде успевал. И Орджоникидзе пожуричь: «С кем сегодня пили и гуляли? Откуда у вас бабы? Ваше поведение мне не нравится». И командующего Южным фронтом Фрунзе на путь истинный телеграммой наставить: «поголовно истреблять казаков». Но важнейшей фигурой сейчас был товарищ Иоффе: он руководил делегацией в Риге и от него во многом зависело, подпишут ли поляки перемирие с Р.С.Ф.С.Р.

Поляки перемирие подписали. В Кремле на радостях тут же затеяли шумный банкет.

— А все же этого... Как его... Востокова надобно изловить и повесить. Доставил столько неприятных минут, — негодовал Ильич после каждого «это есть наш последний», аккуратно укладывая ломтик семги в полость широкого рта, освеженного прохладой белого бордо.

— Поймаем, — успокаивал Троцкий. — У меня один комиссар есть: Гамуш. Этот не упустит. У него к черносотенному попу свои счеты.

А в Варшаве произошло вот что. Сам пан Пилсудский вызвал генерала Махрова в свою правительственную резиденцию и, пряча глаза, теребя свисающие усы, сообщил о подписании договора с большевиками. Петр Семенович был потрясен. Четыре месяца назад Врангель назначил его военным представителем в Польше. Но боевой генерал не сидел сложа руки. Главком поручил ему сформировать 3-ю Русскую армию. И ведь было из чего. В Польше стояли отступившие от Киева полки генерала Бредова, отдельные отряды армии Юденича, немало было казачьих частей: станичники сбежали от Буденного, к которому, прижатые у моря, попали в дни новороссийской катастрофы. Теперь они рвались поквитаться с «товарищами». Послужив невольню у комиссаров, знали точно: ни одно их войско не выдерживало прямой сабельной атаки белогвардейских конников. Ни одно. Потому и старались втянуть казачков в трясины долгих кровавых боев.

Поляки вроде бы поощряли создание новой армии. Обещали помощь Врангелю, клялись, что будут драться с большевиками, удержат фронт. Именно в расчете на дополнительные военные силы, на посулы из Варшавы барон, рискуя, бросил свои передовые части в наступление. Полки генералов Кутепова, Драценко, Витковского ввязались в тяжелые бои за Днепром.

Самое обидное, что 3-я Армия почти готова была идти на подмогу. Но пан Пилсудский потребовал немедленного вывода русских частей с территории Польши. Пригрозил, что разоружит, расформирует армию.

Генерал Махров послал телеграмму в Ставку. Врангель прочитал, потемнел лицом, сказал глухо и мрачно:

— Что ж, господа: поляки в своем двуличии остались себе верны.

Вспыхнувшими гневом глазами окинул собравшихся за большим столом. В основном здесь были военные. Но на дальнем конце смиренно ждали разговора с главнокомандующим председатель Временного высшего церковного управления

на Юге России архиепископ Димитрий, глава военного духовенства Русской армии епископ Вениамин, протоиерей-профессор Сергей Булгаков. Уговорили пойти на встречу и отца Владимира, хотя он противился: вроде, все уж сказано.

Щеголеватый штаб-офицер подошел к Врангелю, стал что-то говорить вполголоса, косясь на батюшек.

— У меня от нашего духовенства секретов нет. Доклады-вайте! — услышал Востоков голос барона.

— Что ж... Генерал Махров был в Париже. Он получил разрешение от Струве вступить в контакт с Петлюрой... Это даст возможность...

— Струве уже дает разрешение боевым генералам?! — не смог удержаться отец Владимир. — Вот несчастье-то!

Все повернули к нему головы. Правитель Юга России коротко резанул стальным взглядом, но ничего не сказал. Вскоре, отпустив военных, Врангель занялся духовенством. В кабинете остался начальник штаба генерал Шатилов.

— Судя по тому, что здесь присутствует отец Владимир, — холодно, держа голову на отлете, произнес барон, — вы, владыка Димитрий привели делегацию, чтобы потребовать отмены моего приказа за номером 145? Только побыстрее, пожалуйста: нет времени, положение на фронте резко ухудшилось.

«Конечно, ухудшилось. Как же иначе-то?» — упрямо подумал Востоков, но смолчал. С тревогой покосился на владыку: весной с ним случился удар; вроде, и оправился от болезни, но был еще слаб. К несчастью, почти ослеп на один глаз. Но духом оставался бодр.

Председатель ВВЦУ поднялся, заговорил. Ничего не боялся отец Димитрий. В октябре 1917-го сказал комиссарам, обстреливающим Кремль, где оборонялись русские мальчишки в шинелях, верные присяге и не жезлающие подчиняться сброду, захватившему власть: «Я бы почитал счастьем и честью пасть вместе с юнкерами...»

— Ваше превосходительство, члены церковного управления с грустью ознакомились с приказом, принадлежащим применению и к лицам духовного звания, без различия священного сана. Мы полагаем, что подобные приказы не могут не причинить вреда как общему делу, так и делу религиозно-нравственного воспитания воинства и всего населения.

— Простите меня великодушно, владыка, — негромко, но властно перебил Врангель, — мы ведь говорили об этом. Что ж воду в ступе толочь. Ни минуты свободной! Да мы же и не атеисты. Проводятся дни покаяния, молебны перед боем.

— Но, Петр Николаевич, поверьте: все внебогослужебные беседы в ограде церквей, будто бы призывающие к погромам, на самом деле были проникнуты назидательным содержанием. В частности, относительно евреев, проповедники высказывались не как агитаторы, а как пастыри, охраняющие свое стадо.

— Однако Струве говорит о другом...

Опять Струве. Отец Владимир опустил голову, боясь, что не выдержит, вступит в разговор. Ох, уж этот Петр Бернгардович — перезрелая ягодка с социалистического дерева. Социализм же — что сифилис. Как сифилис неизлечимо отравляет кровь организма, так и социализм навсегда омрачает душу недавних марксистов. Вот и живут в духовных сумерках.

— На днях в Крым прибыла французская миссия. Ее возглавил граф де Мартель, личный друг Струве, — снова доносил до Востокова усталый голос главнокомандующего. — Петр Бернгардович сообщил: в Париже скоро решится вопрос о займе для Русской армии. Вот что сейчас важно!

— Это уже не важно. Увы, не важно, — тихо и грустно произнес протоиерей Сергей Булгаков, сидевший рядом с отцом Владимиром. Но больше его никто не услышал. У Востокова в предчувствии непоправимого заныло сердце.

— Заем в Париже — хорошо. Но люди имели редкую возможность слушать выдающихся проповедников, — пытаюсь при своем баче сохранить кротость, продолжал владыка Димитрий. — Воодушевлялись на борьбу, крепили духом. А ныне под предлогом охраны одной части населения от не угрожающей и навязываемой ей опасности со стороны другой, для этой последней чинится стеснение в религиозной свободе.

Врангель молчал, хмурился, нетерпеливо поглядывая на часы.

— Вот как? — переспросил подсевшим голосом. — Знаю, владыки, что вы монархисты. Я тоже вырос в этой среде. Но моя задача теперь — избавить Россию от большевизма. А уж потом в освобожденной от нечисти стране народ сам решит, как должна быть устроена Русская земля. О Царе рано думать...

Генерал стал энергично мерить кабинет своими широкими циркульными шагами. Он говорил, он пытался убедить священников: да, он военный, но вынужден быть и политиком. Идет война. И командующему приходится использовать все — и солдат, и шпионов, и шрапнель, и даже ядовитые газы. Нет, газы белые не применяют, это так, к примеру. Самое важное — собрать все силы для победы. Вот почему

у него работает любой, кто против комиссаров: вчерашний эсер, народный социалист, кадет, меньшевик, бывший марксист. Как Струве.

«А Струве-то куда отнести? К газам ядовитым, что ли?» — невесело усмехнулся отец Владимир.

Из-за этих «борцов с комиссарами» запретили крестный ход. Испугались, что он будет настоящим, не таким, как на картине Репина.

Несколько дней назад в старом журнале на глаза попала репродукция знаменитого полотна. Конечно, он видел и подлинник — очень давно, в Москве на выставке: «Крестный ход в Курской губернии». (Опять Курск, стало быть, несут и Коренную икону Божией Матери «Знамение»; и скоро ее попытается взорвать несчастный изобретатель Усольцев).

Воистину великая картина. Но под гениально положенными красками словно бы тоже таился какой-то опасный заряд. Лукавый заряд живописной неправды, исполненной для публики признанным мастером. Тогда, молодым человеком, Востоков это лишь почувствовал — неясно, тревожно. Сейчас же на небольшой репродукции он вдруг все рассмотрел и понял причину прежних переживаний. Дело было в клевете. В клевете на православную Россию. И дрожь брала, страшно было: слишком уж велик художник, получивший талант от Бога и зарывший его тут же, в эту пыльную, серо-желтую дорогу, под восторженные возгласы прогрессивно настроенной интеллигенции, значит — все тех же струве, оболенских и многих, многих других.

Что же этим господам понравилось на полотне? Ах, конечно, конечно: конный жандарм замахнулся на кого-то из крестоходцев. Bravo! Две простые горожанки благоговейно несут киот, но в нем нет иконы, икону доверили барыне, само собой, чванливой и шекастой. Так-то вот: обычному люду — пустоту, дырку от бублика, пусть довольствуется, а знати — святыню, как и положено. Превосходно! «Передовые» критики печатали статьи об одурманенном религией русском народе, о том, что художник писал с природы и долго искал лицо горбуна, одухотворенное истинной верой. И нашел, да только тотчас же наткнулся убогий на палку: не допускает его к мерцающему свечами фонарю сердитый не то понятой, не то сотский. «Великолепно!» — радуется прогрессивная публика. А шныряющие здесь же социалисты наддают: перед нами картина русской жизни, весь гнилой царизм, и символ его — нагайка, занесенная над головами.

Нет, по злоупотребляющей воле художника не соединялись, как должно, люди в этом шествии. А ведь на Руси всегда

любили крестные ходы, ценили их молитвенную силу, верили в скоропоспешение на помощь небесных заступников. И что же на картине? Разлад, отторжение, вражда. Кажется, еще немного и набросается друг на друга, такую революцию устроят, только держись. Так рванет, что бомба изобретателя Усольцева в ночном храме покажется страшной, грешной, но все же шалостью.

И живописный фон — пеньки, пеньки: все, что осталось от леса, само собой, сгубленного напрасно, бестолково. Отчего-то эти несчастные пеньки на репинской картине снова заставили негодующе биться сердце.

Удивительно, почему меценат Третьяков купил полотно? Вроде, православный был человек...

Отец Владимир с юных лет знал другое. Другие крестные ходы. Не раз звенели в лугах и полях произносимые им святые слова Симеона Солунского: «На путях и перекрестках творим молитвы для того, чтобы очистить все пути и распутя, оскверненные нашими грехами. Подъемлем из храмов священные иконы, износим честные кресты, а иногда, где есть, и священнейшие мощи святых для того, чтобы освятить и людей и все, что потребно им для жизни...».

Отец Владимир очнулся от нахлынувших воспоминаний. Говорил архиепископ Димитрий, смело говорил. О том, что постановление гласных Симферопольской думы и приказ командующего порочат одно из отрадных явлений в жизни православного Крыма — проповедничество. Услышал, как глава ВВЦУ, отчаявшись, произнес: «Да это провокация!» Но Врангель лишь нервно передернул острыми плечами, наскоро попрощался и вышел из комнаты. Генерал Шатилов, задержавшись в дверях, смущенно развел руками.

— Знаете ли, владыки, — глухо произнес в наступившей тишине профессор Булгаков, — вы удивитесь, но... Пожалуй, я предпочту, чтобы Россия сделалась целиком большевистской. Из большевизма она сможет — через страдания — выйти перерожденной в христианском духе. Но только бы она не стала буржуазно-демократической, самодовольной, благоустроенной, но забывшей Бога. А этого хотят Оболенский и Струве, их велеречивые сотоварищи, которым несть числа.

Ему никто не ответил.

Врангель и начштаба Шатилов отбыли на фронт. А еще спустя два дня отец Владимир отправился к генералу Слащеву-Крымскому, жившему на вокзале в личном вагоне. Отправился не один, с пилотом Федором Енгальчевым: тот хорошо знал отставного комкора и давно советовал священнику встретиться с ним.

— А-а-а, батюшка, отец Владимир! — генерал радушно раскинул ухватистые кавалерийские руки навстречу гостю; лицо при этом оставалось неподвижным и бледным. Из этого мертвенного пятна пронзительно и холодно чернели расширенные зрачки светлых глаз, похожие на дула наставленных «маузеров». — Только вас, дорогой мой, из священников ценю и люблю! И знаете, почему? Да потому, что вы тоже ничего не боитесь. Вы ж вместе с генералом Нечволодовым замыслили подпольные боевые дружины создавать. И название какое — «Орден Святого Креста»! Однако благословите же...

— Разве плохо, Яков Александрович? Я про дружины, — благословив героического рубаку, улыбнулся Востоков, осторожно выбирая место, куда бы присесть: в большом пульмановском вагоне, где жил Слащев, царил жуткий беспорядок.

— Отчего же, превосходно! Я бы поддержал, да, сами знаете, не у дел. И все же приятно: моя фронтовая жена Нина, Ниночка — тоже из Нечволодовых будет. И вас, летчик Енгальчев, я уважаю. Ведь вы одним из первых заметили, как дебуширует орда товарища Буденного. Но от меня-то чего ждете?

Ударило в сердце родное имя: Ниночка... Дочь, доченька.

Не дожидаясь ответа, Слащев вскочил с дивана, заваленного револьверами и шашками, военными картами, мятым бельем, размотанными бинтами. Выпрямился во весь немалый рост. Лишь теперь отец Владимир увидел, что на недавнем хозяине Крыма небывалый снежно-ослепительный ментик, отороченный темной смушкой, расшитый золотистыми шнурами и тесьмой. И это выглядело фантастично и дико в этом грязном и затхлом кавардаке. На липком столе среди полупустых бутылок и несвежих закусок генерал отыскал круглую табакерку с порошком, погрузил в него крохотное гусиное перышко, набрал кокаина, со свистом нюхнул, побычьи мотнув лобастой головой. Тут же на белобрысую макушку вспорхнул скворец, его сменил мрачный ворон. Под потолком вагона закружила ласточка. Из темного угла вдруг появился журавль и принялся вышагивать от стены к стене. Гости от удивления раскрыли рты.

— А правда, мой Жора похож на барона Врангеля? — расхохотался Слащев. — Смотрите-ка, как ноги поднимает. Черные, точно в сапогах. Пернатых с детства люблю. А барона нет. Спросите, почему? Отвечу.

Но отвечал генерал как-то странно. Заговорил горячечно, сквозь слезу глотал ускользающие слова, перескакивая по птичьим с предмета на предмет. И совсем не о том. А о том, что

пять раз был ранен и столько же контужен, но своих солдат не покидал, а чтоб не так мучила пулевая рана в животе,пил спирт, потом жена колола морфий, затем перешел на кокаин. Он собрал боевые отряды отчаянных кубанцев и передал их генералу Шкуро. Он спас от красных Крым и подарил его Врангелю. В окопных боях приказал использовать дробовые карабины Браунинга: стреляли убойно, наверняка. Вешал коммунаров и своих. Коммунаров — за то, что ненавидел их коммунию. Своих — за трусость, грабеж и спекуляцию. Предупреждал: «Не упрекайте за преждевременную смерть...» Этим летом жена Нина попала в плен. Свистнул конвойцев, полетели на выручку. Но супругу сразу отправили в Москву, к Дзержинскому. Генерал молился ипил. Пил и молился.

— Так нельзя, батюшка? Грех ведь? — Слащев бережно снял с плеча скворца.

Отец Владимир печально развел руками.

— Но Нину не расстреляли. Их главный чекист сам ее допрашивал. И — отпустил. Чудо... Велел доставить ее до фронта, переправить к нам. А я тогда вот о чем подумал. Некстати, наверное... Но подумал: даже если мы победим, мы должны учитывать революцию. То, что она была, случилась. И ни на минуту не забывать...

Мысль его опять запрыгала — то о том, то о другом. Бормотал под нос — невнятное, тоскливое. А следом пробивалось ясное, и вздрагивала душа: «...будут лжеучители, которые введут пагубные ереси и, отвергаясь искупившего их Господа, навлекут сами на себя скорую погибель» (2 Петр. 2, 1).

Вот тут, кажется, и можно бы было поговорить о крестном ходе: поддержит ли? Пойдет ли Слащев с этим к Врангелю — пусть с вороном на плече, пусть со скворушкой на макушке. Журавль, передохнув, снова принялся вышагивать взад-вперед мерной поступью сосредоточенного часового. Слащев резко повернулся к гостям:

— Наверное, зря я отдал барону Крым. Был бы я... Вместо него. А еще лучше — граф Келлер. Тогда бы и объявили честно, всенародно: идем за законного Царя! Тут бы и ваши, отец Владимир, крестоходцы были б к месту. А так... Все попусту.

— Простите, ваше превосходительство! — вступился за Востокова летчик Енгальчев. — Врангель, не Врангель... Мы, белые, сражаемся с кровавыми атеистами и говорим: Россию нельзя возродить без Божьего благословения, так? Стало быть, первое слово за православной Церковью. В соответствии с исконными заветами веры, русской истории...

— Красиво, пилот! Поешь, как Вертинский. Я давеча приказал привезти его ко мне. Сутки не отпускал из вагона.

Плотнет шампанского и опять: «Ваши пальцы пахнут ладаном...» Кстати, что-то мне его недостает. Славно было бы еще послушать. Сотник! Фрост! — гаркнул охваченный новой идеей. И, когда в дверях пультмана выросла затаенная фигура адъютанта, приказал: — Найти Вертинского! И — сюда. Живо!

Сотника точно ветром сдуло. Слашев снова загнал в ноздри перышки с кокаином. По напудренному лицу стекали струйки пота. Вздохнул:

— А еще мне нравится эта... Про мальчиков. «Я не знаю зачем и кому это нужно...» До печенок пробирает. Мои в атаку с ней ходили. А вам, отец Владимир, нравится?

— Нет, не нравится, — не смолчал Востоков. — О чем она? О павших юнкерах. И не просто юнкерах, а о лучших из них. Кто защищал святыню нашу, Кремль, от комиссаров-богоненавистников осенью 1917-го. Как же — кому это нужно? Всем нам, верующим, русским, нужно. Как это — кто послал их на смерть? Они сами пошли. Потому что по-другому поступить не могли.

— Вы полагаете? — растерянно вскинулся Слашев; все это ему явно было не по нраву

Генерал запускает белую длиннопалую ладонь в карман, достает какого-то корма — зерна ли, хлебных крошек. На руку тут же слетаются птицы, тычут клювиками — радостно и торопливо. Хозяин смотрит на них и сквозь них. Глаза — все те же пристальные пистолетные дула, и где-то там, в размытой дали стального прицела, кажется, кроваво клубится тревожное, непостижимое будущее. Когда он взойдет на корабль и поплывет в СССР. В «триэсерию» — как сам брезгливо говорил. То ли царскосельский скворец под утро приснился, то ли ласточка в родные сени, прогретые весной, впорхнула. Любил Слашев русских птах: не из-за них ли вернулся? А может, подумалось, что и вправду его заклятые враги большевики сделали главное — его дело: возродили великую Россию. Хотелось так думать. И верить хотелось, вопреки всему. Ведь отпустил же Нину грозный Дзержинский. И он же, говорили, больной, помчался в Севастополь — встречать итальянский пароход «Жан», на котором генерал возвратился на родину. Слашева зачисляют в кадры РККА, назначают преподавателем тактики на курсах «Выстрел». А через семь лет его убивает троцкист Коленберг: говорили, отомстил за повешенного брата.

Но это когда еще будет.

— Я командовал полком, партизанским отрядом, бригадой, дивизией, корпусом, но... — генерал улыбнулся, обна-

жив прокуренные зеленоватые зубы. — Но крестным ходом, знаете ли, никогда. Забавно было бы, а? Ха-ха!

В дверях пультмана отец Владимир и летчик столкнулись с Вертинским: молодцеватый сотник все же отыскал его. Лицо певца выглядело испуганным и помятым. Окно выгона было широко раскрыто в осенний крымский день — солнечный, глубокий, безмятежный.

29

Где бы ни бывал в те дни отец Владимир, повсюду спрашивали: двинемся ли через линию фронта, будет ли шествие? Городские спрашивали и селяне, солдаты, юнкера и офицеры.

Сквозь трепетную дымку тонкого сна не раз открывалось, радовало: пошли уже, ширится людская река, сияя образами и свечными фонарями. А над этим потоком, точно небесные ангелы-хранители, оберегающе кружат легкокрылые аэропланы из звена капитана Енгальчева, духовного его чада.

Отвечал трудно, роняя налитые свинцом безнадежные слова: «Не будет, милые. Не позволили генералы...» Но проповедями в церквах еще гремел.

Тем временем буденовская Конная армия на рысях успела прорваться в тыл белых соединений. Еще бы немного, и врангелевцам совсем пришлось бы худо. По плану товарища Фрунзе их должны были взять в кольцо, отрезать от перешейков и разгромить, не позволив снова уйти в Крым. Но сразу не вышло: красные действовали вяло, вразнобой. Сперва командующий Южным фронтом приказал Буденному идти на соединение со 2-й Конармией, но тут же изменил решение — велел с ходу овладеть районом Геничesk — Сальково, чтобы отрезать части генерала Кутепова от Арабатской стрелки и Чонгара. Однако своевольный командарм 1-й Конной был сам себе голова: по личному разумению отправил две дивизии поддержать кавалерию товарища Миронова, а с оставшимися частями поскакал занимать переправы. И тут же поплатился: на его штаб в Отраде налетели донцы, перебили половину резервной бригады. Буденный едва спасся: с ординарцем успели оседлать коней и задами-огородами помчались за подмогой.

И все же белые дивизии отступали. Силы и воинский дух таяли на глазах. Еще раньше большевики взяли Мелитополь и теперь, воодушевленные успехом, не считаясь с потерями, упрямо пробивались к Перекопу. На Южном фронте им удалось собрать более 144 тысяч штыков и сабель, и это против 38 тысяч непрерывно контратакующих, измотанных вранге-

левцев. В красную армию все время вливались свежие полки и батальоны. С мобилизацией тут не церемонились.

Вскоре начальник штаба генерал Шатилов передал главному срочную телеграмму от Кутепова. В телеграмме сообщалось: вражеские части прорвали оборону на Перекопе, по льду и замороженной грязи форсировали Сиваш; неудержимая краснозвездная лава потекла в Крым. Белогвардейские части откатились на позиции по линии озер Киянское — Красное — Старое — Казак-карт.

А стужа и вправду пришла невиданная. Краса здешней осени умерла до срока, не дождавшись зимы. Гулял над полуостровом ледяной северяк. Таких холодов в Крыму никто не помнил.

В это время отец Владимир с Манефой были в Симферополе. Непогода заставила перейти прихожан, членов «Братства Животворящего Креста» из церковной ограды под сень Петропавловского собора. Вот уже отслужили молебен Заступнице Усердной. И все как-то так случилось — просто и ожидаемо, — что напомнил он о событиях давнего российского лихолетья, закончившегося избранием царя Михаила из благочестивого дома бояр Романовых. Должно быть, утешить людей хотел, укрепить. И тут же заметил, как дрогнула толпа, вынырнула из нее пара-тройка осторожных, бросилась вон из храма.

И четверти часа не прошло, появился председатель ВВЦУ архиепископ Димитрий: дескать, что вы опять наделали? Не уйметесь: снова царя выбираете? Давеча, говорят, у севастьяновской церкви юнкера с гимназистами собрались и тоже выбирали. Выдвинули великого князя Никиту Александровича. А вы кого?

Что ж, подумал отец Владимир, быть может, это и неплохо. Если уж отроки-несмышлениши жаждут Государя, значит, не все пропало. Посмеиваются разуверившиеся: стихийный монархизм... Но в юном порыве — высота и правда. Не зря же юнкера — первая опора у Врангеля. Так подумал, а вслух сказал:

— Как кого? Того, кто указан в табели о русском престолонаследии. Вы же помните, владыка: табели были развешаны во всех храмах, пока... Пока не пришел черный день — 2 марта 1917-го. Отречение...

Дружные крестоносцы покрыли его ответ архиепископу многократным пением: «Спаси, Господи, люди Твоя...», «Кресту Твоему поклоняемся, Владыко...».

А он думал о своих — о Грише Ермакове (теперь полком командует!), чудом ожившем летчике Феде Енгальцеве, яс-

ноглазом подьесауле Николае Туроверове. И о танкисте Алексее Долгово-Сабурове. О многих других он подумал. Но эти сейчас были в самом пекле. И поэтому... Да подкрепит Господь вас, милые мои, под крестом тяжелым!

Наступило утро — развиднелось, рассеялась синяя дымка. В полусотне верст от храма в растревоженном шрапнелями небе чихал мотор биплана «Анасалъ», и капитан Енгальчев был бессилен: горючее на нуле. Он полоснул очередью по наступающим красным конникам, но и «Виккерс», выплюнув горячие гильзы, смолк: кончились патроны. Под крылом дымил длинной трубой бронепоезд и палил из всех стволов по кавалерийской лаве. Снижаясь, аэроплан прошел вдоль ветки Армянск — Юшунь. Тогда Федор взял чуть вправо и, корежа шасси, почти уронил машину на подмороженное поле в клочьях грязного снега. Бронепоезд был совсем рядом. На клепаном боку паровоза заметил надпись: «Святой Георгий Победоносец». Хорошо, славно. Несколько невероятных шагов, и он на подножке. Кто-то открыл дверь. Мощные пороховые руки втащили пилота под защиту тяжелой стали.

— Летун?! — прокричал кто-то в сизом облаке.

Енгальчев кивнул.

— Из пулемета сможешь? А то у нас контузило...

— Смогу.

Он припал к «максиму» и тут же в прицеле наплыли, зачернели провалами раскрытые в оре огромные рты наступающих красноармейцев. Их густые цепи оттесняли к балке малочисленные, но ровные ряды пехотного полка, вернее, то, что от него осталось. Это был полк, которым командовал Григорий Ермаков, и сейчас его задачей было сдерживать врага, не дать себя уничтожить. Но как это сделать, командир не знал и вел своих храбрецов в новую контратаку. Раненая левая рука висела на перевязи, правая сжимала револьвер. Он кричал «ура», спекшимися губами читал молитву и готовился к смерти.

Низко в белесом небе откуда-то со стороны павшего Перекоса вдруг пролетела целая туча коршунов, затмившая облака. Хищно растопырявая крылья, птицы прошли, не страшась, над полем сражения, и каждый — белый ли, красный — на миг почувствовал, как перевернулось изъеденное гневом сердце, как застыло дыхание. Такими огромными стаями коршуны не летают. Это был какой-то знак — безысходно-тревожный, гибельный.

А Енгальчев готовился к стрельбе. И когда «Георгий Победоносец» приблизился кседающим большевикам, а потом почти врезался в их густые цепи, открыл прицельный

огонь. Слышал, как рядом били пушки бронепоезда, отбрасывая врага картечью. И это помогло, это спасло остатки полка Ермакова, в который скоро влился усиленный юнкерский отряд.

Но все ненадолго, нет, ненадолго. По «Георгию Победоносцу» стали стрелять трехдюймовые батареи советских, повредив артиллерийскую площадку и котел. Бронепоезд с затухающим паровозом начал медленно пятиться к северным стрелкам разъезда, продолжая прикрывать огнем отход своих частей.

Отход. Скоро, совсем скоро — исход.

Начиналось короткое время последних атак. Шли дроздовцы — молча, как всегда, во весь рост, с потухшими папиросами в зубах, с винтовками на ремне. Они рассеивали большевистские пехотные цепи, отбрасывали врага, обращали в бегство, давая возможность другим частям оторваться, уйти. Через годы генерал Туркул сказал: «Белый лебедь с отчаянной силой бил крыльями перед смертью...»

Танки тоже шли в бой. Тяжелая машина Алексея Долгово-Сабурова, теперь штабс-капитана, прорвала проволочные заграждения, проутюжила наспех вырытые окопы красных, однако попала под сосредоточенный огонь гаубичных батарей. Фугасы поднимали заледеневшее глиняное крошево то слева, то справа, совсем близко. Осколки со звоном секли броню. Но и танк отвечал, посылая снаряды в сторону советских орудий. Главное — добраться до этих гаубиц...

Земля вздыбилась совсем рядом. И то ли водитель не понял команды Алексея, то ли рычаг заклинило, но «Офицер» вдруг стал заваливаться вправо, а следом и того хуже — провалился в яму, засел намертво. «Погреб какой-то, что ли?» — пронеслось в пылающей голове штабс-капитана.

— Попробуй еще! Поднажми! — крикнул водителю.

Танк зарычал, скобля гусеницами скользкие края, но с места не тронулся. Лишь в отсеках стало нечем дышать — от едкого выхлопа.

Долгово-Сабуров попытался выглянуть, чтобы оценить обстановку, однако тут же захлопнул люк: вокруг гарцевали красные конники, стреляли по машине, швыряли гранаты. И это было еще полбеды. Самое страшное — сейчас большевики наладят пушки на прямую наводку. Застучали очереди: это пулеметчик из боковой башни отбрасывал от «Офицера» чересчур отчаянных кавалеристов. И вдруг те бросились врассыпную. А следом провыл над танком тяжелый снаряд и лег совсем рядом: началось! Беспомощную машину расстреливали, как в тире.

Третьим или четвертым снарядом разворотило башню, на смерть смяло стрелка. Потом на какое-то время все смолкло. Танк опять надсадно заревел в отчаянной попытке вырваться из западни. «Хорошо, значит, водитель жив. И мотор работает...». Алексей понял, что в эти секунды нужно помолиться, успеть помолиться. «Аще ополчитесь на мя полк, не убоится сердце мое...» Ему показалось, что сердце живет само по себе, что в этой темной бронированной тесноте оно становится удивительным зерном, таинственным, библейским, и прорастет ли оно, пробьется ли к свету, чтобы принести «много плода» или не хватит на это сил, и оно бессмысленно пропадет, исчезнет навсегда. В голове плыло, туманилось, обморочно звенело.

«А помирать, Алеша, всем придется, — помнится, говорил ему неожиданно приехавший в отряд батюшка, отец Владимир. — И не все ли равно — в больнице или на поле брани. Горе, конечно. Но сознание его неизбежности уже ослабляет его лютость. Сам Творец шлет нам это горе. А Он бесконечно любящий — Он ничего лютого не может послать. Всемогущий, Он мог бы и нас избавить от такого несчастья, если бы то нам было полезно. Но ведь не избавляет, нет...»

Невероятной силы удар потряс «Офицера». Танк подбросило, немного вырвало из ямы, и если бы поднажать, то можно было бы совсем выбраться, ехать дальше. Но некому уже поднажать, и траки разбиты и страшно оплавлена броня.

Чьи-то цепкие безжалостные мослаки вытянули штабс-капитана из люка. Голоса звучали не отдельно, а гудели далеким недобрым роем.

— Руку у него оторвало, товарищ комиссар! Перетянули, чтоб допросить...

«Как же... У меня нет руки... А я стою...» Земля раскачивалась под ногами, словно в детстве, когда на спор зажмуришь глаза, покрутишься и после ждешь, что будет? Что же будет? Что?!

Левой здоровой рукой он рванул из кармана браунинг. Вернее, ему показалось, что рванул. Движения были замедленно-вялыми. Комиссар смотрел на Долгово-Сабурова и улыбался, прищутив плутоватые темные глаза. Потом один глаз его дернулся, будто бы подмигнул кому-то, подал знак. И тут же где-то сбоку, прямо из расквашенной, истоптанной глины выросла неясная тень, и смертельный сабельный удар обрушился на штабс-капитана.

...В понедельник 26 октября отца Владимира с Манефой пригласило отобедать семейство доктора Н., заведующего

военно-медицинским пунктом в Крыму. Люди были верующие, благожелательно и дружески настроенные, и Востоковы охотно приняли приглашение.

Однако в дом их не пустили. И это сделала жена доктора, добрейшая Ольга Владимировна. Она решительно остановила гостей у крыльца и огорошила вопросом:

— Вы к нам?

— Ну да, если помните... По приглашению.

— Заклинаю вас, батюшка! — потерянно вскричала хозяйка. — Возвращайтесь домой, соберите вещи и — на вокзал. Последний поезд уходит в Севастополь через полтора часа. Не опоздайте, прошу вас! Мы тоже едем.

— Да что же это? Что случилось?

— Муж получил телеграмму. Лично от Врангеля... Там страшное. Я сейчас вспомню, сейчас... Положение армии безнадежно. Да, и потом... — Ольга Владимировна с трудом перевела дыхание. — Красная орда влилась в Крым. Спешите увезти в Севастополь раненых, руководителей крестовного движения. О Востокове позаботьтесь...

Дрогнуло сердце: не забыл генерал. Жаль только: крестоходцы сами, и совсем еще недавно, могли бы спасти положение, да вот теперь уже и их нужно спасать. А то что могли, в этом армейский духовник и проповедник был уверен.

Большевистская волна покатила по полуострову. «Та страна, что могла быть раем, стала логовищем огня...» И крови. Товарищ Троцкий, отправляя Бела Куна в Крым, дал строгий партийный наказ: чтобы Черное море стало красным.

Атаманский полк, где служил подьесаул Туроверов, отходил в арьергарде, с трудом, теряя лучших из лучших, сдерживал наступательный натиск идущего по пятам врага. Но все же была и радость: Николай снова воевал рядом со своими, в родном полку, который вел обожаемый генерал Хрипунов, с его привычной присловкой: «Стой и не бойсь!» И Туроверов теперь тоже так говорил. Он знал, что в Степном походе пуля ударила командиру под самое сердце. Чудом выжил, благодарил Бога за это.

Шли на юг в нескончаемо-тревожном зареве огней. Казалось, ноги примерзали к стременам, и онемевшие от холода руки теряли заледеневшие звонкие поводья. Потом среди посветлевшего дня снова видели, что их нагоняют: «от вражьих толп темнела даль» (подьесаул напишет об этом). И тогда Туроверов кричал, от ветра не слыша собственного голоса: «Эскадрон, в атаку! Рысью — марш!» Каждый казак давно уже проверил, легко ли выскакивает клинок из ножен, давно подтянул подпруги и выкинул лишнее из походной сумы.

Шашки вылетали, как птицы. Донцы врубались в плотные цепи злой латышской пехоты, разносили ее в пух и прах и, пока враг приходил в себя, отрывались на десятки верст, спешили к морю, где в портах уже начиналась погрузка первых транспортных судов.

Под вечер они опять ушли от погони. Николай рухнул на шершавую попону между хорунжим и сотником, закрыл глаза, чтобы вслед за товарищами провалиться в черный, как пропасть, сон. И тут точно шашкой полосонуло. Он понял: это последний ночлег в России. Окошко царапали острые мерцающие звезды. Было больно глазам, больно душе. Совсем рядом спал Бахчисарай — до него от Чуфут-кале, где их привал, рукой подать.

В темном углу тихо переговаривались.

— А у нас в Бяконтовой теленок родился, — услышал подьесаул простуженный шепот. — Голова одна, а морды две, и глядят в разные стороны. Аккурат перед войной.

— И чего только не бывает. Спи, Митька, — буркнули в ответ. — Завтра рубиться нам.

— А ежели... Пораскинъ-ка — ведь подсказка: и туда и сюда. И нашим и вашим. Смекаешь, Гордей?

Тот промолчал. Митьку это, видимо, не устраивало:

— Нет, послушай. Вот я хотя б и иногородний, а за белых был, справно воевал. После в плен угодил, красные меня мобилизовали, за них дрался. Под Каховкой — снова кутеповцы сцапали, теперь тут бьюсь. А там опять большевички мобилизуют. Две морды...

— Сам ты морда! Одна она у тебя — иудина, — устало проворчал Гордей. — Сгинешь...

— Э-э-э, Гордеюшка, не сердись! Дело говорю. Я у тех побывал и у этих. Разное повидал. Таких бы, как я, побольше — глядишь, и замирились бы. И войне конец. Соединились б и все вместе — на жидов-комиссаров. А?

— Да пошел ты! — с каким-то злым равнодушием рывкнул Гордей.

Тоска навалилась на Туроверова. Что-то жуткое, безнадежное, тупое было в рассуждениях невидимого Митьки. Какое уж там искательство правды... Он понимал, что должен встать, найти в темноте сладкоголосого перебежчика, показать эскадрону, полку его лукавый лик. Смолчать нельзя. Он решил полежать еще минуту. И еще одну: давила усталость. И сразу утонул в непроглядном сне.

А утром... Впрочем, об этом Николай тоже напишет — в Париже. А может и раньше. Может, тут же, сдерживая коня, рассеянно взирая на древние караимские кенасы, в ожидании сигнала командира. Да, да, строки уже были, уже роди-

лись: «И ждали все, внимая знаку, и подан был знакомый знак... Полк шел в последнюю атаку, венчая путь своих атак...» Просто записал он их через двадцать лет.

Уже после боя, удивляясь, что все еще жив, Туроверов подойдет к скале, зачем-то сорвет сухие бессмертники. Цветки будут крошиться меж пальцев, обращаясь в легкую теплую пыль. Но и пыль развеет холодный ветер. Тогда подьесаул заберется чуть выше и выцарапает камнем на камне: «Прощай, Россия! 1920 год».

30

Время вдруг понеслось, гикнуло по-кавалерийски — безудержно, огненно, рассеянно снимая горячие головы с плеч, сокращая русские часы и дни. В севастиопольской гостинице отцу Владимиру явился во сне Нил Мироточивый. Грустно молвил святой старец: «День будет вращаться, как час, неделя, как день, месяц, как неделя, и год, как месяц...» И сразу исчез, точно растаял. Лишь дрогнула занавеска: тоскливо зазвенел оконным стеклом морской ветер.

Что ж, так и случилось. Пали в неравных боях лучшие командиры. Воинские резервы, предельные людские возможности были исчерпаны. Надвинулась катастрофа. И сердца сжимались от этого слова. Иные разрывались. В своем автомобиле на пути в порт умер генерал Май-Маевский: не вынес отхода армии.

На набережной Востоков столкнулся с архиепископом Димитрием: значит, успел приехать. Тот обрадовался:

— Слава Богу, отец Владимир, вы с Манефой здесь! Я так волновался. Красная нечисть непременно растерзала бы вас! В Константинополь поплывете на пароходе «Великий Князь Александр Михайлович». Я вас записал.

— Спаси Господи, владыка! — склонился в благодарности. — Да... Как говорится, мы покидаем край родной для страны чужой. Надеюсь, на одном пароходе с вами?

— Я остаюсь в Крыму. Не смею бросить свою паству.

— Но вы погибнете!

— Что-то случилось со временем... — словно бы не слыша его сказал архиепископ. — Я ездил в Балаклаву, в обитель. У монахов там свое ночное правило. Прежде они успевали прочитать все молитвы и до утренней службы могли чуть-чуть отдохнуть. А ныне не хватает времени даже для чтения молитв. Но их не прибавилось, нет. Удивительно.

Он тяжело помолчал, глядя, как по шатким сходням вносятся раненых на борт густо дымящего транспорта. Осенил страдальцев широким крестом. Произнес тихо, почти шепотом, точно для себя:

— «Ибо восстанет народ на народ, и царство на царство... тогда будет великая скорбь, какой не было от начала мира донныне, и не будет. И если бы не сократились те дни, то не спаслась бы никакая плоть; но ради избранных сократятся те дни». (Мтф. 24: 7-22).

Кто же они, избранные? Спасут ли поруганную Церковь, православную Россию от неистовства вооруженных христопродавцев? Пусть не теперь, пусть потом. Как блуждающим, нестойким человеческим умом постичь животворные евангельские глубины? Конечно, речь тут не о земном. И все же... Ведь Россия. А она...

— Вас приглашают на совещание, — лихо козырнул подлетевший ординарец. — Главнокомандующий ждет через полчаса.

У входа в Большой дворец — небольшая плотная толпа. Читают объявление: «По всем вопросам относительно эвакуации надлежит обращаться к командующему войсками армейского тылового района генералу Скалону».

Все, произнесено: эвакуация! Но давно уже потянулись груженные скарбом подводы — по Екатерининской, по Нахимовскому — на погрузку к пристаням. Загудели клаксонами набитые поклажей автомобили. И сразу — очереди у булочных: ждут хлеба, а его уже нет. В глазах беспокойство. Невольно посматривают на север: оттуда придут большевики. На тротуаре лежит окровавленное тело: артиллерийский капитан, он застрелился...

Неподалеку от дворца, на пожухлой траве, пятеро лейб-казачков из конвоя сосредоточенно рубили шашками что-то огромное, серое, распластанное — не то, как саван, не то, как ковер. Отец Владимир задержался, подошел поближе. Разглядел надпись: «Нашему вождю от защитников Крыма 1920 года». Буквы уже рассечены местами, но прочесть пока можно.

— Карта это, батюшка, — выпрямился молодой казак, смахнул пот с побагровевшего лба. — Непростая, рельефная. Наши Перекоп-Сивашские позиции изображает. Главнокомандующему подарили...

— Карта?

— Их превосходительство приказали: порубайте, молодцы, и сожгите. Не хочу, мол, чтоб она досталась этой сволочи. Эх, Перекоп! Да что уж теперь... — Казак поднял зеленоватые глаза; в них стояли слезы. И снова взмахнул шашкой. Надрывный всхлип, почти детский, вырвался из глубин его могучего нутра.

— Батя-то меня все учил, эх, учил... — одышливо терзался конвойный. — Шашка должна быть легкой, как перо... И-и-эх! Острой, как бритва. И гибкой, точно лоза. И-и-эх-х! — лупил казак, пружиня ногами.

С тяжелым сердцем Востоков догнал архиепископа Димитрия. Ах, что за беда — карта какая-то: бумага, картон, клей и прочее. Ведь ненастоящее все и обозначения условные, но почему-то каждый хлесткий удар клинка больно отзывался в груди, и казалось, не свои, а чужие шашки бьют по чему-то дорогому и близкому, живому еще, бьют по последним пядям свободной от врага русской земли, к которым с гибельным, куражливym улюлюканьем летят от комиссарского севера — горе, ненависть, смерть.

Из духовенства, помимо епископа Вениамина и владыки Димитрия, в кабинет Врангеля был приглашен митрополит Антоний, давний знакомый Востокова, в сентябре вызванный в армию из-за границы. По нездоровью отца Димитрия, митрополит теперь по сути руководил Временным Высшим Церковным управлением. В этом последнем совещании, как всегда, участвовали члены правительства, начальник штаба, командующие армиями и корпусами.

Итак, войскам приказывалось: оторваться от противника и идти к портам для погрузки. 1-му и 2-му корпусам — на Евпаторию, Севастополь.

«Стало быть, с Гришей Ермаковым и с Федей Енгальчевым можем еще свидеться: они как раз там...»

Конному корпусу генерала Барбовича — на Ялту, кубанцам генерала Фостикова — на Феодосию; донцам и Терско-Астраханской бригаде во главе с генералом Абрамовым — на Керчь.

«Получается, Туроверову в Керчи садиться. Нашел ли он жену свою, Юлию-красавицу? И жив ли тот танкист молодой? Раб Божий Алексей...»

Двери в соседнюю комнату открыты. Оттуда доносится треск аппаратов Юза и Морзе — однообразный, тоскливый. Время от времени появляются дежурные офицеры, докладывают: войска отходят, спокойно, без паники.

— Что с ранеными? — поворачивается к Шатилову главком.

— Транспорт «Ялта» перегружен. Но... Всех взять не удастся. Англичане обещали забрать полсотни человек.

— Что?! Полсотни? Да это капля в море! — сердито перебивает Врангель. И «Павлушей» начштаба уже не называет. — Раненые и больные, все должны быть вывезены. И они будут вывезены. До единого человека!

— Однако, Петр Николаевич...

— Запомните: я не уеду, пока кто-то останется здесь!

Он поднимается из-за стола и, разминая длинные затекшие ноги, делает несколько шагов по кабинету, приближается к сидящему поодаль духовенству. Теперь отец Владимир хорошо видит лицо командующего — иссиня бледное, выта-

явшее, с провалившимися в черноту глазами, ставшими еще больше, сияющими тревожно-холодным мраморным блеском. Врангель замирает у окна. Тишина в кабинете. Восток-кову кажется, что барон чуть шевелит бескровными губами. Он слышит почти неслышимое, едва уловимое, и не может в это поверить. «Как же тяжело... Господи, дай силы...» — глухо выдыхает генерал.

Потом говорят о тоннаже кораблей, о засыпанном в топки угле, продовольствии. 126 судов готовы вывезти всех, кто хочет спастись от красных. Но как же горько на душе. И мысли отца Владимира совсем о другом. Потому что спасение это — не то спасение. Ему жаль Врангеля. И еще больше — несбывшегося, но такого возможного.

Уж ему-то, армейскому проповеднику, известно, какое мощное религиозно-патриотическое движение было в Крыму. Увы, белые вожди не заметили его, не узнали. Или просто испугались. При этом еще клеветали на русский народ, что он царя не приемлет. Да вас он не приемлет, вас! Белые вожди, благородные из благородных, садились на два стула и проваливались. Кое-кто и не прочь был бы помечтать о монархии, но вслух боялся оскорбить — ради страха иудейска — завоевания республиканского февраля. Вот Антон Иванович Деникин, отважный и умелый полководец. И что? Не хотел восстанавливать трон Романовых. Но без трона его единая и неделимая разлетелась в пух и прах, а сам он вместо Москвы очутился в Черном море.

Или протопресвитер Шавельский. Вот уж верный исполнитель предначертаний масона Романовского, бывшего начальника деникинского штаба. Шавельский в 1919-м на Соборе не разрешал даже и произносить слова «царь». Зато тут же дал волю поляку-эсеру Свенцицкому, каким-то чудом очутившемуся в рясе священника. И тот уж бичевал, как самых опасных членов Собора, немногих тогда открытых монархистов.

А храбрейший адмирал Колчак? И золото у него, и войска, и территория. Но взял и впустил в свое правительство яд социализма, поклонился революции и был предан эсерами, а большевиками — расстрелян.

И что же вышло? Белые вожди постыдились заветов Святой Руси, а Господь взял и их самих постыдился. Как же много пролито крови, сколько положено трудов, совершено великих подвигов, но погибает, уже погибло белое движение. Лучше бы оно и не начиналось: больше бы уцелело честных русских людей, которые скоро потребуются для неизбежного восстания против палачей. Неужто прав томный кокаи-

новый певец, выводящий куплеты про юнкеров, убитых в Кремле понапрасну? Кстати, он тоже отплывает на пароходе «Великий Князь Александр Михайлович».

Нет, и тысячу раз — нет! Певец ошибается. Просто нельзя пренебрегать историческими основами народной жизни. Нельзя пресмыкаться перед революцией. Это отец Владимир теперь знал точно. А еще знал он: опомнятся русские люди, будет восстание. Как по-другому? Вцепившиеся во власть совнаркомовские главари могут твердить на собраниях о справедливости, о борьбе за сытое счастье бедных и обездоленных, но это дьявольские уловки. Потому что при этом убит владыка Владимир, митрополит Киевский. Вскрыты мощи преподобного Сергия Радонежского. Вот и весь ответ. Счастье? Счастье народа, в веках сохранившего себя с оружием, но и с Крестом Животворящим... Что доброго можно возвести, даже если превратить всю страну в восторженную стройку? Убиты, растерзаны сотни и сотни священников. Осквернены десятки мощей святых угодников — Митрофана Воронежского, Птирима Тамбовского, Евфимия Суздальского, Нила Столобенского... Много, очень много: к осени 1920-го взломали 63 раки. Но хватило бы и одного замученного сельского батюшки, чтобы пронзило прозревшего: большевизм — есть ложь.

Неожиданно явился французский адмирал в окружении молодежавшей свиты, сияющей позументами. Он долго жал руку Врангелю.

— Мы склоняемся перед вашей доблестью! Ваши офицеры и солдаты сражались против в десять раз сильнее врага. Они стремились освободить Россию от постыдной тирании... Вам приходится покинуть родину, — я знаю, с каким горем...

— Благодарю вас, адмирал! — холодно ответил барон, стремясь поскорее закончить разговор: у него масса дел.

— Но вы имеете удовлетворение в сознании... Да, в сознании образцово проведенной эвакуации.

— Я тронут! — Отец Владимир заметил, как вспыхнул Врангель; измученное лицо запыхало пятнами. Нашел же француз за что похвалить — за эвакуацию. За отступление? С души воротит.

Но адмирала не остановить:

— Белое дело не было бесплодным. Население Юга России быстро сумеет сравнить вашу справедливую и благожелательную власть с мерзким режимом Советов...

Петр Николаевич отвернулся. Его чуть растерянный ищущий взгляд остановился на отце Владимире — он стоял ближе всех и только что попросился с порывистым поручиком.

— А икона, батюшка? Где она? — с тревогой вскрикнул барон, не обращая внимания на сверкающего мундиром союзника. — Образ Курской Коренной не должен...

— Я знаю от владыки Вениамина: икона «Знамение» уплывает на дредноуте «Генерал Алексеев», — пояснил Востоков. — Адмирал Кедров распорядился, дай Бог ему доброго здравия.

— Хорошо, — потеплел Врангель широкими, все еще отчужденно— мраморными глазами; полуулыбка оживила, чуть расслабила до этого сухое напряженное лицо. — Святой образ уйдет с нами. Хорошо. Это — наше. А им... Этим... Ничего нельзя оставлять. Погубят.

Врангель поднялся на ступени.

— Юнкера, дорогие мои, спасибо за службу! — споткнулся, сорвался в высокий звон его командный голос. — Спасибо... Оставленная всем миром обескровленная армия... — генерал повернул голову в сторону офицеров-союзников; и все, кто был на площади, посмотрели туда же. — Армия, борющаяся не только за русское дело, но и дело всего мира, оставляет родную землю. Мы идем на чужбину... Идем не как нищие с протянутой рукой, а с высоко поднятой головой, в сознании выполненного до конца долга.

Отец Владимир стоял близко от первой заставы и видел, как плакали юнкера. Многие были ранены, кровь проступала сквозь грязные бинты. Но мальчишки плакали не от боли.

Вот и кончено. Пора и им с Манефой — на причал. Но нет, не все. Внезапно над забитой судами бухтой пронесся одинокий биплан. Он сделал круг и взял курс на север.

— Я знаю его! Это летчик Енгальчев! — восторженно закричал рядом молоденький офицер. — Его машина... Ха, сейчас он товарищу Буденному покажет почем фунт изюма! Задержит бомбами красную свору.

Сквозь толпу хотел пробиться к офицеру, расспросить про Федора, но капитан с «Великого Князя Александра Михайловича» хрипло скомандовал в рупор: отходим, все на борт! Оставалось молиться за Федю и надеяться, что вернется. На рейде, а после и в море он долго всматривался в небо. Но аэроплан так и не появился.

Было видно, как на крейсере «Генерал Корнилов» подняли якоря: там Врангель. И сразу же с французского корабля «Вальдек Руссо» раздались орудийные выстрелы: это последний салют Русской армии, Андреевскому флагу. С бортов перегруженных, осевших до предела транспортов кричали «ура».

Кильватерной колонной, дымя высокими трубами, суда уходили в открытое море. Отца Владимира познабливало, и Мане-

фа звала его в каюту, но он не хотел туда, упрямылся. Незнакомый ротмистр по-свойски шепнул: только что перехвачено радио красных. Буденный хвастается: белогвардейская гидра раздавлена, Крым взят! Однако беспокоится: совсем не осталось ответственных кадров — для обустройства их советской жизни. Ротмистр смеялся: не осталось, понятно, не осталось. Контрразведчики Климович и Мергин отменно поработали.

Но это — последняя улыбка. А потом... «Тишина переполненных палуб напряглась, как натянутый лук...»

Солнце быстро потонуло в холодном расплаве моря. Сгустились сумерки. И наступила тишина, невероятная при таком людском скоплении. В молчании все, кто мог, собрались на корме и теперь неотрывно, до слез напрягая глаза, смотрели на зыбкие очертания уходящего берега. Замерли, стихли, точно крестоходцы на Пасху — томительные секунды: ни молитв, ни песнопений. Что же будет? Сейчас, вот-вот — что случится? Но там, на праздник Великий — грядет Воскресение, светлое чудо грядет. А здесь? Здесь — пустота впереди. Какое горе стережет у чужих берегов?

Совсем стемнело. Но сквозь тягучий промозглый мрак еще мелькали за кормой редкие огоньки опустевших бухт и причалов. И чудилось отцу Владимиру — то не берег прощался с ними, а двинулся безбоязненно, вдоль самой кромки прибоя так долго ожидаемый крестный ход. И это его огоньки — от свечей негасимых в подсвечниках, от кадильниц и жарких молитв, и еще — от фонаря впереди, что не просто фонарь, а Божественный свет, победно разрывающий мглу застарелых грехов и людских раздоров. От жара шумело в голове, и отец Владимир точно знал, что луна не напрасно золотит от парохода прямо к берегу свою яркую дорожку. Сейчас крестоходцы отыщут ее и скоро будут рядом. Они возьмут всех с собой. Или же он сам пойдет к ним.

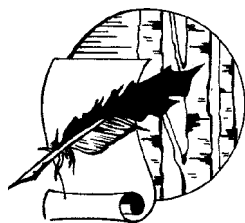
— Батюшка, батюшка! — вырвал его из забытья встревоженный голос Манефы.

— Да-да, дочка! Сейчас...

Уже ничего не видно за кормой. Ни одного огонька. Пора бы уйти, пора согреться в переполненных каютах. Но все стояли, туго прижавшись друг к другу, и этот живой ком из стиснутых тел порой вздрагивал, колыхался в такт тяжелым волнам, железному стуку изношенной паровой машины.

И — ни слова, ни жалобы. Все та же звенящая тишина стыло висела над палубой. Отец Владимир тоже молчал, творя надорванным сердцем сокровенную молитву. И не уходил.

И всё смотрел, смотрел в непроглядную черную даль.

*СТИХИ ЛАУРЕАТОВ
ВСЕРОССИЙСКОГО
ПОЭТИЧЕСКОГО КОНКУРСА
имени СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА*

Виктор КИРЮШИН

СОЗВЕЗДИЯ ПЛЫВУТ НАД ГОЛОВОЮ

ГЕРАНЬ

Памяти мамы Серафимы Никитичны

И всё же рай не за горами,
Как нам порою говорят,
А там, где мамины герани
На подоконниках горят.

Сентиментальностью и грустью,
И беззащитностью пьяня,
Цветок российских захолустий,
Ты вновь приветствуешь меня.

Таится серое предместье,
В тумане улица и храм,
А ты пылаешь в перекрестье
Дождями выбеленных рам.

Картинка северного лета
На краски ярые бедна,
Но сколько нежности и света
Идёт от этого окна!

Так вот он, рай,
Не за горами
И лучше сыщется навряд,
Покуда мамины герани
На подоконниках горят.

* * *

Лежу на диване, болею.
В озябшее вижу окно
Безлюдную к ночи аллею,
Рекламу авто и кино.

Мерцает она, раздражая,
Когда и безделье — не мёд,
И жизнь, как одёжка чужая,
У самого ворота жмёт.

* * *

Звёзд ледяных над городом кочевье,
Когда зима,
Когда темно к шести
И женщина в автобусе вечером —
Глаза в глаза —
И взгляд не отвести.

Убогий путь меж выбоин и рытвин,
Ползущий в ночь раздрызганный ковчег
И красота,
Подобная молитве,
Та самая, что примиряет всех.

На миг один заставит встрепенуться
И мир забыть, где властвует зима...
А следом надо просто отвернуться
И дальше жить,
И не сойти с ума.

САПОГИ

А мы не размышляли о Державе
И больше беспокоились о том,

Чтоб сапоги кирзовые не жали
На полигоне
В месиве и ржави,
Когда нещадно ливень бьёт кнутом.
Но воплотились помыслы благие
В моей стране чередованьем смут...
Я сапоги теперь ношу другие,
Заморские они и дорогие,
Да вот беда:
Немилосердно жмут.

* * *

Услышать можно «нет» и «да»
В случайной фразе.
Так преломляется вода
В хрустальной вазе.

Опять бессвязный шум дождя
У самой двери.
Так что-то шепчут уходя,
В уход не веря.

Надежда ветреная лжёт
О счастье рядом.
А вдруг и вправду обожжёт
Случайным взглядом?

Судьба ль замыслила менять
Пути и сроки...
Но разве смертному понять
Её намёки?

ДОРОГА

А путь туда нескладный да безрельсовый:
Беда, коль дождь нагрянет проливной!
Старается, пыхтит автобус рейсовый,
Качаясь, будто пьяница в пивной.

Намнешься, но к пункту назначения
Особо торопиться не с руки,
Пока несёт, баюкает течение
День ото дня мелеющей реки.

Пусть на удачу грех уже надеяться,
Когда минувешь самый дальний плёс,
Но над обрывом вспыхнувшее деревце
Вдруг отчего-то станет жаль до слёз.

Ах, жизнь моя, полова да окалина,
Небесконечных дней веретено...
Вот деревце — от века неприкаянно,
Вот я стою, такой же, как оно.

* * *

Поговорим о чём-нибудь высоком,
Что предстаёт обыденным подчас.
Вот яблоко, наполненное соком,
Качается, фонариком лучась.

Рябит листва, дрожащая от ветра,
Как тысячи неразличимых лиц.
Во всём — сиюминутное и ретро,
Без явно обозначенных границ.

Вот голуби лепечут на карнизе,
Как сто и даже двести лет назад,
Не ведая иллюзий и коллизий,
Когда-то наполнявших дом и сад.

Вот женщина — судьба моя и мука,
До сей поры сводящая с ума.
Уже не дочь баюкает, а внука,
Почти не веря этому сама.

Созвездия плывут над головою
И возвращают прожитые дни
То серенькой картинкой бытовою,
То фреской,
Рафаэлевой сродни.

СКАЗКА

В полумраке размыты детали —
Фонари, очертания туч...
Воздух августа сентиментален
И, как мед загустевший, тягуч.

Ни о чем не жалею, человече!
Все случилось, чему суждено.
Даже горечь несбывшейся встречи
Перебьет молодое вино.

Пусть нехитрая песенка спета,
Но неведомой жизни полны
Эти зыбкие полосы света
Восходящей растущей луны.

Что ей беды твои и невзгоды,
Если после метелей и вьюг,
Лишь проклянутся первые всходы,
Гуси-лебеди сядут на луг?

Вновь округа изменит окраску,
Продолжая по воле Творца
«Жили-были...»
Нестрашную сказку,
У которой не видно конца.

Геннадий МОРОЗОВ

НА ОКСКИХ ОТКОСАХ

* * *

Листопад за окнами шуршит,
Гонит ветер птиц по белу свету...
Я живу в касимовской глуши,
Вспоминаю ливневое лето.

Вспоминаю тёплые деньки
И зазеленевшие озёра,
Угловатый жест твоей руки,
Обрывавший нити разговора.

Пустяковым был мой разговор,
Ты его запомнила едва ли...
Вырывался ветер на простор,
Листья наши лица задевали.

Я, смеясь, глядел тебе в лицо.
Думалось мне: «Лето отгорело...»
Как твоё венчальное кольцо
Жизнь моя поблёлка, потускнела.

День осенний, гаснуть не спеши.
Душу обрати к добру и свету..
...Хорошо в касимовской глуши,
Если глуше места в мире нету.

СТАРЫЙ САД

Константину Воронцову

...А скоро тучки засинеют,
Набухнут влагою... И вот
Сверкучим ситничком засеют
Мой старый сад и огород.
Я избяную дверь открою...
Едва порог перешагну —
В лицо пахнёт землёй сырою.
Я сырь и прель её вдохну.
И опахнёт меня прохлада...
Замкнусь. И буду молчалив.
И явит взору сумрак сада
Ветвей чернеющих извив.
О, старый сад, насквозь промокший,
Ты всех мне близких пережил...
От бральной жизни изнемогший,
Как ты печален и уныл!
Ты знал морозы и жарыщу,
Страшил дрожанием ветвей.
Ползли и вились корневища,
Превозмогая суховей.
И хоть сегодня день ненастный,
Ты доверяешься ему,
Продрогший, блёклый, безучастный
И безразличный ко всему.
Та жизнь, которой жил когда-то,

Истаяла... И ты поник...
Живёшь, смятением объятый,
И не срываешься на крик.
Почуяв лиственное тленье,
Плоды роняешь в тишине...
Едва-едва сдержав волненье —
Хранишь завидное терпенье,
Совсем не свойственное мне.

* * *

Прошла погода летняя,
Осыпались леса.
Светла ты, наша средняя
России полоса.
Но даже здесь загажены
Места, где чуден вид...
И всё ж, гляди, — бочажина
Родник вот-вот родит.
А ветер в глуби вечности
Уносит облака.
И в бездну бесконечности
Течёт река Ока.
Я думал, что не выстою
В касимовском краю,
Но чувства наши чистые
Слились в одну струю.
Дивлюсь твоей сердечности...
Целуй — и не томи!
Ведь ответ звёздной млечности
Таят глаза твои.
Еще мы как-то держимся,
Не клоним головы,
Как два осенних деревца,
Лишённые листвы.

* * *

Спасибо, окские откосы,
Спасибо, тихая Ока.
Я здесь познал впервые слёзы
От ледяного ветерка.
Не раз я плакал и... от смеха,
Его я сдерживал, как мог,

Когда перекликался с эхом,
Дудя в пастушеский рожок.
О, эти звуки, виды эти,
Всё деревенское дивьё!
Вы мне дороже всех на свете...
Всё это кровное, моё!
И Поздняково вспоминая,
Дивлюсь! Я счастлив, счастлив был!
По ржанью слухом узнавая
Всех наших дряхленьких кобыл.
Охвачен вновь я чувством юным,
Оно, сквозь прошлое ведя,
Души затрагивает струны,
Звучащие, как шум дождя.
Как я хотел бы в час разлуки
Доверить душу ветерку,
Чтоб он явил ей эти звуки,
А не смертельную тоску
По неоглядному простору,
По жизни, прожитой в глуши,
Чтоб сострадательному взору
Не зреть последнего позора —
Разора тела и души.

* * *

Я этой тёплой лунной ночью
Открыл окно... А за окном
Совсем не летний дождь бормочет —
Кузнечик цвиркает о том,
Что ночь росиста... И что травы
От влаги стали тяжелы,
И что речушки берег правый
Размыт... Но отмели — светлы.
Их желтый маленький песочек
Водичей тщательно промыт,
Которая и камень точит
Известняковый и гранит.
Она течёт, искрясь, бесшумно,
Над ней толчётся комарьё.
В ней отразились скирды, гумна,
Я видел в ней лицо твоё
Заплаканное, без румянца,

И очень скорбное... Оно
Являлось мне подобьем глянца...
Лицо — бледно, в глазах — темно.
В них глубина речушки этой,
Увёртливой... И вот она
Луну, как медную монету,
Туманцем кроет... Тишина
Вот-вот подлунный мир объемлет.
Он станет призрачным... И я
Уже ему, ночному, внемлю,
Поскольку... призрачность приемлю,
А не реальность бытия.

Александр ТИХОНОВ

ВСЁ ТА ЖЕ РУСЬ

В ДОРОГЕ

1
Уральских гор изломанные склоны
Уже давно остались позади.
И потянулись грязные перроны,
Пургой переметённые пути,

Просевшие до самых окон избы —
Продрогшая, усталая страна.
Здесь города однажды поднялись бы,
Но никому глубинка не нужна.

А мы глядим в окно с плацкартных полок,
И мчит состав, в огромный мир влюблен...
На миг из дымки вынырнул посёлок
Ещё из тех, столыпинских времён...

2

Глубинка. Деревня по правую руку.
Испуганно жмутся домишки друг к другу.

Под брюхо машины ложится дорога.
До нужного места осталось немного.

Холодной весной ошипаны рощи.
Мотор беспокойный то глохнет, то ропщет.

Венки на обочинах как-то нелепо
Напомнят: дорога смыкается с небом.

А солнечный диск с затаенной обидой
Всё смотрит в зеркало заднего вида.

* * *

Дождь задумчиво многоточит
По асфальту и мокрым крышам...
Всё длиннее и горше ночи,
Всё слышней деревья дышат.

Дождь пружинит от листьев лёгких,
Измождённых нехваткой света.
Всею силой кленовых лёгких
В редких кронах вздыхает лето.

* * *

Край вселенной!.. Вот он, за рекой.
Мне из окон в ясную погоду
Виден, и притом подать рукой
До заветной кромки небосвода.

Там, во мгле, где превращают лес
В рейки (кубометрами), любая
Птаха видит, что шатёр небес
С гибнущей тайгой закатом спаян.

* * *

Дорога с работы намного короче,
Чем этот же путь на работу с утра.

По лужам, морозцем прихваченным с ночи,
В простуженный мир выхожу со двора.

Минуты растянуты, спутаны, сбиты,
Бессвязными мыслями полнится мозг..
И я отклоняюсь от нужной орбиты,
Чтоб юркнуть погреться в ближайший киоск.

* * *

Здесь солнце светит по-иному,
Просунув в жалюзи лучи.
О том, что чудится больному,
Не знают строгие врачи.

Мелькают белые халаты,
А в вену льётся физраствор.
Сегодня в крайнюю палату
Рассвет заглядывал, как вор.

Старик — измученный, печальный
С лицом белесым, будто шёлк,
В обнимку с тёплыми лучами
Ушел.

МЕЖСЕЗОНЬЕ

Первый снег, как первый блин —
Комом.
До апреля у земли
Кома.
Снеговик среди двора
Замер.
Как сугробы детвора
Сами.
Зло стучит в моё окно
Ветер.
Солнце греет плохо, но
Светит.
Там, докуда достаёт —
Тает.
А зима берёт своё...
Стая
Неприкаянных ворон

Ищет
Меж заснеженных дворов
Пищу.
...И пока что не поймут
Люди,
Что с сугробами к утру
Будет.

* * *

Снова копыя, мечи и луки,
Кони в сбруе, дома в огне.
Ратный путь — это путь разлуки.

Шепчет женщина: «Смерти нет».
Просит, молит о невозможном,
К небесам обратив свой взор.

...Ногу в стремя и саблю в ножны.
Смерть — повсюду, страшной позор!
Греет душу, что каждый вечер
У распахнутого окна
Ждёт исхода кровавой сечи —
Мать, подруга, сестра, жена...

* * *

Всё та же Русь. Она сменила имя.
Теперь есть Украина, Беларусь...
Но, в общем-то, Россия вместе с ними —
На лоскуты порезанная Русь.

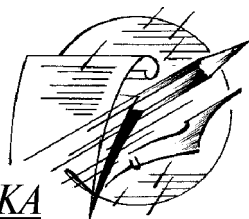
Осталось вспомнить истины простые...
Но как тонка связующая нить!
Наверное, лишь полчища Батыя
Помогут наш народ объединить.

КРЫМ: СТРАТЕГИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ ДЛЯ ВСЕЙ РОССИИ

В целом ряде российских и зарубежных СМИ чуть не каждый день утверждается, что Крым станет, дескать, «новой обузой» для госбюджета РФ. Что в Крыму, кроме черноморских — только черноморских курортов и «игорных зон» — нечего и незачем развивать и т.п.

Всё это — отголоски, по сути, антироссийской кампании. Ибо ресурсно-сырьевая база Крымского региона весьма крупная и разнообразная: по запасам различного промышленного и энергетического сырья на единицу (1 кв. км) территории Крым занимает одно из первых мест в бывшем СССР.

Причем проекты по освоению крымских сырьевых ресурсов, с последующей их переработкой (полной или частичной) в регионе, были разработаны в 1946—1953 гг., затем на рубеже 1960—1970-х годов. Но почти все такие проекты, как и предложения по развитию транспортных связей Крыма с РСФСР после 1954 года, можно сказать, «консервировались». Ни в Киеве, ни в Москве с 1954 года, похоже, не стремились

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

к тому, чтобы полуостров развивался в социально-экономическом плане быстрее, чем Украина или, по крайней мере, чем сопредельные с Крымом украинские области (Херсонская, Николаевская, Запорожская).

Теперь эти проекты, похоже, возрождаются. Премьер-министр Крыма Сергей Аксенов и крымский вице-премьер Рустам Темиргалиев недавно заявили, что «недра полуострова располагают крупными запасами различного сырья, а их разработка планируется с участием крупных российских компаний. Так что, образно говоря, полуостров «вернулся» в Россию вовсе не с пустыми руками».

Конечно, Крым — прежде всего курортно-туристический «центр» едва ли не всего СНГ. По экспертным оценкам, комплексное освоение лечебных и туристических возможностей всего полуострова позволит ему ежегодно обслуживать более 6 млн. человек. А это многие десятки миллиардов долларов в год.

Речь идет о развитии не только традиционных курортных районов на Черноморском побережье полуострова. Но и об уникальных по своим лечебным свойствам бальнеологических (грязевых и минераловодческих) районах Северо-Западного Крыма, а также Крымского Приазовья — то есть Керченского полуострова и озера Сиваш («Гнилого моря»). Зарубежные эксперты еще в 1950-х и 1970-х гг. признавали, что оздоровительные свойства рассолов Сиваша, многих соленых грязевых источников того же района и тамошних минвод значительно целебнее, чем в бассейне Мертвого моря. Но до настоящего времени в Крымском Приазовье — считаное число курортов, а уровень их сервиса, как правило, пока низкий.

Однако в прежний период отвергалось или «замалчивалось» большинство проектов лечебно-курортного развития этого региона Крыма. Потому не получили должного развития и пляжные курорты, расположенные или проектируемые на азовском побережье региона.

Нелишне в этой связи напомнить, что в 1 кг воды озера Сиваш содержится до 170 мг разнообразных солей с лечебными свойствами. В частности, это соединения фосфора, натрия, калия, магния, брома, бромистый магний, сульфат магния и т.п. Общие запасы солей и рассолов Сиваша с такой «начинкой» — минимум 200 млн. тонн. Именно на этой сырьевой базе были созданы близлежащие Перекопский завод по производству брома и других медикаментов, Крымский завод по изготовлению двуокиси титана, фосфорных удобрений и ряда других химико-фармацевтических изделий.

По имеющейся информации, ввиду роста спроса на эту продукцию требуются реконструкция этих предприятий и создание новых производств на базе сивашских и, в целом, крымско-азовских природных ресурсов.

Что касается других видов местного сырья, они в большинстве своем расположены в Восточном Крыму — то есть в районе Керченского полуострова и в примыкающей к нему акватории (Крымское Приазовье). Это газовое — свыше 130 млрд. куб. метров (включая газоконденсат), нефтяное сырье — минимум 80 млн. тонн, сырье для черной металлургии — свыше 1,6 млрд. т (достоверные и вероятные запасы). Имеются также крупные месторождения фосфатов. До 70% объема всех этих ресурсов находится в недрах Крымского Приазовья.

До настоящего времени наиболее освоена нефтегазовая часть этой ресурсно-сырьевой базы. С участием «Газпрома» и ряда других нефтегазовых компаний РФ уточнены проекты по разработке прибрежных и морских нефтегазовых месторождений региона. Вдобавок геологи предполагают крупные ресурсы газа вблизи г. Джанкой (северо-восточнее Симферополя) и в бассейне Сиваша.

Отмечу в этой связи, что еще в конце 1970-х, когда в Госплан СССР и Украинской ССР поступали предложения экспертов о развитии не только добычи, но и переработки газа в Крыму, — в частности, на базе месторождения у г. Джанкой, то есть вдали от курортных районов полуострова, проекты местной газопереработки, что называется, были положены под сукно. Поскольку индустриализация экономики полуострова, как и его энергетическая самодостаточность не входили в планы руководства Украины и в тот период.

А освоение колоссальных и при этом высококачественных запасов сырья для черной металлургии, что в Керченском районе, может потребовать роста мощностей местных перерабатывающих предприятий (в Камыш-Буруне и Керчи) — для расширения ассортимента их продукции. А спросом эта продукция, в том числе сырьевая и полуфабрикаты, будет пользоваться и в соседних регионах РФ.

Имеются также — в горных и предгорных районах Крыма — крупные запасы полудрагоценных камней, горного хрусталя. И почти для всех сырьевых месторождений Крыма характерно высокое содержание основного сырья.

Отметим также, что газовые, да и не только газовые запасы Крыма намного «перекрывают» его внутренний спрос. Поэтому как сырьевые товары полуострова, так и продукты их переработки (полной и частичной) будут предназначены не только для «внутрикрымского» потребления.

К югу от Симферополя давно разведаны запасы энергетического угля (Бешуйское месторождение). По данным геологов, уголь здесь образовался в среднеюрских сланцеватых глинах в три пласта общей мощностью до 3,5 м. Он относится к газовым углям. Качественные показатели этого сырья невысокие: большая зольность (от 14 до 55%), сравнительно низкая удельная теплота сгорания (от 14,7 до 21,84 МДж/кг) и горит коптящим пламенем. Но для Крыма, в случае полной изоляции от Украины, — это тоже, своего рода, энергетический «шанс».

Бешуйские копи были восстановлены к 1946 г. и давали тепло Крыму до 1949 года включительно, когда добыча угля была прекращена из-за нерентабельности. Общий объем запасов этого месторождения оценивается минимум в 2 млн. тонн. Кроме того, в разных районах гор и предгорий Крыма встречаются недоразведанные месторождения лигнитов (бурый уголь).

Примечательна такая деталь: в 1955 г. часть северо-восточного района экс-российской Крымской области — половина бассейна озера Сиваш и Арабатского перешейка («Арабатской стрелки») между этим озером и Азовским морем — была передана Херсонской области Украины. Таким образом северо-восточная граница Крыма была резко «спущена» на юг этого района. А в этом секторе Сивашско-Азовского района тоже сосредоточены крупные ресурсы газового, химического, солевого и фармацевтического сырья. Потому такое прохождение границы на северо-востоке Крыма может затруднить комплексное освоение сивашских и примыкающих к ним ресурсов.

Впрочем, передача части северо-восточного района Крыма Херсонской области в середине 50-х наверняка была связана и с тем, что именно в передаваемом районе Сиваша и Арабатского перешейка сосредоточены крупные запасы пресной воды. А водоснабжение Крыма, напомним, остаётся одной из сложных проблем региона. Стало быть, в «хрущевский» период решили усилить зависимость полуострова от водоснабжения с Украины...

Кроме того, в том же 1955-м к северу от Армянска (Перекопский район) участок территории примерно в 30 кв. км тоже передали Херсонской области. Видимо, для того, чтобы расположенные на этом участке основная грузовая и сортировочная станции на Северо-Востоке Крыма — у Перекопа — «контролировались» опять-таки Херсонской областью.

Словом, передача Крыма Украине — не просто «хрущевский подарок», а четко просчитанный и детально подготов-

ленный проект, нацеленный на усиление экономико-географической, в том числе транспортной зависимости Крыма от Украины.

Что же касается транспортно-транзитных возможностей региона, воссоединение Крыма с Россией позволит частично разгрузить порты Краснодарского края и Ростовской области РФ и одновременно реализовать проекты новых «трансазовских» паромно-железнодорожных переправ между Крымом и этими регионами РФ. Тем более что российские порты Азовского моря имеют значительные ограничения по глубине у причалов. Поэтому грузовладельцы ищут доступ к более глубоководным причалам, например, в Керчи.

Напомним также и о том, что в 1930 — середине 1950-х гг. в центральном и южном районах Крыма успешно развивались субтропическое земледелие, хлопководство, возделывание местных каучуконосов. До их директивного «закрытия» во второй половине 1950-х. Так что и эти отрасли могут получить своё второе рождение наряду с глубокой переработкой разнообразного рыбного сырья, которого переизбыток и в Черноморской, и в Азовско-Сивашской акваториях Крыма.

«С учетом экономических традиций и природных условий региона, — уточнил президент Международной организации кредиторов (WOC) Роберт Абдуллин, — требуется сочетание трех направлений: освоения местной ресурсно-сырьевой базы с созданием перерабатывающих мощностей, использования транзитного потенциала Крыма и развития его курортно-туристической сферы. Имеется немало примеров умелого сочетания этих направлений в экономике многих регионов такого рода — например, французских Гвианы, Мартиники и Новой Каледонии, карибских островов Голландии, испанской Сеуты, австралийской Тасмании, датских Фарер. Крыму, по примеру этих территорий, целесообразно обладать многоотраслевой экономикой и с учетом его политической географии». По мнению Р.Абдуллина, решение таких задач «возможно в рамках особой экономической зоны (ОЭЗ), хотя, по опыту упомянутых зарубежных регионов, ОЭЗ — не единственный механизм комплексного экономического развития таких территорий».

А вице-президент Торгово-промышленной палаты РФ Георгий Петров высказал такое мнение: «В Крыму немало возможностей для развития отраслей, важных и для общероссийского рынка, — например, энергетики и пищевого сектора. В первом случае речь идет, прежде всего, о крупных запасах нефти и природного газа. Те же возможности в транзитной сфере: ряд крымских портов и других путей сообщения вполне

могут стать крупными «транзитёрами» в Черноморском регионе и, параллельно, улучшить транспортную «подпорку» российской внешней торговли, что связано и с проектом моста через Керченский (азовско-черноморский) пролив».

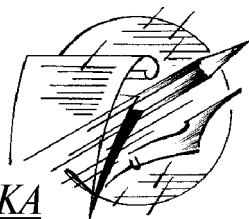
В то же время, как полагает Г.Петров, «Крым по климатическим и природным факторам является уникальным, поэтому развитие здесь «зеленой» экономики должно быть приоритетом, наряду с восстановлением позиций региона в качестве главной здравницы для России. Ставшие популярными направления — Турция, Египет — это пляжный отдых, а традиции Крыма — это лечение и отдых. Вдобавок, именно Крым был главным источником сырья для парфюмерной промышленности, а это тоже «зеленая» экономика».

Словом, российский Крым отнюдь не будет «иждивенцем» госбюджета РФ.

Юрий МАРКОВ,
доктор философских наук

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ ПЕРЕД ВЫБОРОМ

Мы живем в непростое время. О многом надо подумать, и прежде всего о том, что же все-таки произошло в российской истории XX столетия. Сегодня мы видим, что преобразование российского общества в ходе перестройки 90-х годов носило и носит весьма непростой характер в целом ряде аспектов. Ныне начинаются процессы размывания социокультурных основ общества. Происходит глубинное формирование криминалистических структур, включая даже государственные институты. Наступает раскол в системе общественных интересов. Общество теряет нравственные устои. В нынешней России масштабы частной собственности достигли значительных размеров, удивляющих даже страны классического капитализма. Причем с помощью СМИ постарались убедить всех, что обретение богатств частными лицами произошло на законном основании. Нынешняя ситуация в России и мире вынуждает искать выход из положения. Проблема выбора дальнейшего пути развития — актуальнейшая тема для разговора. В статье сделана попытка показать, что такой выбор может быть сделан.

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Ситуация осложняется. В России сложилась весьма специфическая модель капитализма, в рамках которой успехи бизнеса существенно зависят от поддержки властных структур. Сам же экономический успех не всегда бывает достаточным и не гарантирует выживание. Предпринимательство во взаимодействии с властными структурами как раз и объясняет широкое распространение коррупции, делая последнюю чуть ли не «законной». К тому же, быть собственником отнюдь не означает быть тружеником. Напротив, собственность чаще всего позволяет освободиться от труда. Неудивительно, что собственность вызывает не столько уважение, сколько зависть. Собственники обычно не заинтересованы в модернизации и научно-техническом развитии общества. При этом становится естественной социальная и культурно-нравственная деградация общества. Россия в её современном обличье делается бесперспективной. Обеспечение социальной справедливости слишком часто становится невозможным. Зато коррупция делается естественным феноменом. Экономическая активность оказывается привязанной к местам концентрации бизнеса и природно-ресурсным районам. Остальная же Россия пребывает в затруднительном или даже депрессивном состоянии. Масштабная модернизация становится пределом мечтаний, хотя писать о ней стали чаще.

Необходимо заметить, что такая вещь, как свобода, уже давно «приватизирована» соответствующими клановыми структурами общества. Наемный (принудительный) труд, представляющий собой скрытую форму эксплуатации человека, явился своеобразным фактором прогресса не только капиталистического, но также и социалистического общества, в котором партийно-государственная верхушка обрела власть в масштабах страны над трудящимися массами. Вместе с тем, мы и в рамках социализма не нашли возможным отказаться от наемной формы труда. А это значит, что в стране не мог воплотиться феномен самоуправления, ставящий человека в центр внимания. Отсутствие самоуправления делало невозможным и народовластие. С другой стороны, пора признать, что принудительный труд невозможно совмещать с принципом справедливости. Как мы знаем, кооперативное движение, предполагающее самоуправление, в СССР практически было подавлено. И неудивительно, что выживаемость социализма постепенно сошла на нет.

Аналогичная судьба ждет в скором будущем и либерально-рыночную систему. Наша политическая элита, к сожалению, не стремится к объективной оценке всей сложности общественного развития в современных условиях. Забота о лич-

ной популярности часто оказывается на первом месте. Вместе с тем, воровской характер частной собственности становится все более очевиден для многих. Именно здесь заключен источник разрушения нравственности в обществе. Отсюда же проистекает бесчестность на всех уровнях государственного управления. Попытка слепого заимствования опыта иных стран в решении российских проблем не всегда бывает целесообразной. Не следует забывать о том, что возникающие в обществе проблемы часто имеют сугубо внутренние причины, связанные с российской спецификой, и что даже общественные структуры формируются обычно как продукт собственной истории.

Общество, в котором культивируется частная собственность в качестве ведущего фактора, делает обязательным наемно-принудительный труд, исключая ключевое значение принципа гармоничного слияния ценностей коллективизма и индивидуализма. Без такого слияния конструируемая в ходе революций модель общества выглядит искусственной. Как капиталистическая, так и социалистическая революция являются собой попытки сформировать и закрепить общество наемного труда, подчиняя его групповым интересам (частно-собственническим или партийным). В нынешней России теоретизирование подменено заимствованием готовых образцов. На понимание подлинной сути исторических процессов, требующих системного единения человек—общество, не остается ни времени, ни желания. Российская экономика вынуждена ориентироваться на интересы Запада. Об этом говорит, например, многолетнее изъятие денег из российской экономики и хранение их под ничтожно низким процентом в западных банках и ценных бумагах. Российское общество в его нынешнем виде никак не может осознать реальную угрозу, нависшую над страной. Утрата жизненной активности значительной части населения — существенный момент в данном сценарии. Торговля нефтью и газом является, в сущности, последней зацепкой в поддержании ситуации. А попытки модернизации российской экономики носят скорее судорожный характер.

Век электроники с его компьютерами, сотовыми телефонами, нанотехнологиями нередко делает людей глухими к традиционным моральным ценностям, которые считаются устаревшими, старомодными. Вместо этого значительные слои населения начинают охватывать бездуховность, прагматизм, культ чувственных удовольствий. Свообразным моральным постулатом становится законопослушание независимо от этического наполнения правовых норм, терпи-

мость к любым идеологическим установкам, даже если речь идет о глобализации экономической и политической власти, господстве финансовой олигархии. Усвоение и использование благ современной цивилизации считается мерилом самосовершенствования личности, даже если эти блага представляются сомнительными в свете моральных оценок. Впереди этих оценок почти всегда оказываются соображения экономической или политической выгоды. Нельзя не согласиться с Л. Кудрявцевым, который писал: «Стабильность и жизнеспособность государства определяются, прежде всего, нравственным и духовным уровнем его населения, а не состоянием экономики. Сознание во многом определяет его бытие». Именно уровень духовно-нравственного совершенствования социальной системы определяет действительную возможность прогресса, а не новизна или научно-технические открытия сами по себе. Нравственные ценности формируются в ходе истории и являются основным связующим и цементирующим материалом в обществе, обеспечивая его существование, а, следовательно, и развитие. Ныне ситуация осложняется в силу пассивности человеческого духа и отсутствия должного понимания того, какой мы хотим видеть Россию.

Развитие общества без развития человека невозможно. Реальная человеческая жизнь на Земле складывается не на основании рациональных суждений и расчетов, а под давлением нравственных установок и правил, диктуемых инстинктом во имя сохранения коллективных образований (племена, рода, общества). Нет ничего опаснее умозрительных схем общественного прогресса, построенных на разумных началах. История творит человеческую культуру, а человеческая культура, в свою очередь, определяет особенности дальнейшей истории. И хотя разум человека является творением истории, культура не сводится к накопленным знаниям и материальным ценностям. Рациональные продукты оказываются спаянными воедино с нравственными ценностями, регулирующими человеческое поведение и общую прочность социальных связей. Нравственный закон существует как результат осознания правил поведения в целях сохранения коллективного образа жизни, ибо человек — существо коллективное. В животном мире такого осознания нет, так что сохранение биологических сообществ обуславливается исключительно благодаря поведенческим инстинктам, закрепленным на генетическом уровне.

К сожалению, рациональность способна подавлять естественные начала в человеке, порождая индивидуализм и

стремление к присвоению результатов коллективной деятельности. Без такого подавления моральных оснований социума бездушным рационализмом было бы невозможно становление капитализма и социализма, построенных на требованиях разума и экономической целесообразности, когда результаты коллективной деятельности присваиваются либо частными лицами, либо государством как политическим институтом.

На этом фоне казалась неразумной передача земли крестьянским общинам в Японии, причем без всякого «выкупа» (знаменитая реформа Мейджи 1868 г.). Между тем, общинное землепользование порождает институт общинного самоуправления с обязательным учетом нравственного императива. В итоге весь ход социальной жизни был подчинен социокультурным традициям, а экономический рационализм уступил место духовно-нравственным критериям. Если в Европе с её культом наживы городской стиль жизни оказал разрушительное действие на деревню и традиционные ценности, то в Японии, напротив, эти ценности пришли из деревни в город, стимулируя организацию экономических предприятий по принципу «большой семьи» с пожизненным наймом работников. Это и явилось причиной японского экономического чуда, позволившего считать Японию «капиталистической страной без капиталистов». Внедрение некоторых черт хозяйственного самоуправления обеспечило стране относительно высокий уровень благосостояния населения в городе и деревне. Тяга к социальной справедливости и здоровому духовно-нравственному климату жизни сделали Японию удивительной цивилизацией с высоким уровнем социально-экономического развития, несмотря на свои весьма скромные территориальные масштабы. Стоит отметить, что так называемый пожизненный наём без особых сложностей можно было бы заменить на принцип коллективно-долевого участия во владении производственными ресурсами, поскольку частная собственность при любых обстоятельствах является принципиально несовместимой с требованиями справедливости. Этого пока не произошло. Но в будущем подобная модернизация кажется неизбежной.

Существуют глубинные связи между духовными и нравственными ценностями. Например, характерный для России принцип коллективизма, являясь духовной ценностью, в то же время определяет характер нравственных отношений между людьми, в частности, накладывает ограничения на эгоизм, требует отзывчивости и доброты, личной скромности, искренности и взаимного уважения.

Принцип приоритета духовных начал над материальными исключает стремление к наживе, культ денег, воровство, обман и мошенничество. Насильственная практика либерально-рыночного реформирования в России обнаруживает множество дефектов. Попытка сломать сложившуюся систему ценностей, скорее всего, завершится возрождением духовно-нравственной культуры и её упрочением. Насилие над социумом, как и насилие над природой, приводит к трагическим последствиям, в конечном счете, для тех, кто творит это насилие. Формируемые в ходе истории социокультурные пласты ведут себя как сжимающаяся пружина. Самоуверенность мировой олигархии с её тайными организациями и планами, как в свое время наивная уверенность человека в своем праве господства над природой, станет бессильной против сил разжимающейся пружины духовно-нравственного возрождения. Надобно осознать, что общество, как и природа, не может быть заменено искусственной конструкцией. Власть над социумом, как и власть над природой, представляет собой иллюзию человеческого сознания, не достигшего пока надлежавшей зрелости.

Сегодня мы говорим о построении демократического общества в России. Однако ничего похожего на народовластие у нас в стране пока не наблюдается. А в этих условиях научный и интеллектуальный потенциал, сохранившийся в России, не может стать условием подъема экономики. Даже если бы бизнес стал прибыльнее, народные интересы все равно остались бы в стороне. Общественное устройство, соответствующее законам нравственности, ещё надо уметь построить. Просто образованных и квалифицированных людей для этого недостаточно. Необходима коренная реорганизация общества на принципах кооперации во всех сферах деятельности, а не только в сельском хозяйстве, как иногда думают. В рамках такой реорганизации обретает свою значимость общественная (кооперативная) форма собственности в виде общей или коллективно- долевого.

Мы пока стараемся избегать такого хода дел, прислушиваясь к тому, что нам шепчут на Западе. Реальность пока устроена так, чтобы народ не имел какой-либо реальной возможности контролировать идущие сверху решения или добиваться отставки недобросовестных чиновников. Влияние народной воли на принятие государственных решений в России пока что является практически невозможным. Демократическое общество ещё надо уметь построить, а не только говорить о нем с высоких трибун.

Экономический рост, который не сопровождается развитием человеческой личности, не может считаться полноценным и даже целесообразным. Если мы хотим создания новой модели развития, то обойтись без отказа от наемной формы труда мы не имеем права. А это значит, что процессы кооперативизации общества, рождающие механизмы самоуправления, должны расширять свои масштабы. Другого пути просто нет. Институт частной собственности необходимо полностью заменить институтом кооперативной собственности. Капитализм в этом случае трансформируется в государственно-кооперативный строй, исключая также и государственный монополизм. Вне этих процессов мечта об инновационных и наукоемких технологиях не только неосуществима, но даже нецелесообразна, поскольку развитие общества без развития человеческой личности невозможно.

Новые идеи хороши, если новым делается человек, а общество обретает черты духовно-нравственной цивилизации. Лишь в рамках такой цивилизации творческая активность людей представляется в полной мере оправданной. Внедрение самоорганизации и самоуправления в общество должно происходить в расширяющихся масштабах, включая управление на самом высоком (государственном) уровне. Россия уже имела возможность убедиться в том, что государственное планирование и управление без решительного отказа от наемной формы труда не может продолжаться слишком долго, а введение института частной собственности ещё более усугубляет ситуацию, закрывая обществу путь в будущее.

Нельзя не заметить, что программа демократизации общества, связанная с созданием Общественных палат, показала, в общем-то, свою бесполезность и ненужность, оказалась тщетной. Попытка связать демократию с рыночной идеологией, в целом, не удалась. Мы все более убеждаемся в том, что заимствование западных моделей жизнеустройства оказалось во многих отношениях пустым занятием. Это хорошо видно большинству простых людей, для которых остались значимыми традиционные ценности и принципы морали. Попытки создать искусственные модели общества на основе нравственно ущербных идеологий и теорий оказались неудачными.

Уже давно пора делать выводы. Общество нельзя конструировать так, как мы конструируем техносферу, т.е. опираясь исключительно на рациональные способности человеческого мозга. Естественное развитие общества должно опираться на законы нравственности, которые вытекают из отношений человека с социальной и природной средой. Нравствен-

ный человек живет в гармонии с обществом, а нравственное общество — в гармонии с природой. Этого нельзя достичь, действуя лишь в соответствии с логикой, разумом, наукой. Ни о какой сфере разума (ноосфере) не может быть и речи, если мы хотим избежать человеческой катастрофы. Апелляция к разуму неизбежно ведет к соображениям полезности и эффективности (выгоды), которые позволили создать либерально-рыночную конструкцию общества, доказавшую за минувшие века свое духовно-нравственное несовершенство. В условиях ослабления нравственных регуляторов в обществе начинают создаваться компенсаторные механизмы, происходит интенсификация законотворческой деятельности, усиливается тенденция государственного управления, доходящая до расширения конституционного поля в виде различных политико-идеологических конструкций. Нынешнее общество начинает упорно входить в фазу искусственного структурирования социосферы по аналогии с техносферой. Между тем, аналогия с биосферой была бы даже более приемлемой.

С точки зрения формальной логики и рациональных моделей жизнеустройства, характерных для капиталистического пути развития, у человечества нет иного выхода, кроме как устанавливать мировую власть, уничтожая при этом миллиарды «лишних» людей любыми способами. Мы убеждаемся, что рациональный мир может держаться лишь с помощью силы. Причем условием сохранения социальной системы является широкое распространение тонких технологий и компьютерного контроля. Отсюда обостренный интерес к нанотехнологиям. Человек, который приучает себя смотреть на окружающий мир через рациональные очки, будет воспринимать себя вершиной природы, господином над всеми живыми существами.

Более того, в самом человеческом обществе будет развиваться и укрепляться тенденция выделения элитарного слоя, призванного держать в подчинении остальную массу людей. Роль последних заключается, прежде всего, в производстве материальных благ и услуг для представителей элиты. Либерализм, провозглашающий свободу, заключается в обеспечении свободы удовлетворения любых потребностей человека. А если учесть силовой характер равновесия социальной системы, то кажется естественным разделение общества на элитарную часть и остальных человекоподобных существ. При этом окружающий мир превращается, главным образом, в источник природных ресурсов. Природопользование становится безусловно доминирующим над экологией. Гос-

подство разума для элитарной личности проявляется в достижении того, что этот разум хочет. Остальные представляют собой массу, обладающую всего лишь свойством хотеть, подчиняясь при этом воле мировой элиты.

Нравственные предписания человеческому разуму дает сама природа, исходя из критерия сохранения популяции (общества) в окружающем мире. Эти предписания носят, как правило, иррациональный характер. Попытка трактовать их как заповеди, идущие от Бога, кажется довольно естественной. Этим объясняется сама возможность и прочность религиозного мировоззрения, которое может без особого труда проникать даже в сферу ученых. Религия и нравственность повязаны прочными узами. Экологические корни морали обычно не осознаются, поскольку выходят за границы логики, вынуждая говорить о таинственном зове сердца и души. Именно подчинение этому зову делает человека свободным, тогда как материальные потребности сплошь и рядом отнимают эту свободу.

В условиях падения нравственности материальные интересы грозят похоронить цивилизацию, и лишь постольку возникает потребность в искусственных системах тотального контроля с использованием электронных чипов. Это красноречиво говорит о несвободе бездуховной цивилизации. Бездуховный человек нуждается в самом жестком контроле, и потому он обречен на утрату свободы. Пора осознать, что развитие общества без должного духовно-нравственного развития человека невозможно. В условиях же моральной деградации общества необходим тотальный контроль над поведением человека. И чем крупнее социальная система, тем жестче этот контроль должен быть. Разнообразные способы принуждения, включая правовые, остаются единственной надеждой выживания либерально-рыночной системы.

Между тем, система эта нуждается не просто в перестройке, а в замене её на принципиально иную. А именно такую, в рамках которой исчезает рынок труда, и человек обретает должную, ничем не ограниченную свободу распоряжаться своими интеллектуально-трудовыми способностями. Нетрудно догадаться, что имеется в виду кооперативная система социального жизнеустройства, обладающая такой важной чертой, как самоуправление. Проблема выбора, перед которой стоит современная Россия, должна решаться в пользу кооперативного (самоуправляемого) общества. Развитие общества без развития человека невозможно.

Возвышение государства над обществом недопустимо. В нынешней либерально-рыночной России общие государствен-

ные установки, носящие идеологический характер, фиксируются в особых федеральных документах — государственных доктринах. К 2010 году таких документов насчитывалось несколько десятков. На этих госдоктринах основывается государственная политика. В случае особой важности государственная доктрина может вводиться в действие актами президента или правительства РФ. Например, Концепция национальной безопасности РФ была утверждена указом президента РФ от 17 декабря 1997 г. Ныне (после неоднократных процедур доработки) она уже фигурирует под названием «Стратегия национальной безопасности РФ». Социально-политическая деятельность государства осуществляется под эгидой данного документа, способного воздействовать даже на трактовку отдельных конституционных положений. В частности, тезис о паритете (балансе) интересов личности, общества и государства явным образом перекрывает положение о приоритете прав человека (ст.2 Конституции РФ). Но при этом важно иметь в виду, что национальная безопасность России вряд ли может быть обеспечена в условиях доктрины индивидуализма. Нравственная личность не будет заявлять о приоритете своих прав на частную собственность. Абсолютизация этих прав подрывает нравственные основы государственного бытия. Права и свободы человека как высшая ценность в качестве положения Основного (конституционного) Закона, очевидно, нуждается в уточнении, что и следовало бы делать в рамках государственной доктрины.

Среди важных госдоктрин можно упомянуть также концепцию формирования в Российской Федерации «электронного правительства» до 2010 года, одобренную распоряжением правительства РФ от 6 мая 2008 года и т.д. В условиях глобализации появляется возможность усиления контроля над личностью. Это тоже не кажется привлекательным. Нравственный контроль в условиях самоуправления, достижимого лишь в условиях кооперативного общества, заменяется дальнейшим усилением внешнего контроля, который необходим в условиях либерально-рыночного общества. Таким образом ищутся способы сделать капитализм долгоиграющей пластинкой.

Создается ощущение, что созданная в настоящее время совокупность госдоктрин задает контуры идеологии Российского государства, определяет схему общей государственной концепции в качестве своеобразного идеологического «фундамента» для укрепления институтов частной собственности. При этом нацпроекты можно рассматривать как опор-

ные фрагменты стратегии развития государства, некие приоритетные направления. Таким путем мы получаем некий либерально-рыночный аналог бывшей системы государственного управления. В целом осуществление так называемых национальных проектов (с 2006 года) — это своеобразная попытка воспрепятствовать ухудшению социально-экономической ситуации.

Пока что усложнение задач государственного управления стимулирует рост бюрократического аппарата. Этот рост имеет экстенсивный характер. Совершенствование управления на основе внедрения компьютерных систем позволяет говорить об интенсификации эволюционных процессов в правительственных структурах. Неспроста появляется идея «электронного правительства» на основе использования информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), позволяющих сделать деятельность правительства более прозрачной для населения и различного рода предприятий.

Создается впечатление, что культура государственного управления некоторым образом изменяется в сторону улучшения. И действительно, мы выходим за рамки простой компьютеризации (информатизации) органов государственной власти, поскольку изменяется характер межведомственных связей, происходит своего рода оптимизация взаимодействия между горизонтальными элементами госуправления. Имеются в виду не только различные министерства и ведомства, но и региональные органы власти. Создание и развитие «электронного правительства» могло бы преодолеть тенденцию роста бюрократического управления, чреватую усилением коррупции в чиновничьей среде и злоупотреблениями представителей власти. Беда лишь в том, что человек в либерально-рыночной среде остается как бы на дне общества, тогда как интересы частного капитала выходят на первое место.

Нельзя исключать возможности того, что в современном обществе происходит своего рода политическая игра. В рамках искусственных социальных конструкций политика вынуждена брать на себя весьма специфические функции. Неудивительно, что политику нередко считают грязным делом. Иными словами, её считают аморальной чуть ли не по определению. Политика была, как правило, связана с борьбой за власть, за доминирующее положение в обществе. В ходе человеческой истории государство всегда возвышалось над обществом. Это происходит и в условиях современной демократии. Беда в том, что вхождение во властные структуры освобождает людей от ответственности за принимаемые решения. Такая ситуация говорит о том, что существующие

способы формирования и функционирования подсистемы управления в обществе не отвечают пока критериям нравственности. Происходит автономизация управленческого труда, который превращается в своеобразную форму господства политической элиты в обществе. Господство всегда будет аморальным по самой своей сути, и всегда будет признаком искусственности в социальном жизнеустройстве. Политическое господство будет иметь место до тех пор, пока в обществе существуют «подданные» и обуславливающий такой статус людей наемный труд. Развращающая природа власти связана с тем обстоятельством, что власть и связанные с нею управленческие решения в той или иной степени освобождаются от ответственности. Тем самым открывается дорога злу, несправедливости, бесчестности, лживости. Даже в условиях современной демократии политическая активность нацелена на обретение властных полномочий и возможности обогащения.

Безответственность политиков есть объективный результат нравственно неполноценной конструкции общества, допускающей наемный труд и низведение человеческой личности до уровня трудового ресурса. Право пользования трудовым ресурсом приобретает либо государство (государственная собственность), либо частное лицо (частная собственность), благодаря тому, что эти формы собственности открывают доступ к властным полномочиям. В нравственном обществе стремление к власти теряет смысл, поскольку остается лишь управленческий труд, связанный с долгом и ответственностью. Именно таковым является кооперативное общество. Причем вознаграждение за вышеупомянутый труд целиком и полностью будет зависеть от конечных результатов, как при любом другом труде. Государство перестает быть властной структурой, превращаясь в центральный аппарат управления. Возникает система, которую можно было бы назвать государственно-кооперативной формой жизнеустройства. Что касается современных политиков, то для многих из них идея общественного служения превращается всего лишь в элемент политической демагогии, в то время как власть становится самоцелью. И пока есть феномен власти, политика не будет удовлетворять критериям нравственности. Утрата веры общества в демократию представляется вполне естественной, поскольку такой феномен пока существует.

Возвышение государства над обществом делается невозможным в условиях кооперативного жизнеустройства, предполагающего усиление роли самоуправления в обществе. В

рамках государственно-кооперативных систем, которые будут возникать повсеместно, будут формироваться механизмы гармонизации общества и государства. Формирование государственных решений, в частности, решений об управлении бюджетными средствами, станет предельно открытым. Более того, эти решения обретут статус совместных решений. Необходимость в традиционных выборных советах депутатов отпадает. В ходе постепенного роста масштабов самоуправления общество обретет статус государственно-кооперативного строя, в котором человек, наконец-то, займет подобающее ему место. Гармония отношений общество—государство породит гармонию отношений человек—общество. И лишь в этих обстоятельствах возникает принципиально новое общество, знаменующее рождение духовно-нравственной цивилизации.

Разум и нравственность на фоне обострения социальных проблем. Мы привыкли думать, что государственные институты являются своеобразным воплощением разума в общественном организме, тогда как религиозные институты призваны выполнять функцию хранителя нравственности, поскольку придают ей статус божественных заповедей. Иного обоснования моральных правил современное общество пока не придумало. Особенность послепротестантского времени в Европе состоит в построении потребительского общества, в котором потребление становится высшей целью и смыслом жизни. Возникает культ материальных ценностей, занимающих более высокое положение, чем духовные ценности. То есть, согласно этой логике, более богатый более угоден высшему Разуму, т.е. Богу. Богатство и богоизбранность становятся синонимичными, а обладание деньгами оказывается верным знаком богатства. Независимо от того, как деньги были получены, они делают индивида богоугодным, достойным райской жизни и вечного блаженства в раю после смерти. Любопытная деталь: религия в лице протестантства благословляет частную собственность и связанную с ней форму жизнеустройства, которую мы усиленно внедряем в современной России, несмотря на православие. При этом христианская церковь готова демонстрировать свою лояльность к внедрению либерально-рыночного режима власти в России. В результате складывается противоестественная ситуация, чреватая многими бедами не только экономического, но и социального характера.

Россия начала XXI века, разделив в очередной раз разум и нравственность, оказывается в зоне повышенной опасности, несмотря на относительное финансовое благополучие.

Пока что спасает положение обилие денег в бюджете. Но это не может считаться признаком улучшения ситуации. Социальные опасности имеют тенденцию к нарастанию. Барометром этих опасностей является, в частности, состояние здоровья детей школьного возраста. Как показала диспансеризация, 2/3 школьников имеют различные хронические заболевания, которые существенно ухудшают положение будущих молодых людей на рынке труда. Имеются все основания утверждать, что социальный и человеческий капитал в России находится в стадии истощения. Прочность российского общества последние десятилетия была во многом обусловлена старшим поколением, которое уходит в прошлое, покидая историческую арену. Причем государство не считает нужным обеспечить ему достойную старость. Отношение средней пенсии к средней заработной плате в России постоянно снижается, достигнув уровня менее 25%. Между тем, согласно международным стандартам, установленным Международной организацией труда, минимально допустимый уровень этого отношения не может быть ниже 40%.

О том, что социальная и психологическая обстановка в России является неблагоприятной, свидетельствуют ещё и такие факты: 40% взрослого населения страдает артериальной гипертонией, широко распространено курение и употребление алкоголя. Среди новорожденных число больных выросло с 14,8% в 1990 году до 37% в 2008 году. Это предмет особой тревоги. Проведенный в августе 2008 г. опрос населения продемонстрировал весьма низкий уровень доверия к медицинской помощи: 66% населения полагают, что при необходимости они не смогут получить хорошее медицинское обслуживание. Одна из причин — коммерциализация медицинских услуг, при которой доступ к врачебной помощи существенно усложняется. Государственная поддержка системы здравоохранения в России явно недостаточна. Одно из двух: либо государство бессильно, либо оно намеренно уходит от решения вопросов здравоохранения. Российских руководителей не тревожит сокращение средней продолжительности жизни. В соответствии с демографическим прогнозом численность населения в России сократится до 127 млн. человек к 2030 году с тенденцией дальнейшего уменьшения. Показатели рождаемости и смертности сравнялись в 1992 году, после чего смертность остается выше рождаемости. Многие социально-экономические показатели по состоянию на 2010 год можно считать неблагоприятными. Например, разрыв между доходами 10% самых высокообеспеченных групп населения и 10% самых малообеспеченных составляет

16.6 раз или даже 40 раз, если учитывать скрытые доходы. Доля населения с доходами ниже величины прожиточного минимума равна 12.6%. Ко всем этим вещам разум остается глух, а нравственность вообще уходит за пределы внимания.

Подобная ситуация приводит к деморализации общества, утрате ценностных ориентиров, росту числа самоубийств. Усиливается враждебное отношение между различными группами общества. Чем все это может закончиться и как скоро, сказать трудно. Судя по всему, управленческие структуры особенно не обеспокоены сложившимся положением. Исторический же опыт говорит о том, что социальные катаклизмы могут происходить внезапно, выходя при этом за рамки управляемости. Причем по мере усложнения общества масштабы катаклизмов возрастают. При сложившихся обстоятельствах научная и творческая интеллигенция оказывается лишней для российского государства в его нынешнем виде. Разделение разума и нравственности приводит к тому, что наши ученые, писатели, художники и т.д. в целом утрачивают свою духовную силу, которая могла бы противостоять грабителям и душителям России. Власть же в силу сложившихся обстоятельств готова поддерживать тех, кто служит «золотому тельцу» и преклоняется перед ним.

Между тем, чтобы двигаться вперед, нужен идеал духовно-нравственного содержания, о чем говорил в свое время Ф. Достоевский. Такой идеал нужен обществу, но, к сожалению, не нужен нынешним властным структурам, которые понуждают всех к погоне за рублем, и не только предпринимателей, но и элитарную часть общества, включая творческую интеллигенцию. Людей вынуждают служить «золотому тельцу», а не Отечеству, не благородным целям и задачам. Выступая на Всемирном русском Соборе, известный писатель В. Распутин сказал, что мы живем в оккупированной стране, и признаки оккупации налицо — чужая экономика, чужая культура, чужие песни, чужая архитектура. С подобной оценкой ситуации трудно не согласиться, поскольку с разделением разума и нравственности наши традиционные ценности оказываются отодвинутыми на последнее место.

Важная (если не важнейшая) задача заключается в том, чтобы обеспечить гармоническое сочетание принципов индивидуализма и коллективизма с возрождением коллективно-долевых форм собственности. Лишь в этом случае возможно слияние разума и нравственности. Оно оказывается практически достижимым в рамках кооперативного жизнеустройства, которое начинало формироваться ещё в дореволюционной России, и было насильственно прервано в ок-

тябре 1917 года. Советская власть, хоть и позволяла движение общества в сторону развития коллективистских ценностей, поставила перед кооперативами высокие заслоны. Между тем, открывалась уникальная возможность создавать высокоэффективные кооперативы при поддержке государства. Увы, даже перестроечные устремления России в 1990-х годах не помогли делу.

Прошло уже достаточно много времени для того, чтобы, наконец, осознать свои исторические ошибки и удостовериться, что лишь в рамках кооперативного общества возможно решение дисгармонии между разумом и нравственностью, человеком и обществом. К сожалению, вместо этого началось движение в обратную сторону: появилась частная собственность с тенденцией неограниченного роста. Принцип коллективизма был заменен на принцип индивидуализма вместо того, чтобы искать пути создания государственно-кооперативного строя, в рамках которого объединяются должным образом ценности индивидуализма и коллективизма. Забота о людях сменилась заботой прежде всего об элитарных слоях общества (олигархах и чиновниках). Разделение разума и нравственности обрело слишком заметный характер. Несправедливость проникает в самые различные сферы нашей жизни. В целом, можно сказать, что объединение государственных и частных интересов привело к нравственной деградации государственных чиновников. В условиях этой деградации даже феномен коррупции представляется естественным и даже обязательным. Становление государственно-кооперативного строя в обществе исключает все подобные вещи.

Рост деградации в современном обществе. В современной России с полным сознанием дела была выстроена социальная модель, основанная на доминировании частного капитала в условиях духовно-нравственной деградации страны, чтобы превратиться в источник природных ресурсов для Запада. Созданный в России капитализм можно было бы назвать бюрократическим. Основанием для этого может быть тот факт, что чиновники нашли способ вписаться в эту модель, извлекать для себя разнообразные выгоды, используя, в частности, такую вещь, как коррупция. Задачу сохранения нынешней общественной системы ставит перед собой созданная в стране политико-экономическая элита, ставшая частью мировой элиты. При этом власть оказывается в условиях политических ограничений. Смена государственного капитализма в бывшем СССР на бюрократический капитализм в современной России оказывается не столь существенной для страны.

Крах не замедлит произойти, как только поток сырьевых ресурсов на Запад начнет затухать. Социальное переустройство страны — актуальнейшая задача. Трансформация ресурсно-сырьевой экономики России в инновационную экономику, ориентированную на благосостояние общества и социальный прогресс, предполагает отказ от частной собственности в пользу коллективных форм и самоуправления. А это значит, что общественный строй в России должен быть соответствующим образом изменен. Нам не нужен ни государственный капитализм, ни тем более бюрократический. В обоих случаях человек превращается в предмет манипуляции, в инструмент политических и экономических игр. Более того, эти игры осуществляются отнюдь не в интересах России, а в интересах мирового капитала.

В современной России мы видим, как умирает промышленное производство и разрастается непроизводственная сфера. Это естественно, поскольку страна обретает статус ресурсно-сырьевой колонии, обслуживающей Запад. Потребительский характер российского общества становится очевидным. Об этом свидетельствует все более назойливый характер рекламной деятельности. Уже в 1990-х годах доля рекламы в цене товаров составляла порядка 25%. В 2001—2010 годы эта доля стала существенно выше, и для некоторых товаров достигла 50%. При этом возрос объем импортных товаров.

Предлагаемые сегодня государством социальные услуги, особенно по уходу за пожилыми людьми, по предоставлению качественных медицинских и образовательных услуг, жилья, отдыха и т.д., явно недостаточны. Довольно серьезной является в нынешней России проблема трудоустройства. При этом примерно треть всех доходов россиян оказывается в распоряжении 7,8% богатых людей страны. Привлечение наемного труда в частный сектор обеспечивается более высоким уровнем доходов, чем в государственном секторе. Россия зримо теряет свои нравственные ценности, одновременно утрачивая степень законопослушания. Наблюдается падение интереса к общественной и политической жизни страны. Растет напряжение между обществом и властными структурами на фоне процесса сращивания высшей бюрократии и олигархии.

Ныне отдельные исследователи мечтают о социализме со смешанной экономикой, с учетом опыта СССР, КНР, Швеции, Белоруссии, чтобы существенно укрепить свои геополитические позиции. Считается, что таким способом можно построить Единое экономическое пространство и даже обес-

печить стабильность и безопасность на всем Евразийском континенте. При этом западный путь развития, внедривший в экономику частную собственность, не отвергается этими исследователями. Мечта построить Единое экономическое пространство в рамках смешанной экономики сочетается с другой мечтой — сохранить предпринимательство и частную собственность. Тот факт, что смешанная собственность сохраняет наемный характер труда, нынешними экономистами попросту игнорируется. А ведь за этим фактом скрывается несправедливость, праздный образ жизни, потребительство и эгоизм, т.е. безнравственное жизнеустройство.

Прошло уже достаточно много времени, чтобы понять, что рыночная экономика с частной собственностью России (да и не только России) противопоказана. Такая экономика входит в очевидный конфликт с культурно-историческими особенностями российского народонаселения. Уже сам факт, что в России нет закона о бесплатной медицинской помощи, свидетельствует об аморальности сложившейся социально-экономической системы. Если власть не волнуют личные расходы граждан на получение медицинской помощи, то это значит, что такая власть сама не имеет права на существование. В Советском Союзе бесплатную медицину удалось организовать благодаря абсолютизации государственной собственности, при которой вся сфера социальной жизни страны ложилась на плечи государства. То, что государство не смогло выдержать такую нагрузку, говорит лишь о том, что система наемного труда не способна к выживанию даже в условиях социализма. Частная же собственность не только не спасает положения, но значительно усугубляет его. Платная медицина — яркое тому подтверждение.

Другой немаловажный момент. Российские СМИ, видимо, поставили перед собой задачу выдавать в эфир исключительно негативную информацию. Сообщения об убийствах, авариях и катастрофах занимают большую часть времени. Можно подумать, что ничего другого в России не происходит. Представляется совершенно очевидным, что СМИ не выполняют возложенную на них функцию, не способствуют улучшению социально-психологической среды в России, не направлены на распространение актуальных идей и положительного опыта. Низкопробная реклама заполняет эфир с поразительной настойчивостью. Бесконечное повторение примитивнейших рекламных роликов не может вызывать ничего, кроме раздражения. Очевидно, что ни о какой свободе распространения какой-либо ценной информации в обществе не может быть и речи. Ныне Россия находится на

цивилизационном распутье. С одной стороны, нас пугает тоталитарное социалистическое прошлое, с другой стороны — звериный оскал капитализма. Думать об иных ориентирах цивилизационных перемен нам запрещено. А они есть.

Наступила пора осознать, что превращение человека в товарно-рыночный продукт рождает рабство духа. В этих условиях сам человек становится зараженным потребительскими интересами, которым оказывается подчиненным все остальное. Власть, которая, по логике вещей, должна была бы быть долгом служения, превращается в кормушку. Она оказывается в руках более изворотливых, лживых и говорливых личностей, не желающих и неспособных проникать в суть вещей. Власть становится всего лишь инструментом для удовлетворения личных амбиций и достижения личного блага. Богатыми и знатными становятся также приближенные к власти, обретая сомнительный ореол общественной элиты. СМИ стараются изо всех сил, чтобы утвердить в массах элитарный характер примитивных и бездуховных человеческих созданий. Почему-то считается, что степень известности автоматически делает человека незаурядной личностью с массой достоинств. А между тем, большинство этих личностей живут под лозунгом «бери от жизни все!», представляя паразитический слой общества. Они озабочены только обретением богатства и сытости, стремлением получать удовольствия и развлечения. Такое общество представляется обреченным. И именно такое общество мы называем потребительским. Самое грустное заключается в том, что человеческая масса заражена инстинктом подражания в выборе своих идеалов. Потому-то и становится необходимой общественная трансформация, как способ решения проблем.

Какой же путь выбрать? В настоящее время сохраняется опасность превращения России в конфедерацию под протекторатом внешних геополитических сил. Чтобы избежать такого хода событий, некоторые исследователи находят целесообразным возродить имперскую направленность развития России. При этом считается, что делать это лучше всего в рамках модели «народного капитализма», отказавшись от нынешней модели олигархического капитализма, которая заведомо исключает принцип социальной справедливости и способна привести к разрушению всей суверенной финансово-экономической инфраструктуры страны. К сожалению, выдвигаемая идея народного капитализма не выглядит достаточно привлекательной. А.Тонконогов считает возможным перейти на акционерную форму владения предприятием с сохранением генерального субъекта владения, которому по-

зволительно сохранять за собой до 25% всех акций. Прочие акции могут принадлежать кому угодно, включая самих со-трудников предприятия. Прибыль предприятий идет акционерам, независимо от того, трудились эти акционеры или нет. А.Тонконогов полагает, что даже в сырьевых отраслях экономики в распоряжении акционеров допустимо оставлять до 20% прибыли. Приходится признать, что и в рамках такой модели «народного капитализма» принцип социальной справедливости заведомо нарушается.

То, что мы называем термином «народный капитализм», не избавляет нас от феномена наемного труда и замаскированного паразитизма акционеров. И уже по этой причине предлагаемая модель не может гарантировать соблюдение законов морали и справедливости. Государство и общество остаются противостоящими друг другу, и потому значимость человека как личности, а также благосостояние населения гарантировать нельзя. Госчиновники по-прежнему остаются заинтересованными поддерживать те предприятия, которые готовы поделить с ними своими доходами. О разумном сочетании (конвергенции) частной и государственной собственности в обществе наемного труда можно только мечтать.

Индивидуализм и коллективизм целесообразно сочетать лишь в рамках коллективной долевой собственности, которую мы называем кооперативной. Социализм не выдержал испытаний именно потому, что оставался обществом наемного труда. А.Тонконогов готов заменить термин «народный капитализм» словами «рыночный социализм», либо даже говорить о «социальном капитализме». От такой замены вряд ли будет лучше, поскольку человеческая личность остается в тени. Именно по этой причине ни один из названных терминов не кажется удачным и не может должным образом отразить задачу построения социально ориентированной модели экономического развития.

Говорить об инновационном пути развития сегодня буквально вошло в моду. При этом не следует забывать, что инновации (нововведения) могут быть разными. Обычно имеются в виду научно-технологические новшества. Однако наиболее фундаментальными инновациями являются новшества в системе социально-организационной перестройки общества. Например, внедренная в свое время в России модель социализма могла бы рассматриваться как пример социально-организационной перестройки, хотя и не вполне удачной. К сожалению, об инновации типа кооперативизма, когда в обществе расширяет свои масштабы совместная до-

левая собственность вместо частной (капитализм) и государственной (социализм), говорить почему-то не принято. Важно понять, что одни лишь научно-технологические инновации не сделают общество лучше в духовно-нравственном плане, хотя и гарантируют рост экономических доходов. Тот факт, что кооперативизм, в отличие от капитализма и социализма, предполагает инновационный прорыв в сфере человеческой сущности, исключая при этом феномен наемного труда (скрытую форму рабства), почему-то мало интересует современную науку, включая экономику.

Жизнеспособность и эффективность кооперативного самоуправления доказана историей, несмотря на разнообразные способы административного подавления. Кооперативные отношения строятся на взаимных интересах и ответственности, повышают значимость нравственных принципов в обществе. Осуществление идеалов и ценностей, которые в свое время были двигателем народной активности, возможны лишь в условиях народовластия. До реализации этих условий современное общество пока не сумело дорасти. Социализм в его марксистском варианте оказался трудноосуществимым и даже разрушительным для общества. Неудивительно, что в нем многие видят модель госкапитализма, и не более того. От госкапитализма в России без особого труда был совершен переход к обычной частнокапиталистической модели хозяйства. Лозунги о кооперативном жизнеустройстве конца 80-х годов были лишь способом затушевать такой переход. Между тем, в бывших соцстранах Европы движение в сторону кооперативов было весьма основательным. Например, на долю сельхозкооперативов в Румынии приходилось 60% земельных угодий, в Венгрии — около 72%, в ГДР — около 83%. Кооперативы стали играть заметную роль также и в других видах хозяйственной деятельности. Кооперативными принципами жизнеустройства было охвачено почти все население. Средства массовой информации об этом важном факте хранили полное молчание.

В условиях антропологической катастрофы, которая имеет место в современной России, необходимо, как справедливо считает П.С. Гуревич, развивать знания о самом человеке, совершенствовать его положительные качества. Но в таком случае необходимо совершенствовать социальную среду и её институты, без которых новый человек не возникнет. Иными словами, важно найти пути духовно-нравственного совершенствования общества. Сама жизнь подсказывает нам, как этого можно добиться. Имеется в виду стимулирование кооперативного движения на принципах самоуправления и кол-

лективной собственности. К тому же такое общество будет естественным образом нацелено на гармонию с природой.

Иерархически организованный механизм самоуправления раскрепощает человека, делает его личностью в подлинном смысле этого слова. При этом экологизация общества обретает естественную силу, исходящую из обновленного духовного мира человека. Здоровье природы и здоровье человека образуют единство, которое и составляет смысл гармонии общества и природы. Если прежде человек жил в условиях «тирании общественных форм», то в условиях самоуправления эта тирания прекращается.

Если говорить кратко, то важный вывод, к которому мы приходим, заключается в том, что общество должно решительным образом скорректировать сложившуюся парадигму развития, обратив самое пристальное внимание на кооперативную модель общества, в котором центральную роль будут играть механизмы самоуправления на всех уровнях, а собственность на средства производства обретет коллективно-долевой характер. Замена частных хозяйств, или даже государственных, кооперативными предприятиями не представляет каких-то сложных проблем. Требуется всего лишь постепенное перераспределение собственности.

БАГУЛЬНИК

РАССКАЗ

Как и всё в этой жизни, события начались с вещей будничных и ничем не примечательных. Мы с Равилем слегка подзадержались за пивом — недалеко от Белорусского вокзала рядом с часовым заводом, в полуподвальчике. Вы наверняка знаете это местечко. Пиво там разливают Фатима, женщина красивая, улыбчивая и, самое главное, к нам с Равилем относится с неизменным гостеприимством. Даже подарки дарит в дни рождения, естественно, когда эти дни мы отмечаем в её подвальчике.

Сознательно говорю об этом столь подробно, поскольку всё, что произошло позже, настолько выходило за рамки разумного, что мне просто необходимо как-то заземлить эти события, убедить самого себя, что я в здравом уме и твёрдом рассудке, что пива выпито не так уж много, бывали у нас посиделки и более обильные.

Разговор шёл о мистике, но какой-то пустоватый, хотя время от времени Равиль меня предостерегал — не надо, дескать, об этом так подробно, не трогай понятия, не то чтобы

ПРОЗА

недоступные нам, из его слов выходило, что они нежелательные, почти запретные. Такая вот тональность проскальзывала в его словах.

— Почему? — уже в лёгком пивном хмелю удивлялся я.

— Слушают, — отвечал Равиль вполголоса.

— Кто?

— Они.

— Здесь?

— Они всегда рядом, любят слушать такие вот разговоры.

Их прямо водит от хохота.

— А что ещё любят?

— Они вообще любопытные ребята... Иногда до неприличия. Например, когда мужчина с женщиной... Ну ты, понимаешь... От этого зрелища их просто не оторвать.

— Надо же, — озадачился я и замолчал, поскольку Фатима принесла пиво и фисташки.

В общем, поговорили.

Мне кажется иногда, что во время таких пивных бесед мы с Равилем сделали немало открытий, проникли в те области бытия, в которые человеку пока еще вход закрыт. Ах, если бы вовремя догадаться да не полениться и записать наши прозрения, а то запатентовать... Хотя, наверно, всё-таки не стоит этим заниматься, открытия наши явно преждевременные, до них дойдёт дело лет через сто, если не через тысячу, а то, что мы прорвались в эту область сегодня, дело случайное, результат гула электричек, улыбки Фатимы, прочих совершенно неуловимых обстоятельств, которые тем не менее влияют на человеческую психику, разум, интуицию, особенно, когда всё это обострено светлым «Невским»...

Электричка моя отходила в двадцать пятьдесят две, на неё я и надеялся попасть. Фатиму мы покинули за полчаса до закрытия подвального и пришли на платформу перед самым отправлением. Равиль проводил меня до первого вагона, пожелал счастливой дороги, потряс в воздухе розовым дымящимся на морозе кулаком, двери закрылись с мягким резиновым хлопком, и электричка тронулась. Всё было прекрасно, и через двадцать минут я должен был сойти на платформе Немчиновка, где и проживал последнее время.

Снова прошу прощения за излишние, может быть, подробности, но без них я не могу продолжать, тут же начинаю сомневаться в том, что видел, что слушал и вообще во всём, что со мной произошло в эти дни.

Время было достаточно позднее, пассажиров в вагоне оказалось немного, человек десять-двенадцать и, выбрав сиденье у окна, я вжался в угол. Вагон попался тихий, не гудя-

ший, окно не запотевало, видимо, хорошо было подогнано, что, как вы знаете, бывает нечасто. Вечерние огни делали Москву почти праздничной, и даже серые, вытопанные снега казались нарядными, словно действительно обещали скорый праздник.

Моё внимание привлёк напряжённый, какой-то свистящий шёпот за спиной. Осторожно оглянувшись, я увидел двух мужичков довольно затрапезного вида. Склонившись друг к дружке, почти касаясь головами, они говорили, похоже, о чём-то чрезвычайно для них важном. Вернее, говорил один, с седой клочковатой бородой, горящим взглядом и в вязаной шапочке, в которых обычно ходят студенты и чеченцы. За отворотом шапочки обычно прячутся прорези для глаз, поэтому, надвинув шапочку, чтобы прорези совпали с глазами, можно идти на любое рискованное дело, не опасаясь, что тебя потом опознают свидетели. Уже давно замечено — когда идёшь на дело, эти самые свидетели подворачиваются ну просто обязательно, возникая неизвестно откуда, чуть ли не из-под земли.

Я вслушался. Увлечённый разговором мужичок не слишком старался говорить потише, да и я, видимо, не казался ему человеком, которого стоит опасаться, если он вообще меня замечал. Такая внешность у меня бывает после пива у Фатимы, я становлюсь не просто незаметным, а даже как бы и несуществующим. Неплохое, между прочим, качество, оно частенько выручает меня в такие вот ночные часы в безлюдной электричке.

— Значит, так, слушай. Бабуля эта стоит всегда на одном месте, у входа в метро Белорусская-радиальная. И продаёт только багульник, понял? Только багульник. И только три дня в году. Она продавала вчера, сегодня, будет продавать завтра. Подойди к ней и купи семь пучков, не меньше и не больше. И не скупись, не торгуйся... Сколько запросит, столько и заплати.

— И что мне с ними, с этими пучками?

— Принеси домой и поставь в воду. На седьмой день, запомни — не раньше и не позже, на седьмой день оборви все цветочки и дай настояться. Да, и листики оборви. Не забудь про листики, в них вся сила. Ты знаешь, как собирают багульник? В противогазах.

— Это почему же?

— На всякий случай. Чтобы не случилось чего...

— А что может случиться?

— Всё, что угодно. Понял? Всё, что угодно.

— И сколько нужно настаивать?

-
- Сам не догадываешься?
— Неужели семь дней?
— Ну вот, начинаешь кое-что понимать. Потом отцедить. Крепость не должна быть ниже пятидесяти.
— Так это ж первак? — испугался попутчик бородатого.
— Называй, как хочешь.
— А бабулю я как узнаю?
— Она тебя узнает. Мимо неё не пройдёшь.
— Как же она меня узнает, если мимо тысячи людей проходят? Она меня никогда не видела, я её никогда...
— Она видит всех, кто о ней знает. Запомни самое главное — не торгуйся. Деньги нужно отдавать легко, без сожаления, будто долг хорошему человеку возвращаешь.
— И что, после семи дней можно употреблять?
— Нужен ещё папоротник.
— А где же его взять зимой-то?
— Под снегом.
— И что дальше?
— Высуши, разотри ладонями в пыль и высыпь в бутыль, но не забудь при этом...

Дальше я ничего не смог разобрать — диктор объявил, что следующая остановка Немчиновка. Электричка пронеслась над освещённой Кольцевой дорогой, и тут же послышался визг тормозов — мне пора было выходить. Станный разговор двух попутчиков за моей спиной дослушать не удалось, да мне, в общем-то, и так всё было ясно, таинственную, колдовскую науку самогонварения я усвоил давно. За всеми застольями мои напитки выпивают первыми и лишь когда кончается самогонка, гости, скрепя сердце, принимаются за казённое пойло, иначе я эту продукцию назвать не могу.

На следующее утро я снова оказался в Москве, естественно, на Белорусском вокзале, и только подойдя к станции метро, вспомнил про бабулю, о которой вчера таким зловещим шёпотом рассказывал мужичок с клочковатой бородой. Я оглянулся по сторонам, прошёл к мосту, вернулся и увидел, всё-таки увидел существо, которое безучастно смотрело на москвичей, проносящихся мимо в бесконечной своей суете. У ног бабули стояла кошёлка, а в руке она держала маленький пучок чего-то растительного, пучок ничем не напоминающий цветы — корявенькие, сухие веточки.

— Что это? — спросил я.

— Сам знаешь, — она взглянула на меня остро, усмешливо и как бы узнавая, хотя я мог твёрдо сказать, что никогда раньше мы с ней не виделись.

— Багульник? — уточнил я для верности, поскольку и багульника никогда раньше не видел.

— Он самый, — кивнула бабуля. — Семь букетов?

— Семь, — ответил я, хотя эти маленькие метёлки можно было назвать букетами только из великодушия.

Она наклонилась к кошёлке, пошарила там узловатыми своими пальцами и протянула мне семь пучков, перевязанных проволочками в красной изоляции.

— Сколько задолжал? — спросил я.

— А сколько не жалко, — почти игриво ответила бабуля. Вспомнились слова вчерашнего попутчика — не торгуйся. И почему-то показалось, подумалось, вернее, пришла уверенность, что любая купюра, которую я наугад вытащу из кармана, будет уместной. Я так и поступил — нашарил в кармане бумажку и вынул.

Оказалось, пятьсот рублей.

Бабуля взяла её с совершенно невозмутимым видом, сунула в какую-то щель в одежде и снова повернулась к несущейся мимо толпе заспанных, недовольных жизнью москвичей. Но когда я повернулся, чтобы уйти, бабуля меня остановила.

— Не забудь про папоротник. — Она вперила в меня как бы слегка недоверчивый взгляд.

— Какой? — не понял я.

— Из-под снега.

— Так его же ещё найти надо...

— Найдёшь.

На том мы с ней и расстались.

На следующий день, пробегая мимо входа в метро Белорусская-радиальная, бабули я уже не увидел. Может быть, багульник закончился, может, время вышло — бородач предупредил, что бабуля будет на этом месте только три дня.

Надо заметить, что в самогоноварении я человек далеко не последний. В своё время, ещё живя в Украине, я освоил эту науку во всех тонкостях и мог получать очень даже неплохую брагу на основе дрожжей и сахара, из скисших слив, отжатого винограда, мёрзлой картошки и так далее. Верные люди снабдили меня первоклассным инструментом из лучших лабораторий города Днепропетровска, а там этих лабораторий... Видимо-невидимо!

Громадная круглая колба из особо прочного, термостойкого стекла, так называемый холодильник, опять же стеклянная труба со сложной, пузырчатой системой внутри — подарок профессора химико-технологического института, гибкие, эластичные шланги мне раздобыли ребята с авиазаво-

да... Качество исполнения, надёжность, внешний вид самого аппарата делали моё производство не просто гигиеничным, а в полном смысле слова эстетичным — чуть не написал эротичным. Но и это слово было бы уместным, было бы правильным. Занимался я этим противоправным делом в белоснежном, накрахмаленном халате — наш районный хирург, попробовав раз-другой моего зелья, отдарился, чем мог. Говорит, лучше я ещё один срок прохожу в старом халате, но новый вручаю тебе, как выдающемуся мастеру своего дела.

Такие дела, ребята, такие дела.

Всё это должно вас убедить, что разговор, обрывки которого я услышал в электричке, не мог оставить меня равнодушным. После первых же донёсшихся до меня слов я невольно, но устойчиво, как хороший радар, повернул своё ухо в сторону бородатого попутчика.

По глупости и простодушию мне показалось, что я услышал слова, относящиеся к неким особенностям любимого моего дела. Но по прошествии времени, когда случились все эти кошмарные события, я засомневался — о самогонке ли говорили мои случайные попутчики, её ли, родимую, имели в виду, когда шептались за моей спиной? Из каких таких миров они появились, в какие такие миры направлялись...

Тогда эти вопросы мне и в голову не приходили, тогда во мне возникло единственное желание — поразить ребят настойкой, которую они ещё не пробовали.

Поразил.

Можно сказать, наповал.

Во всяком случае, заходят они ко мне теперь гораздо реже, чаще со своей бутылкой, купленной, скорее всего, в соседнем киоске, да приносят водку, или как там её ещё назвать, производства дружественной Осетии. Да, болеют после посиделок, да, выживают с трудом, не все до конца выживают, как, например, зять Юрия Ивановича — Саша.

Расскажу.

Посетила человека слабость — поленился сходить в дальний магазин и купил на ужин бутылку водки в ближнем киоске, на самом соблазнительном перекрёстке установили его некие лица кавказской национальности, как выражаются нынче наши мыслители.

Ну, ладно, купил Саша, зять Юрия Ивановича, выпил её и, можно сказать, помер. Почти помер. На его счастье,

больница была ну просто за забором. Неважная больница, неухоженная, но хороша она была тем, что туда частенько попадали незадачливые любители осетинской водки. Сашу доставили в эту больницу волоком и почти бездыханным. Но

поскольку все врачи, сёстры, вахтёры и даже уборщицы этой больницы уже хорошо знали, что делать с таким пострадавшим, всё от них зависящее сделали.

Выжил Саша.

Не сразу, не на следующий день, лето прошло, пока он выживал, но оклемался мужик, выкарабкался, как мог, с того света, одной ногой уж там был, дохнуло на него холодом, хорошо так дохнуло, убедительно.

Выжил, но умом пошатнулся.

Да, ребята, да.

Сейчас это совсем другой человек, не всех узнаёт, да и его уж мало кто узнать может. Где его безудержный переливчатый смех, где розовые щёчки, сверкающий азартом жизни взгляд, где? Нет у Саши ничего этого. Теперь у него тихий голос, вздрагивающие руки, мелкие шажки и разогнуться он до конца не может, в землю в основном смотрит. Если чего спросишь у него, стесняется, глаза прячет. Рукой так легонько отмахнётся, нашёл, дескать, о чём говорить. Ни о чём он уже не говорит, но глазами смотрит, предметы видит, время суток различает.

Однако, нашёл в себе Саша силы и как-то после полуночи, уже после полуночи, ближе к утру, пробрался неслышной тенью к тому самому киоску и в какую-то щель влил из канистры двадцать литров высококачественного бензина, девяносто восьмого бензина не пожалел Саша на свою затею. А когда канистра опустела, он в ту же щель запихнул свой же недокурный окурочок...

Вы видели в последних известиях из кавказского, опять же, региона, машину, в которой взорвался смертник с десятью килограммами тротила, видели? Так вот, киоск после Сашиного предупреденного поступка представлял собой нечто похожее — обгорелый металл, искорёженный дымящийся остов, гарь и копоть, даже смертник, ребята, даже смертник оказался в наличии — остался кавказец ночевать в своём заведении на случай, если среди ночи кому-то понадобится бутылка осетинской водки. Но самое печальное было в том, что девяносто восьмой бензин так славно поработал, что не осталось ни одной уцелевшей бутылки.

Такие дела.

И всё это некоторым моим гостям, я имею в виду Володю Пашукова, кажется меньшим злом, чем попробовать мою потрясающую настойку на багульнике. Но иногда он всё-таки решается, хвалит, искренне хвалит, хотя и немногословно, потом надолго замолкает, и дозвониться до него невозможно ни по рабочему, ни по домашнему телефону. Даже мобильник,

который нынче, похоже, имеется у каждого первоклассника, не говоря уже о шальных и беспечных десятиклассниках, даже мобильник оказывается намертво заблокированным. Произошли события, в которых я и самому себе не сразу признался, не сразу мог назвать всё своими именами.

Но по порядку.

Вернувшись домой с багульником, я поставил сухонькие корявенькие веточки в литровую банку с водой, втиснул её среди цветочных горшков на подоконник, чтобы та жизнь, которая, возможно, таилась в веточках, смогла поймать хоть немного скудного подмосковного солнца. В ежедневнике ровно через семь дней поставил фломастером красный крест, чтобы не забыть, когда именно мне надо пустить этот багульник в дело.

Для тех, кто разбирается в самогоноварении, могу сказать, что закваска у меня была поставлена чуть ли не за неделю до странной встречи в электричке и к тому моменту, когда на подоконнике появилась банка с багульником, бурление, пыхтение и тяжкие вздохи, которые доносились из выварки с закваскою, замолкли, началось тихое побулькивание. Оно уже не грозило выбросами, извержениями беснующейся массы воды, перемешанной с дрожжами, сахаром и прочими добавками, знать о которых всем вовсе не обязательно.

Время от времени, вспоминая о багульнике, я подходил к окну, отдёргивал штору и всматривался в тот веник, который бабуля с Белорусского вокзала назвала букетом. Действительно, дня через три на веточках возникли чуть заметные выступы, которые лишь при большом желании можно было назвать почками. Прошло ещё несколько дней и, перевернув очередную страницу своего ежедневника, я наткнулся на тот самый красный крест, нанесённый мной с помощью фломастера.

И я опять вспомнил о багульнике.

Подойдя по обыкновению к окну и отдёргнув штору, я чуть не пошатнулся от удивления — тоненькие со спичку веточки какого-то тёмного, неживого цвета были просто усыпаны яркими розовыми цветами с тонкими лепестками необыкновенной красоты и привлекательности. Их обрамляли маленькие жёсткие листики, блестящие сверху и матово-бархатистые снизу. А вот запах, запах цветов был каким-то необычным, точнее будет назвать его нездешним. Чужой, но странно притягивающий запах. Может, африканский, азиатский, может, и не земной даже — и такая мысль мелькнула у меня в тот момент, когда я впервые вдохнул аромат багульника. Потом уже, потом я много раз вспоминал бабулю, её узловатые пальцы и те букетики, которые она дала — был ли это в

самом деле багульник? И каждый раз сам себе отвечал — ох, не багульник это, ох, что-то другое подсунула мне старуха у входа в метро Белорусская-радиальная. И ещё мелькнула мыслишка, опасливая такая, запоздалая — а не специально ли ко мне подсадели те два попутчика в электричке, не для меня ли они и затеяли тогда свой разговор.

Ну, да ладно, продолжим.

К тому времени, когда зацвёл багульник, буду его всё-таки называть багульником, так вот, ко времени его цветения заваска в десятилитровой выварке приобрела необыкновенный золотистый цвет, сделалась полупрозрачной, напоминающей светлый, хорошо выделанный янтарь, с солнечным зайчиком внутри.

Значит, готова, значит, можно приступать к следующему этапу, проще говоря, гнать.

О, ребята, о!

Трепетное сердце самогонщика бьётся в такие моменты радостно и учащённо, он весь в нетерпении, в тревожном ожидании, точь-в-точь как перед первым свиданием — что получится, как сложится, не загубить бы зарождающееся чудо грубым жестом, нехорошим словом, дурными мыслями...

Не всем доступно это чувство, ох, не всем!

Найдутся охайники и злопыхатели, готовые посмеяться над самыми счастливыми моментами жизни самогонщика! Так, наверно, художник наутро отдёргивает полотно от своей картины — что удалось, не удалось? Так фотограф всматривается в проявленную, сырую ещё плёнку, с которой стекает вода! Так врач смотрит на только что рождённого ребёнка — хорош ли вес, рост, жив ли он сам, здорова ли мать...

Взяв лопату с комьями осенней ещё земли, я направился в дальний угол сада, где, как мне помнится, в тенистой сырости всё лето раскачивались круто изогнутые листья папоротника. Да, мне нужен был папоротник из-под снега — об этом говорил попутчик с клочковатой бородой, об этом не забыла напомнить старуха на Белорусском вокзале.

Зима выдалась снежная, снег валил чуть ли не каждый день. Да что там Подмосковье! Вы помните — Африка засыпана снегом, Европа затоплена наводнениями, в благословенной Херсонской области вдруг попёрли подземные воды, наружу попёрли, затапливая дороги и разрушая беззащитные глинобитные дома! Но добрался я до земли, прорыл шурф метра полтора глубиной и увидел, увидел потемневшую за зиму обескровленную листву.

Солнце уже садилось, шурф мой был наполнен закатным светом, но его хватило, чтобы отличить мёртвую крапиву от

мёртвого папоротника. Выбрав несколько стеблей покрупнее, поцелее, я выбросил их наружу, на розовый, светящийся в сумерках снег, и выбрался сам. Солнце уже спряталось за дом соседей Дубовых и легло на крышу дома Рачишкиных.

Чтобы никто из домашних по глупости своей и бестолковости не принял мой папоротник за мусор, занесённый в дом котами, я положил его в недоступном месте — на верху шкафа, подстелив лист ватмана. Да, лист ватмана не пожалел. Не газету же подстилать с её свинцовыми испарениями от типографского шрифта!

К исходу седьмого дня багульник полыхал на подоконнике так, что на него больно было смотреть. Свернувшиеся, высохшие листья папоротника как бы замерли в ожидании, всё у меня было готово к наступлению решительному и победному. Так, наверно, маршал Жуков Георгий Константинович проверял готовность своих армий перед штурмом Берлина.

И я приступил, приступил, ребята, приступил. Когда жена, дети и прочие, не буду их даже перечислять, чтобы не отвлечься от главного, так вот, когда все они, включая котов и отвратительную собаку самого мерзкого вида, которую ещё шенком мне сунула в подземном переходе какая-то тётка, так вот, когда все они разбрелись по углам и заснули спокойным, целебным сном, я приступил.

Надев белый, подхрустывающий на изломах халат, подаренный хирургом Сергеем Николаевичем, я собрал и установил, и довёл до готовности всё своё оборудование... Наслаждаясь, упиваясь касаниями к холодной стеклянной колбе, к струящимся в ладонях шлангам, похищенным на авиационном заводе, когда сквозь стеклянную прозрачную лейку я заливал золотистую жидкость закваски в колбу и водружал её на газовую плиту, и подносил спичку к горелке... Я понял, что счастлив.

Подробно описывать технологию и все радостные моменты этой ночи не буду, иначе у меня не останется ни сил, ни времени сказать о главном. Где-то к трём часам утра закваска моя закончилась, и на столе передо мной стояла трёхлитровая банка с прозрачной, как слеза, продукцией крепостью под шестьдесят. Самогон крепостью ниже пятидесяти пить просто противно, это вам скажет каждый знающий человек. Поэтому я не жлоблюсь, пусть будет его меньше, но качество страдать не должно. Уточняю — само слово «самогон» я по мере возможности стараюсь употреблять как можно реже, поскольку оно как бы осквернено людьми невежественными и злобно-завистливыми. Предложи им выпить — не откажутся, но сколько же в них при этом будет снисхождения,

пренебрежения, какие причудливые гримасы они будут при этом изображать своими мордами, как будут морщить свои носики, простите, свои иссиня-фиолетовые носы, хотя лучше и правильнее их этот нарост на лице назвать рубильником.

Вот так я с ними, вот так.

Дальше шла завершающая стадия, впрочем, её можно назвать заметанием следов преступления. Чего уж там темнить и валять дурака — самогоноварение согласно нашему законодательству есть деяние преступное, а в устах наших мыслителей даже презренное. Но, ребята, поднесите им рюмочку-другую, поднесите, и вы с удивлением обнаружите, что люди они неплохие, что с ними и поговорить можно на разные темы, и анекдот им можно рассказать, и сами они могут кой-чего припомнить из своей не слишком-то нравственной жизни, не слишком, не слишком... А если вы поднесёте им третью, то наверняка расстанетесь друзьями.

Ладно, продолжим.

Единственное, что меня оправдывает в этом противоправном занятии, так это то, что я не торгую своим напитком, и не потому, что так уж богат, всё проще — я не знаю человека, у которого хватило бы денег по достоинству оплатить мою работу.

Да, такая вот гордыня.

И, простите за длинное слово, небезосновательная.

Ополоснув и убрав всё оборудование, выплеснув в унитаз остатки закваски, от которой шёл кисловатый запах обеспеченности, я некоторое время просто любовался зеленоватого стекла банкой, стоявшей посредине небольшого кухонного стола. Любовался молча и даже, может быть, слегка потрясённо. Банка стояла значительно и весомо, она была совершенно прозрачна, в ней играли огоньки электрической лампочки, а главное — в ней таился праздник.

Так мне казалось.

Глупый был, наивный.

В то время для очистки самогона я пользовался марганцем. В этом способе есть некоторые недостатки, но это другой разговор, уже для профессионалов. Так вот, для очистки у меня есть маленькая серебряная ложечка, ни для чего другого я её не использую, это было бы кошунством. Набрав в ложечку порошка, я всыпал его в банку. Жидкость тут же приобрела малиново-свекольный цвет. К утру он потускнеет, сделается глухо-коричневым, а потом, поглотив сивушные масла, марганец осядет на дно чёрным маслянистым слоем.

К вечеру следующего дня я отцедил осадок и получил напиток ещё более прозрачный, но уже без самогонного запаха, который, между прочим, многим нравится.

Теперь предстояло главное, ради чего я всё и затеял, — высыпал в бутылку распустившиеся к тому времени цветы багульника и его окрепшие листья. Потом, ладонями истерев в пыль высохший папоротник, я и этот бурый порошок высыпал в банку.

Как и у каждого настоящего мастера, были у меня ещё некоторые секреты, мною же и открытые, но о них не буду, потому что это всё-таки секреты, а, кроме того, они не имеют значения для тех загадочных событий, которые начались через неделю.

Да, ровно через семь дней, как и советовал обладатель ключковатой бороды в поздней электричке Москва—Звенигород, я снова отцедил через хорошую аптечную вату получившийся напиток и понял, что продукция готова, осталось разлить её по бутылкам — ёмкость ноль семьдесят пять, стекло прозрачное, никаких этикеток, настоящие пробки. Никакой пластмассы, никаких кукурузных початков, свёрнутых в рулончики газетных клочков — это вообще самое страшное, что может встретиться в нашем деле.

И наступил момент, когда я присел к телефону — кого бы пригласить на дегустацию. Из трёх номеров откликнулся один — Володя Пашуков оказался дома.

— У меня всё готово, — сказал я голосом простым и усталым, как может сказать мастер, закончив очередное своё произведение — скрипку, живописное полотно, ювелирное изделие, симфонию, роман, произведение, которое потребовало от него усилий долгих и изнуряющих.

— Иду, — сказал Володя и положил трубку.

Володя жил в большом многоэтажном доме на окраине Немчиновки, и я знал — через полчаса он постучит в дверь. Его не остановит жена Калерия Александровна, не остановят плачущие дети, и даже если в посёлке Немчиновка в это время будут проходить танковые учения, артиллерийские стрельбы и ковровые бомбометания, если будет проходить облава на особо опасную банду, а все улицы и переулки будут перекрыты и блокированы, даже если цунами из Индийского океана дотянется злобными своими волнами до Немчиновки... И даже всё это вместе взятое его не остановит.

Я знал — он постучит в дверь, приоткроет её и, просунув в просвет свою маленькую, сухонькую мордочку, спросит негромким голосом:

— Я не опоздал?

Всё так и получилось — ровно через полчаса раздался стук, дверь приоткрылась, показалась Володина мордочка в круглых очках, и он спросил:

— Я не опоздал?

Уже темнело, синие зимние сумерки становились всё насыщеннее, уличные фонари набирали силу, и в их свете крупные и даже какие-то величавые снежинки медленно опускались на землю и укладывались, укладывались, казалось, в заранее приготовленные для них места. Я вышел на крыльцо, чтобы убедиться, что Володя не забыл закрыть калитку — как обычно, он забыл её закрыть, видимо, торопился, боясь огорчить меня опозданием. Я прошёл к калитке, полюбовался совершенно пустой и нарядной в снегопаде улицей, даже частые Володины следы от дороги к калитке выглядели украшением, они напоминали причудливую заячью вязь. Вроде совсем немного времени прошло с тех пор, как тут пробежал Володя, а следы его прямо на глазах теряли чёткость, сглаживались в снегопаде и, похоже, скоро совсем исчезнут.

Жена моя, узнав, что придёт Володя и всё поняв правильно, подхватила детишек и ушла к соседке на долгие зимние посиделки. У той тоже были детишки, и мне можно было не беспокоиться и терзаться — там не будет скучно.

— Как жизнь? — спросил Володя, присаживаясь к столу.

— Течёт.

— Что на повестке дня?

— Багульник.

— Это хорошо, — одобрил он, ещё не представляя, какие жизненные испытания уготовила ему судьба.

Настойка на багульнике с папоротником действительно оказалась неплохой. Для знающих и понимающих могу сказать, что вкус у настойки получился какой-то странный, растительный — не то запах растёртой в ладонях свежей травы, не то... Даже не решаюсь произнести... Да, ребята, да... Короче — запах сырой земли. Не глубинной, упаси Боже, не могильный, нет — живой, приятной земли, на самой поверхности, пронизанной корешками, листиками, червячками, муравьями... Как бы это сказать... Пришли вы в лес, легли на солнечную полянку, опустили лицо в траву и вдохнули в себя...

Вот так примерно.

И ещё одно...

Напиток давал хороший, качественный хмель. Поясню... Водка даёт дурь и аппетит. И всё. Виски я отношу к нечестным напиткам — количество выпитого и результат почти никогда не совпадают, от ста граммов можно рухнуть, от двухсот можно ничего не почувствовать. Водка, несмотря на все свои недостатки, которые обычно проявляются к утру, напиток честный, тем она и привлекает многомиллионные массы жаждающих хоть ненадолго уйти в параллельный мир. Вина,

особенно домашние, это вообще нечто непредсказуемое — могут отняться ноги, может затылок взорваться от дикой боли, может прийти ощущение, что по вашей груди в данный момент проезжает наполненный булыжниками грузовик, и стоило ему въехать задним своим колесом на вашу грудь, как мотор заглох. От домашнего красненького случается иногда и кое-что более кошмарное.

Качественный хмель может дать добросовестно изготовленная чача, болгарская или чешская сливовица, не ракия, нет, храни вас Господь! Именно сливовица! Сирийская анисовая водка, несмотря на отвратность вкуса, работает неплохо. Китайская водка даёт приличный хмель, но только в том случае, если у вас хватит мужества её проглотить. Мексиканская текила тоже хороша, но уж больно дорогая, почти недоступная. Но что делать, что делать, она стоит этих денег, стоит, ребята.

Возникает вопрос — а что такое хороший хмель?

В меру своего разумения и как человек, не чуждый этой области человеческой культуры, попытаюсь произвести нечто внятное... Хороший хмель — это когда забываешь о всех своих болячках и болях, как нравственных, так и физических, когда начинаешь верить, да что там верить, приходит уверенность, что люди, с которыми сидишь за одним столом, не просто хорошие ребята, это потрясающие ребята, а сам ты молод, влюблён и хорош собой! И весь мир, и все его проблемы тебе понятны и доступны, будто он, этот мир, уместился на твоей ладони. А если и возникает в этой жизни что-то неразрешимое, то только потому, что президенты, премьеры, шейхи, мать их за ногу! Ленятся позвонить тебе и посоветоваться, как им быть дальше!

А сам ты можешь всё!

Можешь написать обалденные стихи, можешь, не поперхнувшись, съесть ненавистного начальника, можешь победно приударить за первой красавицей квартала, и никуда ей, бедной, не деться, нигде ей, обречённой, не спастись от твоего всёсокрушающего обаяния, остроумия, от рук твоих и глаз твоих, гори всё синим огнём!

В полном смысле слова, ребята, в полном смысле слова — синим огнём! Как сказал поэт, достигнув такого же примерно состояния — «Твой нестерпимо синий, твой нестеровский взор!» Нестеров — это художник такой был, хороший, между прочим, художник.

В общем, вы понимаете, как мы посидели с Володей, какого уровня счастья достигли. Обсудили подробно цунами на Украине, оранжевую революцию в Индийском океане, бе-

зыходность отдыха на Коктебельском море — по вине красавицы из тамошних мест, которая, несмотря на все мои прелести и достоинства, пренебрегает, пренебрегает, пренебрегает!

Горько до слёз, до слёз, ребята...

Бывает.

Чтобы уж действительно не доводить себя до слёз, мы с моим гостем расстались. Провожать Володю я не стал, просто довёл до двери, распахнул её, выглянул с крыльца наружу — снег кончился. Стояла глубокая ночь, и круглая луна висела в небе вызывающе и бестолково. Цвет её мне показался несколько странным — она была белая. Так иногда случается зимой, особенно, когда луна в зените, если, конечно, она бывает в зените. После настойки из багульника я могу в чём-то и ошибаться.

На прощание я похлопал Володю по спине, пожал его тёплую, узкую, почти лягушачью ладошку и, заперев за ним дверь, отправился спать.

События начались утром.

Позвонил Володя.

— Старик! — заорал он в трубку. — Ты не представляешь, что со мной было этой ночью!

— А что с тобой было? — спросил я, с удивлением ощущая в теле непривычную лёгкость и, как бы это выразиться точнее... Здоровье. Да, моё состояние несколько не соответствовало количеству выпитого накануне — я прекрасно помню, что одну бутылку мы всё-таки закончили, а ко второй едва успели прикоснуться. Пришла жена с детишками, и в результате некоторые проблемы человечества остались нерешёнными.

— Представляешь, — Володя почему-то перешёл на шёпот, — стоило мне спуститься с крыльца, какая-то сила подхватила меня, и понесла, понесла прямо над дорогой, над заборами, иногда даже, как мне показалось, я поднимался над домами! Представляешь?!

— С трудом, — сказал я.

— Я не вру! — вскричал Володя тонким голосом. — Я не вру, Витя! Верь мне!

— Ветра вроде не было...

— Какой ветер?! Это была сила совершенно мне незнакомая... И ещё... — он замолчал.

— Ну?

— Это... Я слышу голоса.

— За окном?

— Во мне, Витя, — сказал Володя сдавленным голосом.

— Так, — протянул я. — Наверно, мы всё-таки напрасно открыли вторую бутылку.

— Думаешь, дело в этом? — с надеждой в голосе спросил Володя.

— А в чём же ещё?

— Это не белая горячка, Витя.

— А какая?

— Это совсем другое. Голоса разные, но это... Дело говорят. И, знаешь, я их узнаю.

— Мы вчера немного поговорили о параллельных мирах... Равиль предупреждал, и Фатима с ним согласна...

— Какие миры, Витя! Какие миры! Я со своей бабой, с Калерией не могу разобраться! Её голос во мне не затихает!

— Она уже проснулась?

— Калерия уже два часа на работе!

— Звонит?

— Изнутри её голос! — простонал Володя. — Из моего нутра!

— И что говорит?

— Критикует, — упавшим голосом проговорил Володя.

— По делу?

— Она всегда по делу... Что делать, Витя? Скажи, что делать?

— Приходи, у меня ещё осталось...

— А знаешь, приду, — помолчав, решительно сказал Володя и положил трубку.

Что-то смутило меня в словах вчерашнего собутыльника, и сам, ещё не зная зачем, я оделся и вышел на крыльцо. И только спустившись по ступенькам, понял, зачем я здесь — мне нужно было увидеть Володины следы от крыльца к калитке.

Ребята, их не было.

Снег, выпавший вечером снег, которым я любовался ночью под круглой, белой луной, был нетронут. Ни единого следа, ни самой малой вмятины на девственно чистой поверхности снега. Правда, в сторону соседнего участка следы были — это прошла поздним вечером моя жена с детишками, она к соседке ходила напрямик, не выходя на дорогу. И она, и детишки утром тоже шли через соседний участок, опять же минуя дорогу, так было удобнее, короче. К калитке мог идти только Володя, у него и не было другого пути — на дорогу, налево и домой.

— Так, — сказал я, потому что ничего больше мне в голову не пришло. — Так...

С трудом отодвинув калиткой свежий слой снега, я убедился в том, что и к дороге тоже следов не было.

— Как же он вышел? — пробормотал я вслух. — Как же он оказался на дороге? Не по воздуху же, в конце концов... Неужели в самом деле неведомая сила подхватила его и пронесла над ночной Немчиновкой? До сих пор за Володиной такой не наблюдалось... Так, — повторил я и вернулся в дом.

Жена уже была на работе, детишки в школе, и я без помех подготовился к приходу Володи. А что там готовиться — убрать со стола всё лишнее и поставить на стол всё необходимое. На это ушло пять минут, я протёр стол, протёр рюмки, достал из холодильника начатую вчера бутылку с настойкой, убедился, что у нас остался ещё кусок холодца, хрен в баночке, да и хлеб, если срезать подсохшую корку, был вполне пригоден к употреблению.

«Конечно, я прекрасно понимаю, что ты думаешь, за кого принимаешь, какие слова обо мне произносишь соседкам», — обратился я к жене — мысленно, ребята, мысленно! Я часто к ней обращаюсь мысленно, сам и отвечаю за неё, вступаю в спор, естественно, в этом споре неизменно одерживаю верх, ведь говорю я и за себя, и за неё. Как и все мы, в общем-то, как и все мы, ребята!

«А тут и думать нечего, — услышал я, хотя нет, не услышал, я почувствовал в себе её слова. — Пьяница ты, Витя, законченный пьяница. Спиваешься, Витя, прямо на глазах».

Ребята, я не произносил этих слов, они прозвучали, вернее, возникли во мне сами по себе. Это не мои слова, не думаю я о себе так плохо, так безнадежно. Эти слова прозвучали даже не в ушах и не в голове! Они прозвучали, простите за грубое слово, как бы в душе.

— Да ладно тебе, — вслух произнёс я, пытаюсь убедить себя в том, что я из великодушия проговорил о себе столь суровые слова, зная наверняка, что они несправедливы, но почему бы мне и не подурчиться от хорошего настроения, хорошего самочувствия. А как я уже говорил, чувствовал себя в это утро прекрасно, гораздо лучше, чем можно было ожидать.

«Ничего и не ладно, — возникли во мне внятные и горькие слова жены. — Отшил бы ты уже этого придурка, не понимаю, что ты в нём нашёл, что вас связывает, кроме этих идиотских застолий?»

«Это что, Володя придурок?» — подумал я с гневом.

«А кто же он? Придурок и халявщик. Скажи ему, что у тебя есть что выпить, и через десять минут он уже на нашем крыльце будет снег с ботинок обметать».

Это были не мои слова, это были не слова моей жены Людмилы, она подобного себе никогда не позволяла, она всегда к Володе относилась с большим уважением, отмечая его начи-

танность и хорошее воспитание. Видимо, с ней что-то произошло, если она так нехорошо заговорила о Володе... А что с ней могло произойти?

«Ладно, прекратим этот бессмысленный спор», — подумал я строго и даже мысленно брови сдвинул к переносице.

«Что, Володя, наверно, пришёл?», — усмешливо спросила жена, вернее прозвучал во мне её усмешливый голос.

«Не любишь ты меня, ох, не любишь!» — попытался я шуткой закончить этот разговор. Опять же мысленно, не забывайте, ребята, мысленно.

«А за что, Витя? — печально прозвучало во мне. — Хочешь честно? У меня действительно мало чего к тебе осталось... Как-то незаметно выветрилось, испарилось, исчезло».

«Ну, хоть что-то осталось?!» — вскричал я молча.

«А тебе уже достаточно и малого?» — на этот раз в её голосе чувствовалась слеза.

«Господи! Ну не могу же я ни о чём не думать!» — взмолился я в полной панике.

«А ты давно уже ни о чём не думаешь, — безжалостно прозвенел её голос в наступившей во мне тишине. — Кроме одного... Ты знаешь, что я имею в виду».

В окне, на фоне слепяще-белого снега мелькнуло что-то тёмное, движущееся. Я всмотрелся — это был Володя. Он торопился, часто перебирал ногами, похоже, состояние у него было ничуть не лучше моего. Я бросился к двери, выскочил на крыльцо и всё-таки успел вовремя, Володя только притворил за собой калитку. Мне нужно было увидеть нечто важное — оставляет ли он следы на снегу.

Я облегчённо перевёл дух — на снегу чётко отпечатывались его узенькие остроносые туфельки. Значит, неведомые силы подхватили его не навсегда, они только вчера с ним немного пошалили, когда весь он был во власти моей настойки.

— Привет, старик, — сказал он и тихонько прошмыгнул мимо меня в дом, словно опасаясь посмотреть в глаза, словно знал не то про себя, не то про меня нечто такое, о чём говорить можно не сразу, не походя, и уж, конечно, не на крыльце. Если вообще об этом можно говорить.

Когда я, заперев калитку и дверь, вернулся в дом, Володя сидел уже за столом и, подперев щёки кулачками, смотрел на меня как маленькая обезьянка из клетки — с какой-то мудрой печалью, вернее, печальной мудростью, будто что-то открылось ему, или что-то перед ним разверзлось.

— Садись, старик, — сказал он. — Разговор есть.

— И у меня кое-что есть, — я кивнул в сторону бутылки посередине стола.

— Это хорошо, — кивнул Володя, не видя бутылки, не слыша меня. Я понял — он откликнулся просто на звуки моего голоса — есть, дескать, здесь живое существо, и уже слава Богу. — Я это... Вчера... Когда от тебя вышел... Вес потерял.

— В обществе?

— В природе. А когда протрезвел, вес вернулся.

— Это со многими бывает, когда люди за ум берутся, когда с выпивкой завязывают...

— Я на потолке спал, — сказал Володя обречённо.

— Жена видела?

— Да.

— И что сказала?

— Совсем, говорит, умом тронулся, совсем одурел мужик. А ты где спал?

— Не помню. У меня простынь с резинкой по краю... Может, я под неё забрался, и меня не подняло.

— Это всё багульник... Я с утра прочитал про него в энциклопедии. За ним такое водится, о нём такое мнение... Если хочешь знать, его в противобазах собирают, чтобы умом не повредиться.

— Знаю.

— Потолок — это фигня, Витя... Есть кое-что покрепче, есть кое-что пострашнее.

— Голоса? — спросил я, уже догадываясь, какая неожиданность подстерегала Володю этим утром.

— Да, — кивнул он. — Значит, и тебе это знакомо... В общем, так, старик... Всё рушится, всё рушится, всё рушится. Понимаешь, что началось... Когда моя Калерия ушла на службу, я начал к тебе собираться, чтобы поделиться, рассказать, как вечером домой добирался... Ну, сам понимаешь... Ищу носки и не могу найти. И у меня вырвалось, произвольно, без зла, просто чтобы что-то произнести. И я сказал, не вслух даже, Витя, не вслух! Про себя! Внутрь, как бы... «И куда эта стерва носки подевала!» Так я подумал... И вдруг слышу её голос... Представляешь? Причём, не звуки, я чувствую, что она этих слов не произносила, и я услышал её слова не ушами, Витя, не ушами! Они возникли во мне без участия органов речи и органов слуха! Я внятно выражаюсь?

— Вполне. И что же она сказала?

— Она говорит... «В комод, в нижнем ящике... А что касается стервы, то пусть это останется на твоей совести, дорогой. Сочтёмся славою», — последние слова она вроде бы, как бы хмыкнула, понимаешь, с усмешечкой такой недоброй. А я ещё не врубился, я всё думаю, что беседую с ней так... Ну как бы тебе объяснить...

— Мысленно, — подсказал я.

— Во-во! Мысленно. Мы же все так тихонько бормочем про себя, материмся, с кем-то там отношения выясняем, начальство посылаем на все буквы алфавита... Со мной это частенько случается, а если я ещё и рюмочку пропущу... То я, можно сказать, сам с собой и не замолкаю. Это у меня уже как бы и норма.

— Как и у всех нас, — кивнул я, разливая настойку по стопкам. Володя смотрел на льющуюся жидкость почти с ужасом, но не остановил меня, не отставил свою стопку в сторону, он просто заворожённо смотрел на чуть зеленоватый напиток, да, он почему-то получился слегка зеленоватым, будто я настаивал его на молодой весенней травке.

— Так вот, направляюсь я к комоду, — продолжал Володя, — выдвигаю нижний ящик и вижу родимые свои носки. И говорю так негромко, скорее даже с благодарностью, чем с гневом... Почти вслух... А может быть вообще только подумал... Но слова были такие... «У, изменщица коварная!». Витя...

— Ну?

— Витя, и она мне отвечает... Невесело так, без вызова или гонора бабьего... «А что, говорит, Володя, мне остаётся... Ты сам меня к этому подтолкнул. У тебя одни забавы, — это она на выпивку намекает, — у меня другие», — это уже она про блуд свой подлый и бесстыжий.

— Так, — откликнулся я, совершенно не представляя, что ещё можно сказать Володе.

— Витя, я обошёл всю квартиру — может, думаю, где прячется и из своего уголка глупости мне всякие свои выдаёт. Нигде никого. Звоню на работу — Калерия на месте. Голос, однако, невесёлый, будто она и в самом деле со мной вот так поговорила... Понимаешь, что произошло... Сама того не желая, она тайну свою похотливую и открыла.

— Ну почему сразу уж и похотливую, — возразил я. — Влюбилась, наверно. Женщина молодая, красивая, можно сказать, вся из себя... Дай Бог ей здоровья и счастья. — Я поднял свою стопку.

— А, знаешь, выпью! — решительно сказал Володя. — А то у меня эта способность уже сошла на нет. Я слуду утром кофе выпил. И протрезвел. И тут же все голоса во мне и смолкли. Представляешь? Даже обидно стало, немота наступила.

— Ещё поговорить хочешь?

— Хочу. Понимаешь... Ведь мы же с ней-то, с Калерией, по душам, считай, и не говорили ни разу... А тут такой случай... Как упустить? Может, другого такого и не представится...

Знаешь, Витя, я и тебе советую. Ведь что получается, — маленькие обезьяньи глазки Володи действительно горели синим пламенем, — вроде и сказал всё, что наболело, выплеснулся, она тоже... Ведь правду мы говорим, правду! Её здесь нет, меня там нет, вроде и разговора между нами никакого не произошло, а всё сказано, открылись мы друг дружке! Я же тебе не всё сказал, о чём мы говорили, мы же всё припомним, все напряжения меж нами сняли... Нам с Калерией теперь жить будет легко! Ведь мой голос в ней звучал, как её собственная совесть, и наоборот — её голос, это моя совесть во мне заговорила... Говорю ей, что, дескать, про ребёночка намекала... А она мне — не будет ребёночка. «Почему?» — спрашиваю. «Я не была уверена, что он твой, а чужого не хочу», — «Чей же он?!» — уже ору я не сдерживаясь, внутрь ору, в себя! — Ну?

— «А тебе-то что до этого», — отвечает она мне. Как жить дальше, Витя? Как? С одной стороны, вроде легче стало, обьяснились, можно сказать... А с другой? Кто выдержит такую правду? И на фиг она мне, такая правда?! На фиг?!

— Тебе больше нельзя, — сказал я, пытаюсь отодвинуть стопку от Володи.

— Нет, я ещё один вопрос ей не задал... Я хочу спросить — кто же этот хмырь, который в нашей с ней жизни завёлся?

— А зачем? Всё испортишь... Ты его иначе отбей.

— Как?!

— Делом.

— Каким делом?!

— Срамным.

Я никогда не думал, что Володя может так покраснеть. Покраснел. Сквозь его седоватую щетину вдруг проступил такой яростный румянец, что мне даже стало неловко за интимный свой совет.

— Ладно, — сказал я, — давай по глоточку. — Может, ещё чего друг дружке скажете, может, чего весёлого припомните... Мне с моей тоже не мешало бы кое о чём поговорить.

— Во! — вскричал Володя. — И правильно, старик, и правильно! Только так! Только вперёд!

Мы бестолково чокнулись, чуть выплеснув драгоценную влагу на пальцы, но Володя даже не заметил этого, а мне было её не жалко — бутылочка у меня в подвале ещё оставалась. Мне ещё со столькими людьми поговорить надо, со столькими ребятами отношения прояснить, а с одним хорошим человеком я так завяз, вернее, мы так завязли, что без потусторонних сил нам не разобраться, не сойтись, не разбежаться.

Так бывает, ребята, так бывает.

А сказать всё в глаза духу не хватает. Да и потом в другом деле — самые заветные и трепетные слова, произнесённые вслух, иначе звучат, иначе понимаются. А когда вроде сам с собой, со своей совестью — чего уж тут лукавить, чего дурака валять... Наверно, что-то случилось с нами, с людьми — даже когда в глаза смотрим, не верим, подвоха ждём, подлЯнки опасаемся, а когда чего-то долго опасаясь, обязательно дождёмся.

Хороший хмель мы в то утро с Володей поймали, никакая сливовица, никакая текила не сравнятся. Убедились — есть ещё силы в этом мире, нами не освоенные, а впрочем, в нас же эти силы и заложены, вызвать их только надо, поверить в них... И Равиль всегда говорит — всё изначально в человеке, а если и ждут нас ещё какие-то великие открытия, то не в дальних мирах, нет, в нас же самих.

Бутылочку мы в тот день, конечно, закончили, чего уж там темнить, и словно поговорили со многими ребятами, и с женщинами поговорили, с которыми никогда бы не решились вслух, кого-то простили, кто-то нас простил...

Незаметно прошёл день, наступил вечер, снова взошла луна, почти такая же круглая, как и в прошлый вечер, почти такая же белая... Володя привычно полетел к себе домой. Пролетая над крышей дома Рачишкиных, приветственно помаhal мне рукой, и как-то жутковато трепетали на ветру полы его коротенькой тощеватой курточки — по пьянке он забыл застегнуть её. А я спустился в подвал убедиться, что бутылочка с настойкой багульника стоит в укромном уголке в целостности и сохранности.

Но оплошал, видимо, выпили мы с Володей маленько лишнего. Да, ребята, да, пошатнулся я и неловким движением столкнул бутылку на пол. Ну что сказать — раскололась бутылочка, пол в подвале был выложен половинками кирпича. В щели между кирпичами и ушла колдовская настойка.

— Надо же, — пробормотал я почти без сожаления.

Теперь этот год пройдёт в ожидании новой весны, когда у входа в метро станции Белорусская-радиальная снова на несколько дней появится бабуля с пучками сухоньких, корявеньких веточек багульника. Не упустить бы, не забыть бы в суете нервной и бестолковой.

Дай Бог ей здоровья!

МИТИНО СЧАСТЬЕ

РАССКАЗ

После обеда пролился короткий дождь. За последнее время небо успело впитать в себя столько цветочной пыльцы, что сейчас, возвращаясь на землю, она отдавала и свой аромат и оставляла на лужах желтые ободки. Пустые тучи быстро растрясло ветром; трясогузка запела, засуетились зяблики и синички. «Всегда бы так, — Митя стоял у окна. — А то зарядит на всю неделю, и, кажется, что дождь половину лета отъел».

— Мам, подкатить коляску к окну? — подошел к матери. Но та уснула, свесив голову на плечо. Тяжелый узел волос распустился, упав за спину.

«Жива ли?» — В тысячный раз Митя представил, что матери нет! Осторожно склонился над ней: мать дышала. Каждую ночь он вот так подходил и пугался, что она умерла или не спит, увидит его... «Подумает, что жду ее смерти...» И он садился к журнальному столику, брал сигарету: «Если не спит, скажу, что пришел покурить». В настороженной тиши при свете слабого ночника, каких только мыслей не лезло в голову!

ПРОЗА

Страстно хотелось, чтобы кто-нибудь засмеялся, запел возле дома, но нет, именно в эти моменты все настораживалось даже на улице.

Мать страдала ногами. Застудила еще в лагерной зоне. Периодически болезнь обострялась, и тогда Полина Федоровна устраивала спектакли: обзванивала знакомых, требуя немедленно идти к ней, ибо вот-вот умрет. Никто не спешил, кроме наивной Варвары Григорьевны, — та шла по первому зову. Таким же наивным был Митя. Он днями сидел возле матери, не зная, чем угодить ей, и она, в «крайней степени слабости», хвалила его: «Раньше я для тебя старалась, а теперь вот ты для меня, старухи». Она была далеко не старой, но морщины у рта и прожженные «Примой» зубы, старили и уродовали ее лицо.

Митя на цыпочках отошел от коляски: пусть мать поспит, во сне люди набираются сил. Но как было жаль видеть ее беспомощной, видеть седые, а некогда русые волосы, которые в детстве он так любил! Они спали в одной кровати, и маленький Митя зарывался лицом в длинные пряди, дыша родным материнским запахом. А потом разлюбил... — когда мать рассказала, что муж целовал сперва ее косы, а потом уже губы. Что-то нечистоплотное было в этих словах, и Митя перебрался на кровать к бабушке.

Вскоро мать осенило обратиться к престарелому Брежневу, чтобы мужа, отбывавшего лагерный срок, выпустили досрочно; и маленький Митя писал под ее диктовку — жалостно, раболепно, хотя отца ни разу не видел. Ответ Брежнева пришел через год, читала вся школа — мать почему-то притащила туда. Митя учился уже в третьем классе. По телеграмме из Воркуты мать полетела к мужу, и Митя на десять лет остался с бабушкой Катей. «От дура-то Полька, от дура! — не понимала бабушка. — Отсидела за этого гада, и снова сядет!»

В комнате было свежо, пахло крапивой — Митя специально не вырубал ее под окном. Не вырубал и сирень — большой уже куст, заслонявший свет. Но так красиво куст раскидывал ветви, такой аромат веял от каждой сиреновой звездочки в пору цветения, что с недостатком света можно было мириться.

— Митька! — внезапно вскрикнула мать. — Захлопни раму!

Митя подошел к ней.

— Дождик пролился, пока ты спала. Хочешь, пледом накрою?

— Я ему слово, он мне пятнадцать! Захлопни, тебе говорю! — Мать дотянулась до сигарет, закурила, положив пе-

пельницу себе на колени. — Готова курица? Все еще нет? Ну и сволочь же ты!

Некоторое время Митя стоял, как будто не понимая, потом руки и ноги его начали выгибаться, он сделал движение губами что-то сказать, но сел на пол и заплакал: «Сколько ты, сколько будешь меня шпынять? За что же, за что? Не прошу, никогда не прошу!» У него начинался припадок, и мать испугалась.

— Митька, вставай! — хрипло потребовала. — Ну, что я тебе такого сказала? Успокойся, давай... Митя, ну, Митя...

Он не слышал, он был уже там, в высокой каморке с узким окошком под потолком. Крысы бежали: одна, другая...

— А-аааа! — заорал он, как орал, четырехлетний, в детдоме. За любую провинность его запирали в каморку, где бегали крысы, а он поначалу думал, что белки, и пытался их гладить.

— Ну, Митька-а, — заревела и мать, — ну «Скорую», что ли, вызвать?...

Припадок на этот раз кончился быстро. Митя поднялся, ноги уже не болтались. Захотелось срочно уйти из дома, все равно куда, но уйти, убежать! Он захлопнул окно, и, не взглянув на мать, вышел. В их доме был магазин. Митя купил бутылку вина, попросив у продавцов пластмассовый стакан. Тут же и выпил. И дальше не помнил, почему оказался на площади, затем в узле связи. Люди смотрели на него кто с жалостью, кто с любопытством, а он, взрослый мужчина, заливался слезами и подвывал:

— Боженька мой! Боженька миленький! Боженька!..

Он родился в лагерной зоне, откуда через два года отправили в детский дом. Тихую нянечку помнил: это она говорила, что крысы не белки и гладить крысу нельзя. Помнил нестерпимых к нему воспитателей, когда заболел, и стало сводить руки и ноги. Помнил, как чем-то детей обкормили, пятеро умерли, а он почему-то остался жив. Красные туфельки помнил — мать привезла; она уже отработала после зоны полгода, получив справку о добросовестном поведении, имела право забрать ребенка.

«Лучше бы умер, — впоследствии думал Митя. — Не видел бы ее бесконечных мужей. Как стелилась она перед ними! Все равно ни один не остался, нашли себе в жены не зэчек».

Мать запила, пропадала у пьяниц-подружек, а он искал ее, плакал, и если все-таки находил, она пряталась. «Мама, ты здесь, мама, я знаю!» — кричал он, захлебываясь обидой. Она появлялась — покрашенная, чужая, противная. И Митя уже не знал, хочет ли он, чтобы мать возвращалась домой, или пусть остается здесь.

Потом она подалась в Воркуту, обещала забрать туда Митю, но снова с отцом попали под суд: он за махровое воровство, она за укравательство краденого.

— Боженька, боженька...

Люди смотрели на Митю с брезгливой опаской, отходили с дороги и долго оглядывались.

Редактор не удивился его появлению. Они были знакомы давно, и в критические моменты Митя шел прямо к нему, порой даже ночью: пищал домофон, и Виктор Степанович вставал с постели. Едва выговаривая слова, теряя буквы, отчего получалась бессмыслица, Митя садился в прихожей на пол. Его отпаивали пустырником, затем вызывали такси и отправляли домой.

— Что, что случилось опять? — поднялся он с кресла.

— Розовая рубашка... Длинная, — начал объяснять Митя. — Он брал меня к себе на колени. Он теплый, добрый... Он меня пожалел. Никто не жалел... Я камушки мыл ниже дома, где бабушка. Речка там, я мыл, чтобы сесть... Как горько я плакал! И Он! Рядом совсем, не на небе... На чем Он сидел? Я вспомню, постойте... Мать моя в детстве тоже камушки мыла, она мне рассказывала...

Рабочий день подходил к концу. Пришел сторож. Виктор Степанович уложил Митю на диване в бытовке.

— Если будет булгачить, не обращайтесь внимания, — наказал сторожу. — Дайте воды. Не вздумайте «скорую» вызывать, сразу отправят в психушку.

Сторож кивнул. Однако Митя спокойно проспал до утра.

Утром редактор пришел на работу пораньше, разбудил Митю. Митя с трудом приходил в себя. На душе было гадко.

— Виктор Степанович, я, наверно, кричал вчера, мать обзывал... Как стыдно!

— Да нет, не ругался, только пьяный был сильно. Зачем ты пьешь, если нельзя?

Митя потупился.

— Сам до дома дойдешь или мне проводить?

Оттого, что он не ругался, и стыдиться, выходит, нечего, Митя воспрянул духом.

— Дойду, вы больше не беспокойтесь, я и так вам столько хлопот причиняю... Не обижайтесь, пожалуйста. Про книжку забыл, я верну, я уже прочитал. Хорошая. До середины... Дальше у автора отслоилась душа. Сразу же свет потерялся. Неоткуда ему... И слово погибло, мне уже не на что было ответить. Черный квадрат... Может, не зря с ним носятся? Может, ему недолго уже до полной победы?

Редактор с удивлением слушал.

— Митя, — сказал он, когда тот умолк, — мне дали билет на поездку в Зеленогорский монастырь, но я не могу, дела. Автобус в десять часов от площади, ты успеешь. Поесть что-нибудь захвати, долго пробудете.

— В монастырь? — встрепенулся Митя. — Я сам туда собирался. Помолиться мне надо.

— А в нашей-то церкви?

— Нет.

Редактор подумал, что Митя прав: новые церкви отталкивают людей. Он и сам был единственный раз в своей церкви, а больше не может. У распятия лежал коричневый череп! Зачем? Ему потом объясняли, что это символ бренности плоти и бессмертия духа, но он не хотел понимать, ему было страшно. Череп как будто толкал к могиле: иди, на том свете гораздо лучше. Неужели Ему это надо? И когда Виктор Степанович шел из храма, так и не помолившись, наткнулся на «мемориальные плиты» с именами, отчествами, фамилиями благодетелей. Стыдно было и омерзительно, и так же страшно, как перед черепом. Ему ли не знать, что на строительство церкви они жертвовали не из своего кармана. А тех, кто действительно жертвовал, с кого вычитали с зарплат, протоирей забыл сразу при освещении храма. Капсула с обращением к потомкам, вмурованная в одну из стен... Кто подписывал обращение? Все те же фиктивные благодетели. Как уместить это в душе, в голове? Как смочь принять?..

— И ныне много таких, всяк июда, иже льстит и обманывает, любя тленные вещи и серебро паче души своей, — процитировал он Аввакума.

— К чему вы это? — не понял Митя.

— Так... по мыслям пришлось.

Явилась Лидочка, бывшая Митина одноклассница. Стройная, деловитая. Сказала, что хочет подправить вчерашнюю статью.

— Тоже в монастырь едешь? — спросил ее Митя.

— Угу.

— Мне Виктор Степанович свой билет подарил.

— Отлично! — улыбнулась она.

Лидочкина улыбка, словно теплой ладошкой тронула Митю: ласково стало, приветливо. Он в третьем классе влюбился в Лидочку — когда лежали в больнице: Митя в отдельном «боксе», Лидочка в общей палате. Она приходила к нему, успокаивала, если кричал, читала «Дюймовочку». А в школе потом помогала справляться с уроками.

— Ты не голодный? — спросила Лидочка. — Тут в холодильнике есть кое-что, можно позавтракать.

— Нет, не хочу. К матери надо, оставил одну.

— Как она у тебя?

— До слез вчера довела, напился. Противный я был? Ты видела? Стыдно пить, стыдно плакать...

— Пьется — пей. Плачется — плач.

Редактор, нахмурившись, взял Митю под руку и проводил до входной двери.

— Иди, собирайся, а то опоздаешь.

Митя жил близко отсюда. У подъезда столкнулся с Варварой Григорьевной: оказалось, что мать вчера ей звонила, и Варвара Григорьевна ночевала у них. У Мити отлегло от сердца: больная была под присмотром. Но когда он вошел в квартиру, мать принялась стонать:

— В кресле спала. Некому на диван уложить. Жалости в тебе нет, змей подколодный. Всю жизнь на тебя угробила, ведра с бетоном таскала, чтобы кормить тебя шоколадом! Погоди-ии, и тебе придется в коляску сесть!

— Мам, да хватит придуриваться, — Митя направился к шкафу с одеждой. — В монастырь еду. Виктор Степанович свой билет отдал. За бабушку помолюсь, чтобы ей на том свете хорошо было, за тебя помолюсь, чтобы скорей выздоровела, за всех добрых людей помолюсь.

Мать растерялась.

— Свечку поставь, не забудь... Погоди-ка, уложи меня на диван. — И дальше уже заботилась, чтобы Митя помылся, побрился и надел на себя все свежее. — Ты бы поел, — напомнила. Но он спешил.

«Икарус» уже стоял, когда Митя подошел к площади. Посадки не было, и люди толпились рядом, негромко переговариваясь, припоминая недавнюю телепередачу: известная оперная певица пела «Аве Мария» в Зеленогорском храме. Рядом с ней, полукружием, стояли губернские чиновники во главе с губернатором — слушали. Голос певицы был тихий, проникновенный. Камера оператора медленно передвигала объектив от иконы к иконе, перемещалась на фрески, которые располагались под куполом и были сильно повреждены.

— Как руки-то поднимались рушить такое богатство? — говорила секретарша редакции. — Дед мне рассказывал, что в молодости, проезжая мимо, ему казалось, что храм по небу плывет: «Белый. На зеленой горе. Под голубым небом...»

— Даст бог, всё восстановят.

— А концерты устраивать в церкви — грех!

Митя слушал вполуха, выглядывая Лидочку. «Может, она у двери?» — протиснулся ближе. Но там стояла группа учителей, ведя разговоры тоже о монастыре.

— Денег хватило бы у народа. Три года вычитают с зарплат, и попробуй ты откажись. А какая у нас зарплата? Но главное, ни один частник не раскошелился. Никто с них не требует.

— Да дело не в деньгах, отдавали бы с радостью, — зачем принудилровка? Скорее, скорее восстановить монастырь! Как будто не будет завтра.

Митя тоже вносил свою лепту в Зеленогорский храм: добровольно перечислял из своей инвалидной пенсии по сто двести рублей. Он представлял, что храм будет схожим с той церковью, куда однажды попал случайно. Сосед взял его на рыбалку, и в верховье реки у самого берега Митя увидел белоснежную церковь со светло-зелеными куполами. Стояла она на пригорке, обнесенная невысокой оградой с резными каменными воротами, возле ограды бродили козы. Что-то настолько родное, кроткое, утерянное когда-то открылось для Мити, что он попросил рыбаков причалить, и все вместе они пошли по тропинке вверх. В церкви шла служба, стройно пели старушки, большое паникадило освещало внутреннее убранство. Митю поразило множество стертой уже позолоты: иконостас, оклады икон, завитки на паникадиле; даже свечи, казалось, горели в позолоченных подсвечниках.

Они с рыбаками стояли, охваченные странным и теплым чувством: словно каждый из них уже был здесь, и теперь вспоминал, узнавал почерневшие медальоны на стенах, строгие лики святых. Бабушка Митю в детстве крестила, но больше он не был в церкви и даже не помнил, где его крестик, а тут — упал на колени, и, не зная, как это получилось, крестился истово и горячо.

Когда они вышли, местный рыбак рассказал, что построена церковь еще при Петре Великом, ни разу не осквернялась, у батюшки шестнадцать детей, так что войдешь в его дом — обувь, обувь в сенях... И Митя, слушая о батюшке, думал, что в этом и святость — в чистоте, а значит, и в правде.

Лидочка прибежала, когда уже все садились в автобус. Шлепнулась у окна в левом ряду, Митя сел рядом. К несчастью, через проход от него оказалась географичка, когда-то учившая их, — скучная глупая женщина. У нее на уроках ребята играли в карты, читали посторонние книги, и, окончив десятилетку, никто из них так и не знал географии. Даже не помнили имени-отчества географички, а если заходил о ней разговор, то попросту называли «которая с крокодилом». Из года в год и из класса в класс она, рассказывая о Миссисипи, присовокупляла байку про какого-то белого богача, заканчивая патетически: «И белого богача съели крокодилы!»

Увидев Митю, географичка мгновенно в него вцепилась:
— И ты в монастырь? Тебе-то что делать? Четыре часа бу-
дем в пути, тебе не выдержать.

«Спокойно, спокойно, — стал уговаривать себя Митя, по-
нимая, что это только начало, что шипки будут до самой Зе-
леной горы. Лидочка тоже нахмурилась, ожидая какой-ни-
будь колкости, вроде той, которую высказала географичка
три года назад: «Как это ты, со строительным техникумом и
вдруг — журналистка? В газете должны работать люди с выс-
шим образованием». Лидочка не нашлась, что ответить. Поз-
же, возвращаясь к словам глупой женщины, она с досадой
подумала: «Плебейка! Только бы высшее образование, хоть
то же строительное, — но высшее!»

Выручил Лидочку с Митей шофер автобуса, включив маг-
нитофон. Под убойную музыку певица, как собака, брехала
сороговоркой:

*Я, любя, искусаю тебя до крови,
Так, что утром не отыщешь следы.
Я убью тебя, так и знай!
Бойся, бойся мои глаза!*

— Да убери ты к черту эту заразу! — заорали шоферу из
первых кресел.

Тогда он включил телевизор. Видеофильм оказался не со-
всем глупым, хоть и состряпан был на скорую руку, — смот-
рели почти с удовольствием. В конце он и вовсе заставил за-
думаться. Главный герой поначалу отличался жестокостью,
но вдруг захотел исправиться и при помощи психиатра сде-
лался очень добрым. Однако же доброта оказалась ему во
вред: его бесстыдно обманывали, обворовывали, его прези-
рали — именно те, кого так недавно он считал своими друзь-
ями.

— Вот, вот, — повернулась Лидочка к Мите. — Люди не
понимают добра. Очевидно, от вечной жизни под палкой.

Митя вздохнул:

— Бабушка говорила, что мать моя с девяти до шестнадца-
ти лет пела в церкви. Ей там платили. Жили они очень бедно,
ее деньги были подспорьем. А когда вышла замуж и загреме-
ла в зону, все братья от нее отвернулись. Никто не приходит.
Только племянник не забывает — пьют вместе.

Фильм кончился. Стало тихо. Автобус шуршал колесами,
и под его монотонный шорох Митя закрыл глаза. Снилось
ему или припоминалось в той странной временной отвлечен-
ности, когда работает мозг, но организм отдыхает? Площадь,

обнесенная теремами, мужчины в собольих шапках, женщины в отороченных куницами шугаях, под ногами грязь... Ходят, присматриваются к товарам на широких прилавках. Ткани, тяжелые книги с металлическими застежками, с чем-то мешки... Митя очнулся.

«Может, я жил в то время? — пронзила мысль. — Какой это век? Похоже, семнадцатый. Кем я был среди тех, на площади? А если действительно был, то почему я не узнал себя?»

— Митя, смотри, — отвлекла его Лидочка. «Икарус», как громадная гусеница, полз меж пшеничных полей, поднимаясь все выше и выше. Колосья пшеницы сменяли цветущие травы, затем появились кусты, и дальше, когда добрались до вершины, роскошно раскинулся липовый лес! Автобус остановился. Монастырь был выше автобусной остановки и предстал во всей своей громаде и величии, несмотря на то, что стены еще не были заново оштукатурены, а старая штукатурка почти вся обвалилась, обнажая красный кирпич и нащепки раствора. Долго стояли, глядя на это изувеченное, некогда редкостной красоты строение.

Их встречал монах. Для начала провел в церковную лавку, где продавались крестики, свечи, иконки, церковные книги, а наособицу — простенькая брошюрка «История Зеленогорского монастыря». Самодельная, плохо обрезанная, она стоила двести рублей — как Псалтырь с роскошным тиснением. Но покупали, чтобы узнать историю храма. Лидочка тоже купила, а Митя не стал — слишком уж отдавало коммерцией. Дальше монах проводил их к большому столу под липами. Сели перекусить.

Митя не взял из дома продукты. Ушел к святому источнику. Хорошо ему было у серебристого родничка под медовыми сенями. Легкий и свежий воздух, жужжание пчел, внизу виднелось большое село и поля, — всё было мирно, приветливо и как-то особенно дорого.

— Чего убежал? — подошла к нему Лидочка. — Пошли к столу!

— Да ты посмотри, как чудесно вокруг! Лечь бы и слушать райские голоса.

— Не отговаривайся, сочинитель!

— Давай посидим немножко? Как на речке у моей бабушки.

— Угу. Будем веточки «серебрянки» опускать в воду и часами смотреть на пузырьки воздуха на листочках. Пошли обедать!

Митя неохотно поднялся.

За столом было так же приветливо, как и у родника. И такое же кружево тени от лип, и полет трудолюбивых пчел...

Мимо проходили монахи и рабочие, кланялись обедавшим, они приподнимались и тоже кланялись. Неподалеку строилось здание для хозяйственных нужд, там же стояли домики в полтора этажа, с цветниками, без оградений. Миром, теплом человеческим веяло отовсюду.

Митя подумал вслух:

— Как бы мы все-то так жили!

Монах-проводатый стал поторапливать — ему проводить экскурсию. Двинулись к храму. Три огромных колокола стояли возле него. Монах объяснил, что их скоро поднимут.

Митя экскурсии не захотел — что-то мирское, суетное вторгалось в это святое место, и само слово «экскурсия» царапало сердце.

— Я в храм, помолюсь, — сказал Лидочке.

— А крестик у тебя есть? — откуда-то вынырнула географичка.

— Я крещеный, — тихо ответил Митя.

— Без крестика тебя не впустят!

— Да что здесь — капэпэ? Крестик, как пропуск, предъявляют при входе? — вскипела Лидочка. Географичка даже попятилась от неожиданности.

Митя вошел в храм, поражаясь его размерами и пустотой. Побитый кирпич на стенах (было известно, что в храме монахи отстреливались от большевиков). «Неужели это от пуль пробоины? — Митя сжался. — Здесь люди стреляли в людей?! И к р о в ь лилась на эти старые плиты? Господи, отчего же нельзя, чтобы тьма не мешала нам жить? Крушим, ненавидим и успокоимся, видно, только тогда, когда злоба всех разорвет на части. Господи, спаси и помилуй!»

Он встал у распятия, зажег свечу. Молиться не мог, отвлекался на стены в пробоинах, на мысли о перестрелке монахов с большевиками, на гулкую пустоту. Пытался сосредоточиться, но... почему-то припомнилось, как однажды в редакции заговорили о роскоши храмов. Кто-то был против, кто-то, наоборот. Защитники роскоши говорили, что было бы странно убрать из Большого театра бархат и золото, покрасить полы и поставить обычные стулья.

— Человек никогда не отталкивал красоту!

Но те, кто успел побывать за границей, увидеть полупустую внутренность костелов, послушать орган, восставали:

— Всё у нас не как у людей. Там сидят, а мы целую службу стоим на ногах. Там все просто, а нам подавайте убранство! Там орган, а у нас старые бабки поют.

И вот сейчас Митя чувствовал, как не хватает ему наполненности, чтобы душа в один миг вобрала в себя все, ощутив

теплоту и уют, и больше не отвлекалась. И то, что Митя стоял — было естественным, ведь даже тогда, на речке у бабушки, маленький Митя вскочил перед Ним!

Митя пристально начал смотреть на пламя свечи. Оно увеличивалось, расплывалось, стало казаться, что пламя желанно отстраняет его от всего постороннего... Но служка, наблюдавший за Митей, подошел и коснулся его руки:

— Вам не надо справить потребу по больному?

Митя вздрогнул. Отрицательно мотнул головой.

— А по усопшему?

— Нет, спасибо.

«Спасибо», которое Митя готовил для Бога, он отдал бесцеремонному служке; отдал сухо, как в канцелярии. Больше здесь незачем было быть.

Он вернулся к святому источнику. Там несколько женщин набирали воду в канистры. Митя поморщился: «Тут бы с ладоней пить, умыться, творя молитву, а они как у бензokolонки». Схватился, что нужен крестик, прошел на автобусную площадку, оттуда в церковную лавку и выбрал самый простенький, алюминиевый.

Ожидая, когда народ вернется с экскурсии, побрел в лесок, прилег возле липы. Так же ласково с неба сияло солнце, каждая скорченная былинка рвалась распрямиться, но для Мити уже многое тут померкло. И лишь в мыслях, вдали, ниже дома, где жила бабушка и протекала речушка в десять шагов, да еще в церкви, где был с рыбаками, оставался незамутненный свет. «Нельзя ждать отдачи, ничего не вкладывая», — размышлял Митя, вспоминая рассказ местного рыбака. Священник той церкви безуспешно просил у колхоза выковать крест на купол: старый уже изржавел. И когда уже вовсе отчаялся, то пришел со старушками к председателю, старушки запели во славу Господню, а батюшка встал на колени. «Председатель потом говорил, что готов был сгореть со стыда! Крест сделали очень быстро», — закончил рыбак.

А что же здесь? Почему не стыдятся продавать брошюрку за двести рублей? Почему не стыдятся отвлекать тебя от молитвы? И не с того ли святую воду, как из-под крана, тут равнодушно набирают в канистры?»

Митя вдруг вспомнил, что после молебна тогда звонил колокол, и облако распростерлось над церковью православным крестом. Облако двигалось, расширялось, и перекладинки обратились в лебединые крылья, изогнутые в полет.

Послышались голоса, Митя понял, что народ возвратился к автобусу. Когда подошел, водитель автобуса возмущенно говорил:

— Всем миром деньги собираем на восстановление монастыря, а Господь — храни только нашего губернатора.

— Ты видел? — спросила Лидочка Митю.

— Что?

— Чеканку на колоколах. «Храни Господь Геннадия Игумнова».

— «Не творите милостыни вашей перед людьми с тем, чтобы они видели вас», — взывала секретарша редакции.

— Да кому что докажешь? — фыркнул школьный физрук. — Провел вокруг храма, и — по сто рублей с каждого. Ни стыда, ни совести.

— У кого? — ничего не понимал Митя.

— У монаха, который экскурсию вел.

Митя отодвинулся в сторону. Обида за поруганные чувства чередовалась в нем с гневом. Стараясь быть незамеченным, он подошел к церковной лавке и там, на дощечку возле окошка, положил купленный крестик: «Не надо мне от вас ничего». Горько было! Так горько, что закапали слезы. «Господи!.. Тебя отсюда прогнали...»

К автобусу подтянулись и те, кто ходил помолиться; вид у них был смущенный. Только женщина в красной накидке, совсем неуместной в такую жару, вдохновенно вздымала руки и громко кричала:

— Под купов через окно говуби заветави, когда Эвевина пева «Аве Мария»! Она мне звонива в повном восторге: «Чудо, Чудо! Говубей Бог посывав!» — Женщина не выговаривала «л».

— Что она там кричит? — насторожился физрук.

— Да оперная примадонна, что пела здесь, ее дальняя родственница.

— А-а...

Назад ехали молча. Женщина в красной накидке пыталась что-то сказать, но, не увидев слушателей, осеклась. Магнитофон и видео шофер не включал, ехали в тишине, смотрели в окна и думали каждый свое.

Но вот вечернее солнце стало окрашивать небо розовым цветом, мягче стали предметы за окнами, и кое-кто начал поглядывать на часы, забывая экскурсию, вспоминая о доме и необходимых делах.

Лидочка, словно очнувшись, повернулась к Мите:

— Митя!.. Колокола не зря стоят на земле. Их отлили неправильно, голосовые частоты не совпадают с теми, какие приняты Церковью. Мне монашек сказал, который на стройке работает. Все три колокола будут переплавлены. А пока переплавят, пока суд да дело, Игумнова сменит другой гу-

бернатор: незачем будет чеканить «храни Господь...» Митя! Ложь имеет свойство потешаться над своими хозяевами! — Лидочка засмеялась.

От ее легкого тихого смеха, который, было件ятно, вызван долгим раздумьем, у Мити сначала просветлело лицо, потом свободным стало все тело, зажатое на Зеленой горе — ведь гора-то всё та же, и липовый лес, и поле пшеницы, и пчелы, и родничок! Там только случайно явились чуждые люди, и непременно исчезнут, как исчезали и все, осквернявшие русские храмы, разрушавшие их. А гордые стены до последнего камня будут хранить тот священный дух, который заложен в них. Всё можно разрушить и переделать, но дух никому не подвластен! И Мите казалось уже, что сегодня стоял он среди массы народа самых разных эпох, самых разных сословий, и все они были — православная Русь. И свечи горели, и сияла вокруг позолота, и пели старушки на клиросе, священник помахивал ароматным кадилом, а Митя молился за бабушку, молился за мать, молился и плакал от счастья.

ПРОВИНЦИЯ ОТЕЧЕСТВА

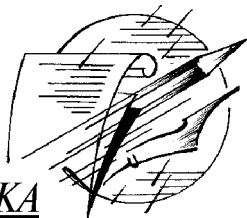
ОЧЕРКИ РУССКОЙ ЖИЗНИ

ЛЁД ТРОНУЛСЯ?

И не было бы в этой творческой встрече ничего необыкновенного, если бы не проходила она в... налоговой службе.

Надо сказать, что в последние несколько лет поэтов на встречи с читающей и не очень публикой приглашают всё реже. Во всяком случае, в нашей области. И дело дошло до того, что уже любое внимание к поэзии, к стихам можно считать исключительным. Тем более, если проявлено оно не в какой-нибудь «гуманитарной» организации типа библиотеки, школы или сельского клуба, а в управлении Федеральной налоговой службы по Липецкой области...

Видимо, там решили, что Год культуры обязывает. И организовали для своих сотрудников встречу с двумя поэтессами. Приглашаемую сторону представляли мы с Аллой Линёвой. Все хлопоты по проведению вечера взял на себя Совет по патриотическому воспитанию УФНС. Правда, секретарь Совета Людмила Левина, непосредственно проводившая встречу, призна-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

лась: опасения по поводу «явки» сотрудников на поэтическое мероприятие были.

Во-первых, работы у налоговиков хоть отбавляй, а тут «какие-то» стихи. Во-вторых, в силу специфики своего труда люди они скорее прозаического склада, нежели поэтического. Однако и Год культуры не шуточки, а инициатива президента страны. Надо соответствовать. И в налоговой службе объявили лирическую паузу, предпочтя всем другим искусствам именно поэтическое слово.

Впрочем, на творческой встрече звучали не только стихи — о любви, судьбе, о Родине нашей России. Мы рассказывали о своем творческом пути, знакомили с изданными — в основном за свой счет — книгами.

Кстати, большой зал управления был полон. И публика, несмотря на долготное отлучение людей от поэзии, проявляла безусловный интерес и к стихам, и к нашим творческим «лабораториям».

Во всяком случае, практически никто не ушел, а уже и по окончании встречи сотрудники подходили с вопросами, интересовались, как создаются поэтические строки, насколько они биографичны...

Вроде бы, лёд тронулся: не спортивные манежи, как в 60-е годы прошлого столетия, не Дворцы культуры и даже не парки, но актовые залы поэты собирают. Одно плохо: пока слишком редки такие приглашения. И каждое выступление перед трудовым коллективом учреждения или, тем паче, предприятия можно считать событием чуть ли не областного масштаба.

Отрадно, что принимающей стороной не было предпринято попыток превратить встречу в шоу, тусовку или игрище, как это сейчас принято при обрамлении мало-мальски серьезных мероприятий.

В том же парке и даже в библиотеке бояться посвятить время Слову, книге, полагая, что избалованный, а вернее, развращенный телевидением народ проигнорирует чисто литературное «собрание». И «топят» поэзию, литературу в музыке, в бардовской песне, в скоморошьях представлениях, организуют в «помощь» писателям танцевальные и эстрадные коллективы. Если речь о книгах, то это «библиотусовка», или «квест», или еще что-то в этом роде. Если культурное мероприятие, то «не больше одного стихотворения!» Если фестиваль поэзии, то лишь в пристежке к гитаре, к туристам, к спортсменам, ярмаркам и выставкам.

В итоге не происходит ни приобщения молодых к чтению, к книге, ни собственного культурного общения, ибо всё опять

выстраивается по шаблонам шоу: развлекать, увеселять, забавлять, но никак не развивать, не формировать вкусы, не укреплять нравственность и духовность.

Кстати, вечер поэзии в управлении налоговой службы области прошел неожиданно тепло, камерно, искренно. Планировали на час, а не расходились почти два. Публика была разновозрастная, и мужчин тоже хватало. Это важно: когда-то поэзия больше привлекала чувствительных барышень и престарелых дамочек. Но зато потом она стала уделом «агитаторов-горлопанов». Потом ею «завладели» тихие лирики. А потом ее словно бы и не осталось. Но теперь на фоне войн и революций, митингов и референдумов, расстрелов и пожаров, олимпиад и иных катаклизмов люди слушают и читают стихи.

Такие творческие встречи, помимо всего, нужны еще и для того, чтобы убедиться: Слово, Поэзия по-прежнему пробуждают души, даже если их «владельцы» в своей повседневной деятельности очень далеки от лирики и ничем не проявляют своего к ней отношения. Да они просто о нем не знают: стихи в их жизни «не случаются». Сделать так, чтобы они «случались», наша задача...

БОЛЬШАЯ ВОЙНА «МАЛОГО ОХОТНИКА»

— Сегодня у меня радостный день! — приветствовал гостей на пороге своего дома фронтовик Иван Евстратов. — Нечасто так бывает, чтобы тебя начальство целовало...

Ну, насчет начальства — это он, конечно, пошутил. Соцработники, учителя, журналисты — люди невеликие. Особенно по нашим временам. А что обнимали и целовали — так это правда. День-то радостным оказался не только для Ивана Никифоровича, но и для его гостей: немного их уже осталось, настоящих фронтовиков. И встречи с ними как праздник, который запоминается надолго...

Да и вообще Иван Евстратов человек редкостный. Мало того, что он стоит на пороге своего 90-летия, так уже и в детстве удивлял окружающих своими способностями, упорством и сообразительностью. Причем память у него поразительная, столько всего он в ней хранит и пестует.

— Все у нас в семье крестьянского роду-племени, — рассказывает Иван Никифорович, — но в трудное для Отечества время становились воинами.

И не только: чтобы прокормить семью, отец Вани Евстратова, как и многие другие крестьяне тогдашней России, работал на шахтах Донбасса. Под землей на добыче угля в 1929 году он и погиб, осиротив двоих ребятишек.

Ване было тогда пять лет, и он стал единственным, хоть и маленьким мужичком в доме и опорой маме, безграмотной труженице-крестьянке, только-только родившей крохотную доченьку. Жили скудно, голодно, вспоминает Иван Никифорович, не было одежды и обуви, к тому же детей нещадно трепала малярия. Но, несмотря ни на что, парнишка рос впечатлительным и склонным к творчеству, много читал.

Прочитав однажды книгу о художнике Айвазовском, который начинал рисовать углем, он тоже пошел по его стопам. И преуспел в рисовании так, что в школе только диву давались: откуда у парня такой талант... А когда он учился в седьмом классе, его работы углем и простым карандашом были отосланы в Курск на олимпиаду детского творчества.

Почему в Курск? А потому что родное село Малиновая Поляна в окружении таких же «певучих» Полян — Вислой, Большой, а еще была и Красная — с 1934 года входило в состав Курской области. Лишь в 1954 году этот край станет частью новообразованной Липецкой области. Но до этого времени было еще далеко...

С замиранием сердца ехал курский парнишка, крестьянский сын, на подведение итогов олимпиады. Он впервые увидел тогда паровоз, железную дорогу, большой город. И так застеснялся в просторном здании, куда попал, своей простецкой одежонки — латаных-перелатаных штанов, рубашки, сшитой из полотенец, отцовских галош, — что забился на какой-то дальний пыльный подоконник и сидел, сжавшись в комок и надеясь, что о нем никто не вспомнит.

Однако вспомнили. И нашли. Правда, тамошний заместитель начальника облоно никак не хотел поверить, что этот худенький деревенский мальчишка, который и в живописи вряд ли что понимает, может так хорошо рисовать.

Тогда Ваня сообразил — и быстро набросал пальцем на пыльном стекле профиль этого «дядьки». И чиновник был сражен.

Но первое место на олимпиаде отдали тогда другому участнику, сыну известного в области художника. Ваня занял второе место. Но зато ему подарили настоящую форму учащегося школы ФЗО — брюки, рубашку, ботинки. С обувью, однако, произошел казус: Ваня ни за что не хотел расставаться с калошами — это была память об отце. Поэтому его переодели, а ботинки дали с собой.

А еще ему подарили краски, бумагу, дали денег на обратную дорогу, а самое главное — оформили направление на учебу в Московское училище живописи, ваяния и зодчества. А через десять дней началась война.

Об учебе нечего было и думать. Председатель колхоза направил его на... коноплю: тогда колхоз специализировался на ее выращивании. Из конопли производили веревки, ткали полотно. Это была очень востребованная культура. И хлопот с ней хватало. Ваня смастерил поблизости шалаш, и после работы, не чувствуя усталости и разбитости, рисовал новыми красками.

Ну а осенью его и еще двоих ребят из села направили в город Шахты: как раз туда, где погиб отец. Отучившись в ФЗО, парнишка начал работать в городе Дзержинске, в шахте 11/12, на глубине 700 метров крепильщиком — обкладывал породу, чтобы она не обвалилась.

Работа была выматывающая, там Иван полюбил песню про коногона — того самого, которого «несли с разбитой головой». Нам эта песня известна как песня про танкиста, где уже «молодого лейтенанта несут с пробитой головой». Впрочем, про кого только не переделывали эту песню, и всем она подходила в те-то времена, когда и война, и труд каторжный, и враг наступает...

В шахте потерял Иван своего друга Мишу: порода загорелась, и на того упала вентиляционная труба. А Ване повезло: его рисовальные способности оценил мастер дядя Коля Степаненко («Як же ты гарно малюешь!..») и даже хотел его... усыновить.

Нет, отказался парнишка, которого ждала мама в деревне, где росли его младшие братья и сестры, а отчим воевал на фронте. Но мастер с женой поселили его в своем доме, кормили галушками, поощряли занятия рисованием: на фоне сегодняшних событий на Украине это кажется неправдоподобным. Но это было, было, уверяет Иван Никифорович со слезами на глазах...

Но недолго длилось это относительное благополучие: фашисты подступали. Чтобы не оказаться под немцем, они с другом собрали походные узелки с хлебом-солью, одеждой, Иван упаковал свои эскизы — лица, улицы, кукурузное поле, жанровые зарисовки: рисовал всё, что видел, — и пошли они на станцию Кривой Торец. А там, кроме воинского эшелона, ничего. Втихаря от кочегара нырнули они в паровоз, спрятались в бункере с углем — и поехали: прощай, шахтёрский городок...

Так попали они в самое пекло — под Харьков, где шли жестокие бои. Это потом они узнали, что на станции Изюм паровоз готовились отцеплять, а тогда они просто выскользнули из него с полотенцем и мылом, чтобы на станции помыться. Беззаботность тогдашнюю можно объяснить только

юностью. К тому же в бункере с углем они превратились в негров, и без смеха не могли друг на друга глядеть. А тут бомбежка, в воздухе звеньями — немецкие самолёты...

Был день, стала ночь, рассказывает Иван Никифорович. Аж рельсы срывало, вагоны падали, всё горело — и куда они бежали, Бог весть. Очнулись: вокруг тишина, впереди степь, а в руках полотенце и кусок мыла.

Радуюсь тому, что живы, брели они до тех пор, пока не вышли на одинокий хутор. Там и узнали, что впереди фронт, а им нужно в обратную сторону. Правдами и неправдами добрались ребята до Воронежа, и осенью 42-го вернулись, наконец, в свою Малиновую Поляну. Вскоре Ивана Евстратова призвали в армию.

— Только в 1942 году вместе со мной получили повестки около 400 моих земляков. А домой по Б.-Полянскому сельсовету вернулись чуть больше половины. Сегодня я единственный фронтовик на три села...

Думал ли он о своей исключительности, о своем художественном даре, когда медицинская комиссия определяла его на пригодность к службе? Нет, он по-мальчишески радовался тому, что один из всех (!) попал на флот.

Мы не отказывались, не напрашивались, а дело свое делали, говорит он о своём поколении. И это отсутствие показушности, бравады, хвальбы особенно подкупает в нем, скромном деревенском человеке, крестьянском сыне, который в трудное для Отечества время стал воином, защитником Родины.

С августа 42-го по апрель 43-го учился он в морской школе в Энгельсе, которую окончил с отличием. Хотел на Черное море, вспоминает он: ведь там жил его кумир в живописи Айвазовский. Но ребята уговорили на Балтийский флот, где оказался Иван Евстратов в отдельной артиллерийской батарее Ладожской военной флотилии. Служил сигнальщиком.

Героическая Ладожская флотилия всю Великую Отечественную войну спасала Ленинград: эвакуировала людей из блокадного города, поставляла туда припасы. Именно корабли Ладожской военной флотилии протянули по дну озера 43-километровый бронированный кабель, благодаря которому взятый в клещи Ленинград получил связь с внешним миром.

Военнослужащие Ладожской флотилии проложили, а потом обслуживали автомобильную дорогу через ладожский лёд, ту самую легендарную Дорогу жизни, спасшую миллионы ленинградцев. После прорыва блокады Ленинграда 18 января 1943 года «флотилия жизни», как ее стали называть,

продолжала снабжать город продуктами питания и всем необходимым для жизни, поддерживала сухопутные армии.

За 1943 год, когда Иван Евстратов уже служил в ее составе, флотилия провела 23 боя против кораблей противника, участвовала в разведывательных операциях, перебрасывала войска для освобождения Ленинграда.

Когда в январе 1944 года блокада города была полностью снята, а перевозки по Ладожскому озеру прекратились, моряки продолжали службу по охране Ладожского побережья.

— 18 финских дивизий на шее сидели! — эмоционально восклицает старый моряк Иван Евстратов.

В это время флотилия тралила мины на озере и Неве, защищала Ленинград от авиации противника, сама наносила удары по прибрежным базам финнов. В сентябре, наконец, было подписано перемирие с Финляндией, и морские части переведены в Ленинград.

До сих пор не может спокойно рассказывать Иван Никифорович о том, как выглядели ленинградцы: одни глаза, и все как старички. Невозможно было различить, мальчики ли, девочки, взрослые ли люди.

После освобождения Ленинграда Ивану Евстратову довелось участвовать в массовых захоронениях умерших на Пискаревском кладбище. Моряки обходили дом за домом, квартиру за квартирой, машинами вывозя погибших от голода ленинградцев к месту их последнего упокоения. Даже один день такой «работы», вспоминает Иван Никифорович, давался тяжелее, чем самый тяжелый бой. Но впереди у моряка было еще много испытаний.

В ноябре 44-го Ивана Евстратова перевели служить в первый дивизион морских охотников за подводными лодками противника, приписанный к заново сформированной Либавской военно-морской базе. Это были малые морские охотничьи суда, по прозвищу «Мóшки» («малые охотники»). Малые-то малые, но вражьи подводные лодки, воевавшие против наших кораблей, они топили, как большие!

Эти «Мóшки» были замечательными судами, с воодушевлением рассказывает Иван Никифорович. Корпуса их строились из первосортной сосны и имели хорошую живучесть, а водонепроницаемые отсеки делали их практически непотопляемыми.

Бензиновые моторы ГАМ-34БС обеспечивали катеру высокую скорость хода, после получения приказа он буквально срывался с места. Основное вооружение — глубинные бомбы, плюс две пушки (носовая и бортовая) и два зенитных

пулемета. Для поиска подводных лодок «Мбшка» была снабжена гидроакустической станцией.

Неуязвимые для торпед, благодаря малой осадке, небольшим размерам и маневренности, эти корабли предназначались для действий против вражеских подводных лодок в прибрежных районах. Выходя в море, ни команда, ни командир не знали задания, конверт вскрывался в заданной точке в море. А услышав «Обнаружен движущийся предмет!», команда начинала привычную и спорую работу...

Кроме борьбы с финскими и немецкими подлодками, «Мбшки» занимались охраной конвоев, эскортом наших подлодок, высадкой десантов.

— 28 января 1945 года с нашим участием был взят Мемель (Клайпеда), — рассказывает Иван Никифорович, — оттуда с боями на своих «охотниках» мы дошли до Кенигсберга.

Куршская коса, Померанская бухта... Ветерану есть что поведать молодым, впрочем, и всем нам, ибо поколение воввавших стремительно истаивает. И надо записывать каждое слово участников Великой Отечественной, которые и знают, и помнят, как это было. Договорились, что члены добровольческого отряда запишут все воспоминания морского охотника Евстратова, чтобы оставить их будущим поколениям.

...Почти полгода Иван Никифорович тогда не покидал корабля: сойти с него даже на приколе моряки не имели права, это приравнивалось к дезертирству. 30 апреля 45-го корабль возвратился в Либаву на базу, чтобы в очередной раз принять боезапас и горючее. Там и пришла к ним весть о Победе.

Ранен Иван Евстратов был неоднократно, но легко, Бог миловал. Силы и здоровье восстанавливал среди боевых друзей-моряков, а то и на посту. Среди многих наград самые дорогие — медаль «За боевые заслуги» и медаль имени адмирала Ушакова, которой матросы и солдаты награждались за доблесть и мужество, проявленные в морских боях.

А еще особо дорожит он памятной благодарностью за освобождение города Мемеля, объявленной ему Приказом Верховного Главнокомандующего Генералиссимуса Советского Союза И. Сталина.

Особую роль в судьбе краснофлотца Евстратова сыграла... стенная газета, которую он выпустил в ознаменование Победы. Его заметило руководство и перевело служить в штаб Либавской военно-морской базы, откуда он через два с половиной года, отказавшись от карьеры морского офицера, на которого ему предлагали учиться, демобилизовался.

Чтобы поступить в институт искусств имени Надежды Крупской: ведь он всю войну и после нее рисовал!

Более того: к тому времени он уже был заочно (!) расписан с любимой женщиной, с которой познакомился в отпуске на своей малой родине. Узнав, что она ждет ребенка, он отправил по почте листок из удостоверения для постановки штампа о браке и дал свое на то согласие. Чтобы она не сомневалась — любит, вернется. Самое удивительное, что их действительно расписали. И возвращался он домой уже к законной жене.

Брак был долгим и счастливым, хотя искушения отправиться в большое плавание у Ивана Никифоровича были. Он получил отличное образование. Работал в Москве. Потом ему поступило хорошее предложение поработать в оборонной промышленности, и семь с половиной лет он уже с семьей прожил в Подмоскowie.

Но супруга Антонина Яковлевна тянулась домой, в свою теперь уже Липецкую область. Да найдем мы тебе в Москве и жену, и жильё, говаривали ему смышленные люди. Он и тогда был, и сейчас уверен: семейная крепость важнее всего. Еще Киров утверждал, вспоминает он, что крепость семейного быта — это крепость государства. Если мы побросаем свои семьи — распадется государство, уверен старый моряк. И в своей семье свято хранил устои русского семейного устройства.

В 1957 году вернулись они в Малиновую Поляну. Жена работала учителем начальных классов, он преподавал черчение, рисование. Они вырастили, выучили, поставили на ноги двоих сыновей.

Лучший рисовальщик области, как его называют, он не только своими руками построил дом для своей семьи, но и много сил уложил на строительство новой школы, подготовку молодых кадров для отчего края. Гордится также тем, что двое его учеников стали профессиональными художниками.

Почетный гражданин района, ветеран педагогического труда, он и в мирной, сухопутной жизни не сдавал родных рубежей. И в долгом разговоре старался вспомнить как можно больше добрых хороших людей, которые встречались ему в жизни: начиная с мастера дяди Коли в шахте и кончая нынешним руководством района, области. Особо отмечая соцработников, помогающих в его нынешнем одиночестве — супруга и один из сыновей уже покинули наш мир — одолевать трудности быта.

Самобытный талантливый русский человек, истый патриот своей Родины, сердечно переживающий за сегодняш-

ний ее день, верный друг и добрый семьянин, воин и трудяга, православный христианин и привязанный к своей земле, деревне крестьянин. Лучшего примера для воспитания патриотизма и любви к Родине и придумать нельзя.

ОТРЯД SOS

— Мы такие разные! — восклицает руководительница елецких волонтеров Алена Ковершина, рассказывая о своем отряде.

— И это нас объединяет! — пошутил один из ее сподвижников. Так родился девиз отряда «SOS».

Честно говоря, поначалу идея ближе познакомиться с елецким добровольчеством не слишком вдохновила. Слишком уж часто благие намерения подобных молодежных организаций остаются на бумаге, а в реальности все их громкие дела оборачиваются большим шумом из ничего. Помнится, как участники небольшого субботника у стен одной из липецких больниц организаторы «добровольческой акции» предложили называть... героями.

Но елецкий отряд меня умилил. Студенты Елецкого государственного университета имени Бунина, на базе которого и создан волонтерский отряд, были преисполнены такой наивной решимости переделать все дела в доме местной жительницы Нины Гостилиной, так огорчались, что непогода помешала расчистить двор, вынести оттуда весь мусор и хлам, скопившиеся за зиму, что их даже стало жаль.

Зато улучили время поговорить. Почему отряд называется «SOS»? Да это не «Спасите наши души», а «Содружество отзывчивых сердец», объяснили мне. Те пятеро, что были у Нины Васильевны, все с факультета педагогики и методики начального образования, специализируются на организации работы с молодежью.

Объединились они осенью прошлого года и уже сумели выиграть грант во Всероссийском конкурсе социальных проектов. На что потратят деньги? Во-первых, на костюмы. Нет, не на выходные с блестящими лацканами. И не на форменные со знаками отличия отряда. А на обычные... сказочные.

Оказалось, что ребята дают костюмированные представления детям, прикованным к инвалидным коляскам, в дни их рождения. Сценарий сочиняют сами. И шьют костюмы, из чего Бог пошлет. А хочется и самим постараться, чтобы костюмы были яркими и запоминающимися.

Деньги гранта (а там всего-то 50 тысяч рублей) пойдут так-

же и на подарки тем подопечным, которые особо нуждаются в социальной, общественной поддержке.

Впрочем, планов, задумок у ребят громадье. Хотя их самих в отряде пока около 30 человек. Но к трудам добровольцев на социальном фронте присматриваются многие юноши и девушки, причем не только студенты. Всего же в Ельце уже три таких отряда — они есть еще в двух технических училищах. Иногда они уже работают все вместе. К примеру, организовали большой концерт в Елецком доме-интернате для престарелых и инвалидов, где проживают более полутысячи человек. Еще проводят субботники — в парках, на старых кладбищах, воинских захоронениях.

И это та самая молодежь, которую мы упрекаем в пассивности и несостоятельности? в бездушии и эгоизме? в приверженности к вредным привычкам и легкомысленным увлечениям — танцам, игрищам? Молодежь, которую мы якобы потеряли? Как бы не так!

Это телевизор посмотришь — все сплошь пьяницы, наркоманы, хулиганы, туеядцы и бандиты: о них все передачи, хроники, масса сериалов. А вот выедешь даже за пределы липецкого «кольца» — и обнаружишь совсем другую молодежь. А маргиналы, которых нам выдают на ТВ за российское будущее, это только часть нашего общества. Большая и требующая лечения.

Будущее России всё-таки в руках тех молодых, которые успешно учатся, трудятся, занимаются спортом, общественной работой. И самое главное — по-человечески, участливо относятся к людям: старикам, больным, инвалидам.

К примеру, к одинокой бабушке Нине Васильевне ребята пришли, чтобы помочь с сезонными работами: во дворе, на огороде. Девчонки взялись за мытье окон. Ребята таскали воду, ибо водопровода в доме старушки нет и уже не будет.

Раньше о Нине Васильевне заботилась только социальная служба и ее работник Елена Красненко. Кстати, эти безропотные «дочки» и «хожалки» в нашей области в основном очень хорошие и добросовестные люди. Особенно в селах, деревнях: все же свои — соседи, дальние и близкие родственники.

Как откажешь бабушке, которой нужно не только купить продукты и лекарства, но и вскопать огород, посадить и убрать картошку, засолить огурцы и помидоры, опустить заготовки в погреб, помыть пол, побелить стены и печку, украсить елку в Новый год, сопроводить в церковь, отвезти к врачу, постирать дорожки и половики, помыть и постричь наконец.

Теперь государство пытается перевести все эти «услуги» на платную основу, но на местах, в провинции социальные работники по-прежнему многое делают для стариков бескорыстно. Так что добровольные помощники очень кстати. Лишь бы только в самом деле помогли, а не исполняли «общественную обязанность» во имя карьеры или отметок в зачетке.

Нет, они не гнушаются никакой работой, уверяли меня и они ребята, и Нина Васильевна, и ее социальные опекуны. Конечно, петь или танцевать в концерте, организовывать костюмированные «балы» для детей куда занятнее, чем, простите, выволакивать мусор с подворья одинокой старушки.

И подготовить культурную программу для торжественного вручения юбилеям президентских поздравлений с 90-летием и последующими круглыми датами менее обременительно, нежели вскопать огород или освободить из снежного плена засыпанную по окнам избушку. Однако и выступления в интернатах, и мастер-классы по обучению детей разным видам рукоделия ребята сочетают с физической работой по благоустройству города и сел района, по улучшению быта одиноких людей.

— Зато какую радость мы испытываем, когда видим, что бабушка улыбается, что дома у нее стало чище и светлее, что во дворе порядок... — говорит Алёна Ковешникова, совсем еще девочка, магистрантка (учится в магистратуре!) университета. И ей веришь: сама она из тульской деревни, жизнь сельскую знает не понаслышке, и добровольчеством увлеклась явно не из карьерных соображений. Тем более специализируется сейчас на социальной работе: как бы то ни было, это по-прежнему не очень престижная сфера...

— Нам интересно вместе, мы заняты важным делом, и сами общаемся, дружим, — продолжает она. — Но главный принцип нашей организации — абсолютная добровольность. Каждый член отряда сам решает, в каких делах ему участвовать, а в каких нет.

Однако самое интересное, что именно так называемые грязные работы — субботники, расчистка дворов и палисадников, покраска изгородей и заборов — и вызывают самое большое любопытство прохожих. Они останавливаются, смотрят, подсказывают. Этими остановившимися, равнодушными и пополняется затем отряд. В него вступили уже несколько человек, которые сначала смотрели, потом стали помогать, а потом и сами «заболели» бескорыстием и милосердием. Так в отряде появился свой шофер с машиной. И еще несколько трудовых, неизнеженных рук.

Марина Скакун, второкурсница из Лебедяни, объясняет свой выбор тем, что у нее есть дядя-инвалид, и она хорошо знает, как это — жить за чертой, без широкого круга общения и поддержки окружающих.

Первокурсник Вячеслав Григорьев и пятикурсница Юлия Рыжкова из Ельца считают, что волонтерство — это хороший опыт для студентов, которым в силу профессии нужно будет работать с людьми. А второкурсник Николай Гордеев из тульского Ефремова наивно так сказал, что это дома, в семье учили его жить по совести, по-божески, помогать тем, кто слабее, кому плохо.

Есть у нас еще родители, мамы с папами, которые нравственность и добротолюбие своих детей полагают выше их личного успеха и материального благополучия. И ведь уже более двадцати лет нам вдалбливают, что мы никто и ничто, а мы души своих детей бережем. Нет, с такой Россией никакой вражине не справиться.

А Нина Васильевна трогательно признаётся: ей нравится, что ребята хотят и умеют трудиться, помогают старым людям, но особенно приятно ей, что они просто пришли к ней...

И зазвучали в доме молодые голоса, смех. И вспоминается ей собственная молодость — как полюбила и вышла замуж в 17 лет, как рожала детей и даже как работала в колхозе: когда молод и крепок, все труды и заботы в радость.

Это потом все разъехались — и родная деревня умерла («даже фундаменты поросли травой!»). И женщина хлебнула лиха вдосталь: погиб сначала муж, потом сын. Но произошла в ее жизни еще одна судьбоносная встреча: переехав в Елец, она пошла работать в столовую школы подрывников — была такая в Ельце — и там познакомилась с мужчиной, фронтовиком. 13 лет жили они с ним счастливой семейной жизнью. Но и он оставил ее вдовой.

Осталась дочь, но она живет отдельно. Внуки кто в Москве, кто еще где. И Нина Васильевна уже десять лет на домашнем обслуживании у соцзащиты, которая и направляет волонтеров туда, где они всего нужнее: к больным детям, старикам, в социальные учреждения и семьи, где есть инвалиды, где много ребятшек. Так что само по себе добровольчество — дело хорошее. Да хоть и у Нины Васильевны можно спросить...

КРАСНЫЙ БОЕЦ ИВАН КУКИН

Кто бы подумал, что с таким упоением можно читать старую затрепанную книжку о боевом пути зенитной дивизии! Вот где настоящая жизнь и настоящие герои!..

Сейчас многие, кто не забыл буквы, предпочитают легкое чтение, хотя не прочь и поплакать над каким-нибудь женским романом или надуманным боевичком. Большинство и не подозревают даже, что существуют — вернее существовали — такие жизненные, документальные даже книги, способные тронуть до глубины души, а то и довести до слез. Из этого ряда книга Константина Лаврентьева «Гвардейская зенитная».

Правда, издана она ровно 30 лет назад в Москве тиражом по тем временам мизерным — 35 тысяч. Но уже изрядно потрепанный экземпляр свято хранит один из ее героев Василий Кукин.

Вот один из эпизодов книги, рассказывающей о боевом пути 2-й гвардейской зенитной артиллерийской дивизии, в которой воевал наш земляк: *«В этом бою особенно отличился комсорг батареи командир орудия гвардии старший сержант М.Н. Смирнов и комсомолец наводчик Е.Н. Быков. От прямого попадания загорелись ближайшие автомашины, погиб второй наводчик орудия. Смирнов занял его место и длинной очередью сбил пикирующий на колонну самолет. Но бомбардировщики пошли на второй заход...*

Загорелся тягач, смертельные ранения получили Смирнов и два номера расчета. Истекая кровью, комсорг собрал остатки сил, чтобы в последний раз нажать на спусковую педаль. Место командира занял тоже раненный Быков. Превозмогая жгучую боль, он успел выпустить две очереди по «Юнкерсу» и свалился с сиденья замертво. Но уже другой боец стал у орудия, и оно продолжило вести огонь...»

В таких условиях сражался и Вася Кукин из хворостянского тогда (позже эта земля отошла к Добринскому району) села Данилово, где он родился и вырос, откуда ушел в большую жизнь по имени война...

В июле 42-го пришла ему повестка, а в ноябре — после обучения в Пензе — восемнадцатилетний паренёк уже под Сталинградом, во вновь образованной зенитной артиллерийской дивизии, которая формировалась под Москвой.

Василий Кукин был в числе немногих, кого отобрали в разведку. Во-первых, он еще в учебке научился распознавать все марки немецких самолетов: по звуку, на вид, с помощью специальных оптических приборов. И мог в любое время суток точно и без запинки определить, какой летит вражеский самолет, и передать необходимые данные для корректировки огня.

Во-вторых, высокий, физически подготовленный, он выполнял особо важные задания, когда ночью нужно было подо-

брать подходящее место для орудия и перебросить туда батарею, прежде чем она вступит в бой...

В каждой зенитной батарее, рассказывает он, были свои разведчики. Кукин служил во второй батарее 302-го гвардейского полка (в сентябре 43-го дивизия, прежде именованная как первая, за свои подвиги была преобразована в гвардейскую и получила наименование второй), о котором в книге Лаврентьева сказано немало добрых слов.

Мало того, что этот полк героически воевал: его бойцы придумали однажды купить на свои средства... орудие, пушку которого уже было невозможно отремонтировать.

Вносили на постройку зенитной батареи среднего калибра кто по два, кто по три месячных оклада, кто-то жертвовал облигации госзайма. В итоге орудие было построено, а командиру части пришла телеграмма от И. Сталина: «Передайте личному составу воинской части мой боевой привет и благодарность Красной Армии».

В Сталинградском сражении погиб старший брат Василия Кукина, второй его брат тоже сложил голову за Родину. И рядовой Кукин воевал за троих. А еще за оставшуюся в деревне мать с тремя сестрами, за весь свой родной колхоз, за Страну Советов. Из Сталинградского котла он вышел уже опытным обстрелянным бойцом и был награжден медалью «За оборону Сталинграда». Далее дивизия пошла на Липецк для прикрытия его железнодорожного узла и аэродрома, затем вступила в Курскую битву.

Как воевали, свидетельствует хотя бы такие строки книги: «За семь дней (оборонительных боев в районе Ольховатки. — Э.М.) зенитчики нашего фронта сбили 283 вражеских самолета, в том числе много хваленых «фоккевульфов».

На счету полка, в котором сражался Кукин, было в эти дни 18 сбитых фашистских машин. За время Курской битвы одна только зенитная артиллерийская дивизия отразила 367 бомбардировочных и 27 штурмовых налетов гитлеровской авиации.

В октябре 43-го эта дивизия была придана 65-й армии для противовоздушной обороны ее соединений при форсировании Днепра.

«Вслед за войсками на правый берег Днепра в район Каменки переправились две батареи 302-го гвардейского зенитного артиллерийского полка...

На левом берегу остались две батареи 302-го и 304-й гвардейский полк. Таким образом дивизия оседлала реку... Это позволило ей прикрывать переправы массированным огнем с

выносом его зоны далеко вперед навстречу подлетающим самолетам...»

Однако были участки, не прикрытые нашими зенитчиками, где фашистские самолеты на бреющем полете обстреливали пехоту и артиллеристов из пушек и пулеметов. И тогда решено было ночью уложить от дороги до лощины молодые стволы березок и по этой «белой нитке» переправить орудия на место, откуда фашистские штурмовики никак не ожидают засады.

Застигнутые утром врасплох, немецкие самолеты потеряли свою ведущую машину и ее экипаж — и рванули восвояси. Были успешно отражены и несколько последующих налетов.

А следующей ночью зенитчикам поступила команда бесшумно покинуть лощину и сменить позицию метров на 500—600!

Как давались эти метры по бездорожью, ночью, после уже бессонной ночи и боевого дня, помнит Василий Кукин: ему не раз приходилось строить такие дороги по лесам и прокладывать гати по болотам.

«Многие бойцы, — читаем в книге, — особенно молодые, без особого энтузиазма восприняли приказ командира, который сулил им еще одну бессонную ночь и тяжелую работу по оборудованию боевого порядка. Уже под утро утомленные вторичным переездом, рытьем окопов и землянок, зенитчики уснули. Едва выглянуло солнце, как тут же открыла огонь вражеская артиллерия, и там, где была их позиция, поднялись столбы огня и дыма. Всё было буквально перепахано... Наблюдательность командира, заметившего днем над лощиной вражеский разведывательный самолет, спасла тогда зенитчиков от гибели.

В июне 44-го дивизия в составе 1-го Белорусского фронта участвовала в освобождении Белоруссии.

«Имевшиеся дороги после прохождения танков были совершенно разбиты, съезды с них и объезды из-за болот затруднены, мосты разрушены. Зенитчики сами прокладывали себе дороги. Так, в ночь на 26 июня личный состав 303-го гвардейского полка построил три моста и 400 метров гати из бревен и ветвей, а 302-й гвардейский полк соорудил мосты через ручей, речку Миратовку и 300 метров гати...»

И это только одна ночь, за которой начинался боевой день. Такой, к примеру, когда «вокруг горели машины, у орудий падали, сраженные, зенитчики, но раненые и контуженные снова становились к орудиям. Из 17 человек 11 было ранено,

четверо убито. Сам Стахийук (командир взвода. — Э.М.), как позже выяснилось, получил 13 ран, но продолжал командовать...»

И ушел с поля боя последним, после чего был отправлен в санчасть.

В эти дни зенитные части отражали по десять и более налетов в сутки. Читаешь — и невозможно оторваться: какие люди!

Вот зенитчики при продвижении на Барановичи и Брест прямо в болоте наводят пушку на неожиданно появившийся немецкий танк — и он загорается! Пушка вязнет в болоте, а зенитчики стреляют. Ее потом вытянули тяжелыми машинами, но подбитый танк и 20 убитых вражеских автоматчиков, следовавших за танком, того стоили...

Вот зенитчики переправляются вброд, чтобы упредить фашистов и встретить их огнем, не дать прорваться к населенному пункту...

А вот командир дивизии гвардии полковник Корчагин стоит на открытом месте, наблюдает за самолетами противника. За ним с тревогой следит санинструктор Александра Ковалева, укрывшаяся в одном шаге от него в неглубоком окопчике. Послышался нарастающий свист бомбы, и Шура бросается вперед и резко толкает командира, приняв страшный взрыв на себя.

И сколько их, самоотверженных медичек, погибло в дивизии за годы войны! Сколько подвигов они совершили: под огнем врага, сами раненные, вытаскивали бойцов с поля боя, из танков. А одна девушка-санинструктор, сопровождавшая машину в госпиталь, из-за обстрела вынуждена была прямо в лесу начать спасать раненых — вынимать осколки, делать перевязки...

Бог хранил Василия Кукина: он ни разу не был тяжело ранен, «только» контужен. В составе дивизии с боями освобождал Польшу, Германию, дошел до Одера, где отличился в боях с авиацией противника за сохранение одерских переправ и плацдарма. И стал вместе с другими зенитчиками дивизии «хозяином немецкого неба»: был тогда у них такой девиз.

В книге гвардии рядовой Кукин дважды упоминается в числе лучших зенитчиков полка: в феврале 45-го и в апреле того же года после боев за Берлин. Где, кстати, завершается и боевой путь дивизии. Он награжден двумя медалями «За отвагу», медалью «За взятие Берлина», другими боевыми наградами. Осенью 45-го возвращается домой и поступает на работу в колхоз «Красный боец». Всю свою мирную трудовую жизнь «водил» в бой комбайны: бился за урожай. Помог

маме поставить на ноги сестер: отец рано ушел из жизни, когда Василию было всего три года, двое детей были еще младше. Поэтому он, единственный мужчина, оставшийся в семье, чувствовал себя ответственным за неё.

Обзавелся и своим семейством, но жена рано оставила его вдовцом с тремя малолетними — четыре, три и годик с небольшим — ребятишками на руках. Но нашлась женщина, Лидия Федоровна, которая пошла за него на троих, как говорят, детей. И подарила ему еще двоих. Прожили они вместе более полувека. Три года назад Василий Григорьевич вторично овдовел.

Дети кто ближе — в Липецке, кто дальше: в Калуге. А двое — на Украине, и за них сегодня, за их семьи, где у него четверо внуков, особенно болит его сердце.

Поддерживает его, в отсутствие сына, живущего в Липецке, который каждые выходные приезжает к отцу и содержит дом и огород в порядке, социальный работник. Всего у Кукина девять внуков и шесть правнуков.

Они еще держат свой плацдарм, эти русские солдаты, но как их мало осталось. А книг, подобных «Гвардейской зенитной», почти никто нынче не читает. К сожалению...

КОРОТКИЕ РАССКАЗЫ

СТАРЬЁВЩИК

От весны до весны бабушка моя складывала под сарай в чуланы ношенные-переношенные вещи детей и внуков, латанные-перелатанные пожитки. Рядышком сваливала в кучу прохудившиеся чугунки и другую кухонную утварь — тряпичнику Тимоше на мену.

Весна не могла набрать обороты без Тимошина приезда. Так уж повелось: только с появлением его волшебной колесницы закручивалась настоящая апрельская куролесница. Старьёвщик вкатывал в деревню на буланой в проплешинах кобыле со стороны гнездиловского моста. Пойма подсыхала от ила после схлынувшего паводка. Шибче надавало солнышко, ярче выпестрялись пролесками холмы и пригорки, а в Матрёниных ракатках поднимался такой галдёж, что всем было ясно: пора. Пора вытаскивать из амбаров плуги и бороны, прозеленять картошку, справаживать коров на первую травку. Слышалось рычание тракторов, щёлканье кнута, мычание вырвавшегося на волю стада и лёгкое похохатывание молодого апрельского грома над волглыми луговинами.

ПРОЗА

Никто не знал, сколько Тимоше от роду. И пять, и десять, и двадцать лет назад казался он стариком. То ли по роду своего занятия, то ли из-за того, что носил окладистую седую бороду.

И зимой, и летом ходил в ватных брюках, здорово выручавших его. Левой ноги не было. Подвернув ватную штанину, Тимоша опирался изуродованной на фронте культей на протез, «свостоженный» много лет назад столяром Филькой. Ходил медленно, прихрамывая и поскрипывая, оставляя на дороге ямочки от деревяшки. На шее висел то ли шарф, то ли половинка бабьей шали.

Старик был беспросветно одинок. Не привязан, как перекати-поле, ни к какому месту. В войну снаряд попал в его хату, ставшую могилой для жены Катерины и двухлетнего сына Гришутки.

Возвратясь на пепелище, соорудил фронтовик от дождей и непогоды кибитку на цыганский манер. Объезжал окрестные деревеньки, набивал телегу всякой рухлядью и исчезал на год, никто не ведал куда.

Обычно тряпичник подгадывал и появлялся на Страстной неделе, лишь обдует мал-мало просёлки. Останавливался у первой хаты, и вся улица сразу узнавала о его появлении.

Бабы, управляясь к Пасхе, белили, мели, скребли, выгребали ненужное со двора. Ребяшня тащила к телеге никчемные пожитки. Тимоша собирал выставленные у калиток мешки, а «на меню» предлагал всякие безделушки. Детвора томилась, поджидала старьёвщика, облепляла муравейником однокибиточный табор.

— Погодьте, не гвалдите, — улыбаясь в бороду, угоманивал детишек Тимоша и, загадочно побрякивая, выставлял в лопухи волшебный сундук. С замиранием сердца ребята гадали, чем на этот раз удивит старый тряпичник.

А тот, как нарочно, не торопился показывать чудеса, спрятанные под крышкой. Стенки сундучка были расписаны невиданными цветами и птицами, а товар укрыт выцветшим подшалком.

Наступал самый радостный момент. Детишки замирали. Тимоша с криком: «Налетай, мальва!» — скидывал подшалок. Ребяшня с визгом хватала облюбованную игрушку. Мальчишки тузили друг дружку из-за какой-нибудь безделицы.

Для баб выставлялся другой сундук, намного больше. Тимоша чинно открывал его, Митривны и Никитишны с любопытством вынимали городские фильдеперсовы чулки и газовые косынки, кружевные комбинации и гребешки, пуговицы и шпильки-булавки. Гомонили, разгляды-

вали, примеряли. Набирали охапками и торговались с тряпичником.

Тот со знанием дела подыскивал полушалки, да чтоб каждой к лицу, да чтоб не хуже, чем у товарки. Умело отмерял, накручивая на деревянную метровую рейку, кружева.

— Тебе, Настёна, нынче капроновый в горох прихватил, самый наимоднучий.

— Ишь ты! Ай, приглянулась наша Настёнка? — подначивали бабы.

— А мы-то чем хуже? Нут-ка, и нам что похитрей сыщи!

И рылись-перерывали Тимошин сундук.

Приезд тряпичника под Пасху был кстати. Хозяйки наменивали подарков на всю семью, а Тимоша вознаграждался ворохом никчёмной домашней утвари и мешками побитых молью тряпок. Куда потом всё девал, оставалось для сельчан секретом.

В каждой деревне старьёвщик задерживался только на день.

К вечеру бабушка Нюра шла за ним на другой конец улицы и приглашала на постой.

— Пренепременно буду, Григоривна. Поклон Ликсаньчу, — отвечал Тимоша и сворачивал базар.

Уже затемно въезжал на наш двор. Гуси, сбившиеся у калитки снежной горкой, кагакали и, сонно переваливаясь, отступали к палисаднику. Тимоша распрягал «ярманку».

Дедушка подждал его, сидя на растрескавшемся пеньке у крыльца, попыхивая сигаркой. Старики «здоровкались» и неспешно направлялись в горницу. В углу на керогазе пошипывала глазуня. Бабушка, выставив поллитру сливовицы, нарезала краюху.

Деда усаживались друг против дружки за покрытый домотканой скатёркой стол, чокались гранёными стопками.

— Со свиданьем, Мишура!

— Со свиданьем, Тимоша!

Дедушка в своё время портняжил. С годами «дель свою вынуждён был оставить, по причине болести правого глаза». Но «бурки» продолжал шить отменные. От старух и до молодых, все окрест обувались с его рук. «Не бурки — игрушки у Мишуры», — считали деревенские. Никаких валенок не нужно. Тёплые, на трёхслойной вате. Сукнецо выбирал потолще, подворотнее. Девки в клубе «Барыню» дробили в них, не уставали. Лёгонькие.

— Отложил тебе нынче драпчик — моё почтеньице, — сообщал Тимоша хозяину, — пальтецо Миколавна сдала, тока рукава побиты, да пару дырок за воротом шашал наковырял,

а так — хоть куда ишо. Но, того лучше, Петрова вдова шинелку принесла. Скока годков в сундуке под нафталином берегла!

— Ить он и поносить-то дома не успел. Как привезла Марья с лазарету в сорок третьем, так и не поднялся боле. Царство небесное!

Не чокаясь, старики выпили ещё по стопочке, за помин Петровой души, и Тимоша поспешил во двор за шинелью.

Возвратившись, лукаво посмотрел на меня: «Подь-ка, Таня, принеси водицы».

Я выскочила в сенцы и возвратилась с ковшиком.

Старик опустил руку в карман затрапезного «пинжака» и что-то вынул. Разжал кулак перед моим носом: «Вот тебе, девонька, подарочек. Ни у кого такого нету. Соловушка, да не простой, замороженный. Наши-то от силы месяц запузыривают, а энтот будет каждый день потешать, дажить зимой, коли захочешь».

На Тимошиной ладони стояла маленькая глиняная свистулька. Тряпичник капнул в неё водички. Соловей как начал выдавать, будто всамделишный! То тихонечко подщёлкивает, а то взвьёт в такую высь, что огонёк в керосиновой лампе дрожит. Дедушка даже фитилёк утаил.

Допоздна старики «гуторили об своём», а я летала по хате с соловейкой. Выдувала бурлящую в свистульке водицу на все лады, пока бабушка не остепенила: «Да уймёшься ты ноне, ай нет?»

Такого расчудесного подарка не получала от нашего постояльца никогда. Одной привёз, отметил, чтоб на улице похвастала.

По зорьке дедушка вышел проводить Тимошу.

С печки расслышала, как он «откутал» чулан и принёс связанные верёвочкой новые бурки — к задкам суровыми нитками подшиты кожицы, вырезанные из старых ботинок.

— Вот, Тимоша, носи на здоровье ды нас вспоминай. Для тебя справил. На энтот год хватют, стопчишь, ишо слажу.

Прослезившись, старьёвщик вынул из сундука чёрный шерстяной платок с алыми розами по краям и приподнёс бабушке: «Ну, Григоривна, спасибо за хлеб-соль».

И покатил мимо умытых к Пасхе хат, мимо разбалованного за зиму стада, мимо убежавшей далеко за околицу кузни.

— Теперича будем дожидаться Тимошеньку через год, — вздохнула бабушка и накрыла плечи подарком. — Нукося, Таня, как там соловушко-то выдаёт? Уехал Тимоша, а нам радость посла себя оставил. Вся жисть на колёсах, ни кола, ни двора. Храни его, Господи, в пути.

В деревне хлопочет март. Мукает в подклети кудрявистым бычком Ерошкой, вхочет клушею Проськой. Горлопанит в зеленушных ракишках оравой гомонливых грачей, перетенькивается в побуревших кустах сирени с прикормленной за зиму синичкой Сенькой.

С каждым днём всё сильнее напирает. Со вчерашнего дня она простуженно вздыхает и кашляет-бухает в пойме, поторапливая с ледоходом переспавшую Кромю, проклёвывается изумрудной озимью на оголяющихся полях, а к полудню за околицей курится на обогретых звонким молодым солнышком косогорах.

Спешит-лотошит весна. Только бы успеть, только бы не опоздать! Повсюду заглянуть, разбудить, расшевелить, растолкать! Там сосулькой-переростком о порог дзынькнуть, там мать-и-мачехой брызнуть, там ручьём залихватским вдоль промоин раскатиться. Почками в палисадах защёлкать, вербными облаками над деревушкой взлететь, воробьями расскандалиться, в первых лужицах расчуфыраться.

И там побывала, и тут доглядела. Только вот до леса руки не дошли. А может, просто поленилась весна по сугробищам пробираться?

Лес только-только пробуждается. Угрелся за зиму под соболями шубами, под горностаевыми покрывалами, увлёкся снами метельными и весну проморгал. Как теперь в него ступить? Ухнешь по пояс в набухший снег. Ни тропок, ни стёжек. Когда ещё перебило-перемело!

Мало-помалу прокрадётся всё же весна и сюда. Пригреет солнышко. Как пойдут стрелять из-под сугробов ветки! Шархнется с испугу зайчишка, замечется, запетляет. Как не всполошиться? Зимой в лесу глушь да покой. Не хрустнет сучок, не раззвенятся птицы. Тишина да снег. А тут — ком за комом с лапника соснового плюхается, наст сам собой хрумкает, оседает. То у опушки щёлкнет, то в бору хрустнет.

От страху исхудал заяц. Некогда бедняге даже ивовые ветки в подлеске обгрызть, не то что в Козюлеев сад, на край деревни стрекотнуть, яблоньки пообточить. Подождёт заяка свой хвостик, закинет задние за передние и носится по лесу, ополоумев от трусости, пока листва не раскроется. Ведь кроме быстрых ног нет у косога для защиты ничегошеньки. Так и спасается. А коли сцапает его кто посильней, так станет биться он теми же задними лапами до последнего.

Зайчишка-то наш — русачок. Не до конца белеет зимой. Это на севере беляки в торосах не видны, а у нас живёт руса-

чок, оглядывается. Ни норы, ни берлоги не имеет бедняга. Всё следы путает, лёжки каждый день меняет. Днём и носа из укромного местечка не высунет. Только ночь прибавляет ему капельку смелости. Посчастливится — раскопает зайчишка снег, похрустит промёрзлой сухой травой, а коли нет — сгодится молодая осинка, ивняк. Голод не тётка, в лихой год и кора зайцу — в лакомство.

А как подступит весна, то ли от соков забродивших, то ли от водицы талой, примется зайчишка за зайчихами местными ухаживать да турниры с другими самцами устраивать. К тому же очень неосмотрительно: среди бела дня. Сон бедолага в марте совсем теряет. Тут его голыми руками и бери. Даром что косой. Во время сражений, не видит, не слышит ничего. Хлопотное это дело — быть зайцем. Детей много, по два выводка в год. Зайчихи новорождённых зайчат бросают на несколько суток одних. А за детьми глаз да глаз нужен. Попробуй, покрутись в заячьей шкуре, поневоле осторожничать станешь.

Подивится весна зайкиным хлопотам, улыбнётся ясным солнышком, хохотнёт далёким громом и перво-наперво заглянет на полянки, пробежится по вырубкам.

Вытают пни, прогреются, задымятся. В самый тёплый час зашевелиятся рыжие хвоинки на папахах муравейников, приоткроются люки-окошечки, впустят мартовский дух в благоустроенное, до метра высотой, жилище. Зашекочет свежестью в усиках муравьиных, пробудятся они от спячки, а через недельку-другую заснут неугомонные мураши по проталинам, по стволам оживающих берёзок да сосенок.

Начнут выкармливать личинок, воевать, переустраивать и защищать гнездо, пасти коровок дойных — стада тлей, выделяющих вкуснющее молочко. Жаль станет весне маленьких неугомонных тружеников. Нет у них счастья в жизни, работа да работа. И приподнесёт она самцам и самочкам в мае месяце подарочек — малюсенькие крылышки. А что? Пусть порадуются, полетают, мир посмотрят. Покружат над муравейником, над поляной в награду за трудолюбие. До этого ещё далеко. Полусонные мураши только-только выползают на разведку, на минутку, в самое солнышко, и — скорее домой, дожидаться, когда весна повернёт распорядок леса на свой манер.

Чуть поодаль муравьиной хатки большой пёстрый дятел конопатит иссохшую липу. В марте он отбивает серенады о ствол дерева для своей подруги, поёт для неё. Удивляется весна: мол, вишь, как выводит-старается, а жить со своей избранницей в ладу не может. Детей заведёт и наутёк, холостяк-

холостяком. И питается, бессемейный, всухомятку, чем придётся. Съест шишку сосновую или еловую, вкрутит в присмотренную расщелину. И ну таскать длинным языком семечки. Порою обознаться можно: то ли муравейник, то ли дятел шишек кучу-малу нашёл.

Вообще-то, он великий лакомка и хитрец. Знает, что жучки-паучки прячутся под корой сухостоя. Бегаёт гурман днём-днём по засохшему стволу, и вкусный завтрак плавно перетекает в обед, а обед в ужин. Продолбит дырочку в берёзе и пьёт по весне сок. Правда, эгоист он ещё тот! Гонит прочь со своей территории не только чужих, но даже собственную жену и детей.

Но сегодня он влюблён и расположен дать великолепный концерт. Его стаккато слышится далеко за пределами поляны. Ритмичные рулады обманут не одну глупышку-самочку. Весна покачивает кронами сосен: а что, мол, с ним поделаешь, характер такой строптивый.

Чуть пониже у поросшего шиповником оврага, на взгорье, в липовых зарослях обживают прошлогодние гнёзда грачи. Зима спроварила их поближе к жилью, к стогам и дорогам. Отдохнули на чужих харчах, пора и честь знать: обустроиться, о потомстве позаботиться.

Потихоньку, помаленьку проберётся весна в самую чащобу. И ненароком подмочит норку лежебоки-барсука. Просочится водица во все закутки и проулки. Хочешь не хочешь, приходится полосатому выбирать на солнышко, греться-сушиться. Не вовремя, конечно, весна на барсука нагрянула — днём. Житель он ночной, в светлую пору всё больше дома, дрыхнет.

Весна знает, что делает. Пора! Пора ему лягушек, ящериц, личинок, насекомых, птенчат, зайчат — одним словом, всех, с кем справится, ловить. А одолеть такой силач может многих. Оттого и спит зиму напролёт, в ус не дует. Жиру накопил, до самого тепла хватит.

Барсук зеваёт и плетётся проверить, не приблудился ли кто ненароком из соплеменников на его территорию, пока он спал. Барсук таких неожиданностей не терпит. Тут же спроводит со своей местности, да так, что пришелец дорогу позабудет.

Нагрянет весна в самую глушь, где дубы необхватные, где буреломы непролазные. Прислушается: будто подхрюкивает кто-то, почавкивает, переговаривается. Да это кабанье семейство, проголодавшись за скудные зимние месяцы, перепахивает дубняк. Жёлуди в прошлогодней листве выискивают, снег в грязную кашу замешивают. Выжили, и поросся-

ток уберегли! Вон как подросли! Отощали, конечно, но это поправимо. Через недельку-другую переберутся поближе к болотцу, нароют купален, захрустят сладкими корешками тростника, а там — и до травы недалеко.

Бродит весна по лесу мартовскому, солнышком в березняк заглядывает, лучиками в ельник дотягивается, ручьями перезвонными в овраги скатывается. Там цвинькает, здесь капает. Шмыгает, топочет, ухает. Радуетса весна: подснежники на пригорке вызвездились, орешник зацвёл, почки в сосняке раздухарились.

Всё идёт своим чередом. А дел-то, дел! Надо бы припозднившиеся снега из буераков в речку сдвинуть, ливнем тёплым шумануть — землю умыть, журавлей встретить, скворцов расселить, а там — и пахать-сеять пора.

РЖАННЫЕ ОПЁНКИ

Когда цветут хлеба, в березняках и дубравах высыпают летние опята. Бабы прислушиваются, выпытывают друг у друга: не набрал ли кто уже грибов, и где они проявились. Тайком бегают в леса и урочища, чтобы не прозевать «гвоздики».

Мы приехали на хутор в самое время. Пробираясь просёлком сквозь цветущую рожь, решили завтра же, не откладывая, проверить потайные поляны. Есть у нас такие, давно приметили. Уж если и пошли опёнки, то там обязательно наберём.

Встали ни свет ни заря. Подоив коров, соседки спроваживали скотину под гору в стадо. Сквозь туман слышались окрики Федыки пастуха и хлёсткие щёлканья плётки.

— Какие вам ноне грибы? Нетути ишо, — закудахтала обеспокоенная множеством наших корзин бабка Аксинья.

— Делать людям нечего! Понаехали, шлятся! Все леса стоптали, — подхватила тётка Настя.

То ли накаркали старухи, то ли сказалась засушливая весна, только, проплував до полудня, мы не сыскали ни одного захудалого опёнка. Зато в Горонях насобирали корзину молочных поплавушек, а в Закамнях нашёлкали кузовок луговой земляники.

Увидав нас и следующей зарёй, бабы заудивлялись упорству и позавидовали отпуску. Связанные бакшой и хозяйством, деревенские не могли раньше нас поспеть в леса. Но возвращаясь домой, мы видели, как местные любопытничают и заглядывают к нам в кошёлки: не опёнки ли несём? Непонятно

почему, опять ценятся здесь выше, чем все остальные грибы. Даже боровики ничего не значат по сравнению с ними.

Каждое утро в течение недели мы настойчиво отправлялись за околицу, а соседки с издёвкой хихикали вслед.

— Скоро уж осенские пойдут, а они всё ржаные дожидаются!

— Места надоть знать. Мой Фомич вчёрась целную плетуху припёр. Всю ноченьку провозились, умаялись с ими.

Мы только усмехались. Знали, что отец с Фомичём весь день качали в нашем саду под китайкой мёд. Только к вечеру, наугощавшись, дед спровадился домой. Аксиныя, наверно, по ветхости памяти позабыла, что Фомич принёс ей в подарок от нас трёхлитровую банку мёду.

Зудение соседок начинало надоедать. Уже неловко стало проходить без опят вдоль хутора. Да и азарт разбирал, хотелось первыми наткнуться на ржанки.

Пару дней назад в Плоцком нас отхватил такой ливень, что теперь наверняка грибы пойдут вовсю. С таким настроем отправились мы в последний раз перед отъездом за опятами.

Лужи на просёлке подсыхали. Земля набухла, пропиталась тёплым дождём. Над поймой курились тонкие струйки марева. Пахло цветущими травами. Конский щавель, заполонивший приречные луговины, вымахал после дождя чуть ли не в человеческий рост. Коричнево-рыжие метёлки преграждали путь, хлестали по груди. Тянуло так вкусно донником, что густой от испарений воздух казался молодым мёдом.

Мы пробирались сквозь сенокосы: то тонули в низинах, то поднимались на пригорки. Стайка корольков, преследовавшая нас от Шешкиной лощины, мельтешила над колосящимися травами, задевая их чёрно-рыжими крылышками. От подорожников и овсяниц поднимались кремовые облачка. Тяжёлые шмели падали с лёту на колокольчики, забирались в их глубокие рыльца и через секунду, неуклюже пятась и ворча, срывались снова и снова в головокружительный полёт. Невидимки-кузнечики свирчели так, что звенело в голове. Поначалу показалось, несметное количество скрипачей никак не может настроить свои инструменты, и оттого вокруг такая дикая какофония, но прислушались: звучала дивная стройная мелодия, гимн лету и солнцу.

Из леса, словно из отчего дома, дохнуло родными запахами. Под весёлую музыку кузнечиков запели птицы, зашелестела листва.

Неожиданно навстречу из зарослей вышел Фомич.

— Как грибочки? — полюбопытствовали мы, заглядывая в дедову корзину. — Проявились?

Какой же грибник не любит похвастаться находкой? Фомич поставил перед нами плетушку. Мы так и ахнули. Под самый верх — ядрёные ложные опята.

— Это для кого ж такая вкуснятина? Кого Вы так любите? — поинтересовались мы осторожно.

Дед уселся на пенёк, снял ходоки, скрутил сигарку. И только потом пояснил.

— Стряпать надо уметь. Не пробовал только бледную поганку. И то только потому, что от её ядовитости не изобрели спасения. А остальные грибочки, все как есть, съедобные. Самолично проверял. Бабка моя противится, нос воротит. Мол, ишь чего удумал старый, отравить хочешь! А я грибки-то отварю, луковку в чугунок кину. Коли не посинееет, тады и яду в ей нету. Продукт наипервейший, — дед кивнул на ложники. — А со сметанкой любой гриб вкусней! Похлёбочка — и мясного бульонцу не надобно!

— А как же, дедунь, с мухоморами?

— Лоси едят, белки тожить не отказываются, точно знаю. Но меня пока что оторопь берёт. Ну, как всё ж таки траванусь? До больнички далёко, не успеют. Правда, настоящей самогонной на этих красавцах пятнистых и себя, и бабку от радикулита пользую. Аксиныё-то невдомёк, что на мухоморах, — хихикнул Фомич. — Бересты вот наколупал. Настёнке туесок сплету. Малины-то! Малины нынче!

— Так у нас её отродясь не водилось?

— Раньше не примечали. А вот кой уж год подряд таскают бабоньки с Плоцкого. Видать, птицы с Дмитровских лесов занесли. Рассеялась! Даже жёлтая кой-где встречается, куды слаще розовой.

Фомич ушёл, а мы вдруг припомнили, что не раз выручал он деревенских своими настоями. Знали бы, на чём он их варганит!

Шли лесом, удивлялись, сколько мелкой живности после ливня объявилось. Засуха грибному делу не подспорье, а в дожди того хуже — улитки-слизняки. Накинулись с голодухи, все грибочки под корень подчищают. Не разберёшь: то ли сыроежка, то ли волнушка. Шляпка дочиста изгрызана. Не брезгают прожоры даже валуями. Только какой свиношук объявится, ещё и из земли не выкарабкался, уж на него тьма охотников: и червячки полакомиться не прочь, и слизи грызут, и птицы клюют. А сколько нашего брата-грибника по лесу бродит! Только что кто-то прошёл, ещё срезы на подберёзовиках свежие, но идёшь следом и обяза-

тельно что-нибудь сыщешь. А за тобой тоже кто-нибудь рыщет, хоть пяток, да соберёт.

Но сегодня, видать, кроме Фомича никто ещё не появлялся. Спустились в осинник. Сквозь густой папоротник ничего не разглядеть. А присядешь — вот они, родимые! На одном месте полкорзины подосиновиков нарезали. Крепкие, сбитые, красноголовые, один к одному. Душа возрадовалась. Но в эту пору даже боровики — не находка. Главная добыча — ржаные опята.

Измаялись, но напороли по корзине подберёзовиков да подосиновиков, по парочке белых. Уселись передохнуть на валежник. Осмотрелись: солнце прошивало своими лучиками, словно золотыми нитями, орешник. Тихо... Лишь изредка вскрикивала на берёзе галка. Галчонка несмышлёного подманивала... И опять: будто кто-то шары новогодние на пол обронил, разбил. Это галка-мать за что-то сыну выговаривала, потрескивала.

Сидели... лес слушали. Любовались миром, ожившим после дождя. Листва пропиталась влагой и уже не казалась утомлённо-блёклой, а отливала ярко-изумрудными оттенками. Вся растительность в бору тянулась к свету. Травы славливали малейшую капельку солнца, упущенную кустами крушинника, бересклета и орешника. А выше господствовали вековые берёзы, осины да сосны. Взгляд невольно устремлялся к их кронам.

Боже мой! Какое чудо! На высоченной берёзе выросло несколько колец опят. Сосчитали: одно, два, три... шесть! Ствол совершенно гладкий, не взобраться. Натаскали сучьев и добрались до третьего яруса. Сорвали молоденькие, полураскрывшиеся опята. А три верхних кольца оставили на семена, птицам, лесу. Оглянулись по сторонам и только тут заметили: почти на всех берёзах красовались опёнки. Карабкались по стволам, словно альпинисты.

Высыпали в папоротник «неважнецкие» грибы (может, придём за ними после обеда) и в полчаса набрали первосортных ржаных опят. Кремовые, в веснушках, с изящной оборочкой. В гранках — до десяти штук! Что ещё нужно для счастья грибнику?

У калитки столкнулись с Аксиньей. Мол, забегала узнать, не слышно ли дождя назаври. Мы-то знаем, нас дождалась.

Старуха всплеснула руками, когда на веранде расстелили клеёнку и высыпали, чтоб не сгорелись, опята. От них дохнуло лесом, дождём, берёзовой смолкой.

— А мой-то опять поганок надрал, — вздохнула Аксинья и посмотрела на нас с уважением. С этого дня деревенские не

подковыривали нас. Наверно, Аксинья в тот же вечер разнесла слух о нашей удаче по всему хутору.

ИЮНЬСКИМ ВЕЧЕРОМ

Окошко растворяется, и рисованные красногрудые петушки на голубых ставнях разлетаются ещё дальше в стороны. Из-за тюлевой занавески слышится: «Настёна! Зорьку не прогляди!» Мама выглянуть не может, руки у неё в муке — пирог к завтраму, на Васяткины именины затеяла.

Настя оставляет под яблонькой на лоскутном одеяле читанные-перечитанные Афанасьевские сказки, поддёргивает на Васятке штанишки, разворачивает и суёт ему за щёку барбариску.

— Пойдём Зорьку с Бурчиком встречать, — командует брату.

Четырёхлетний Василёк натягивает задом наперёд панамку и поспешает с сестрой за околицу.

Вечер тёплый, ласковый, и пыль на просёлке такая шёлковая, что хочется шлёпать и шлёпать по ней босыми ногами, идти и идти. До Кривой балки, до Стёпкина оврага, до самых дальних покосов. Но туда нельзя. Мамка заругает. Да и не успеешь моргнуть, как совсем свечерет. А там и облудиться ничего не стоит. Туманы-то у нас — о-го-го, что молоко козье — густые, душные.

Настя и Васятка выходят за деревню и усаживаются в ожидании стада на поваленную корягу. В прошлом году молнией спалило старую ракушку. Не догоревший толстенный сук ребягня приспособила под лавочку. Встречая скотину, по вечерам здесь собирается детвора. Но сегодня — никого. Только Настя, Василёк да коростели на болотце. Скрипят, словно дед Михей на телеге несмазанной катит. Вот от Дуськиного сада отъехал, вот на пойме поскрипывает, а вот уж почти и не слышать — где-то у Стёшкина мосточка тонюсенько выводит.

— На завтра опять жарень. Вишь, Васятка, небушко над хутором Степным калиновое, словно морс бабулин, ни тучки, ни облачка, — поясняет Настёнка.

Восток погружается в полумрак. Лохмотья его чернильными пятнами расплываются по небесной глади, тянутся тончайшей дымчатой кисеей к югу, к северу. И только запад полыхает жарким костровищем.

Настёна сламывает две хворостинки. Одну себе — Зорьку залучить, вторую, покороче, Васятке — Бурчика подхлестнуть.

Из заречных лозняков пастухи выгоняют стадо. Настя вынимает из кармана присоленный ломоть ржаного.

— Угости телёночка, — протягивает кусочек Васе, — он и слушаться тебя станет.

Стадо ныряет под горочку, не видать. Но уже чувствуется неясный глухой шум. Настя прикладывает ладошки к ушам, Василёк повторяет за ней — закрывает свои. Но гул от приближающегося стада передаётся по земле. И ребятишки ногами ощущают мерную поступь тяжёлых животных.

— Идут! Идут! — кричит Васятка.

И из невидимого Большого лога сначала расплывчато, а затем всё яснее и яснее выступает кудрявистая башка быка Бугая. За ним проявляется норовистая мосластая Груня. Крупные животные, будоража улёгшуюся к ночи пыль, ступают споро и ходко по натопанным, набитым с апреля тропам.

Одна за другой, вереницами надвигаются они на околицу. Разномастные. Есть среди них аккуратные полумерки, белые с рыжими подпалинами — стройные, тонконогие южанки. Но большинство — дебёлые чёрно-белые коровищи, неповоротливые, с лохматыми тумбами-ножищами, завезённые откуда-то с запада.

Вместе с ними на деревню снежным валом накатывает туман. Мимо ребят проплывают палевые, белые, чёрные, рыжие пятна, коров почти не видать. Лишь изредка возникает то одна, то другая морда. Соседская Ласточка, следуя мимо, мымыкает, но, признав Настёнку, задерживается на мгновение, тянется за хлебушком. Как не угостить! Ласточка лижет ладонь шершавистым языком, будто наждаком. Обслюнявливает Настину руку, вздыхает, мол, маловато будет, и важно удаляется ко двору.

Коровы тают, растворяются, но чёткой остаётся дрожь земли, размеренная поступь стада. Она вваливается волной на затихающие улицы, и вот уже слышатся бабьи окрики: «Звёздочка! Звёздочка! Милка! Милка! Да куды ж ты, блудная, запропостилася!»

— Ну, подманивай своего Сивку-Бурку, — шепчет братцу Настёна.

Васятка протягивает хлебец, зовёт бычка, припомнив, как это делает бабуля: «Бурчик! Буренька! Пойдём домой, родимай!»

Показывается слюнявая Буркина мордочка.

Зорька тыкается в Настёнины ладошки, жуёт краюшку, перекладывает за щёку и, не сбавляя ход, мычит, вытянув морду в сторону своего подворья.

Настя улыбается, треплет коровку по холке, заворачивает полусонного Бурчика. Набрыкавшись за долгий июньский день, тот не в силах шалить, смиренно топает следом за степенной мамашей, принюхивается к распёртому тяжеленному вымени, от которого куда как заманчиво пахнет.

Наконец, хозяйки разбирают кормилиц, циркают о подойники вечёришником. Пыль опадает на росные подорожники, деревня угоманивается. Но запах молока, запах разгорячённого стада ещё долго плывёт по закоулкам.

Бабуля процеживает удой, сдувает пену. Ставит на стол две кружки: перед Настёной красненькую в горошек, а перед Васей — синенькую с золотой пчёлкой.

— Помочники мои безотказные! Пейте на здоровьице. Нынче молочко душицей попахивает. Видать, Петро в Ярочкиной балке пас. Там травки этой видимо-невидимо. От сорока болестей. Пейте, силушки набирайтесь.

ОТ ПЕЧКИ

Пора на покой. Уж и память подводить стала. А что удивляться, годков-то, годков! Склероз, видать, старческий у меня. Всего и не припомню, что со мной приключилось. Остываю потихоньку. Лишь иногда вспыхнут ярким пламенем далёкие деньки, когда я и печью-то не была, а всего лишь глиной сырой на Мишкиной горе.

Жил в ту пору в нашей деревне мужичонка один, неказистый такой, росточком — метр с кепкой. Худенький, рябой, как колхозный мерин Буян, а мастер — откуда что бралось, на все руки. Кулибин местный, ни дать ни взять. Больше всего на свете любил печки русские класть. Был, как сам выражался, «по сугревой части». Днём печки мастерит, а вечером в «корогоде» на балалайке девкам жарит.

Уж почему его Балдой прозвали, и не знаю. Вроде, не дурак мужик. Может, за балалайку? Говорят, в сказках Балда балалаечник искусный был. Наш Балда имел на Мишкиной горке крошечное дело. Сам глину замешивал, сам кирпичи для печек обжигал. Знатные кирпичи у него получались, скажу я вам! И удумал, балагур, на них своё клеймо ставить. На каждом кирпичике отпечатывал букву «Б»: то ли «Балда», то ли «Балалайка». Что бы это ни значило, только кирпичи его фирменные до сих пор деревню греют. В каждой старой хате у нас поныне его печки стоят.

Так и я появилась на свет из-под рук этого Балды-мастера. Почитай, отец мой родной. Побелила меня мать-хозяйка, как молоком умыла. Пришёл печник «дель спробовать». За-

топили, а дровишки берёзовые как загудят: дымоход — что надо! Крякнул дед, осушил стаканчик по такому случаю, хрумкнул квашеной капусткой, похлопал меня ласково по пышущим жаром бокам и сказал: «Ну, смотри, милая, не подведи!» Перекрестил три раза и вышел.

С тех пор сколько дров в трубу мою вылетело, сколько торфа во мне сторело! А скольких я душой своей горячей согрела! Растопит, бывало, хозяйка с утра, а квашня уж пышет, пышет. Возьмёт она, Марьюшка моя, лопаточку липовую и начнёт хлеба в жар сажать.

Закопшатся ребятишки, дух хлебный зачуяв, повскакивают с полатей. И то пора, все бока мне отлежали, обмяли. Четверо пацанов да две девки-погодки. Любила меня хозяйка, берегла. А под Пасху на Страстной неделе и перед Покровом всегда белила.

Стан у неё в горнице стоял, так она специально для меня наткала постилок широких, накрывала ими кирпичики мои, чтоб ребятишкам помягче спать. Мастерница она у меня была. Соберёт лоскутков, обмерочков всяких из штапеля, из ситчика, и сострочит, сошьёт — глядишь, и одеялочка. Детишки за неё гвалт поднимали, уж очень красивая была, «кубинетиками». Застелет Марьюшка меня, карнизик сладит, по белу полю крестом петухи да куры вышитые, а по низу кружева длиннющие. Выдумщица была. И как у неё до всего руки-то доходили! Шестёрку одной поднять нешто лёгко?

Бывало, раскочегарит к вечеру и устроит банный день. Что творилось! Дым коромыслом! Ребят сразу всех четверых выкупает, а потом девчонок. С ними возня: пока косы расплетёт, пока то да сё, так до полуночи и провозится. Намоет ребятишек, а тут и гарбузня подойдёт. Я-то ей, сердечной, старалась помочь, где уж одной-то с такой оравой! Нарезет Марьюшка дольками гарбуза, а я запекую. Трескает ребятня с пшёнкой, с молочком — за уши не оттянешь. Налопаются, и ко мне на бочок, и засопят, засопят.

Так и подняла их бабонька с моей да с Божьей помощью. А жить осталась с младшеньким. Девочек замуж повывадала в своей деревне, а вот ребята разлетелись кто куда. Старший в Крым уехал, там потом полпосёлка нашеньких прижилось, всё его дети да внуки. Второй сгинул... так хозяйка моя и до смерти не узнала о его судьбе. А средненький в соседнем селе обосновался, в примачи ушёл. Сноха попалась хорошая, не обижала, и Марьюшка ею довольна была.

Перед войной дочка первая у младшенького народилась. Марьюшка на неё наглядеться не могла. Кашу мы внучке не

на молоке, на сливочках стряпали. Хозяйством обзавелись, коровка уже была. Жизнь только стала налаживаться, а тут беда грянула. Ушёл молодой хозяин дорогами войны, хату немцы отобрали, штаб устроили в ней. Как же мне своих горемычных жалко-то было! Ночей не спала, всё думала-печалилась, как они там в холодном сарае мучаются, как их «буржуйка» несчастная согревает?

Подойдёт, бывало, немец ко мне, а растопить-то и не может. А что мне его, проклятого, греть, сколько он горя на землю нашу принёс? Вот я и плююсь, чихаю в фашистскую физиономию, никак ему, хриstopродавцу, не даюсь. Пусть злыдень промёрзнет, глядишь, быстрее от нас драпанёт.

А как немца-то повыбили в сорок третьем, вошла Марьюшка в свою хату, села подле меня на лавку, и плакала, плакала. То ли от счастья, то ли горе своё выплакать хотела.

А потом отскобила полы от сапог «басурманских», отчистила дощатый стол. Принесла из сарая прабабкины иконы, водрузила на прежнее место и разговорилась со мной: ну, что, мол, вот и опять с тобой вместе. Выбелила хату, вымела загнетку гусиным крылышком, разыскала чугунок-ухваты и захопотала...

Особо кормиться-то нечем. Картошки промёрзлой, «пирепиков», по весне на огородах насбирает, высушит, разотрёт, мучицы горсточку добавит. И напечём мы с ней лепёшек, невестку да внучку накормим. А о себе Марьюшка и не вспоминала, перекусит, что останется.

Отшумела война. Деревня становилась на ноги. Хозяин с фронта вернулся. Родилась вторая дочка. После беды вдруг счастье такое! Жизнь наладилась... И всё в этой жизни от меня — от печки, значит. И спало дитя на печке, и первые шажки около меня сделало. Рада была я этому ребёнку, как никакому другому. Первый ведь, послевоенный...

Марьюшка слабела, прихварывала. Всё больше в тепле, при мне находилась. А невестка, Аннушка, и по хозяйству, и в колхозе по сотке в день лопатой на поле вскапывала. Да и за дочками малыми присмотреть нужно. Они всегда рядышком, около меня крутились.

Как-то управлялась Аннушка со скотом, а чугунок двухведерный с кипятком на пол поставила. Младшенькая поскользнулась да в кипяток и села.

Не передать горя, что поселилось в нашем доме. Привезли ребёнка из больницы, не стали там ухаживать за ним, очень тяжёл был, домой помирать отправили. Выдали толь-

ко мазей каких-то да тюк марли. С этим Аннушка ко мне и вернулась. А куда ещё ей, родимой? Только ко мне, к печке...

Открыли мы лазарет. Пропахла я насквозь снадобьями всякими. Ночей не спала, вздрагивала от каждого всплача, и всё тепло берегла, не гасла, старалась хоть чем-то помочь, согреть тёплыми боками. Так потихоньку, помаленьку и выходили девчонку.

В ту пору Аннушка сына уж под сердцем носила. А бабка совсем меня не покидала. Когда внучок народился, просила рядом положить: очень ей посмотреть на мальчика хотелось.

... Не стало печника Балды, ушла Марьюшка, и только я всё продолжала жить в углу горницы. Рядом играли свадьбы, рождались дети, рядом проходила жизнь близких мне людей, рядом со мной провожали их в последний путь, отпевали и оплакивали.

Я так мыслю: печка — она ведь центр деревенской жизни. Всё вокруг неё вертится. Без неё и хата — не хата. И самой-то жизни-то без неё нет. Какая жизнь без очага, без тепла? Да и работа вся вокруг печки.

Сбоку приладил хозяин клеть. Родится зимой телёночек, холодно ему в сарае, морозы жмут, приведут его домой — обогреться, замычит, молоком парным запахнет. А потом вздумает свинья пороситься, её тоже в клеть, на место подростшего бычка переведут.

Чего только не происходило у моей загнетки! И не припомнишь. И дети всегда ко мне, и я о них заботилась с утра до ночи, как мать родная.

Жизнь шла своим чередом. Вот у Аннушки и внучка первая появилась. Посреди хаты подвесили к потолку люльку. Няничься с девчонкой особо некогда было: кто пройдёт, тот и подкачнёт. Так никто и не заметил, когда ходить начала.

А я вот помню её первые шаги. Дома никого не было, укачали Танюшку и разошлись по делам. Проснулась она, завозилась в люльке и выпала. Покряхтела, посопела, встала и пошла себе, да прямо к двери. Видно, помнила, куда все уходят.

Помнится, зима была лютая. Распахнула девчонка двери и стоит на пороге. Я разволновалась: простудится ведь! От моего волнения, ещё ли от чего, только вспыхнули дровишки, разгорелись, тепло в сенцы стало выходить. Раскоचेга-рилась я, дитё спасти надо! Так и пылала, пока домашние не вернулись.

А потом я Танюшке молочка согрела, да с медком. Ничего, сальцем гусиным растёрли, ко мне под бок, в одеяло «кубинетиками» укутали, пропарили. Жива-здоровая девчонка.

Ох, и намаялась я с ней! Так за неё напереживалась! Как пошла ходить, спасу не стало!

Свинья в ту зиму только что опоросилась. Подобралась разбойница к ней, уселась верхом и хлопает по бокам, скачет, как на коне. Рядом сосунки лежат. Я перепугалась, раскипятилась вода в чугунках. Таню это от свиньи и отвлекло. Хорошо, что та добрая оказалась, только похрюкивала да тяжело дышала, а могла бы за поросят разорвать девчонку.

На Маслену случай с блинами произошёл. Были они у Аннушки особенные, во всю огромную сковородку. Каждый промазывала топлёным коровьим маслицем, посыпала сахарком. Печём это мы, значит, с хозяйкой блины, только ухват поворачиваться успевают, и в блюдо на подоконнике складываем, а Танюшка рядышком крутится. Смотрим, блюда то и нет. Уселась девчонка на него, прямо на блины, сидит, довольная, приговаривает: «Тёпленькая подстилочка!»

Заторопилась однажды Аннушка куда-то, просит Таню пособить: присмотри, мол, за молочком, а то убежит. А девчушка ей так серьёзно в ответ: «Ничего, догоним!»

Да, сколько я деток на своих плечах подняла, сколько ангин, простуд, радикулитов излечила! А сколько каш натомила, сколько хлебов испекла! Щи какие варила духовитые! Холодец какой гусиный томился в чугунках под Крещение! А молочко — до коричневой корочки! Да, старалась, пекла-жарила...

Выросли дети, поднялись внуки. Так уж случилось, на старости лет вынуждена была Аннушка переехать в город к дочери. Как не хотелось со мной расставаться, а деваться некуда. Не могла же меня с собой забрать, я-то всё понимаю.

Осталась я в пустой хате. На лежанке одеяло «кубинетиками». Иконы в Красном углу. Негоже их из хаты забирать. Уехала хозяйка, а от загнетки до печурки в ту же ночь пролегла трещина, и труба зачихала, закоптила. Сколько ни пытались новые хозяева замазать, заделать трещину, она всё больше расходилась.

Да и что это за хозяева? Так, одно название. Два пьянчужки, отец и сын. То с горем пополам затопят, а то и растопить нечем вовсе.

А бывало... Поедет прежний хозяин в лес, дровишек берёзовых нарубит-напилит, сосёнок подвалит. Я его в благодарность уж так согрею! Такой дух пойдёт по хате! И я-то не

болела, не страдала, видно, смолы берёзовые да сосновые помогали, целебные ведь! Печка без них не может вовсе. Остывать начинает, умирать.

Как-то напились мои хозяева, завалились спать на единственную «мебель» — старый топчан. Видать, курили, заснули, а топчан и вспыхни. Зачадил, они и не почувяли, так и задохнулись в дыму. Хата, правда, уцелела. Жаль её, жаль и себя. Я уж и забыла аромат похлёбочки гороховой, не припомню, как шкворчит яишенка на сальце свежем.

Но самое страшное в моей жизни стряслось месяц назад. Подкатила весна, пригрело солнышко. Хата сколько не топлена, перепады температур, вот и ухнул потолок прямо посреди горницы.

Думаю: опять война грянула. Ведь я тогда хозяйку свою спасла. Драпали немцы, вздумали, антихристы, деревню с землёй сровнять, били прямо по дворам. Угодил снаряд в хату. Как хозяйка за меня спрятаться успела? До конца жизни благодарна мне была.

А тут вот в мирные дни хата рушится. Да и я вся в трещинах-морщинах. Постарела, сердце остыло, видать, час мой пробил. Кому теперь нужна-то? Смотрю, бывало, вечером в окошко: улица — как на ладони. Огней-то, огней! И всё дымки над хатами, дымки. Душа греется, так и гудит-поёт. А теперь взгляну через щёлочки заколоченных окон: два огонька во всей деревне, и дымков не видать, не топятся печки. А как же без нас, без тепла нашего? Без печки и жизни в деревне нет.

ЧЕРНОБЫЛЬ

РАССКАЗ

Хорошо пахнут травы на лугах, но по-особому они пахнут, когда из них, скошенных, солнце выпарит, отожмёт всю влагу. «Нет, ничто, даже самые дорогие духи, не сравнятся с тонким запахом сухого сена», — размышляет сидящий на лавочке Захар Конов. До самой дороги разостлано сено у его дома. Но вот тревожная тень промелькнула по лицу Захара, будто на солнце набежало густое облако. «Кто я в свои неполные сорок лет?». Одет Захар не по сезону, на ногах валенки, на плечах фуфайка. «Неужто я гибну?» — стала пульсировать в его голове мысль. Он чувствовал, что серьёзно болен.

Недуги земляка односельчане увязывали с событиями в Чернобыле, где когда-то Захар усмирял взбесившийся и вышедший из-под контроля «мирный атом». Захар оказался там не по своей воле. Когда произошла авария, его повесткой вызвали в военкомат и взяли расписку о невыезде из района, объяснив:

— Формируется группа водителей для работы на Чернобыльской АЭС. Вы внесены в список.

— А хо-хо, не хо-хо? У меня молодая жена. Облучиться не желаю. От евнухов бабы не рожают.

ПРОЗА

— Разговорчивый! — усмехнулся рослый с лоснящимся ухоженным лицом комиссар райвоенкомата Бобров с полковничьими погонами на хорошо подогнанной полевой форме.

— Такой уж я, — огрызнулся Захар и покинул военкомат. Двое суток прятался у родных и друзей. А потом надоело, вернулся к жене.

Утром к дому подъехал «уазик». Три офицера взяли его под стражу. Вели они себя уверенно. Давили на психику:

— Во время войны тебя бы без суда и следствия к стенке поставили.

Слетела с Захара спесь. Подчинился людям в погонах. Понимал, пока молод и стоит в военкомате на учёте, сам себе не принадлежит.

На Чернобыльской АЭС проработал около трёх месяцев. Вozил на самосвале бетон для возведения саркофага. Не ленился, не выглядывал из-за чужого плеча.

Когда вернулся домой, в село приехал комиссар Бобров. В Доме культуры собрали сельчан. Захара чествовали как героя. Военком зачитал благодарственное письмо, вручил удостоверение «Победителю в социалистическом соревновании», в подарок преподнёс чайный сервиз.

Первые годы Захар на здоровье не жаловался. Не обижалась и жена. У Коновых трое детей. А когда занедужил, люди открыто заговорили:

— В тебе, Захар, Чернобыль аукнулся.

— Есть люди и на тысячу вёрст к Чернобылю не подъезжали, а похлеще, чем я, болеют. А я-то что? Нет. Чернобыль здесь ни при чём, — как мог, так и успокаивал себя Захар. Не хотелось ему верить, что его заболевание как-то связано с той командировкой на АЭС. Захар убеждал себя, что страдает от сильной простуды. И увязывал это со случаем годичной давности.

Был осенний день. Низко плывущие над селом тёмно-фиолетовые тучи едва не касались крыш домов. Вода в реке Сладца была тяжёлая, мутная, сплошь покрытая мелкой рябью. И вот в тот сумрачный знобливый день в реку с моста, сломав деревянные перила, упала бортовая машина. В её кузове было оборудование для новой фермы. Шофёр Иван Степухин стоял перепуганный.

— Кручу руль влево — машина прямо, вправо — машина опять не слушается. Что делать? Жать на тормоз! Поздно. Упала в реку вместе с машиной... Пришлось катапультироваться...

— Хоть сам жив. Правда, обидно, до фермы-то осталось... Сейчас бы и транспортёр начали устанавливать. А теперь? — был в растерянности председатель сельхозпредприятия Кузнецов.

— Нужен водолаз, а так лезть в воду кто согласится? — переговаривались между собой мужики и бабы и глядели на гусеничный трактор, на тракториста, лениво распутывающего на берегу у самой воды трос. В это время на своём ЗИЛе подъехал Захар Конов.

— Ну что же, Семён Семёнович, не цепляете? — поинтересовался он у председателя, видя замешательство на лицах односельчан.

— Да вот обдумываем, как, не замочившись, это сделать. Я бы сам... Да, — вздохнул Кузнецов, — радикулит засел в поясницу и ничем отсюда не могу вышибить.

— Да, Семёнович, радикулит штука серьёзная. А как вы думаете, если граммов двести влить в себя до погружения и граммов триста потом, то в этом случае пристанет к человеку какая зараза или нет?

— Не до шуток, Захар, — махнул рукой председатель.

— Понятное дело, — обвёл собравшихся немножечко насмешливым взглядом тёмно-серых глаз Конов. В эту минуту ему очень захотелось войти в ледяную воду и сделать такое выражение на лице, будто вода, в которую он погружает своё тело, ничуть не холоднее парного молока. — Ну что? Так и будем все стоять? — сбросил с головы шапку на давно пожухлую траву Захар. А когда он разделся до трусов, на берегу пошли разговоры:

— Ну и здоров мужик!

— Была бы Нинка здесь, она бы его погнала отсюда...

— Зима на носу, а он в воду... Да я бы ни за какие тысячи!

А Захара эти все разговоры только подбадривали. Чего-чего, а отваги и смелости у него хватало.

Зацепив трос, Захар неторопливо вышел из воды и взглядом победителя окинул односельчан.

— Молодчина! — набросил на плечи Захара своё тёплое пальто председатель.

Нет, не только в тот день на берегу Сладцы был таким отчаянным Захар. Свою удачу он выказывал и во время пожаров, которые не часто, но всё-таки случались в селе.

Где-то поблизости закуковала кукушка. И вновь Захар начал вспоминать. Детство. Ближний лес, где он со своими сверстниками собирал дикий лук. А с каким аппетитом всё это поедалось там же в лесу, у костра! Потом бесконечно довольные кричали: «Кукушка, кукушка! Сколько мне лет осталось жить?» И она считала. Детская забава. А сейчас не только кричать, а и подумать страшно, сколько жить? Может, завтра... Нет, завтра не хочу. Захар осмотрелся кругом и, чтобы не насмешить кого-либо, не крикнул, а прошептал:

— Кукушка, кукушка, скажи, сколько мне осталось жить? Тишина, но не долгая. Закуковала кукушка, затлели в глазах Захара огоньки, раздуваемые памятью. Тридцать лет накуковала кукушка, сорок... Поди бы уж и хватило. Но нет, щедра кукушка...

С противоположной стороны от Захара к сену приблизился соседский теленок. Три раза его уже отгонял он, а сейчас вот в четвёртый раз придётся идти. Захар встал: «Чёрт бы тебя побрал, нет щипать зелёную... к сухой тянется, вот что значит тварь неразумная».

— Пошёл, леший, пошёл!..

А телёнок хвостом машет, голову опустил и вроде ещё и бодаться, играть вздумал. «Не ровен час...» — попятился назад Захар, запутался в сене, упал. С трудом удалось подняться и дойти до своего места на лавочке.

Захар ещё тешил себя мыслью: «Я выживу. Да и болею ли я?» Он вспомнил тот день, когда трактористов и шофёров в их колхозе заставили проходить медкомиссию. На неё он вроде явился и не больным человеком, правда, подозрительным было то, что в каждом кабинете его осматривали дольше других... А потом, как оглоушили — затемнение в лёгких. Прошёл курс лечения в районной больнице, затем месяц — в республиканской. При выписке лечащий врач сказал:

— Ничего страшного, жить будете, только вот слишком ослабли вы. — А ещё добавил: — Если желаете, можете уйти на группу по инвалидности.

— Нет, нет! Только не это! — упрямо заявил Захар. Дома ему вроде как легче стало.

Сейчас он, чуть отдышавшись, вновь встал со скамеечки, но силы зря расходовать на телёнка не стал: должна вернуться мать с полдника, а там и жене пора бы уж на обед. Подумав об этом, Захар пошёл к сараю, где скулила и рвалась с цепи собака. Можно было её спустить, она бы живо телёнка отогнала, только потом её не посадишь на цепь, не дастся. Неделю, как на привязи. Кормят её только мясом. Специально откармливают: собачий жир от болезни лёгких помогает... Как ни успокаивали слова врачей из республиканской больницы, а в лёгких сидит какая-то зараза. Вот и курить бросил, а кашель бьёт.

— Ну что, Найдюшка, рвёшься, — потрепал Захар за ухо собаку, — а мы ведь, пожалуй, отходились с тобой на охоту. Можно было бы и щенка у кого-нибудь взять на откормку, да ждать долго, пока вырастет... Скулишь, умирать не хочется... Эх, на охоту бы... Последнего зайца когда мы с тобой добыли? Эту зиму нет, не ходили мы с тобой на охоту: меня всё ко сну

тянуло, уставал на работе. Позапрошлую... День стоял тихий, и мы с тобой в белом поле, покрытом снежными волнистыми порогами. И — заяц. Выстрелить я не успел. Ты — за ним. Снег жёсткий, крупчатый, как наждак. Все лапы тогда побила до крови, а зайца на меня выгнала. А потом ты стонала, как человек. Я не захотел смотреть на твой кровавый след, взвалил тебя на плечи и принёс домой. Вспомнила, умница? — Глядел в кругляшки карих глаз Захар и ужасался: — Неужто у меня наляжет рука? Нет, не наляжет. Не стану я тебя убивать, не стану.

— Захар! Захар! — послышался тревожный голос жены.

— Что ты, Нина? Здесь я, здесь, — закашлялся Захар.

— Ах, вот ты... — с лица Нины исчезла тревога. — А я думала, ты ушёл...

— Куда?

— Некуда, что ль? Вчера в гараже полдня проторчал. Мы бабы надоедливые.

— Смеёшься? — смотрел Захар на жену. И вдруг он увидел: она красивая, здоровая. Он даже засмутился от этого случайного открытия. «Каково ей со мной?»

Во время обеда в дом заглянула почтальонка, принесла письмо.

— Из научно-исследовательского! — произнесла Нина так, будто она этой новостью сию же минуту исцелит Захара ото всех его недугов. В институт писали письмо, когда Захара только перевели из районной больницы в республиканскую. И вот получен вызов. Хотя Нине при выписке Захара и сказали: «Готовьтесь, ваш муж больше месяца не протянет» (об этом в семье она знала одна), сейчас с получением этого письма у неё появилась надежда. А может, там, в республиканской больнице, ошиблись? Везти надо Захара, спасать надо, даст Бог, и поможет профессор, ведь он же не просто, а профессор. А Захар-то, Захар, нашёл время болеть — трое детей подрастают. Обнищаем без мужика. А так-то, как всё хорошо было: и дом построили, не у каждого в селе такой, и мотоцикл с коляской купили. А теперь... — Что ж, Захар, с голым носом в Москву не поедешь, придётся продавать мотоцикл...

— Купим, будет здоровье, — перекосила усмешка рот Захара.

Это письмо дало Захару дополнительную порцию надежд, он даже тут же съел тарелку окрошки и два яйца всмятку. Такого количества пищи Захар давно не употреблял.

Не теряла времени Нина, написала несколько объявлений о продаже мотоцикла и тут же расклеила их на столбах по пути в магазин и одно на двери самого магазина.

Вечером объявился первый покупатель — Лукьянов, ветврач. Его в селе «Хмурым» дразнят, так как не попади ему сто граммов в рот, он пройдёт мимо и «здравствуй» никому не скажет. Сейчас же был весел и даже слишком.

— Мотоцикл поглядеть пришёл: я-то вот как-то по пьянке из своего лепёшку сделал. Да мой-то на двух... А твой поустойчивей. Поди, подольше поезжу.

— Продаю, — проговорил Захар, а в голове... «Эх, если бы не нужны были деньги. А продашь, толку-то, только нервничать будешь. Продать уж куда-нибудь за глаза, чтобы не видеть, как вещь в металлолом превратится».

Захар преклонялся перед техникой, а особенно он благоговел перед мотоциклом и своей машиной, на которой проработал восемь лет кряду. На облицовке — ни одной царапины, как будто только вчера пригнали с завода, всегда на ходу. Такой вид, будто она нигде никогда не бывала, хотя в самые отдалённые командировки — кто? Захар на своей машине. Нет, Лукьянову Захар не мог продать свой мотоцикл, и он выпалил:

— Кому-кому, а тебе нет, не продам!

— А чего так?

— Хорошо продать в нежные руки...

— А у меня что? Не нежные?

— Может, где-то и да. Но в таком деле, как техника...

— Есть же народ! Одной ногой туда, а всё...

— Я туда! — вознегодовал Захар. — Посмотрим еще, кто кого переживёт!

Ушёл ветврач. По-прежнему сидит Захар у дома на лавочке, на своём месте, погруженный в раздумье. «Если продаю мотоцикл, значит всё, умираю. Нет, я ещё пятый десяток не разменял, я ещё со смертью повоюю. До кабины своего «ЗИЛа» добраться, а там от кого хочешь умчу, не только от смерти. Я бы, может, и сейчас, да в институт для консультации надо. А то, может, к чёрту. Мне ведь легче стало. Нет, нехорошо, Захар, человека-то ты потревожил своим письмом. В каракулях твоих надо ещё разобраться, а попробуй, разберись, ты же подробно чуть не всю жизнь свою описывал: и как в Чернобыле трудился, и о том, как работал в сельхозпредприятии шофёром, а теперь вот приболел. А работать всё равно хочется, а жить само собой...». И теперь, получив ответ от профессора, Захар словно почувствовал, что знаком с ним и знаком хорошо. Думал Захар и о том, что не один он, пожалуй, пишет ему. И каждое письмо надо прочитать, написать ответ, запечатать в конверт, опустить в почтовый ящик. «Относительно моей болезни, может, и какое недоразумение

вышло. А это, выходит, мне вызов, а я не поехал. А профессор подумает, подумает, зачем же я вызываю? Возьмёт, да и не вызовет действительно больного человека. Нет, мне ехать надо. Пусть посмотрит, на душе всё равно неспокойно: вроде и разговаривают со мной люди, шутят, смеются, а вот стоит им отойти, оглядываются на меня, шепчутся. «Это у него Чернобыль...». А что Чернобыль?»

Вечер. Видно, как солнце соприкасается с кромкою земли, и то место соприкосновения становится ало-красным. И вот уже не видно солнца, а это ало-красное ширится, расплзается и красит небо. Треть неба охвачена зарей. Уже и корову подоила Нина, ребяташки, попив парного молока, побежали в клуб, а Захар всё сидит на лавочке, не хочется ему домой: не часто бывают такие зори.

— Ну, как ты тут?

Захар повернул голову на знакомый голос. Его пришёл навестить председатель.

— На небо смотрю, словно пожар где-то, а к нам ответ.

— Действительно, необычная сегодня заря, — размышляя, произнёс председатель и, чуть повременив, добавил: — Слышал, в Москву собираешься? Мотоцикл продашь?

— Продаю. Ветврач приходил, отказал ему. Человек-то он... Не захотел смотреть, как он над техникой издеваться будет.

— Лукьянов неаккуратный, — согласился председатель. — А мы так поняли: деньги тебе нужны. Решили помочь. Правление немного выделило, шофёры, трактористы сбросились... Держи, — протянул председатель Захару небольшой свёрток.

— Обычно деньги так вот собирают, когда человек умирает.

— Хватит тебе о худшем, мы ещё поработаем.

— Поработаем, — взбодрился Захар, даже улыбнулся. Улыбка получилась вымученной. От денег не отказался.

В Москве Захар и Нина пробыли недолго, всего три дня. Захар возвращался в село в приподнятом настроении. В институте, осмотрев его, профессор сказал: «Надо больше употреблять овощей и фруктов, пока лето». И лишь одно в той беседе насторожило Захара, почему профессор, сколько ни говорил с ним, не посмотрел ни разу прямо в его глаза? И, тем не менее, Захар не мог не верить ему.

От железнодорожной станции до села было всего лишь полчаса езды. В автобусе Захара мутило, но, когда он вышел из него и глотнул свежего воздуха, вроде стало легче.

Село. Где бы ни приходилось бывать Захару, как бы где хорошо ни было, здесь всё равно было лучше, и небо над селом как-то подсинено по-другому, и жаворонки здесь Захару всегда, ка-

залось, не просто поют, а вяжут спицами-голосами песню так же искусно, как его мать носки и варежки. И никогда здесь Захар не казался себе таким жалким, как, положим, в городе. Вон поле. Захар не был сейчас там, в поле, но он, представляя, ощущал, как, соприкасаясь, звенят пшеничные колосья. А это что? Всё замерло тревожной радостью в груди Захара, там, в поле, на первый круг уже зашёл комбайн. Уборочная. А я что же? Нина и Захар медленно шли от автобусной остановки в сторону дома. А вот уже и дети спешат навстречу. Нина остановилась и, нагнувшись, стала расстёгивать сумку, чтобы достать гостинцев. Рядом остановился председательский «уазик».

— Здравствуйте! Как чувствуешь-то себя, Захар? — вылез из машины председатель.

Захар тяжело дышал, ему хотелось кашлять, но он терпел, так как перед председателем старался выглядеть вполне здоровым.

— Связался с больницами, а зря... Надо было сразу в Москву, давно б работал.

— Да, — вздохнув, согласился председатель, и чуть помедлив, добавил: — Уборочная. Машины на вес золота. Тут, Захар, такое дело: человек на твою машину находится, а без твоего благословения он не желает садиться за руль.

— Что? Человек на мою машину? — встрепнулся Захар. — Нет, я сам завтра... Нет, не завтра, а сейчас...

— Папочка, миленький, ну что тебе в Москве сказали? — подлетела младшая дочь к Захару.

— Бабушке скажи, папа здоров, — отстранил от себя Захар дочь и пошёл, пошёл широко, размашисто в сторону гаража. Откуда у него только силы взялись.

— Не жилец он, ох не жилец! — не выдержала, впервые сорвалась Нина.

— Захар! Захар! — окликал шофёра председатель, а в голове: «Надо же было остановиться».

Не слышал сейчас Захар слов председателя. Он был занят своими мыслями. «Нет, моя машина! И на ней должен работать только я». Вот и гараж. И машина стоит всё на том же месте. Захар нащупал в кармане ключ зажигания, его он постоянно носил при себе, как святой крестик. А вот и дорога. Но почему на неё от гаража не свернуть Захару. Он хочет крутить руль вправо, но сил не хватает, и он сбрасывает газ, остаток сил расходует на тормоз. Белый лоб лёг на сигнал. И печальный звук начал насквозь пронизывать село Светлое.

РАКОВАЯ ОПУХОЛЬ РУССКОГО МИРА

Украина! Родная земля моих предков, которые сражались за землю Русскую, за веру православную еще в полку Иго-реве! Благословенная земля!

Уже давным-давно в своем молитвенном правиле я несколько раз на дню повторяю две совершенно одинаковые молитвы о спасении моей Родины России и о спасении моей Родины Украины — они едины и неделимы в моем сердце.

Опять началась война, и началась она опять 22 числа, только не июня, а февраля, когда бандеровцами был захвачен Киев. И опять война будет долгой, необъявленной и кровавой — нам опять предстоит тяжелая моральная оборона Крыма, Севастополя, Москвы... Но потом, как всегда, придет наша русская Победа!

Сегодня австрийско-польско-советский проект «Украина» успешно завершен, и его создатели могут принимать поздравления — они добились поставленных целей в расколе Русского мира. Огромные деньги, затраченные на переформатирование части Русского мира в антирусский, принесли свои плоды — создан украинский народ, народ-янычар, ко-

РУССКИЙ ВОПРОС

торый готов страдать, воевать и умирать за свои бандеровские идеалы, а идеалы просты: надо уничтожить все русское и имперское и на Украине, и в России, потому что при наличии традиционной России никакая украинская бандеровская государственность невозможна.

В 1596 г. христиане Украины и Белоруссии оказались оторваны унией от Православной Церкви и поставлены под контроль польского католицизма. Последующие века насильственного ополячивания и окатоличивания русских на Украине и в Белоруссии привели к освобождению их государством Российским.

После разделов Польши только самые западные земли — Галичина, Закарпатье и Буковина остались вне пределов Российской Империи.

И хотя города Галиции (так называли ее в Австро-Венгрии) были фактически польскими (в 1939 г. во Львове было около 70% поляков, 20% евреев и 10% русинов), полная колонизация сельских жителей не удавалась — русины считали себя частью Русского мира и с надеждой смотрели на Россию, как на своего будущего освободителя от польско-австрийского ига.

В середине XIX века в Вене родилась новая идея — идея создания из русин нового народа с новым антирусским языком и новой антирусской идеологией, народа, ненавидящего все русское.

«Если Гриць не может быть моим, то пускай, по крайней мере, не будет ни моим, ни твоим» — так сформулировал эту политику видный польский деятель ксенз В.Калинка.

Еще конкретнее выражался военный лидер польского движения генерал Мирославский: «Бросим пожар и бомбы за Днепр и Дон, в сердце России. Пускай уничтожают ее. Раздуют ненависть и споры в русском народе. Русские будут рвать себя собственными когтями, а мы будем расти и крепнуть».

«Пустить русина на русина, дабы они сами себя истребили» — так в узком кругу формулировал эту политику австрийский наместник Галиции граф Голуховский (поляк по национальности).

А другой поляк, советник Ю.Пилсудского, уже после обретения Польшей независимости заявлял, что для поляков не имеет значения, действительно ли существует отдельная украинская народность русской нации: «Если бы не существовал украинский народ, а только этнографическая масса, то следовало бы помочь ей в достижении национального сознания. Для чего и почему? Потому, что-

бы на востоке не иметь дела с 90 млн. великороссов плюс 40 млн. малороссов, неразделенных между собой, единых национально».

Украинизацию Галиции проводили яростно и кроваво — вся интеллигенция, которая ей противилась, по доносам новоиспеченных украинцев была во время Первой мировой войны или уничтожена по месту жительства, или заключена в австрийские лагеря смерти Телерхоф и Терезин, и в подавляющем большинстве своем оттуда не вернулась.

Но еще более ожесточенно и последовательно за дело украинизации взялись большевики после окончания Гражданской войны — насильственной украинизации подверглась не только вся территория УССР, но и Кубань, и Ставрополье!

Своих знатоков мовы не было, поэтому широко привлекали граждан другого государства — Польши, а в связи с отсутствием учебников, обучали еще по тем, что были напечатаны в Австро-Венгрии — с портретами Франца Иосифа!

Уже к концу 1925 года на Украине орудовала 50-тысячная армия галицийских «янычар», и их число увеличивалось с каждым месяцем. Но изобретенную в Галиции «говірку», мало общего имеющую с родным языком, никто не знал и изучать отказывался.

В том же 1925 г. после пятилетия украинизации в отчете Киевского губернского комитета КП(б)У отмечалось, что несмотря на широкую украинизацию 25% населения языка «абсолютно не знают», 30% — «почти не знают», 30,5% — «слабо знают» и лишь 14,5% оказались «более-менее знающими».

С.А. Ефремов отмечал, что «наиболее серьезно к украинизации отнеслись служащие-евреи. И действительно, за эти полгода выучились». Малороссы и великороссы же всячески противились украинизации и не желали учить «рідну мову».

Учитывая большой процент евреев на тогдашней Украине, можно полагать, что большинство из тех 14,5%, которые оказались более-менее знающими, были евреи, а не малороссы и великороссы, для которых-то и предназначалась «мова».

«Мова» разрабатывалась, как отдельный антирусский язык с максимальной заменой традиционных народных русских слов на польские, немецкие, местные галицкие или просто вновь выдуманные. Главное — чтобы не было похоже на русское.

Многие слова неоднократно переделывались, т.к. создатели «мовы» начинали их считать недостаточно далекими от русских. Например, «местоимение» последовательно превращалось в «містоимення» — «містойменник» — «заіменник» — «займенник».

Где уже совсем невозможно было придумать отсебятины, брали любое иностранное слово. Например, вертолет у «древних укров» называется, как у современных англичан, — «гелиокоптер», а запятая — «кома».

В результате получилась абракадабра, которая возмутила даже одного из классиков и создателей украинской мовы Ивана Семеновича Нечуй-Левицкого, который перейдя в оппозицию к украинизаторам, говорил еще 1912 г.: «Получилось что-то и правда уж слишком далекое от русского, но вместе с тем оно вышло настолько же далеким и от украинского» и предлагал создать новый народный язык на основе поднепровских говоров.

Чтобы нам убедиться в искусственности современной «рідной мовы», нам достаточно взять издания «Повести временных лет» и «Слова о полку Игореве» и убедиться, что они написаны древним языком, но не по-украински, а по-русски, хотя и написаны на территории современной Украины. Можно прочесть «Летопись самовидца», написанную современником и, наверное, соратником Богдана Хмельницкого, и опять не найти там «рідной мовы».

Но лучше всего характеризует искусственность мовы знакомство с языком лемков, которые являются самой западной народностью Русского мира. Земля лемков — Лемковина — лежит вокруг древнего русского города Перемышля (ныне — Пшемысль Польской Республики).

Лемковский историк отец Иоанн Полянский (1888—1972, псевдоним — Лемкин) так писал о лемках на своем наречии: «Лемкы национально надлежат до великой родины славянско-русской. Название «Русь» было для них завсегда святым, а идея славянска лежала всегда в их сердци... Сами называют себе Русинами, Русскими, Руснаками, Лемками... Хотя в послідных часах старанося нашмарити лемкам назву «украинец» на означение их народности, а одновременно змінити их дотыхчасову ориентацию... До сего часу лемкы той назвы не прияли, ани своей ориентации политичной не змінити».

Другой замечательный лемко — Дмитрий Вислоцкий (1888—1968, псевдоним — Ваньо Гунянка), так писал в своем букваре на своем наречии: «По своей бес Ђд Ђ рускій народъ длитя на великороссовъ, малороссовъ, або украинцевъ, б Ђлороссовъ и лемковъ... Малорусска, або украинска бес Ђда подобна до великорусской своимъ акцентомъ, б Ђлорусска произношениемъ, а наша лемковска корень вс Ђмъ тымъ бес Ђдам. В нашей лемковской бес Ђд Ђ найдеме слова великоруски, котры забыли украинцы, найдеме украински, кот-

ра забыли великороссы, найдем и б Ёлорусски. То значить, што наша лемковска бес Ёда корена бес Ёда всего русского народа... Слова у нас корены русски, а акцентъ словацкій и польскій. Пришоль от того, что мы слухаме много польской и словацкой бес Ёды, бо зме съ ними въ сус Ёдств Ё».

Правда же, какой неторопливый, полнозвучный, древний и родной русский язык!

Повсеместное насаждение украинской мовы привело и к созданию ее идеологического обоснования — альтернативной антирусской истории — лжи о якобы существовавших отдельно от русского народа украх.

Любой мало-мальски знакомый с историей человек скажет, что и «рідна мова», и «история укров» — это бред, но этот бред и поддерживался, и хорошо оплачивался и в Австро-Венгрии, и в довоенной Польше, и в СССР, и после 1991 г. в химерическом государстве Украина. И этот бред порождает выводы: устойчивое государство Украина невозможно при наличии государства Россия, а устойчивое государство Россия невозможно, пока Русский мир поражен раковой опухолью антирусского украинства. Ведь всем очевидно, что утвердившись в Галичине, украинство стремится завоевать центральные, восточные и южные области, а если оно укрепится там, то очередь дойдет и до Кубани, и до Ставрополя, где до 1930 г. тоже проводилась украинизация, а потом будут Курская, Воронежская, Белгородская, Брянская области и т.д. и т.п.

Плоды украинства очевидны: геноцид русских в Галиции при помощи австро-венгерских войск во время Первой мировой войны, оголтелая травля всего русского и в Галиции, и в УССР до Великой Отечественной войны, многочисленные украинские батальоны гитлеровской вспомогательной полиции, которые свирепствовали на территории Украины и Белоруссии в годы ВОВ. Хатынь была уничтожена не немцами, а солдатами роты хорунжего В.Мелешко 118-го батальона вспомогательной полиции. Немцы там стояли только в оцеплении, и только потому, что они пощадили подростка, «не заметив» его, стали известны подробности трагедии. Украинцы согнали всех жителей в сарай, подожгли его, а потом косили из пулемета и добивали одиночными выстрелами всех тех женщин и детей, которым удалось вырваться из огня. В отличие от немецких фашистов, у украинцев пощады не бывало.*

* Хатынь — это Беларусь. А в России в одной только Смоленской области было около 300 подобных Хатыней, где сёла и деревни сжигали вместе с жителями. — Ред.

Говорят, что первый секретарь КПУ В. Щербицкий чуть ли не на коленях умолял других членов Политбюро не открывать эту жуткую украинскую правду. Украинских «героев» Хатыни вылавливали по одному и осуждали на закрытых судебных заседаниях. Однако сегодня в Черновцах действует музей 118-го батальона, и бандеровские изверги почитаются как герои Украины. Сегодня бандеровцы опять временно победили на территории Украины, и нам предстоит очень тяжелая борьба.

Но для того, чтобы борьба была успешной и жертвы были бы минимально возможными, нам надо четко представлять себе, что не существует никаких трех братских народов, а есть единый и неделимый русский народ, часть которого долгое время находилась под польским католическим владычеством и приобрела некоторые заимствованные отличия, как в обычаях, так и в языке, которые, тем не менее, разделяют нас гораздо меньше, чем баварцев, саксонцев и пруссаков в Германии или провансальцев, пикардийцев и ильдефранцев во Франции.

Поэтому уже сейчас надо проводить решительную политику дебандеризации и деукраинизации Малой Руси, одновременно не забывая и о Белоруссии, где сегодня тоже происходят процессы искусственного обособления от Русского мира.

А лечится бандеровщина быстро- и сильнодействующим русским лекарством: скорый и решительный суд и освоение на свежем морозном воздухе бескрайних просторов Сибири и Дальнего Востока — там всегда рады принять здоровых, энергичных молодых людей. И места там хватит всем: и яйценюкам, и ярошам, и музычкам, и ляшкам, и кличкам и всей другой бандеровской сволочи.

Другого пути у нас уже нет — иначе Россия будет, как раковыми метастазами, разъедена украино-нацистскими бактериями предательства Русского мира.

ОБ ЭТНИЧЕСКОЙ ВОЙНЕ В РОССИИ

На Украине случилась трагедия. Её президент Янукович вместо того, чтобы погасить развивающийся конфликт, предпочёл самоустраниться, тем самым передав всю власть над страной небольшой группе управляемых Западом заговорщиков. Фактически был доведён до логического завершения межэтнический конфликт, который тлел то разгораясь, то затухая с эпохи оккупации Украины войсками рейха. Непонятно, почему современные политики предпочитают не замечать главного; ведь со времен Киевской Руси, в частности, с княжения на Галитчине и Волынии принявшего титул короля князя Даниила, всегда жил славяноязычный, но совершенно с иным менталитетом, своеобразный этнос. Как он сложился? Когда в I веке до н.э. римские легионы Цезаря вторглись на территорию Галлии, современной Франции, то часть галлов предпочла уйти от римского владычества на восток. Несколько галльских племен осели в предгорьях Карпат, на территории современной Галиции, отсюда и её название. Со временем галлы смешались с местным населением, которое говорило на дру-

РУССКИЙ ВОПРОС

гом языке. Так появились гуцулы и западные галицкие славяне. Если учесть, что галлы никогда не являлись чистым индоевропейским этносом, как славяне или германцы, а были представителями смешанного с иберами народа, то их сознание всегда отличалось от славянского.

В IX веке во время движения угров за Карпаты, на территории Галиции осело несколько венгерских родов, которые приняли местную культуру и перешли на славянский язык. Вот почему галицкие украинцы антропологически, по цвету глаз, кожи и строению черепа отличаются от основной части населения Украины. В более поздние времена Галицкая Русь оказывалась то под Венгрией, то под Речью Посполитой, отсюда и изменения в языке не только западной, но и восточной Украины. Единый русский язык наполнился словами польского диалекта, а в Прикарпатье была взята на вооружение часть лексики из венгерского и румынского языков. Всё это отразилось на коллективном сознании этой части Украины.

Кроме того, не надо забывать что во времена Даниила Галицкого, в середине XIII века, церковь Галицкой Руси вошла в унию с Ватиканом, фактически признала своё подчинение римской католической церкви. Это позволило папской курии, в свою очередь, провести в Галиции крещение части местного населения по католическому обряду. Последняя акция вообще оторвала Галицию от единого восточнославянского этнического пласта. Получилось так, что на территории Галиции сложился другой славяноязычный этнос, со своим менталитетом, своей культурой и религией. Возникает вопрос: случайность это или нет? Судя по современным событиям, это далеко не случайность.

Ватикан и чёрная европейская элита отлично понимали, что делают. Не справились они с населением бывшего волоховского княжества, того, которое всегда противилось власти галицких князей, и для сохранения своей независимости вступило в союз с Ордой. Опираясь на могущественного восточного союзника, волоховцы устояли, они не подверглись разрушающему воздействию Запада и сохранили свою рускость. В настоящее время эти люди называют себя русинами, но надо учесть, что русины — более позднее население Карпат, нежели пришельцы из Галлии. Этнически и антропологически русины являются чистыми славянами. Вот почему при исследовании генетики и антропологии западных украинцев академики РАН пришли к выводу, что они близки к казанским и крымским татарам. Непонятно, откуда взялись тюркские корни в Галиции? Скорее всего, это ошибка.

Антропологами были отслежены галльско-иберийские корни, которые ошибочно были приняты за тюркские.

Но откуда взялась эта лютая ненависть к «москалям» у новоиспеченного народа? Дело в том, что каждый этнос имеет своё коллективное сознание, которое тесно связано с его генетическим кодом. Если генетика бунтует и не признает своего единства с каким-либо этносом, то это серьёзно. Пример тому, поведение тех же карпатских русин, которые до сих пор не называют себя украинцами. Их генетическая природа противится географическому названию, которое когда-то было навязано Западом Украине. Поэтому надо понять галичан: они ненавидят всё русское не потому, что так воспитаны, а потому что они просто другие. Если так, то пусть отделяются и строят своё маленькое Галицкое государство или уходят в офшоры, но не навязывают своё мировоззрение всему русскому народу Украины.

Безусловно, в формировании коллективного сознания западной Украины большую роль сыграло и воспитание. Со времен австро-венгерской империи гибридным западным славянам не одно поколение внушалось, что они никогда не были в едином русском государстве, что они всегда были ближе к полякам и венграм и что всё русское им чуждо, и их диалект, фактически русский, является особым украинским языком. Беда в том, что подобное воздействие на психику попало в благодатную почву и на генетическом уровне проросло в ненависть к «москалям» и к тем жителям Украины, которые считают себя единым русским народом. Поэтому не надо рассматривать Украину этнически единой.

На Украине идёт самая настоящая скрытая этническая война, где молодой, искусственно созданный западнославянский этнос диктует свою волю древнерусскому этносу бывшей Киевской Руси. Конечно, не надо сбрасывать со счёта и мощное влияние Запада. Как мы знаем, в организацию украинской революции только американцы вложили более 7 миллиардов долларов. Механизм до банальности прост. Печатный станок штампует бесконечное количество пустых, ничем не обеспеченных бумажек, которые по непонятной причине называются деньгами, а на них покупаются люди с материализованным сознанием потребителей. На Украине таких предостаточно, особенно на западной. Похоже, материализацией сознания по западному образцу на Галичине Ватикан и его сподручные занимались не одно столетие. Так что не надо думать, что проект завоевания Украины Западом является чем-то новым. Ему, по меньшей мере, 6—7 столетий, но всё это касается Украины, а теперь по-

смотрим, что делается у нас, в России. Не работает ли проект этнического противоборства и разделения на нашей территории?

Пора бы научиться нам, смотреть правде в глаза. То же самое межэтническое сраживание народов начало работать в России сразу после возникновения на её просторах советского государства. И прежде всего оно стало действовать против государствообразующего русского этноса. Нам могут возразить, что, дескать, в советское время на территории СССР действовали законы пролетарского интернационализма, где народы обязаны были уважать друг друга, но это одна сторона медали, видимая. На самом деле, троцкистско-ленинским руководством была заложена мина замедленного действия. Она выразилась в том, что по приказу Владимира Ильича на территории советской страны была ликвидирована система губернского управления, и на её месте возникли национальные союзные республики, автономные и национальные округа. Мало этого, во время формирования границ национальных образований огромные территории, заселённые русским народом, оказались вне Российской Федерации. В Казахстане — это территория Семиреченского казачества, в Якутии — гигантские земли от Лены до Чукотки и от среднего течения Вилюя до Северного Ледовитого океана. В Поволжье исконно русские города и сёла оказались почему-то в Чувашии, в Татарстане и Мордовии. На севере русские сёла и деревни по Печоре стали принадлежать республике Коми. Кроме того, огромные территории востока и юга России были переданы Украине. Но это произошло во времена, когда была сильна власть Ленина и Троцкого.

И.В. Сталин в начале 30-х годов был единственным противником ленинского проекта разделения России по национальному признаку. Он как мог, так и противился такому решению ЦК. Но, как выяснилось в настоящее время, Ленин за свой проект получил от Британской империи кругленькую сумму. Поэтому Владимир Ильич сделал вид, что ничего страшного в его проекте нет, он безопасен для России и не может быть «миной замедленного действия». Но это было только начало отнятия исконно русских территорий у государствообразующего этноса. Как известно, после войны у Сталина был проект становления на территории СССР унитарного государства, где не было бы национальных союзных республик, республик автономных и национальных округов. На их месте по его плану должны были возродиться губернии, но претворить в жизнь свой проект Иосифу Виссарионовичу не удалось. Вполне возможно, что одной из причин,

по которой он был убит, была попытка ликвидировать этническую мину замедленного действия на территории СССР, ту самую, которая была заложена В.И. Лениным.

После смерти Сталина неотроцкист Никита Хрущёв продолжил начатое Владимиром Ильичом. Он своим указом отделил Крымский полуостров от России и подарил его Украине. Мало этого, Никита Сергеевич закрепил навсегда за Украиной отданные в 1920 году троцкистами земли Донбасса, Луганскую область, Николаевскую, Херсонскую, Одесскую и др. области, которые сейчас считаются исконно украинскими. Кроме того, ставленник Запада Хрущёв передал 5 областей южного Урала и Сибири Казахстану, Порт-Артур отдал Китаю и умудрился пообещать Японии три острова Курильской гряды. Фактически, руками троцкистов во власти в течение короткого промежутка времени было проведено завоевание русской земли в пользу возникших национальных союзных республик, автономных республик и национальных округов гигантских территорий компактного проживания граждан русской национальности. Все эти люди, хоть и остались в Советском Союзе, но оказались за бортом своей республики. Над всеми ими возникла власть национальных меньшинств не только в форме новоиспеченных элит, но и в виде непосредственного воздействия на русских тех, кто стал считать себя на недавней русской земле хозяином.

Ярким примером вышеизложенного может служить республика Саха. До присоединения Якутии при князе Тыгине якуты жили вдоль Лены, Алдана и Вилюя 300 км с юга на север и 100 км с запада на восток. В советское время Лениным и Троцким им была отдана 1/7 часть территории Советского Союза, где русского населения было в 3 раза больше, чем якутского, взять тот же бассейн Яны, Индигирки, Хромы, Колымы, Алазеи и других рек. На всех этих землях стояли казачьи посёлки и города. Фактически это была территория расселения восточносибирского казачества, которая в настоящее время поделена на улусы и управляется якутской национальной элитой. Естественно, заполучив такую огромную территорию, якуты тут же занялись планомерным вытеснением с неё русского этноса. Это выразилось в замене якутами русских на всех уровнях власти. Понятно, что у государствообразующего народа возник вопрос: почему такое происходит? По сути, это настоящее предательство. Почему казачьи русские земли оказались под управлением якутов? Всё просто: таково было распоряжение тех, кто тогда сидел в Кремле и делил Россию, намеренно отнимая у русского этноса само ценное, что у него есть, его территории.

Нечто подобное произошло и на северном Кавказе, где огромные равнинные земли, заселённые русским казачеством, были присоединены к Чечне, Ингушетии, Адыгее, Черкесии и Дагестану. Почему-то земельный вопрос всегда разрешался советским правительством тех лет в пользу малых этносов России, в ущерб государствообразующему народу. К чему это привело? Мало того, что многие русские города, сёла и деревни оказались не на своей территории, одни в Татарии, другие в Удмуртии, третьи в республике Коми и т.д., так ещё и на всех этих землях местное население стало презирать русский народ за его слабость и неспособность отстаивать свои права на свою же собственную землю.

С подачи Троцкого и Ленина задолго до «перестройки» началась тотальная невидимая война против русского народа на всей территории СССР. Причем, спровоцирована она была разделом русских земель и передачей их под управление национальных меньшинств троцкистами. Позднее с Крымом и Казахстаном то же самое проделал и Хрущёв. В этом проекте ставка была сделана на коллективное сознание малых народов России, тех, которые получили просто так, «за красивые глаза» громадные территории и ресурсы, им никогда не принадлежавшие. Естественно, чтобы удержать эти земли, надо было начинать пожирание и вытеснение русского населения со всех этих «завоёванных» законной властью Кремля территорий. Вот откуда возникло неуважение к русским как к народу. Действительно, за что нас тогда было уважать? Ведь ни в одном месте, ни в одном городе, ни в Казахстане, ни в Крыму, ни на восточной и южной Украине, ни один русский не возмутился тем, что произошло с его Родиной. Если бы начались массовые выступления протеста, вплоть до вооружённых выступлений, то всё могло быть иначе. А так, огромные исконно русские земли оказались завоеваны без единого выстрела и переданы азиатам, кавказцам и тем, кого мы сейчас называем украинцами*.

В настоящее время война этносов против государствообразующего народа только усилилась. Национальные элиты, которые после упразднения губерний появились в советское время, неплохо контролируются Западом. Кроме того, за 3 дня до убийства Сталина в 1953 году, с территории Германии в направлении Советского Союза заработала радиостанция

* Автор не прав. Гражданская война как раз и была этим возмущением и вооружённым выступлением. Причем главную роль в этой войне играли не белогвардейские армии, а крестьянские и рабочие восстания. — Ред.

«Освобождение», которая впоследствии стала называться «Свобода». На этой радиостанции засели предатели и отщепенцы, которые ухитрились во время войны перебежать к англичанам и американцам. Управляемые своими хозяевами, они стали вести передачи на казахском, узбекском, туркменском, азербайджанском, грузинском, армянском, татарском, башкирском, якутском, украинском, белорусском и других языках населения Советского Союза, рассказывая о том, что все эти народы живут под жестоким игом русского этноса, что русские всех их грабят, разрушают их национальную культуру, вывозят с их территорий несметные богатства, заставляют всех служить в русской армии и что пора бы всем этим народам избавиться от ненавистного ига. Фактически, Запад взял курс на усиление этнической войны в России. Западные стратеги поставили себе задачу организовать в СССР лютую неприязнь азиатских, кавказских и других малых народов к государствообразующему этносу. Во всех национальных округах и автономных республиках местные власти до сих пор вытесняют с высоких постов русских. Везде идёт тотальная замена на свои национальные кадры. Русские остаются только в тех местах, где местные не в состоянии управлять производством на шахтах, рудниках и в тех сферах деятельности, где может справиться только наш трудолюбивый русский народ. Но везде, даже там, где нельзя обойтись без русского, нас стали презирать как бывших оккупантов, людей второго сорта. Это касается не только бывших союзных республик, но и автономных, и национальных округов.

Такая же скрытая этническая война началась на исконно русских территориях в период «перестройки», куда в огромном количестве стали переселяться жители Кавказа, Средней Азии и Украины. Почему такое происходит, и кто эту новую волну войны спровоцировал? Всё просто: после развала Советского Союза, местные коммунистические элиты тут же приватизировали бывшее народное достояние, но сохранить его они не смогли. Дело в том, что нарушились экономические связи с Россией, и началось во всех союзных республиках, с целью ограбления и насилия, тотальное преследование русского народа. Естественно, русские хлынули из Прибалтики, Молдавии, азиатских республик и Кавказа к себе на родину. Вскоре то производство, где они работали и которым управляли, «приказало долго жить». Всё это привело ненавидящее русских местное население к безработице. Естественно, этим людям тут же стали внушать, что в их бедах виноваты не местные «баи» и «ханы», которые ограбили

свой народ, а опять же русские. Какое они имели право остановить производство и покинуть республики? Кончилось тем, что и с юга, и с Кавказа, огромная часть безработных стала перебираться в Россию. Эти люди приезжали и до сих пор приезжают в наши города и сёла с обидой на русский народ. И, конечно, подчиняться нашим российским законам они не собираются. В наших городах переселенцы создают свои землячества и начинают медленно, но верно вытеснять русских с торговых предприятий и рынков. Как известно, торговля является самым простым средством добычи денег. Вот почему в короткий срок государствообразующий народ был вытеснен с большинства рынков азиатами и кавказцами. Кроме того, у тех и у других, в силу их менталитета, сложилось мнение, что мы, русские, на своей земле не умеем хозяйствовать. Единственное, что мы можем, так это днём и ночью работать на тех, кто нами руководит. Отсюда в среде азиатов и кавказцев родился миф, что мы являемся для джигитов, гастарбайтеров и торгашей питательной средой, которую надо умело пользоваться. Отсюда и наглое поведение приезжих людей в наших российских городах. Они не понимают, что русские люди, в силу своего гостеприимства и великодушия, на многие их безобразия просто закрывают глаза. Всё это расценивается ими как слабость. Кроме всего прочего, для поддержания мигрантов из Азии и Кавказа, наша продажная Дума по приказу с Запада придумала 282-ю статью, которую у нас в России называют русской. Почему её так называют? Да потому что по ней в тюрьмах сидят в основном русские патриоты, которые пытались защитить себя и свои семьи от произвола «обиженных» и воспитанных в духе ненависти ко всему русскому мигрантов. Для чего была принята 282-ая статья, понятно, — чтобы мы, русские, не в состоянии были отстаивать свои национальные права на своей же собственной земле.

Но юго-восток Украины показал, на что способны русские, когда они объединятся и когда власть доведет их до крайней черты. Это показательный урок властям, пытающимся задавить в русских людях национальное чувство.

ПОД ПРИКРЫТИЕМ ОПЕРАЦИИ «МАЙДАН»

Заглянем за горизонт событий

Мир стоит на краю глобальной катастрофы. Она охватывает все сферы жизни отдельной личности, общества и каждого государства. Сегодня, без преувеличения, решаются судьбы человечества.

Мы видим, как происходит демонтаж системы международного права. США пытаются подмять под себя суверенитет независимых государств, навязывая другим странам систему своего доминирования. Этот принцип основан на развитии ключевых стратегических преимуществ, с которыми не может соперничать ни одна группа стран, что в американской геополитике называется *«полным спектром доминирования»*.

Сюда относятся глобальное политическое, экономическое, финансовое и военное доминирование, что позволяет взять под свой контроль ограниченные и быстро истощающиеся мировые запасы природных ресурсов (нефти, газа, угля, других полезных ископаемых, пресной воды и проч.). И, наконец, сюда относится и будущий

СУММА ТЕХНОЛОГИЙ

контроль над мировым производством продуктов питания через контроль над патентами генетически модифицированных культур, а также запатентованных пестицидов, без которых сегодня ГМ-семена нельзя ни купить, ни посеять.

Известно, что урожай из геномодифицированных культур нельзя использовать в качестве посевного материала. Он просто не даёт всходов.

Так уж сложилось, что Россия на 90% зависима от импорта семян основных культур. Что будет завтра, когда семена без ГМ-вставок на мировой рынок просто не будут поступать по причине их отсутствия?

Таким образом в руках США может оказаться эффективный инструмент организации в нужный им момент всемирного голода.

«*Полный спектр доминирования*» на практике означает тотальную власть над миром.

Следовательно, только через «полный спектр доминирования» можно навязать всему человечеству наднациональный орган — Мировое правительство, обладающий правом попирать государственный суверенитет любой страны, а также право использовать военную силу против непокорных народов. Это означает одно — создание всемирной диктатуры (Нового мирового порядка), что будет сопровождаться «великой скорбью, которой не было от начала мира доныне, и не будет». (Мф. 24:21). После чего наступит конец Истории.

Основное препятствие на пути установления Нового мирового порядка

Сегодня мир поделён на две противостоящие силы: с одной стороны, трансатлантическую систему (англосаксонский мир, находящийся на грани банкротства), куда входят Северная Америка и Европейский Союз, а с другой стороны, Евразийское пространство от Белоруссии до Тихого океана, богатое колоссальными полезными ископаемыми. Это дарованные нам Богом 40% мировых ресурсов, плодородные пашни, 30% мировых запасов леса, огромные запасы пресной воды, за что в XXI веке, по экспертным оценкам, будет вестись беспощадная борьба. Заполучить эти богатства «золотой миллиард» может лишь из рук нашей «пятой колонны», задача которой обезлюдить и развалить Россию на удельные, зависимые от внешних сил княжества.

События на Украине — тщательно подготовленная спецоперация в глобальной стратегии тех, кто планирует установление Нового мирового порядка во всём мире. Об этом гово-

рится уже вполне открыто. Развязав гражданскую войну на Украине по югославскому, ливийскому, сирийскому сценариям, Запад хотел вплотную приблизиться к границам России и заставить истекающую кровью Украину примкнуть к антироссийской коалиции. Затем хаос и братоубийственная война должны были перекинуться на нашу территорию.

Сегодня истинные правители США шантажируют мир **угрозой** новой мировой войны, которая без особого риска для Америки может быть срежиссирована в украинско-российском военном конфликте.

Параллельно с этим конфликтом запускается маховик мировой финансово-экономической войны, которая должна уничтожить посредством санкций российскую финансовую систему, после чего последует и крах ряда системообразующих европейских банков. Это позволит американской олигархии списать свои долговые обязательства обваливающихся финансовых пирамид на войну с Россией и выйти из финансового кризиса.

Но это только лишь односторонняя картина двуединого мира — физического и духовного. Ныне inferнальные силы — «реальные режиссёры», которые направляют ход истории, а антихристианский Запад, закрепляющий законодательно открытый сатанизм, — лишь слепое орудие этих бесовских сил. Если взглянуть глубже — это зловеющий проект возвращения уже на современном глобальном уровне к содомократии сатанинского сообщества жителей библейского города Содомы, в котором «мерзость перед Богом» носила культовый характер — непереносимое условие прихода антихриста.

Для воцарения антихриста служителям тьмы нужна не только концентрация в своих руках тоталитарной власти над миром, чему будет способствовать поголовная чипизация всего населения Земли, но уничтожение человеческой природы, духовная энтропия человечества (его расчеловечение). Речь идёт о сознательной политике, ведущей к вырождению и деградации западной цивилизации, что носит духовно-мистический подтекст. Главным препятствием на этом пути стоит русский мир — уникальная тысячелетняя цивилизация.

Пути уничтожения русского мира

Для уничтожения русской цивилизации необходимо сначала **разрушить семью как фундамент и ячейку общества.**

Именно против семьи сейчас посредством принятия законов разворачивается вся сила антихристианского Запада и

его российских наёмников. Целенаправленно и планомерно темные силы повсеместно разрушают семейные устои: институт родительства и родственные связи, традиционная семья выставляется анахронизмом, объектом нападок, третиования и насмешек.

После уничтожения института семьи, государство в его традиционном понимании просто развалится и не сможет себя защищать. Вне государства не сможет существовать также и Церковь как институт общества.

В этом суть основных этапов реализации всемирной сатанинской диктатуры, которая будет опираться на собственное «международное право», закрепляющее идеологию и практику содомократии.

Европейский Союз — рабочая модель нового миропорядка, ядро глобального единого мира с наднациональными структурами управления и всеобъемлющего контроля над каждым человеком.

ЕС шаг за шагом будет разрастаться как раковая опухоль в больном организме, пока окончательно не уничтожит «суверенные демократии» со всеми их культурными, религиозными и нравственными традициями. Этот процесс наиболее активно происходит после развала СССР. Тень Люциферова крыла уже накрыла полмира.

Наступление Запада на Восток — Drang nah Osten — никогда не прекращалось. Далеко не последнюю роль в наступлении на Восток играет религиозная экспансия. Последний пример — ноябрьский 2013 года саммит «Восточного партнёрства» в Вильнюсе, в котором участвовали шесть стран.

Из шести участников саммита Белоруссия, Молдова, Украина, Азербайджан — канонические территории Русской Православной Церкви МП, Армения — старейшее христианское государство в Европе, а Грузия — один из четырёх уделов Богородицы. «Европейское партнёрство» — эффективный механизм уничтожения православия, столпа и утверждения Истины. Только слепой не видит, что открытые гонения на православие на Украине — дело не столь далёкого времени. Тому уже немало примеров.

Армения отказалась подписывать с ЕС ассоциацию. Молдова и Грузия планируют подписать соглашение об ассоциации в 2014 году. То, что Украина отложила подписание соглашения на один год, послужило только **поводом** для заранее хорошо спланированного и щедро профинансированного нацистско-бандеровского переворота (зам.госсекретаря США Виктория Нуланд называла выделенную сумму на «Операцию Майдан» в размере 5 млрд. дол. Появились све-

дения, что ЕС на эти цели выделил 3,5 млрд.). Цель переворота — подготовить плацдарм для уничтожения России как независимого государства.

Новейшие информационные технологии зомбирования населения

Сегодня мы наблюдаем хорошо скоординированные действия враждебных России сил и их доморощенных наёмников — «пятой колонны», которые засели не только в Государственной Думе.

В 1991 году США навязали РФ Конституцию и национальное законодательство, которое опирается на международные обязательства, в том числе на негласные договорённости.

Следуя этим договорённостям, российская элита втайне от избирателей проводит реформу законодательства путём внесения изменений в существующие законы РФ с целью внедрения чуждых нашему народу норм и обычаев. Это происходит при одновременном отказе государства от защиты своих собственных традиционных ценностей (нравственности, национальной культуры, традиций и идеологии). Опираясь на законы, государство шаг за шагом будет использовать всю мощь своего репрессивного аппарата для разрушения самих основ социума. Окончательное уничтожение базовых традиционных ценностей, института семьи, материнства и детства будет, по сути, осуществляться уже нашими собственными руками — руками одуроченных и разобщенных соотечественников при обречённом их равнодушии.

По мнению Марата Мусина: *«Внутреннее разрушительное воздействие основано на запуске извне механизма гарантированного самоуничтожения через целенаправленное использование силы государственного принуждения и института права. Для чего достаточно переориентировать национальную правовую систему и обеспечивающий ее репрессивный механизм государства на уничтожение традиционных духовно-нравственных и национально-культурных ценностей, включая институт семьи».*

Несмотря на ощутимые победы неравнодушной общественности над хорошо организованными силами, разрушающими нравственные основы общества, в спешном порядке под информационной дымовой завесой трагических событий на Украине лоббисты Содома в Государственной Думе начали кулуарно и втайне от избирателей новое массированное наступление на семейные ценности. Сегодня их бойкое

законотворчество следует оценивать под углом зрения событий на Майдане и делать соответствующие выводы. Настало время провести широкомасштабный разбор полётов.

Нравственность объединяет общество в тяжёлую годину, делает его монолитным. Безнравственность, как учит история, не раз разрушала самые могущественные империи. Наступило время выбора. Вопрос стоит жёстко: быть или не быть России как цивилизации. Российской власти пришла пора сказать, что для неё является приоритетом: нравственные и традиционные духовные ценности русского мира или права человека по-европейски.

На этом фоне заявила о себе новая сила, которая открыто и напористо пошла в наступление якобы за нравственность, пользуясь при этом новейшими достижениями науки в области информационных технологий манипулирования сознанием и зомбирования народа с целью изменения отношения общества к некогда незыблемым и традиционным для общества ценностям. Уровень этих технологий настолько высок, степень и возможность их воздействия на умы и настроения масс настолько велики, что неподготовленному человеку разобраться в огромном и мутном потоке информации практически невозможно.

Эта тонкая изошрённая технология была описана американским социологом Джозефом Овертоном и получила название «Окно Овертона». В разгар событий на Майдане пошла гулять во всех субъектах РФ на православных ярмарках, выставках, в электричках, на приходах, в школах и кружках анкета центра «АКСИО». Авторы анкеты призывают граждан России ответить, как они относятся к самым разнообразным извращениям.

Но сначала предложим ознакомиться с выступлением Сергея Кургиняна (а именно от него и исходит указанная анкета, хотя в инструкции для интервьюера сказано, что «не нужно сообщать о связи между организацией АКСИО и «Сутью времени», РВС, С.Е. Кургиняном и пр.»).

Если видеокартинку театрально размахивающего руками Кургиняна заменить кинохроникой с выступлением Л.Д. Троцкого, наложив голос Сергея Еврандовича, то зажигательность его выступления станет ещё убедительней:

*«Наш актив должен проработать идею референдума с целью защиты традиционных ценностей. Для того чтобы это начать, нам нужен **опрос**, в котором показано, что Россия является страной традиционных ценностей. Что подавляющая часть населения России не поддерживает гомосексуальные браки, ЛГБТ-сообщества, разрушение семьи, изымание*

детей под ложными предлогами и всё остальное, вплоть до инцеста, что взбесившаяся Европа хочет у себя принимать. Пусть принимает, что хочет. Это её право на суицид. Мы так кончат самоубийством не намерены.

Мы не будем ничего подтасовывать, мы будем честнее любого социологического агентства. <...> Наш принцип — единство гражданской и общенациональной деятельности! Единство гражданской и общенациональной деятельности — есть формула деятельности нашей организации!». Ничего не скажешь. Ярко и доходчиво. Мы же оценивать должны не слова, а дела.

Если отвлечься от размахивания руками, то с тем же пылом можно проводить опрос населения и добиваться референдума на тему, надо ли в России легализовать тяжёлые или только легкие наркотики? С детского сада или с 10, 11, 12 и т.д. лет? Потреблять наркотики на публике или в тесном семейном кругу? Стоит ли законодательно наказывать тех, кто выступает против наркотиков, и как именно? Или пусть враги наркоты себе злобствуют, но в рамках закона. Ну и так далее.

К слову, С.Е. Кургинян, снизив накал в своём выступлении, мимоходом напомнил о своих ТВ-схватках с Млечным и Сванидзе, которых он с огромным преимуществом громил в пух и прах на протяжении двух лет на государственном телеканале. Потому что у его оппонентов «все факты были подтасованы». Но желание участников ток-шоу ещё и ещё раз подтасовать что-нибудь всё никак не иссякало.

Спросим, для чего стоило давать трибуну фальсификаторам Истории? Не для того ли, чтобы за два года у ошалевшей публики что-нибудь да засело бы гвоздём в головах из фальсифицированных фактов орущих с экрана полемистов? Прямо-таки ТВ-иллюстрация к технологии «цыганского гипноза» или нейролингвистического программирования (НЛП), которым широко пользуются все спецслужбы мира. Правда, Википедия настойчиво внушает, что НЛП — это лженаука, не признаваемая академическим сообществом. Да видать, спецслужбы Википедию не читают.

Какие цели ставит эта анкета?

Сразу оговоримся, что для воцерковлённых людей название организации «АКСИО» невольно ассоциируется с возгласом **Аксисос** (по-гречески — «достоин») — возгласение при хиротонии (таинстве рукоположения) во диакона, иерея, епископа. На эмоциональном уровне это сразу же должно войти в подсознание как «положительная установка» и выз-

вать доверие, как и обращение «дорогой друг!», после чего приводится большая просьба:

— *отвечайте на вопросы по порядку — от первого к последнему, не забегая вперёд, не дописывая ответы «задним числом»;*

— *внимательно читайте текст каждого вопроса и отвечайте на вопрос тем способом, который указан в инструкции.*

Из инструкции для интервьюеров: «*Ни в коем случае не надо разьяснять опрашиваемым что-либо по анкете — нужно, чтобы они отвечали в меру **своего** понимания».* (Главное, лишь бы что-нибудь «в меру их понимания» да засело в их мозгах намертво.)

Затем задаются предварительные дежурные вопросы анкетирруемому: «Несколько вопросов о вас» (этих «нескольких вопросов» набралось около 80).

Вопросы, на первый взгляд, стандартные, невинные, как в анкетах НКВД: пол, происхождение, место рождения, национальность, отношение к религии, образование, где росли, социальный статус, средний доход на члена семьи, ваш последний заработок, в какой организации вы работаете (12 пунктов) и проч. Этого достаточно, чтобы собрать на вас основательное досье на будущее и составить ваш психологический портрет. Всего 77 вопросов, из которых 36 касаются семьи.

Куда им столько сведений о вашей родне — кровной и связанной с вами семейными традициями? На это есть ответ американского социолога Дж. Овертона.

Авторам опроса важно снять табу, например, с веками запретной темы, о которой не принято было говорить даже в дурном обществе: о кровосмешении, чтобы новый термин «инцест» стал столь же расхожим и привычным, как словечко «гей» (эквивалент некогда матерного слова «пи**рас», за которое, сказанное в сердцах, могли и зашибить). А что такого оскорбительного в словах «гей», «голубой»? Даже первоклассники уже оживляются, когда учительница читает: «Под голубыми небесами...»

Авторам опроса важно снять табу с понятия «убийство» — тяжелобольной бабушки, парализованной мамы, страдающего хроническим недугом ребёнка, который оказался единственным наследником приличного состояния или квартиры — и всё руками врачей, по закону, исходя из милосердия. В анкете это убийство названо эвтаназией. («Медицинская помощь ухода из жизни», именно так сказано в анкете.)

Авторы опроса хотят снять табу с запретной темы — педофилии. Читатель, наверно, помнит, что главу «У Тихона» в романе Достоевского «Бесы» издатель Катков запретил печатать

тать по причине её душевредности. (Эта глава впервые была напечатана в начале 20-х годов XX века.) В то же время без этой ключевой главы, как считал Достоевский, не понять ни фигуры Ставрогина, ни всего романа, не понять, откуда берутся бесы-революционеры, готовые взорвать созданный Богом мир. Всем своим творчеством отвечает Фёдор Михайлович на этот вопрос: если Бога нет — всё позволено. Фирменное блюдо либерализма — толерантность как запрет на табу.

То, что считалось патологией, после многократного чтения пунктов анкеты теперь, широко повторяясь, плавно начнёт переходить из области запретного в дискуссионное поле, в область обсуждений. В этом нет никакого сомнения.

Есть о чём посудачить, активно забалтывая тему на многочисленных ток-шоу, где кто-то будет разглагольствовать, надо ли *«разрешать добровольные сексуальные отношения с несовершеннолетними с любого возраста»*, кто-то с жаром будет их опровергать, а кто-то «подтасовывать факты». Или надо ли принимать закон, *«разрешающий сексуальные отношения внутри семьи (например, отца с дочерью, братьев и сестер и пр.) по взаимному согласию»*?

Шаг за шагом общество начнёт сначала обсуждать неприемлемое, затем считать обсуждение уместным, и, в конце концов, обречённо смириться с новыми законами, закрепляющими и защищающими некогда немислимое, поскольку закон будет запрещать называть грех грехом под угрозой уголовного преследования. Рано или поздно принятые законы, разрушающие нормы человеческого существования, отголосками докатятся до школ и детских садов, а значит, следующее поколение вырастет без шанса на выживание.

Это простая и эффективная новейшая технология массового кодирования населения. Именно по этой схеме Запад незаметно легализует сатанизм. «Запрещается называть грех грехом». Анкета «Аксио-4» распахнула «Окно Овертона», из которого подул замогильным холодом небытия.

Анкета навязчиво внушает: *«В России в ближайшее время возможны большие изменения законодательства в отношении семьи, детства, взаимоотношений полов и пр. Эти изменения могут произойти под давлением Европы и части мирового сообщества, которые уже значительно поменяли свои ценности и нормы в этих вопросах»*. <...> *«Поэтому Ваше мнение так важно сегодня. Пожалуйста, заполните анкету до конца»*. Может быть, у кого-нибудь, да и возникнут сомнения по поводу незыблемости традиционных взглядов россиян, упрямо не желающих принимать права человека по-европейски. Сразу понимаешь, что текст составлен профессионалами и далеко не рядовыми.

Я не буду по пунктам разбирать 12-страничный (!) опросный лист, в каждом пункте которого анкетированный приглашается ответить на три вопроса: А. — я полностью поддерживаю, это очень правильно, давно пора. Б. — Думаю, что в каких-то случаях это правильно, в каких-то — нет, не уверен, что сейчас этот закон нужно принимать. В. — Я категорически против. Это неправильно, это делать вообще нельзя.

И, наконец, когда у читателя анкеты уже произошёл взлом защитных механизмов сознания, появляется итоговый категоричный вопрос: «Как Вы считаете, нужно ли в связи с этим провести референдум о приемлемости этих изменений? (обведите ваш ответ: «да», «нет»).

На наших глазах одну за другой снимают преграды, ограждавшие общество от бездны самоуничтожения. Теперь с помощью манипуляции сознанием демагоги открыли туда дорогу.

Нам хотят устроить всероссийское обсуждение на тему: «А является ли грех грехом?» Предлагается всенародно обсудить понятия, которые нашим обществом на генетическом уровне трактуются однозначно отрицательно как запретная тема. Для нашего народа уже только одно обсуждение таких понятий является грехом и, стало быть, абсолютно неприемлемо. Согласие на подобного рода исследования — это первый шаг навстречу тем самым «неизбежным» изменениям в законодательстве, о которых так много говорится в данной 12-страничной анкете.

Надо действовать на опережение. Пример Украины у всех перед глазами. Западэнские янычары открыто грозят походом на сопредельные с Украиной российские территории и терактами в Москве. Ещё есть время разобраться с разрушительной работой российской «пятой колонны» за все последние 25 лет, которая перешла грань национальной измены, пока она не стала разбираться со всей страной и не погрузила нашу Отчизну во мглу, о которой пророчествовал ещё А. Блок: «Двадцатый век... еще бездомней, Еще страшнее жизни мгла. Еще чернее и огромней Тень Люциферова крыла».

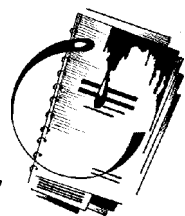
Но в то же время, словно напоминая о пословице: «Жить без Бога — страдать без утешенья», нам даруется радостное время скорбей и испытаний, время мученичества и исповедничества за Христа Спасителя. Более двух тысяч лет назад зло уже было побеждено, и теперь от каждого из нас, от политической элиты и руководства России до самого немощного пенсионера требуется определиться, с кем ты — с победителем или побеждённым.

СИОНОФАШИСТЫ И ИХ ПОСОБНИКИ

Для того чтобы лучше понять истоки и причины общественных процессов и конфликтов, стоит поближе познакомиться с людьми, которые стоят во главе этих самых процессов и конфликтов. Не исключением являются и события на Украине, где в течение нескольких месяцев горел майдан, разогреваемый его лидерами — Арсением Яценюком, Олегом Тягнибоком и Виталием Кличко, а также фюрером правого сектора Дмитрием Ярошем.

Действительно, знакомство с биографией и родословными лидеров майдана и их соратничков позволяет более полно узнать силы и средства, стоящие за разрушительными процессами на Украине, объяснить, почему разные на первый взгляд политики выступили единым фронтом, разваливая славянорусскую страну.

Начнём с Яценюка Арсения Петровича. Родился в 1974 году в г. Черновцы. Отец — Яценюк Пётр Иванович, мать — Яценюк Мария Григорьевна (урождённая Бакай). А. Яценюк имеет два высших образования — юридическое и экономическое. Политическую карьеру начал в 2001 году, став в 27-летнем возрасте

ДОСЬЕ "МГ"

министром экономики Крыма. Затем не менее престижные посты — зампреда национального банка Украины, замглавы Одесской администрации, министр экономики страны, один из ведущих политиков Украины. Головокружительная карьера для молодого человека. Но основной взлёт ждал его впереди.

По данным Википедии, в 2009 году Яценюк был включён в издание «50 известных евреев Украины», составленное профессором Академии истории и культуры евреев имени Шимона Дубнова, президентом Львовской областной еврейской общины Рудольфом Мирским и исполнительным директором Академии истории и культуры евреев Александром Найманом.

Газета DailyUa пишет: «Зачем еврей Яценюк просто отчаянно настаивает на том, что он украинец в третьем поколении, если уже ближайшее к нему родительское колено явно еврейской национальности. Более того, мама Яценюка, чья девичья фамилия Бакай, принадлежит к древнему иудейскому роду, который известен миру благодаря авторитетнейшему толкователю Талмуда — раввину Бакаи». Действительно, зачем? Это даже как-то нетактично по отношению к своим единоверцам.

Интересно, как к такой позиции евроукраинского лидера относится его жена — Тереза Викторовна Яценюк (урождённая Гур), которую, как указывает пресса, окрестили «хасидской принцессой», поскольку она также представляет еврейское сообщество.

Яценюк является видным сайентологом. А «Церковь сайентологии» одна из опаснейших тоталитарных сект, ставящая перед собой весьма амбициозные цели. Она основана в 1952 году американским писателем-фантастом Ронам Хаббардом. Конечной целью всех тоталитарных сект является извлечение прибыли и получение власти над людьми. Сайентологи здесь идут своим путём, делая ставку не на количество паствы, а на её качество. Они позиционируют себя как политическая, финансовая, интеллектуальная элита.

24 августа 1960 года газета «Лос-Анджелес геральд» опубликовала выдержки из брошюры «Промывание мозгов. Изложение русского руководства по психополитике», изданной в Нью-Йорке в 1955 году фондом Рона Хаббарда, где указывалось: «Сделав доступными всевозможные наркотики, давая подростку спиртное, восхваляя его необузданность, пичкая его секс-литературой, психополитик может воспитать в нём необходимую нам склонность к беспорядку, безделью и бесполезному времяпрепровождению и побудить его

выбрать решение, которое даст ему полную свободу во всем — то есть коммунизм. Если вы сможете убить национальную гордость и патриотизм в подрастающем поколении, вы завоюете эту страну».

В большинстве стран деятельность сайентологов законодательно запрещена и пресекается как опасная для национальной безопасности государства и психики людей. Зато в США хаббардисты пользуются полной свободой и даже негласной поддержкой властей. Объясняется это просто. Ещё в 1959 году директор ЦРУ Алэн Даллес заключил соглашение с Хаббардом, согласно которому Лэнгли обеспечивало «Церкви сайентологии» прикрытие и защиту, а в обмен получало помощь в проведении спецопераций за рубежом и в получении развединформации с помощью структур секты.

Сектанты и кандидаты в секту в обязательном порядке регулярно проходят процедуру кодирования, так называемого «одитинга». Во время сеанса кодируемому внушается чувство избранности, которое он может реализовать только принадлежностью к «Церкви сайентологии» и выполнением всех её приказов.

Украина — как и США — одно из немногих государств, где хаббардисты получили свободу действий. Как следует из СМИ, Яценюк принял учение Хаббарда еще в 1998 году, когда работал консультантом банка «Аваль». И после этого начался его резкий карьерный взлёт. Во время неоднократных поездок в Америку Яценюк встречался с Дэвидом Мискевиджем, входящим в руководящую верхушку сайентологов. Его родная сестра — гражданка США Алина Стил активно участвует в работе отделения «Церкви сайентологии» в городе Санта-Барбара.

Поэтому не случайно выбор американцев при назначении главы так называемого украинского правительства пал на «Кролика Сеню», как называют Яценюка его знакомые. И закономерна поддержка руководством США этого «свободного» украинского правительства. Ведь во главе его находится свой зомби, который выполняет команды из центра. Стоит отметить, что Яценюк всё же не забывает и руководителей иудеев, чьи планы, возможно, совпадают с планами сайентологов. По данным сайта «Киев еврейский». 13 марта уже в статусе руководителя «свободного» правительства Арсений встретился в Америке с главным раввином Киева и Украины Яковом Дов Блайхом.

Тягнибок Олег Ярославович родился в 1968 году во Львове. Отец — Ярослав Васильевич Тягнибок был врачом сбор-

ной СССР по боксу. Прадед Олега Тягнибока по материнской линии — украинский националист с не совсем, правда, украинскими именем и фамилией, Лонгин (Ленген) Цегельский, потомок грекокатолических священников. Л. Цегельский упоминается в Талергофском альманахе как свидетель на Втором Венском процессе, когда 24 русских общественных деятеля Галиции были приговорены к смертной казни. В годы Первой мировой войны Лонгин (Ленген) был одним из активистов украинских организаций, которые с территории Австро-Венгрии и Турции вели против России диверсионно-пропагандистскую работу на деньги австрийской и немецкой разведок.

О.Тягнибок закончил Львовский мединститут в 1993 году. Затем карьера в Социал-национальной партии Украины, переименованной, полагаю, не без подсказки западных кукловодов в 2004 году в партию «Свобода». Карьера германского, извините, украинского социал-националиста складывалась весьма удачно. В 1990-х — депутат Львовского облсовета, затем народный депутат Украины, лидер парламентской партии. При этом, как указывает пресса, О.Тягнибок трогательно берёт львовскую квартиру своей бабушки с девичьей фамилией Фротман.

Среди основных спонсоров партии Тягнибока числится Игорь Валерьевич Коломойский, олигарх с украинским и израильским гражданством, председатель Европейского еврейского союза и иных еврейских организаций. Его состояние оценивается примерно в 4 млрд. дол. Такой вот тягнибоко-фротмано-цегельско-коломойский евросоюз во имя будущего Украины.

Сам Коломойский родился в 1963 году в Днепропетровске. Там же учился, начинал свои бизнес-проекты. В 2009 году ему был запрещён въезд на территорию США. В докладе министра юстиции США Майкла Мьюкэси говорится, что Коломойский представляет реальную угрозу национальной безопасности США и странам Европы.

Днепропетровск являлся и является украинским центром радикального иудейского религиозного движения «хабад», называемого также любовическим хасидизмом и созданного в 1772 году. По данным СМИ, Коломойский является членом попечительского совета хабадской городской общины. Именно там, как сообщают СМИ, творя беспредел, орудуют оплачиваемые им наймиты.

В израильскую версию журнала «Форбс» входит украинский миллиардер-политик Пётр Алексеевич Порошенко, 1965 г.р., как один из богатейших евреев с состоянием

в 1,65 млрд. дол. В СМИ приводится ещё одна фамилия этого олигарха — Вальцман. Его называют одним из спонсоров майдана.

Из Днепропетровской области, из г. Днепродзержинска, родом «вождь» правого сектора Ярош Дмитрий Анатольевич, 1971 г.р. С 1994 года член организации «Трезубец» им. Степана Бандеры. В 2008 году «полковник» Дмитро Ярош дал интервью подзаборным СМИ, которое называлось «Рано или поздно мы обречены воевать с Московской империей». В СМИ также говорится о принадлежности Яроша к еврейскому сообществу. Очень может быть. Новоиспечённый фюрер среди лидеров украинских сионофашистов. И то, что он родился и рос вблизи хабадского центра, видимо, не простое совпадение. Также, видимо, не случайно он оказался во главе «правого сектора», который становится «национальной гвардией» Украины. Чужих на такую «должность» режиссеры майдана не пустят.

Виталий Владиславович Кличко родился в 1971 году в Киргизии. Отец — Владимир Родионович Кличко, военнослужащий советской и украинской армии, мать — Надежда Ульяновна Кличко. По данным той же Википедии, в годы Великой Отечественной войны его дед по отцу Родион Петрович Кличко укрывал от оккупантов свою жену, бабушку будущего чемпиона Тамару Ефимовну Кличко (урождённую Этинзон). Семья Тамары Ефимовны погибла в гетто.

Кличко является кандидатом наук в области физического воспитания и спорта. По сообщениям той же дотошной прессы, для достижения политического успеха Виталий решил, что иметь бабушку-еврейку нецелесообразно. И пытался очистить интернет-пространство от сведений о своем происхождении. Он открестился (временно) от своей истории и от общины, которая его так поддерживала. Возникает вопрос, как бы отнёсся его отец — советский офицер — к тому, что он является компроматом для собственного сына, которого вырастил, воспитал и которому помог стать чемпионом мира.

Многие годы Виталий Кличко провёл в Германии. Основные капиталы чемпиона находятся в странах НАТО. И, видимо, это стало одной из причин политических устремлений боксёра, за победы которого ранее переживали многие российские болельщики. Но это ранее, после его политических кульбитов авторитет Кличко в России приблизился к нулю.

Понимает ли чемпион, что он стал разменной монетой в стремлении транснациональных монополий завладеть богат-

ствами Украины, её природными ресурсами, значительная часть которых даже не освоена? Тем самым становится по-собником грабителей украинского народа.

Вновь на украинском политическом небосклоне появилась Юлия Владимировна Тимошенко, родившаяся в 1960 году в уже упоминавшемся Днепропетровске. Там же училась и начинала свою трудовую деятельность. Мать — Людмила Николаевна Телегина (в девичестве — Нелепова). Отец — Владимир Абрамович Григян. Родители отца — Григян Мария Иосифовна, Абрам Кельманович Капительман. О своём этническом происхождении Тимошенко заявила: «У меня по линии отца все латыши до десятого колена, а по линии мамы — все украинцы до десятого колена».

В конце 1980-х она возглавила кооператив видеопроката, затем молодёжный центр при Днепропетровском обкоме комсомола. А в конце 1990-х Юлю уже называли «газовой принцессой». Была близка к премьер-министру Украины Павлу Лазаренко, осуждённому впоследствии в США за финансовые махинации. Её последующие годы хорошо известны.

Большая артистка и аферистка, она всё же показала своё истинное лицо в телефонном разговоре от 18.03.2014 года с депутатом Верховной рады Нестором Шуфричем: «...Я сама сейчас готова брать автомат, понимаешь, и идти стрелять этому подонку в лоб. ...Я подниму весь мир, блин, чтобы от этой России не осталось даже выжженного поля. ...Надо брать оружие и мочить этих кацапов чёртовых. Вместе с их руководителем. ...Их расстреливать из атомного оружия надо...»

Кресло врио президента Украины занял ещё один «государственный деятель» Турчинов Александр Валентинович, 1964 г.р., ранее являвшийся «правой рукой» Тимошенко. Родился, учился и начинал свой путь Турчинов всё в том же Днепропетровске. В 1987—1990 годах секретарь райкома комсомола, затем заведующий отдела агитации и пропаганды Днепропетровского обкома комсомола.

История повторяется, гласит старое изречение, первый раз в виде трагедии, второй — в виде фарса. В начале 1930-х годов именно еврейско-немецкие банкиры и промышленники привели к власти Адольфа Гитлера — потомка евреев-ашкенази, как установлено современными генетиками. Вот что писал в своей книге «Адольф Гитлер — основатель Израиля» Хеннеке Кардель: *«До 1933 года в Германии и за рубежом свободно писали и говорили о предполагаемом еврейском происхождении Гитлера, зубоскалили насчет его интимных связей с полуеврейками. После прихода Гитлера к власти в Германии об этом стали говорить все осторожней, а за рубежом — все*

деликатней. А после 1945 года ни один из перевоспитателей немецкого народа не проявил большой склонности к тому, чтобы сказать хотя бы одно слово о еврейском участии в еврейском несчастье».

В руководстве третьего рейха было предостаточно выходцев из еврейского сообщества. Именно они создавали это нацистское государство и активно сотрудничали с сионистами в вопросах переселения молодых евреев в Палестину для создания государства Израиль.

А немцы, да и рядовые евреи стали пушечным мясом для достижения бредовых целей прихода к мировому господству. По утверждению исследователя Брайана Марка Рига, в армии рейха воевало 150 тыс. еврейских солдат, о чём он написал в своей книге «Еврейские солдаты Гитлера».

Не оставались в стороне от нацистского движения и некоторые евреи оккупированных западноукраинских территорий. Подразделением львовского юденрата (юденраты — органы еврейского самоуправления на занятых немцами территориях) была еврейская полиция «дистрикта Галиция». Её ещё называли «Юдише орднунг Лемберг» — «еврейский порядок Львова». И, видимо, эти полицейские составили костяк дивизии СС «Галичина», банд УНА-УНСО, зверствовавших на землях, захваченных фашистами.

Ведь не зря утверждают, что бандеровцы и сам Бандера — это еврейские экстремисты с западной Украины. «Бандер» на иврите значит содержатель притона, борделя. В старые времена содержательниц борделей на Украине называли бандершами. Может быть, поэтому эти яценюки-тягнибоки так ратуют за реабилитацию фашистского сброда из «Галичины» и УНА-УНСО.

Одним из первых нововведений «обречённой» украинской Рады стало ограничение использования в стране русского языка. Это сразу же вызвало возмущение русских на Украине. Реформаторы обозначили свою цель — выдавливание из культурного пространства страны всего русского. И начали с языка. Не с реальных мер по восстановлению экономики, выплате зарплаты, пенсий, с попытки ликвидировать русский язык.

В конце XIX — начале XX века власти Австро-Венгрии также занялись насильственной украинизацией в Карпатских областях русинов, бережно хранивших свои русские корни. Подобное вызывало возмущение русинов: «Какие мы украинцы? Мы ничего не украли!»

Своими действиями новоиспечённые перестройщики пытаются украсть память и культуру не только у русских, жи-

вущих на Украине, но и у тех, кто называет себя украинцами. Ведь последние тоже русские, их история уходит в глубины веков, во времена Киевской Руси и до неё. Термин «украинцы» стал применяться для обозначения жителей Украины лишь в XIX веке. В словаре Брокгауза и Ефрона, изданном в начале XX века, говорится, что украинцы, белорусы и великорусы три русские народности.

Британский историк Хью Тревор-Ропер, служивший в годы 2-й Мировой войны в секретной службе Ми-6, приводит в своей книге слова Гитлера: «Мы тогда победим Россию, когда украинцы и белорусы поверят, что они не русские». На Украине нашлись последователи бесноватого фюрера. Так что одни проходимцы продолжают дело другого. И в этом им активно помогают проходимцы с Запада.

На Украине звучат антисемитские и антирусские призывы, творится произвол, насилие в отношении инакомыслящих, запугивается население братской страны. Многие общественные организации России и мира выступили с осуждением украинской сионофашистской хунты. Это сделали и некоторые еврейские деятели за пределами Российской Федерации и Украины. Однако, насколько известно, еврейские организации России и Украины не протестуют против действий фашистов. Почему? Не хотят «обижать» своих? Но эти экстремисты опасны не только для неевреев, но и для самих евреев. Ведь мы знаем, насколько опасен еврейский (иудейский) экстремизм — сионизм, который в 1975 году был признан ООН одной из разновидностей расизма.

Основоположник сионистского движения и организатор первого конгресса сионистов в Базеле в 1897 году Теодор Герцль говорил, что если для достижения их «великих» целей потребуются уничтожить миллион евреев, они, не задумываясь, сделают это. Так что для сионистской верхушки простые евреи являются пушечным мясом. А пушечное мясо жалеть не принято. В горячие годы евреев, не разделявших установки сионистской верхушки, уничтожали наравне с остальными.

Однако, повторяю, на Украине и в России многочисленные еврейские организации не протестуют против экстремистов. Более того, раввины на Украине фактически выступают пособниками сионофашистов. Так, по сообщениям того же сайта «Киев еврейский», раввин общин прогрессивного иудаизма Украины Михаил Капустин обратился с воззванием в связи с ситуацией в Крыму: «Наш город Симферополь оккупирован Российскими войсками! Помогите нам,

спасите нашу страну, спасите Украину! Просите помощи у своего правительства, против России мы чувствуем себя беспомощными! Вы также можете подписать петицию о защите Украины».

Раввин Шмуэль Каминецкий в Днепропетровске (опять Днепропетровск) 16 марта в день празднования Пурима заявил перед еврейской общиной: «Мы живем с украинцами вместе уже 1000 лет. И Украина — наша земля. Сегодня мы будем читать свиток Эстер, как читали его тысячи лет в Пурим. И именно сегодня это чтение имеет особое значение. Именно сегодня новый Аман, наш общий с украинцами враг, стоит совсем рядом...» Община встретила слова ребе аплодисментами. В качестве «нового Амана» этот еврейский авторитет, видимо, имел в виду президента РФ Путина.

Не отстают от украинских ребе и представители российских евролибералов. 2 марта депутат питерского ЗакСа Максим Резник призвал общественность к созданию «антивоенного комитета». И «пятая колонна», видимо, по рекомендации госдепа США или британских партнёров вышла на улицу показушно попротестовать против действий руководства России, направленных на защиту населения Украины.

Мне приходилось встречаться с Максимом Резником. Поскольку я выступал в прессе против навязывания обществу гей-культуры, против гей-пропаганды, организаторы молодёжного питерского политклуба пригласили меня три года назад поучаствовать в дебатах на тему «Должны ли российские партии бороться за права геев и лесбиянок?» О необходимости борьбы политпартий за права содомитов активно и с энтузиазмом говорил Максим Резник, против выступали помощник депутата городского ЗАКСа Анатолий Артюх и автор этих строк. Понимаю, дети, старики, инвалиды нуждаются в дополнительной защите. Но почему партии должны бороться за права какой-то отдельной группы? Ведь Конституция РФ, ст. 19, говорит о равенстве всех перед законом и судом. А геи и лесбиянки имеют в России абсолютно равные со всем населением трудовые, социальные права, возможность получения медобслуживания, образования и т.п.

Думаю, не случайно депутат Резник, пафосно призывавший собравшихся к «созданию антивоенного комитета», фактически защищал пришедшую к власти в Киеве фашистскую хунту. В защите им геев и лесбиянок, а затем в защите бандеровцев-сиононацистов усматривается определённая последовательность. А возможное присутствие на меропр-

ятии 2 марта «сексменьшивиков» тоже закономерно. Все понимают, как они агрессивно навязывали свои «ценности» российскому обществу. Их тоталитарное мышление — благодатная почва для развития нацизма (фашизма).

Гомосексуалисты стояли у истоков германского нацизма. Вспомнить хотя бы Эрнста Рема — сподвижника Гитлера и руководителя штурмовиков СА, который был открытым геем. Известны слова Максима Горького: «Уничтожьте гомосексуалистов — и фашизм исчезнет». Гомосексуализм и нацизм (фашизм), а также старший брат фашизма сионизм — разные грани одного процесса, который можно назвать античеловеческим. Не надо этого забывать. Так зачем же вести людей в русле этого процесса?

15 марта в центре Москвы была организована ещё одна «антивоенная акция». Она собрала около 3 тыс. человек. Возможно, количеством опять помогли геи и трансвеститы Среди её участников — депутат Госдумы Дмитрий Гудков, музыкант-демократ Андрей Макаревич, «оппозиционер» Борис Немцов, лидер движения Солидарность Илья Яшин и другие. Они выступили против присоединения Крыма и против ввода российских войск на полуостров. «Очень не хотелось бы проснуться завтра в стране, которая находится в состоянии войны со всем миром», — заявил Макаревич. Видимо, музыканту хочется проснуться завтра в оккупированной стране, оккупированной просвещёнными американцами или европейцами.

Прошёл аналогичный «антивоенный» сход 15 марта и в Питере у Казанского собора. Среди пришедших оказались депутаты ЗакСа Борис Вишневский, Александр Кобринский и уполномоченный по правам человека в Петербурге Александр Шишлов. По сообщениям журналистов, на этом мероприятии также отметились представители сексменьшинств. Вот так российские евролибералы поддерживают украинских сионофашистов. Как говорится, рыбак рыбака видит издалека.

5 марта Заксобрание Петербурга принимало обращение в поддержку действий руководства России по защите граждан Украины и возможному вводу российских войск на её территорию. Против проголосовали «яблочники» — Григорий Явлинский, Александр Кобринский, Борис Вишневский, Ольга Галкина, Вячеслав Нотяг, тот же Максим Резник, справедливоросы — Сергей Трохманенко, Марина Шишкина. Не голосовали справедливоросы — Вячеслав Бакулин, Алексей Ковалёв, Ирина Комолова от КПРФ и Евгений Марченко от едросов.

А вот протестов и возмущений беспределом фашистов на Украине со стороны еврейских организаций России не слышно. Их руководители часто пишут громкие воззвания и заявления в правоохранительные органы, когда в России появится статья или книга, компрометирующая, на их взгляд, евреев.

Бандеровцы же призывают вешать жидов и москалей. Да и не только призывают, бьют и убивают. Так почему же еврейские организации не выступают в защиту простых евреев? Или это не входит в их планы? Почему молчит гр-н Швыдкой, боровшийся с надуманным «русским фашизмом»?

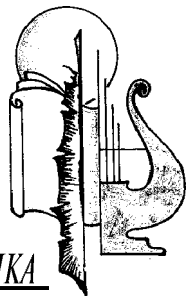
6 декабря 2006 года на встрече с руководителями партий Владимир Путин говорил: «...противодействие экстремизму — это не только задача государства, хотя, конечно, государство в первую очередь должно реагировать на проявления подобного рода... Здесь нужны консолидированные усилия политических партий, других общественных организаций, всего гражданского общества, всех граждан страны». И наша общая задача не потакать сионофашистской хунте на Украине, а консолидировать свои усилия по активной борьбе с этим античеловеческим явлением.

«ЗАВЕТ ПРЕДВЕЧНОГО ХРАНЯ...»

К 200-летию М.Ю. Лермонтова

Творчество Михаила Юрьевича Лермонтова не перестает удивлять, покорять, восхищать каждое новое поколение русских людей. Лермонтов — поэт Вечности. О пророческом даре его, «всеведении» написано немало работ. Именно эта грань творчества гения особенно удивительна. Порой трудно представить Лермонтова юношей, молодым человеком, чья жизнь прервалась так трагически рано. Сквозь строки его пророческих стихотворений невольно возникнет образ мудреца, у которого нет возраста: так бытийственно плотно сгущена земная судьба его, где возраст ничего не значит.

Из воспоминаний современников складывается сложный, противоречивый, хотя и неизменно влекущий портрет поэта. Но вот когда читаешь его стихотворения, прозу, внутреннему взору предстает иной Лермонтов: все внешнее, что увидели и сказали о нем современники, отпадает, становится малосущественным. Могучая, цельная личность, живущая по законам небесным, которой дано видеть мир и людскую суету с горних высот, — вот что поражает. Его зна-

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

ние о мире не хаотичное, не разорванное, не поддающееся возрастным оценкам, а целостное. Что-то божественное чудится в этом знании, изменить которому, по глубинной сути, поэт не мог, не желал, себе не позволял.

Как земной человек он мог быть автором «Юнкерских тетрадей», фривольных стихов. Но то оболочка, игра, шалость: внутри он изначально нес другое чувство, иное знание мира, «завет предвечного храния».

Перечитайте его знаменитого «Пророка». Что это — только отражение евангельского сюжета или мировидение самого поэта, которому слышен гул космоса, которому внимают звезды? Трудно, невозможно представить Лермонтова-поэта, обуянного земными суетными страстями настолько, чтобы дар, данный свыше, изменял ему в творчестве: это был бы не он. Даже в лирических, любовных стихотворениях, где, казалось бы, есть место приземленности, он возвышенно-вдохновенен при всем реализме выражаемых чувств. Чувства-то земные, но как отражены!

*Когда порой я на тебя смотрю,
В твои глаза вникая долгим взором:
Таинственным я занят разговором,
Но не с тобой я сердцем говорю.*

«Таинственным разговором» Лермонтов был занят всю короткую жизнь: при созерцании ли светской черни, дерзко атакуя неприятеля в горах Чечни и Дагестана («Валерик» — доказательство тому), обозревая пейзажи любимой России.

Поразительно признание в стихотворении «Родина» (первоначальное название «Отчизна»):

*Люблю Отчизну я, но странную любовью!
Не победит ее рассудок мой...*

Эта любовь особая, произрастающая органично, как росток, сокровенная, не подверженная влиянию разумных оценок, отраженных в истории, славе, преданиях, мечтаниях. Лермонтов выразил любовь к сотворенной Богом России — к ее народу, природе, самобытному образу жизни, сформированному Православием. Чета белеющих берез на холме, сладостный, мирный, почти что райский дымок спаленной нивы, деревенские избы, веселящийся народ — вот на чем сосредоточено сердечное чувство любви, в чем источник ее, хранимый в глубине души. Это не рассудочная любовь, а органичная, данная с рождения, благословенная Творцом.

Без такой любви, которую Лермонтов пронес через всю земную жизнь — а чувство это, безусловно, подвергалось самым серьезным испытаниям извне (судьба поэта известна), — он вряд ли смог бы создать, вынести из сердечных глубин своих пророчески-страшное стихотворение «Предсказание», датированное 1841 годом, годом гибели. Невозможно и теперь, зная, что пророчество его сбылось, читать без содрогания строки:

*Настанет год, России черный год,
Когда царей корона упадет;
Забудет чернь к ним прежнюю любовь,
И пища многих будет смерть и кровь...*

Обратим внимание на эпитет «черный» — для ненавистников России он неприемлем ни стилистически, ни логически. Это мог написать только глубоко любящий Родину человек — Лермонтов.

Но апокалиптическое видение гибели России у поэта не заканчивается картинами хаоса и разверзнувшейся бездны. Он видит и другое — судию и спасителя, дает образ бича Божия:

*В тот день явится мощный человек,
И ты его узнаешь — и поймешь,
Зачем в руке его булатный нож;
И горе для тебя! — твой плач, твой стон
Ему тогда покажется смешон...*

Не то ли поколениям двадцатого века довелось увидеть, пережить, перестрадать: крушение царской России, кровь, глад и хлад, братоубийство и... мощного человека, спасшего страну и народ, наказавшего мучителей Родины?

Возможно, такая трактовка пророчества кому-то покажется прямолинейной. Что ж, любые пророчества могут иметь неоднозначные толкования...

В конце девятнадцатого века в творческое наследие поэта неожиданно включается новая «находка» — якобы неизвестное стихотворение Михаила Юрьевича. Впервые оно публикуется историком литературы, биографом Лермонтова П.А. Висковатым в двенадцатом номере журнала «Русская старина» за 1887 год. Появление его на свет датируется, однако, несколько ранее.

О нём впервые упоминает издатель известного журнала «Русский архив» П.И. Бартенев в письме к коллеге, издате-

лю П.А. Ефремову от 1873 года с примечанием — «списано с подлинника». Где, кем, когда обнаружен подлинник — не указывается. Уже в советское время впервые публикуется другое письмо Бартенева историку Н.В. Путяте, которое датируется не позднее 1877 года, где вновь цитируется «находка» опять же с припиской — «с подлинника руки Лермонтова». Кто владелец подлинника — не уточняется.

Уже в 1890 году в одиннадцатом номере журнала «Русский архив» П.И. Бартнев сам публикует «находку», с ни к чему не обязывающим примечанием — «записано со слов поэта современником». В стихотворении, в ходе публикаций, обнаруживаются разночтения, которые трудно объяснить лишь издательскими ошибками или забывчивостью публикаторов. Что уже подозрительно, ведь оно, по уверению Бартенева, списано с подлинника. Выходит, подлинников было несколько (кто владелец их?), либо «находка» кем-то дорабатывалась или редактировалась без участия автора (допустим, им был Лермонтов).

Обратим внимание: стихотворение обнаруживается в 1873 году, то есть спустя 32 года после гибели поэта, а публикуется впервые, как уже сказано, в 1887 году. Причем приоритет публикации Бартнев отдает П.А. Висковатову, хотя ранее нигде не упоминал о том, что именно Висковатов обнаружил «находку». Заметим, что Висковатов до того разыскал и опубликовал ряд неизвестных, подлинных произведений Лермонтова. Что сдерживало издателя «Русского архива»? Сомнение в подлинности? Или какие-то другие причины? Но спустя три года он все же публикует его.

Итак, «находка», приписываемая Лермонтову, не только не атрибутируется, но и не имеет прямых доказательств подлинности. Наличие разночтений вызвало, в сущности, надуманную проблему у филологов: какой вариант «ближе к подлиннику»? Это при отсутствии подлинника! Поразительно, что проблема волновала и советских исследователей, в том числе авторов знаменитой «Лермонтовской энциклопедии», изданной в СССР в 1981 году. А ведь в числе составителей ее были все «звезды» тогдашнего лермонтоведения.

Прочитируем же «находку», приписываемую М.Ю. Лермонтову:

*Прощай, немытая Россия,
Страна рабов, страна господ,
И вы, мундиры голубые,
И ты, им преданный народ.
Быть может, за стеной Кавказа
Укроюсь от твоих пашей,*

*От их всевидящего глаза,
От их всеслышащих ушей.*

Это, так сказать, «канонический» список «с подлинника». Но есть варианты, где вместо «им преданный» стоит «послушный им», «покорный им» народ, вместо «пашей» — «царей» и даже «вождей».

Полемику вызвала и датировка: когда написано стихотворение — в 1837 году (редакция собрания сочинений Лермонтова, 1957 г.), в 1840 году (собрание сочинений поэта 1939—1940 года под редакцией Б.М. Эйхенбаума) или же вернее дата, обозначенная еще П.А. Висковатовым, — конец апреля 1841 года? В ходе дискуссий исследователи пришли к выводу — верна датировка Висковатого.

Весомым аргументом тут послужила запись редактора журнала «Москвитянин» Ю.Ф. Самарина, с которым Лермонтов, отправляясь в последнюю ссылку на Кавказ, встретился весной 1841 года в Москве и в беседе высказал такую мысль: «Хуже всего не то, что известно количество людей терпеливо страдает, а то, что огромное количество страдает, не сознавая этого». Как удобно и «доказательно» она ложится на строку процитированного стихотворения — «И ты, им преданный народ!»

Но определить с датой написания стихотворения публикаторов, как очевидно, подвигало весьма серьезное обстоятельство: если отнести его к 1840 году, когда в апреле, за участие в дуэли с сыном французского посла Барантом, последовало решение Николая о переводе поручика Лермонтова в Тегинский пехотный полк с припиской «Исполнить сегодня», то тогда же, в день отъезда из Петербурга на Кавказ, Лермонтовым было написано другое стихотворение — «Тучи», датированное апрелем же.

Вспомним это замечательное произведение, полное элегически-грустного настроения:

*Тучки небесные, вечные странники!
Степь лазурную, цепью жемчужною
Мчитесь вы, будто как я же изгнанники
С милого севера в сторону южную...*

И в конце бесстрастно-философское:

Нет у вас Родины, нет вам изгнания.

Нет, совсем другие чувства волновали грудь поэта: расставание с Родиной, с милым севером! Поместить, как ви-

дим, рядом с этим шедевром «Прощай, немытая Россия» опрометчиво, хотя, повторяю, до 1957 года это так и было: оба произведения соседствовали — в 1840 году. Но логичнее датировать его весной 1841 года. Почему? С зимы этого года Лермонтов хлопочет об отставке, которая так и не состоялась. Поэта мучили дурные предчувствия, да и стремление полностью отдаться литературному труду овладело им, вызрело окончательно. Примерно 11 апреля дежурный генерал Главного штаба граф П.А. Клейнмихель вызвал его и сообщил предписание царя в 48 часов покинуть столицу и отправиться на Кавказ в свой полк.

И вот тут-то возникает версия об «обиженном» Лермонтове. Советские литературоведы безапелляционны в выводах: «В 8 часов утра (14 апреля) Лермонтов выехал из Петербурга. Перед отъездом им написано стихотворение «Прощай, немытая Россия...»

Мы не станем проводить лингвистический анализ этого произведения — он сделан давно. Обратим лишь внимание на адресат «обиды» — на «немытую Россию», о которой он любящим сердцем писал в стихотворении «Родина» (оно вышло в четвертой апрельской же книжке журнала «Отечественные записки»).

Разумнее, что свой гнев он должен бы обрушить на придворных, на светскую чернь, подготовившую решение царя, не так ли? Но при чем здесь сокровенно любимая Россия? И кто «немытый» в ней — народ?

Гениальный поэт, как он мог сочинить такую банальность, как «страна рабов, страна господ»? Разве «за стеной» Кавказа не находились деспотичные Персия и Турция? И разве есть на земле хоть одна страна, к которой нельзя было бы применить эту «оценку», поставить это «клеймо»?

А ведь в том же номере «Отечественных записок» о Лермонтове говорится: «Замышлено им много, и все замышленное превосходно. Русской литературе готовятся от него драгоценнейшие подарки». Это «немытой» России, «стране рабов»?

И почему он, якобы стремясь «сокрыться» за стеной Кавказа, где героически сражался за Россию, был в первых рядах во всех горячих сражениях с горцами? Каких глаз и ушей бежал?

Но вот ядовитое семя выброшено в общественное сознание, пороча почти полтора века Россию и ее гениального сына.

Советских литературоведов понять можно: все, что подвергало критике имперскую Россию, поднималось на щит, преподносилось как «борьба за освобождение». Даже, повто-

рюсь, в «Лермонтовской энциклопедии» этого идеологического посыла не избежали: «Прощай, немая Россия», — «гневная инвектива, одно из самых острых политических выступлений поэта, восьмистишие является вместе с тем глубоким выражением его социально-философских взглядов». Выражением взглядов — каково!

И далее глубокомысленная нелепость: «Оскорбительно-дерзкое и вместе с тем проникнутое душевной болью определение родной страны («немая Россия») представляло собой исключительное по поэтической выразительности и чрезвычайно емкую историческую характеристику, вместившую в себя всю отсталость, неразвитость, иначе говоря, нецивилизованность современной поэту России!»

А затем почти реквием с издевкой: «Слова «немая Россия» закрепились в сознании многих поколений русских людей как афористическое выражение бедственного состояния Родины». Не более и не менее!

Да, закрепились! «Вброс» фальшивки в школьную программу по литературе начался с 1961 года, но и до этого почти семь десятилетий оно внедрялось в мозги. Сегодня мы с уверенностью можем заявить: мнимый «лермонтовский шедевр», явившийся из глубин inferнального мира, — провокационный акт психологической войны против России и ее народа. Ядовитое зерно, брошенное на российскую почву, продолжает культивироваться и на сегодняшних фронтах информационно-психологической войны, не прекращающейся против нашей Родины. Разве плохо, хоть и подло, иметь в рядах ненавистников России гениального сына русского народа?

Но Лермонтов из своего далека, с горних высот, недоступных лжецам, вослед Пушкину отвечает клеветникам:

*Да, хитрой зависти ехидна
Вас пожирает, вам обидна
Величья нашего зря;
Вам солнца Божьего не видно
За солнцем русского царя.
Давно привыкшие венцами
И уважением играть,
Вы мнили грязными руками
Венец блестящий запятнать...
Но честь России невредима.*

И сегодня фальшивка активно обсуждается в интернете — там можно обнаружить немало «интересного». Например,

такое: «Первая строчка является очень ёмкой и точной, характеризует не только общественный уклад, но и образ мыслей людей, «немытый», примитивный и лишенный изящества...» Да уж, если где «изящество» и присутствует, то только там, за пределами ненавистной им России!

Хотелось бы вкратце обозначить взгляды исследователей в поисках подлинного автора «немытой России». Обратим, прежде всего, внимание на то, когда обнаружилась фальшивка. Смутное время реформ Александра II, годы демократических послаблений. Недалек март 1881 года, когда террористы убьют царя-освободителя. Идет накопление сил разрушителей исторической России, ширится народничество, всё более активно занимает мозги антигосударственное толстовство. Александр III «подморозил» революционные порывы радикальной интеллигенции, но не надолго: он скончался при загадочных обстоятельствах. Впереди — 1905-й, 1917-й, февральский переворот, когда упадет корона русских царей, затем большевистский ужас, кровь и смута. Впереди — бич Божий, Иосиф Сталин.

Но не «Предсказание» было взято на вооружение врагами, это было охранительное, по сути, пророчество. Врагам России нужно было другое, то, что работало бы на разрушение империи. И такой «шедевр» был найден. Многие, в том числе современные исследователи считают автором стихотворения «Прощай, немытая Россия» либерального поэта, пародиста, сотрудника газеты «Искра» Дмитрия Минаева (1835—1889), успешшего сочинить пародии на произведения едва ли не всех «дворянских» поэтов. Очевидно, Лермонтов не был исключением.

Проницательный Василий Розанов так отзывался о Лермонтове, сравнивая его дар с пушкинским: «Более что-то «аристократическое», более что-то возвышенное, более божественное. В пеленках «архиерей», с пеленок «уже помазанный». Чудный дар. Чудное явление... Материя Лермонтова была высшая, не наша, не земная...»

Лермонтов, как и Гоголь, замечает Розанов, «были любимы небом».

Сопоставьте его стихотворения-молитвы с фальшивкой о «немытой России» — и все уверения и доказательства авторства Лермонтова отпадут сами собой!

Но яд фальшивки, наверное, еще долго будет отравлять людские слабые умы...

ОТРИЦАТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Когда в сердце писателя нет стремления к религиозной Истине, его литературная работа является не чем иным, как профессиональной игрой. Вроде работы спортсмена, для которого игра — это и есть его профессиональная работа. Подобно тому, как для многих современных «поэтов» их творчество — не более чем стихотворная игра.

Так что же для нас важнее — Истина или игра в литературу? «Для кого как...» — наверное, ответят некоторые из нашей пишущей братии. Конечно же, можно не сомневаться, что для большей части литераторов и окололитературных функционеров игра в литературу гораздо важнее. И когда им пытаешься что-то сказать об Истине — на их лицах появляется пренебрежительная усмешка. Это вполне естественно, потому что игра в литературу стала их смыслом жизни, она просто-напросто их кормит.

Вот уже прошло 10 лет после написания мною и публикации в печати двух статей — «Без Божества» и «Во имя Истины». Поначалу они вызвали разнообразную реакцию — от признательной до резко непримиримой, но затем, когда по существу высказанных в этих статьях мыслей никому ничем серьезным возразить не удалось, про них постарались забыть, чтобы не возвращаться к этой важнейшей для нас теме, чтобы больше не поднимать этого главного для пишущих людей вопроса: что важнее — Истина или игра в «творчество».

Чтобы до конца прояснить тему разговора, повторю дословно свое вступление к статье «Без Божества»:

«В чем высший смысл творческой деятельности человека? Может, в отражении своего взгляда на окружающую жизнь, на те или иные предметы и явления бытия? Или в выражении своих чувственных ощущений по отношению к другим людям, к природе и событиям действительности? Или, может, в совершенствовании своего эстетического мироощущения? Все это, само собой, является необходимым условием и первой задачей любого творчества. Но только лишь условием и первой задачей.»

Лев Толстой, размышляя о цели искусства, говорил о том, что цель эта будет достигнута тогда, когда читатель, зритель, слушатель начнет сопереживать вместе с художником. Да, конечно, в этом заключается сложнейшая задача искусства. Сложнейшая, но не главная и не конечная. Вернее сказать, в этом состоит только половина задачи любого творчества.

Все признают: талант, а тем более гениальность — это Божий дар. Слово — «высший подарок Бога человеку» (Н.В. Гоголь). И потому, хочу подчеркнуть, именно **поэтому** искусство, если оно искусство, а не баловство, не игра, принципиально должно быть подчинено **высшим религиозным задачам**. В деятельности художника, в конце концов, должен быть виден переход от эстетического мировоззрения к религиозному. Если этого не происходит, то можно сказать, что художник не состоялся.

Выше Бога нет ничего, и хотя бы только по этой причине религиозное чувство в человеке и в конечном счете в художнике выше и важнее чувства эстетического. К осознанию этого в конце жизни пришел Пушкин («Веленью Божию, о муза, будь послушна...»).

Тут, правда, нужно обязательно оговориться: проблема эта крайне сложна и для любого художника таит в себе массу опасностей и соблазнов. Как уловить, как почувствовать ту тончайшую грань в органическом слиянии эстетического и религиозного чувства, за которой творчество как таковое уступает место морализаторству и назидательности? Об этой грани всегда помнил Достоевский. С этого пути в последнее десятилетие своей жизни сошел Лев Толстой, ударившись в ересь. Эта проблема стала причиной глубочайшего творческого кризиса у Гоголя, который и сгорел между этих двух огней — художественности и морали. Вся жизнь Гоголя — это мучительная борьба между чисто литературными и духовными устремлениями.

И все же. Знать и помнить о главной задаче искусства обязан каждый художник. В искусстве для человека, говорит Гоголь в повести «Портрет», заключен «намеки о божественном, небесном рае». Искусство в понимании Гоголя, как и всё прекрасное в этом мире, — есть отражение небесной гармонии, отблеск небесной красоты. И в то же время «нельзя служить и самому искусству, — как ни прекрасно это служение, — не уразумев его цели высшей и не определив себе, зачем дано нам искусство...» — писал он в статье «В чём же, наконец, существо русской поэзии и в чём ее особенность».

Но вот духовный отец Гоголя протоиерей Матфей Константиновский в беседах с писателем нередко говорил о «злоупотреблении дарованием». Это относилось даже и к Пушкину, у которого

го, по словам о. Матфея, «много хорошего, но много и греховного». По свидетельству современников, отец Матфей потребовал от Гоголя отречения от литературы и даже от Пушкина, дабы не соблазнять людей ложными путями к Истине под видом псевдохудожественности, так как истинная художественность исходит только из глубоко верующего сердца».

Сказано это было, повторяю, 10 лет назад во вступлении к статье, написанной по поводу двух поэм Юрия Кузнецова «Путь Христа» и «Сошествие в ад». И не только сказано, но и опубликовано в газете «Российский писатель». Однако на сказанное очень многие литераторы не обратили внимания, а обратившие внимание постарались не придать ему никакого значения и быстренько про сказанное забыть. Потому что иначе нужно было поставить под сомнение абсолютно всю их «творческую» деятельность — как прошлую, так и будущую, и потому что иначе нужно было выбросить в мусоропровод 90% всей написанной в XX веке литературной критики. А сделать это, как все понимают, почти невозможно или неимоверно трудно.

10 лет я думал: неужели никто из русских мыслителей и русских писателей нашего времени не коснется этой крайне важной, хоть и опасной темы? Нет, не коснулись и постарались не заметить этих моих десятилетней давности статей «Без Божества» и «Во имя Истины» — даже те, кто неустанно твердил о великой духовности русской литературы, те, кто бесконечно подчеркивал свою приверженность к Православию и любовь к Богу. А ведь и правда, тема эта для них была опасна. Их «любовь к Богу» не подтверждалась делами.

Что такое Истина? Это Христос. Православный человек должен принимать это как беспрекословный закон, как неоспоримую аксиому. Если он этого не принимает как закон и начинает по поводу сказанного разглагольствовать и словоблудствовать, значит, он не православный и не христианин. Среди русских полным-полно неверующих, и с ними вообще невозможно вести серьезных разговоров. Речь идет о тех, кто искренне называет себя верующим православным человеком. Тем более человеком творческим.

Без Христа любовь, красота, добро становятся своей противоположностью.

«...Высшая цель поэзии, — писал я в статье «Без Божества», — не эффектная строчка, не звучная фраза, не красивая или, наоборот, шокирующая метафора, главное в поэзии, как и в любом жанре творчества, — дух Истины, исходящий из созданного произведения, основанный на сознании художником правдивости, высшей подлинности того смысла

слов, который он, автор, содержит в своем сердце и стремится донести до сознания других людей. То есть, проще говоря, истинный талант никогда не опускается до ложных смыслов и лживых фантазий, до любой, какой бы она ни была красивой и эффектной, неправды». И далее: «...Когда в сердце поэта живет Бог, тогда и не может быть неправды в его творчестве, тогда он и не станет никогда плутать в дебрях ничемной ереси, какой бы «поэтически» впечатляющей она ни казалась. Но если Бога в сердце нет или почти нет (и значит, нет ощущения Истины и стремления к Ней), то все, что этот автор делает в стихах, — претенциозные словесные игры в расчете на такие же слабоверующие души и поверхностных, духовно необразованных «критиков». Необразованных — в том смысле, что не имеющих в себе Образа Божьего».

Большинство пишущих людей, из ныне живущих, вообще над этой дилеммой никогда в жизни не задумывались. Писали и продолжают писать, как в советское время учили: главное, чтобы было оригинально, «непохоже» ни на кого другого, интересно и не шаблонно, о чём бы ни шла речь в литературном произведении. И еще желательно — чтобы «жизненно», хоть и не обязательно. В принципе, так и должно быть. Но этим и ограничивались. И очень редко кто понимал, что это — лишь частичное условие творческого процесса. Однако почти вся советская литература являла собой отражение этого частичного, и по большому счету, не важнейшего условия литературного поприща. Да, советская литература стала концентрированным, ярчайшим выражением этой «оригинальной», «жизненной», в самом деле интересной, даже захватывающей *отрицательной* творческой работы. (Бесспорно, были прекрасные исключения. И они не могли не быть.) Термином «*отрицательная*» подобная литература названа Иоанном Кронштадским еще тогда, когда не существовало никакой «советской литературы». То есть речь идет вовсе не о прямолинейном отрицании Бога, Христа или веры как таковой. Речь идет о незнании, пренебрежении, а часто и отвержении высшего смысла и главной цели любого творчества.

Вот что было сказано мной 10 лет назад в статье «Во имя Истины»: «Современная литература, как и сопутствующая ей критика, блуждающие в потемках греховной жизни, к нашему общему несчастью, давно утратили традиционное религиозное самосознание, которое в прежние времена сдерживало творческую личность от гордыни и самоупоения. Теперь во главу угла в писательской работе поставлена «свобода творчества», и именно такой подход к литературной деятельности, именно такой взгляд на искусство вот уже более

века считаются в творческом окружении наиболее перспективными и единственно верными. Но «свободное творчество» — это «творчество», освобожденное от Творца. Многие литераторы забыли, а кто-то и понятия не имеет, даже слушать не желает, что существует и всегда существовала литература другая — духовная, открытая горнему свету и прозревающая высшую Истину».

Читайте Гоголя, Достоевского, Аксакова, Лескова... Читайте Ивана Шмелёва. Читайте Лермонтова, наконец:

*Когда волнуется желтеющая нива,
И свежий лес шумит при звуке ветерка,
И прячется в саду малиновая слива
Под тенью сладостной зеленого листка;
Когда, росой обрызганный душистой,
Румяным вечером иль утра в час златой
Из-под куста мне ландыш серебристый
Приветливо кивает головой;
Когда студёный ключ играет по оврагу
И, погружая мысль в какой-то смутный сон,
Лепечет мне таинственную сагу
Про мирный край, откуда мчится он,
Тогда смиряется души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челе,
И счастье я могу постигнуть на земле,
И в небесах я вижу Бога...*

А это еще одна цитата из статьи «Без Божества»:

«Когда становится скучно среди земных проблем, когда кажется, что уже всё и обо всём сказано, тогда неудовлетворенная потребность к сочинительству толкает некоторых горделивых авторов к чему-нибудь необычайно заманчивому и таинственному. Большинству серьезных писателей для самовыражения обычно хватало земных, человеческих тем, но непомерные амбиции, подкрепленные высоким признанием «ценителей искусства», так и толкают отдельных слишком честолюбивых «художников» поиграть в «творческие» игры как с дьяволом, так и с Богом. К тому же дьявол сам то и дело выбирает и соблазняет этих гордецов замануться на что-нибудь подобное. И тогда обласканный «ценителями» автор берет в Иностранной комиссии Союза писателей командировку, чтобы пройти «путем Христа», а затем — заодно с распятым на Кресте Божьим Сыном — по-дружески побывать в «аду». Но что ему на этом «пути на Голгофу» и в этом «сошествии в ад» придет в голову, одному дьяволу известно. Неудовлетворенный

стихотворческий зуд в подобных случаях, как правило, приводит к таким «поэтическим открытиям», «откровениям» и «прозрениям», рядом с которыми Апокалипсис Иоанна Богослова покажется легкой шалостью впечатлительного ума... Стихотворно, и, главное, «мастерски» оформленные, эти «открытия» затем, скорее всего, будут удостоены престижной литературной премии... Жаль только такой незначительной малости для «художника»: отягощенной дьявольским соблазном души. Да и денежки-то на премию в таких случаях подбрасываются все тем же вездесущим персонажем...

«Встань и сияй надо мною, звезда Вифлеема!» — отчеканит в начале своей поэмы наш горделивый автор. Кто-то из его «ценителей» наверняка отметит: как здорово сказано! такого еще не было в русской поэзии! Оно и правда: откуда этим обожателям «самобытного таланта» знать и как им догадаться, что звезда Вифлеема может сиять только над Христом и больше ни над кем?»

«В Евангелиях поэзии мало», — скажет наш поэт, автор двух т.н. «христианских» поэм в беседе с критиком — главредом «Дня литературы» 10 лет назад (2003, №33), мотивируя этим умозаключением свою попытку написать собственное, с избытком поэзии, «Евангелие». «Ленин и Сталин политики, а политикам одна дорога — в ад», — откроет поэт Кузнецов еще одну свою «истину» внимающему критику, который молча с этим согласится. И вслед за поэтом нам, согласившимся с ним (а ведь согласились очень многие!), останется только заполнить этот придуманный ад всеми русскими царями и святыми равноапостольными князьями — Владимиром Святославичем, Александром Невским и Дмитрием Донским. Ведь все они были политиками...

«Поэт всегда прав», — самоуверенно отчеканит автор поэм о Христе. И в этом утверждении обозначится уже не просто отсутствие Творца в сердце автора, здесь с хладнокровной откровенностью проявится культ этой самой отрицательной литературы и даже более того — культ, обожествление самого себя. Человек не может быть всегда прав, кем бы он ни был. «Я всегда прав» — это горделивая самоуверенность сверхчеловека. А гордый ум, гордыня — это еще один признак отрицательной литературы.

Главред «Дня литературы», увлекшийся многозначительностью той беседы и не желающий снижать ее пафоса, задаст вопрос в русле кузнецовского «жанра»: «Считаешь ли ты, что тебе дана воля свыше на эту поэму?» И наш «всегда правый поэт» с угрюмой серьезностью ответит: «Выходит, дана».

Тогда, 10 лет назад, никто из кузнецовских апологетов в этом месте даже не усмехнулся... Эпидемия отрицательного «творчества», захватившая пишущую братию чуть ли не по-

головно, в начале XXI века всё еще была сильна и более того — принималась ими как нечто благостное, необходимое и высокохудожественное... Однако выздоровление, пусть с трудом, со скрипом, но уже происходит.

Истинная культура имеет религиозную основу. Образованные люди это знают и понимают. Всё иное, не укладывающееся в данное понимание, имеет отрицательный, внекультурный, разрушительный смысл. А точнее говоря — вообще не имеет смысла. Эстетическое чувство для того и дано человеку, чтобы воспринять, увидеть красоту мира, созданного Творцом, чтобы понять совершенство, глубину и смысл жизни, подаренной нам Богом. А творческий талант, дар искусства дается нам, чтобы запечатлеть, восславить, раскрыть это Божественное творение и неисчерпаемые тайны жизни. Человек — высший акт Божественного творчества, и мир создан Творцом для человека. Эти простые истины были известны человечеству по меньшей мере 75 веков. Свой взгляд в трудные минуты, свой внутренний голос и свой творческий, а на самом деле, *молитвенный* дар человек всегда направлял к небу, к Создателю мира и жизни. И только в последние сто лет он вздумал «освободиться» от Творца и более того — сам захотел стать человекобогом или сверхчеловеком. Он решил изменить природу — и окружающего мира, и свою собственную. Он попытался исказить Божественный кодекс жизни — данные нам свыше нравственные законы.

В XX веке работники сферы искусств и деятели новой «культуры», как в России, так и на Западе, вслед за коммунистическими и демократическими идеологами решили обойтись без Бога. Целый век люди жили и воспитывались в атмосфере *отрицательной* «культуры». Именно в этом веке человеческая цивилизация произвела колоссальный рывок вперед в области научно-технического прогресса. И именно в этом веке были самые страшные, самые разрушительные войны. А культура, искусство, художественное творчество в сравнении с предыдущим веком подверглись духовной деградации. Теперь уже многим стало ясно, что на службе искусственных, обезбоженных идеологий творчество утрачивает свою изначальную духовную основу. Этот век воочию показал, что при отсутствии Бога в своей внутренней сущности искусство и культура — угасают.

Но инерция сильна. И мы еще долго будем соревноваться в погоне за оригинальностью и «новизной» неожиданных фантазий художника. И мы еще долго будем повторять совсем не оригинальные мысли о необходимости в произведениях искусства новых интонаций, стилей, своеобразия языка и других изобразительных средств, начисто забыв о глав-

ном. О том, благодаря чему и для чего мы пришли в этот мир. Так называемые «христианские» поэмы Ю. Кузнецова были возможны только вследствие того, что весь XX век культивировалась *отрицательная* литература. Однако их появление — факт положительный, т.к. они заставили задуматься над затронутой здесь проблемой и заговорить о том, о чём раньше, в прошедшем веке, предпочитали помалкивать.

И в заключение — два абзаца из статьи «Во имя Истины»:

«Когда через две тысячи лет после рождения и воскресения Христа кто-то делает Бога персонажем своих фантастических «произведений», — это и есть грех гордыни. Потому что мы всё время забываем о том, что речь идет о Боге. Это Он однажды всех нас сделал персонажами человеческой истории. И вот теперь мы возомнили себя творцами Бога. Алiterатурные критики с профессиональным знанием своего дела объясняют неразумным читателям, как хорошо, как умело и с какой бездонной глубиной это всё нами придумано. Не случайно же слово «искусство» имеет корень «искус», то есть грех. И чтобы творчество не стало грехом, духовная литература давно ответила на этот вопрос: «Божественная цель слова в писателях... — спасение человеков» (Игнатий Брянчанинов)».

«Хватит нам из возгордившейся литературы делать фетиш. Она принесла людям столько же пользы, сколько и вреда. Нынешнее оголтело безнравственное телевидение — это в большой степени продукт литературы для масс. Потому и погряз мир в разврате и цинизме, что им отвергнуты религиозные постулаты, названные критикой «инквизиторскими». Потому и стало искусство *отрицательным*, что лежат невостребованными книги православных духовных наставников, в которых всё давно сказано просто и ясно: «Талант человеческий, во всей своей силе и несчастной красоте, развился в изображении зла; в изображении добра он вообще слаб, бледен, натянут...» (Игнатий Брянчанинов)».

Критика то и дело пытается раскрыть нам «метафизику» творчества. Можно, конечно, при сильном желании расшифровать, растолмачить в нужном русле любые заумные стихотворные тексты. Но зачем и для чего? Поэзия не нуждается в толмачестве. И если тексты эти нужно расшифровывать, то они — всё, что угодно, только не поэзия. Метафизика не приближает к Истине.

У Василия Розанова есть фраза: «Россию сгубила литература». Это в значительной степени верно. Нужно только уточнить, **какая** литература.